АМФИТЕАТРОВЪ

КАЗАРКА

UNIVERSITY
LIBRARIES

Княжна.

Романъ-хроника.

Современная библіотека.

Отдѣльныя произведенія выдающихся
русскихъ и иностранныхъ писателей
въ области изящной литературы.

Въ эту серію вошли слѣдующія произведенія:

I.

А. В. Амфитеатровъ: *Княжна,* романъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Жаръ-цвѣтъ,* романъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Отравленная совѣсть,* романъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Бабы и дамы.*
Леонидъ Андреевъ: *Разсказы, очерки, статьи.*
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Цари биржи,* романъ.
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Сторожевые огни,* ром.
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Впередъ,* романъ.
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Кулисы,* романъ.
П. Я. Якубовичъ-Мельшинъ: *Стихотворенія, т. I* и *II.*
В. Г. Танъ: *Стихотворенія.*
Д. С. Мережковскій: *Собраніе стиховъ.*
Семенъ Юшкевичъ: *Комедія брака.*
Семенъ Юшкевичъ: *Похожденія Леона Дрея. — Хаимка и Іоська. — Ѣдутъ. — Семья.*
О. Н. Ольнемъ: *Безъ иллюзій.*
Иванъ Рукавишниковъ: *Стихотворенія и проза.*

II.

Леонидъ Андреевъ: *Анфиса,* пьеса.
Леонидъ Андреевъ: *Черныя маски,* пьеса.
Леонидъ Андреевъ: *Анатема,* пьеса.
Борисъ Лазаревскій: *Дѣвушки,* пьеса.
В. Г. Танъ: *Жертва дракона,* романъ.
К. Д. Бальмонтъ: *Изъ чужеземныхъ поэтовъ,* сборн. стиховъ.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Княжна.

Романъ-хроника.

Второе изданіе.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе",
Забалканскій пр., с. д. № 75.
1911.

PG3451
A71A5
1911

Старому товарищу

ВЛАДИМИРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ТИХОНОВУ,

въ память многихъ лѣтъ хорошей дружбы, посвящаю этотъ томъ.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

Марта, 15/2, 1910.
Cavi di Lavagna.

M M

Отъ автора.

Въ составъ хроники „Княжна“ включенъ цѣлый рядъ относящихся къ ней предварительныхъ этюдовъ, печатавшихся въ разныхъ изданіяхъ, съ 1889 по 1905-й годъ. Какъ то: „Послѣдышъ“ („Новое Обозрѣніе“, 1889), „Чортушка на Унжѣ“ („Новости Дня“, 1893), „Изъ терема на волю“ („Наблюдатель“, 1896), „Село Радунское“ („Недѣля“, 1899). Второй и третій изъ этихъ этюдовъ послужили мнѣ также матеріаломъ для драмы „Чортушка“, написанной въ 1903 году, но на сцену попавшей, освободясь изъ подъ цензурнаго запрета, только въ 1907.

1910. III. 15.
Cavi di Lavagna.

Ал. А.

Часть первая.

Чортушка на Унжѣ.

I.

На берегу Унжи, въ унылой котловинѣ, окаймленной двадцативерстною полосою дремучаго бора, мѣстами едва проходимаго даже и теперь, послѣ многолѣтней хищнической порубки, лежитъ село Волкояръ, — Радунское то жъ, — отчина и дѣдина князей Радунскихъ. Родословное древо этой старинной фамиліи восходитъ ко временамъ Димитрія Донского: первый изъ Радунскихъ, литовскій выходецъ, сложилъ свою голову на Куликовомъ полѣ. Въ синодикахъ царя Ивана Грознаго упомянуто нѣсколько Радунскихъ, заплатившихъ царю кровью за свою крамолу. Артамонъ Радунскій, воевода Бориса Годунова, передался съ Басмановымъ названному Димитрію. Ивашка — главарь стрѣлецкаго бунта, ярый защитникъ старой вѣры и сторонникъ царевны Софьи Алексѣевны — умеръ подъ пытками въ Преображенскомъ застѣнкѣ, на дыбѣ у князя-кесаря Ромодановскаго. Всѣ Радунскіе — по исторіи и семейнымъ преданіямъ — отличались распутствомъ, дерзкимъ нравомъ и непобѣдимымъ упрямствомъ, но у большинства наслѣдственные пороки въ значительной степени искупались талантливостью, во истину, на всѣ руки. Между Радунскими насчитывалось не мало доблестныхъ воиновъ, хитрыхъ дипломатовъ, но — главное — „случайныхъ людей“ и ловкихъ придворныхъ интригановъ. Въ

дворцовыхъ смутахъ XVIII вѣка они вертѣлись преискусно, всегда держались торжествующей стороны и во-время отступались отъ нея, чуть пошатнется. Меньшикову измѣнили для Долгорукихъ, верховниковъ предали, купленные „Анной, намъ Богомъ данной", съ Волынскимъ разссорились аккуратъ кстати, чтобы попасть въ милость къ Бирону; вмѣстѣ съ Бестужевымъ „поступили, какъ римляне", возведя курляндскаго конюха въ регенты Россійской имперіи, и первые бросились во дворецъ, чтобы припасть къ стопамъ Анны Леопольдовны, какъ скоро Минихъ и Манштейнъ скрутили Бирона. Неистово ругали Радунскіе побѣжденную „курляндскую собаку" и со слезами умиленія клялись въ вѣрности младенцу-императору Ивану Антоновичу, а, между тѣмъ, въ карманахъ у нихъ уже позвякивало золото Де-Ла-Шетарди и шуршали векселя Лестока, — французскій задатокъ за русскую царевну, дары „дщери Петровой", первая плата за близкій „Лизанькинъ переворотъ". Въ „Петербургскомъ дѣйствѣ" 1761 года Радунскіе впервые сплоховали. Отъ Петра Ѳеодоровича они, конечно, отстали, но поздно; Екатерину Алексѣевну, конечно, поддержали, но мѣшкотно, — и оказались ни въ сѣхъ, ни въ тѣхъ. Между ними и милостями царицы-побѣдительницы стѣною стали широкія спины богатырей Орловыхъ. Они, въ качествѣ людей новыхъ, Радунскихъ терпѣть не могли и зорко слѣдили, чтобы не подпустить близко къ трону этотъ боярскій родъ древнихъ кровей съ его старо-московскою надменностью и византійскимъ холопствомъ, славянскою распущенностью и азіатскимъ коварствомъ — родъ свирѣпый, безжалостный, безсовѣстный, предательскій, продажный, неблагодарный. И вотъ мало-по-малу Радунскихъ, какъ людей неуживчивыхъ и „не-

сносныхъ шпыней", оттерли отъ двора соперники, можетъ быть, менѣе ихъ знатные и даровитые, но съ бо̀льшимъ житейскимъ и политическимъ тактомъ. Съ тѣхъ поръ родъ Радунскихъ сталъ падать и, не захудавъ богатствомъ, захудалъ почетомъ и вліяніемъ. Радунскіе не славились ни плодовитостью, ни долголѣтіемъ. Во всей семейной исторіи значился только одинъ бракъ, благословленный четырьмя сыновьями: въ елизаветинскую пору лейбъ-компанецъ Ѳедотъ Никитичъ, княжъ Радунскій, поялъ за себя ея императорскаго величества камеръ-юнгферу, дѣвицу Елизавету Шишлову, изъ смоленскихъ дворянокъ. Но и изъ четырехъ сыновей отъ этого брака двое умерли въ московскую чуму, а выжившіе, Никита и Романъ, въ погонѣ за „случаемъ", стали другъ къ другу въ самыя враждебныя отношенія; въ обществѣ ихъ звали Этеокломъ и Полиникомъ. Потемкинъ, по дальнему родству съ матерью Радунскихъ, Шишловой, имѣлъ кое-какія сношенія съ враждующими братьями и, зная ихъ честолюбіе и способности, обоихъ терпѣть не могъ, обоихъ считалъ вредными и опасными. Онъ дипломатически ласкалъ и того, и другого, но держалъ ихъ между собою на ножахъ: науськивалъ Никиту противъ Романа, а Романа противъ Никиты. Въ 1785 году Никиту проткнулъ на дуэли шпагою проѣзжій авантюристъ — французскій виконтъ, Альсидъ де-ла Нейжъ Ружъ, — и общій голосъ обвинилъ Романа въ смерти брата, которому будто бы пришлось драться не въ честномъ бою, но съ нарочно выписаннымъ изъ Парижа знаменитымъ бреттеромъ по профессіи. Виконта выслали за границу, а князя Романа Ѳедотовича, подъ благовиднымъ предлогомъ, убрали изъ Петербурга — съ порученіемъ чинить розыскъ по раскольничьимъ дѣламъ въ костромскихъ

и ярославскихъ мѣстахъ, гдѣ, кстати, у Радунскихъ были имѣнія. Князь Романъ — человѣкъ дикій нравомъ, но по-своему, тогдашнему, дворянскому, честный, молодой, горячій, къ тому же немного вольнодумецъ, воспитанный на французскихъ идеяхъ о свободѣ совѣсти, почитавшій Вольтера и энциклопедистовъ, — пришелъ въ ужасъ отъ чиновничьяго произвола, мошенничества и взятокъ. Взялся онъ исправлять нравы и, для перваго начала, пригласивъ къ себѣ мѣстный уѣздный судъ in corpore обѣдать въ Волкояръ, — in corpore же высѣкъ гостей на конюшнѣ. А когда исторія огласилась, и пріѣхалъ губернаторъ съ запросомъ о ней, то князь Романъ Ѳедотовичъ не постѣснился разложить и губернатора. Только не на конюшнѣ, а, на сей токмо разъ, чинъ почитая и сана для, въ саду — въ Венеринѣ гротѣ, который съ тѣхъ поръ прослылъ у волкоярцевъ подъ менѣе громкимъ, но болѣе выразительнымъ названіемъ „Поротаго мѣста". Легенда гласитъ, что высѣченный губернаторъ жаловался царицѣ, но премудрая Фелица положила будто бы на жалобу его такую резолюцію:

„Что Радунскіе всѣ отъ рожденія умовредны и имѣютъ духъ ко ирритаціи склонный, о томъ извѣстна давно, чего ради не Радунскаго виновнымъ числю, но себя, зачѣмъ послала бѣшенаго на офицію, спокойства требующую. Радунскаго отъ должности его отрѣшить, съ декларацiей къ сему совершеннаго моего недовольства, а сказать ему жить въ дальнихъ его деревняхъ, которое помѣстье изберетъ и пожелаетъ, а въ столицы въѣзда не имѣть и ко двору не бывать. Губернатору же объявить: не о томъ сожалѣю, что слугу моего наглый человѣкъ въ палки ставилъ, но о томъ скорблю, что имѣла слугу, который мало что допустить сѣчь себя способенъ объ-

явился, но еще, будучи высѣченъ, жалобится и безстыдство спины своея европскому потомству и гишторіи показывать умышляетъ".

Остатокъ жизни Романъ Ѳедотовичъ провелъ, спиваясь съ круга, то въ волкоярской глуши, то — по смерти императрицы Екатерины — на Москвѣ, гдѣ онъ и умеръ въ эпоху отечественной войны — какъ почти всѣ Радунскіе — отъ апоплексическаго удара. Онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ, не въ обычай своего недолговѣчнаго рода. Изъ дѣтей его — старшій сынъ, слабоумный Исидоръ, пошелъ въ монахи, а младшій, князь Юрій Романовичъ, пошумѣлъ таки на своемъ вѣку. Странный и негодный былъ это человѣкъ: врагъ всѣмъ и самому себѣ. Храбрый офицеръ 1905 года, полковой командиръ въ отечественную войну, молодымъ генераломъ возвратился онъ изъ парижскаго похода, и какъ будто обѣщалъ воскресить былую славу и удачу князей Радунскихъ. Но, кокетничая съ дворцовыми конституціоналистами, какъ то прозѣвалъ моментъ, когда вѣтеръ повернулъ на реакцію, и уже очень не полюбился Аракчееву, а тотъ, еели кого не любилъ, то безповоротно: навсегда и съ плотнымъ прижимомъ. Проигравъ военную карьеру, Юрій со злости ударился во фронду. И вотъ онъ — послѣдовательно — мистикъ, масонъ, либералъ, какъ-то сбоку вертится около исторіи въ Семеновскомъ полку, въ перепискѣ съ Николаемъ Тургеневымъ, товарищъ и пріятель заговорщиковъ южной арміи. Въ дѣлѣ 14 декабря Юрій Радунскій ухитрился поставить себя такъ двусмысленно, что затѣмъ Николай Первый держалъ его до конца дней вдали отъ дворца, не пуская ближе Москвы, и въ прозрачной опалѣ, какъ вѣроятнаго, хотя и не уличеннаго, бунтовщика, а декабристы, наобо-

ротъ, подозрѣвали въ немъ правительственнаго шпіона. И обѣ стороны сходились въ единодушномъ согласіи, что князь Юрій Радунскій самый тяжелый и опасный человѣкъ во всей русской знати: и продастъ, и предастъ, и оскорбитъ, и унизитъ — даже не ради какой-либо выгоды, а просто изъ удовольствія предать и унизить, по своей волчьей, злобной душонкѣ. Знаменитый декабристъ Лунинъ дружилъ когда-то, въ Варшавѣ, съ княземъ Юріемъ — и, не выдержавъ, разстался:

— Нехорошо съ тобою, Юшка: жутко! — сказалъ онъ. — Такъ ты золъ и коваренъ, что и не разберешь, чего въ тебѣ больше: звѣря или дьявола. Если мы будемъ вмѣстѣ, одному изъ насъ не сдобровать. Разойдемся-ка лучше по добру по здорову, пока у обоихъ цѣлы головы.

Такой лестной аттестаціи удостоился князь отъ богатыря неизбывной силы, который впослѣдствіи, въ Сибири, полагалъ для себя высшимъ удовольствіемъ одиноко бродить по дѣвственнымъ чащамъ кедровыхъ лѣсовъ, въ надеждѣ помѣряться либо силою съ матерымъ медвѣдемъ, либо удалью и — съ бѣглымъ живорѣзомъ-каторжникомъ.

А переводчикъ Расина, острякъ, вольтерьянецъ и — къ старости, какъ водится, — ханжа, Катенинъ, говорилъ другое:

— Князь Юрій опоздалъ родиться. Ему бы жить въ Италіи при Цезарѣ Борджіи, или во Франціи при Карлѣ IX. Онъ клянется, чтобы измѣнять, и человѣкъ, кромѣ его самого, не дороже для него орѣховой скорлупки. Если онъ улыбается, значитъ, онъ опозорилъ порядочное семейство, поссорилъ двухъ друзей, написалъ анонимное письмо мужу о женѣ или женѣ о мужѣ, сдѣлалъ ловкій доносъ и самъ остался въ сторонѣ, словомъ, отравилъ кому-нибудь существова-

ніе. А, можетъ быть, и впрямь отравилъ кого-нибудь. Если этотъ человѣкъ когда-нибудь заплачетъ, изъ глазъ его польется чистѣйшая aqua tafana.

Въ князѣ Александрѣ Юрьевичѣ Радунскомъ — предпослѣднемъ представителѣ рода, доживавшемъ въ концѣ сороковыхъ и въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ свой сумасбродный вѣкъ въ вотчинѣ на Унжѣ, — какъ будто соединились и вспыхнули послѣднимъ зловѣщимъ пламенемъ догорающаго пожара всѣ хорошія и дурныя качества его предковъ.

Странны и печальны были его отношенія къ отцу. Князь Юрій женился очень молодымъ, въ глухой провинціи, на какой-то казанской или даже касимовской княжнѣ полутатарскаго происхожденія. Бракъ былъ неравный и, по всей вѣроятности, для Радунскаго, не охотный, но вынужденный, потому что, съ точки зрѣнія карьерной, совсѣмъ безполезный и глупый, а съ иныхъ точекъ зрѣнія князь Юрій на свѣтъ смотрѣть не умѣлъ. Капиталовъ большихъ татарская княжна за собою не принесла, — только степная родня, изъ-за Моршанска, пригнала табунъ чудеснѣйшихъ коней. Ихъ кровь, хоть и выродилась въ сѣверномъ лѣсу, до сихъ поръ сказывается: верстъ на сто вокругъ Волкояра крестьянскіе коньки не похожи на обычныхъ крысоподобныхъ клячъ, и — если мужикъ въ средствахъ малость подкормить лошадь, то уже чувствуется въ ней нѣчто отъ степной сивки, бурки, вѣщей каурки — благородная порода, хоть и заѣзженная въ возахъ по ухабамъ, задерганная и захлестанная подъ кнутомъ. Что касается соблазновъ женской привлекательности, то и въ этомъ отношеніи полуазіатская супруга князя Юрія также не являла особо выдающихся красотъ и — кромѣ обычныхъ восточныхъ прелестей, то есть восьмипудовой тучности,

при маленькомъ ростѣ, страсти бѣлиться, покуда лицо не превратится въ неподвижную маску, привычки курить по цѣлымъ днямъ, не выпуская трубки изо рта, и готовности отдаваться когда и гдѣ угодно и рѣшительно всякому мужчинѣ, который охочъ взять, — никакими другими чарами не обладала. Напротивъ — была лѣнива до того, что по недѣлямъ не давалась дѣвкамъ волосы расчесать, неопрятнѣйшая неумойка и превздорнаго нрава. Съ первыхъ же дней брака, князь Юрій возненавидѣлъ жену пуще, чѣмъ собака кошку, и до конца дней ея — татарская княжна оказалась тоже подъ руку мужу, звѣркомъ съ острыми когтями и зубами! — грызся съ нею не на жизнь, а на смерть. Супружеская жизнь ихъ вся, изо дня въ день и изъ года въ годъ, проходила въ томъ, что они — безъ любви, безъ ревности, безъ взаимоуваженія, а просто по обоюдной злобѣ и страсти къ скандалу — ловили другъ друга на мѣстѣ любовныхъ преступленій. При чемъ — будто бы — сколь ни прытокъ былъ по этой части князь Юрій, но за супругою не успѣвалъ, ибо та въ увлеченіяхъ своихъ бывала, по нуждѣ, и демократкою: на столько, что при случаѣ, за неимѣніемъ лучшаго выбора, счастливила своею любовью даже, состоящихъ при трубкахъ, подростковъ-казачковъ.

Однажды лѣтомъ, въ Волкоярѣ, княгиня, покушавъ за ужиномъ грибковъ, въ ночь заболѣла и преставилась въ одночасье. Преданіе увѣряетъ, якобы въ предсмертныхъ мукахъ, свиваясь клубкомъ въ лютыхъ корчахъ, вопіяла она на трехъ языкахъ одно и то же — по-русски, по-французски и по-татарски:

— Окормилъ, злодѣй, окормилъ!

Супругъ же, стоя около смертнаго одра, строилъ умирающей бѣсовскія рожи и приговаривалъ:

— Анъ, врешь! Сама хотѣла, да не успѣла.. докажи! Врешь! Сама хотѣла, да не успѣла... докажи!

Похоронивъ жену, князь Юрій принялся воевать съ своимъ единственнымъ сыномъ, княземъ Александромъ. Отношенія создались прямо таки чудовищныя. Полковникъ Бѣлевцовъ, почтенный человѣкъ изъ послѣднихъ московскихъ масоновъ, пріятель князя Юрія еще въ александровскую эпоху, по первымъ мистическимъ кружкамъ, попробовалъ было, на правахъ старой дружбы, стать примирителемъ между отцомъ и сыномъ.

— За что ты гонишь Александра? — уговаривалъ онъ старика. — За что ожесточаешь его характеръ и лишаешь его главной опоры къ правильной жизни — уваженія къ родителю и преемственной семейной любви?

Князь Юрій оскалился на пріятеля, какъ чортъ какой-нибудь, и обругался сквернымъ словомъ:

— За то, что вы.....къ.

— Опомнись, Юрій! Что за мерзость? Какія основанія ты имѣешь утверждать подобную клевету?

— Мать шлюха была!

— О покойной княгинѣ не могу судить, такъ какъ не имѣлъ удовольствія знать ее. Но общее мнѣніе таково, что ты самъ же развратилъ ее праздностью и примѣрами твоего собственнаго поведенія. А — что Александръ есть подлинно твой сынъ, то вся его фигура обличаетъ. Вѣдь онъ твой живой портретъ. Когда вы вмѣстѣ въ одномъ обществѣ находитесь, васъ только снѣга твоихъ сѣдинъ и розы его юности различаютъ.

Князь Юрій нетерпѣливо оборвалъ:

— Да, почемъ ты знаешь? Можетъ быть, именно это-то мнѣ въ немъ и противно?

— Не понимаю.

— Онъ — извергъ! смѣшеніе естества! Развѣ легко мнѣ видѣть: рожа — моя, а сердце — татарское?

— Можетъ ли сынъ отвѣтствовать предъ отцомъ за націю своей матери? Не его воля была отъ татарки родиться, но твоя — татарку въ супружество взять.

Но князь Юрій топалъ ногами и вопилъ:

— Она тварь была! Вѣдьма! Проклятая татарская вѣдьма! Если бы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ее бы надо было въ срубѣ сжечь! Къ ней огненный змѣй леталъ! Онъ мою форму укралъ! Змѣиное отродье: форма моя, а душа змѣиная...

Лицо старика багровѣло, шея напрягалась жилами, руки тряслись и прыгали пальцами въ воздухѣ, не управляя движеніями, синія губы вскипѣли слюною: вотъ-вотъ хватитъ параличъ.

Посмотрѣлъ Бѣлевцовъ, отступился.

— Совершенно ты рехнулся, князь Юрій. И впрямь время тебя въ опеку взять. Нехорошо, когда на чердакѣ такъ нездорово. Съ чердаковъ пожары начинаются. Уже зазорнымъ сказкамъ вѣру даешь, кои нынѣ и деревенская баба, которая поумнѣе, повторять стыдится.

— А ты въ Бога не вѣришь! Надъ Богородицей смѣешься! „Орлеанскую Пюсельку“, поганецъ, наизусть читаешь! Молодого вертопраха и аѳея Сашки Пушкина кощунственные стихи въ тетрадь переписалъ и таишь! Я на тебя митрополиту донесу! Ты церковнаго покаянія достоинъ! Я шефу жандармовъ напишу! Это все германская тлетворная философія дѣйствуетъ и французская ересь!

Плюнулъ Бѣлевцовъ. Разлетѣлась врозь чуть не сорокалѣтняя дружба.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, князя Александра — блестящаго гвардейскаго офицера — выслали изъ Петербурга за крупный скандалъ, устроенный имъ въ компаніи съ прославленнымъ Булгаковымъ. Что̀ именно они натворили, — забылось. Не то похитили воспитанницу изъ театральнаго училища, пользовавшуюся чьимъ-то высокимъ покровительствомъ, не то подвѣсили къ фонарю, за фалды мундира, частнаго пристава. Булгаковъ, какъ любимецъ великаго князя Михаила Павловича, уцѣлѣлъ, а Радунскій улетѣлъ на Кавказъ. Одни говорили, будто Радунскій самъ напросился на бѣду, чтобы вырваться изъ парадно-бездѣйствующей гвардіи на театръ кавказскихъ битвъ, куда тянули его честолюбіе и страсть къ сильнымъ ощущеніямъ; онъ мечталъ стать военной знаменитостью, какъ Циціановъ, Ермоловъ, Котляревскій. Другіе увѣряли, что все это — выдумки: молодой человѣкъ просто пошалилъ, какъ шалятъ всѣ молодые люди; любящій же родитель обрадовался случаю сбыть съ рукъ ненавистнаго сына и не только не попросилъ, кого слѣдуетъ, о пощадѣ сосланному, но еще самъ раздувалъ въ мнѣніи властей и общества вину его изъ мухи въ слона. Какъ бы то ни было, отецъ и сынъ и разстались, и остались злѣйшими врагами. Лѣтъ сорокъ спустя, князь Дмитрій Александровичъ Радунскій — сынъ князя Александра и внукъ Юрія — нашелъ переписку отца и дѣда, и ужаснулся ихъ взаимной ненависти, доходившей до совсѣмъ одичалаго озлобленія. Кажется, со временъ Ивана Васильевича Грознаго и князя Курбскаго два человѣка не переписывались между собою съ такимъ страстнымъ усердіемъ, съ такою лютою свирѣпостью, съ такимъ пламеннымъ вдохновеніемъ оскорбленій, съ такимъ многорѣчивымъ смакованіемъ взаимныхъ обидъ. Сынъ писалъ:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ я, драгоцѣнный батюшка, что государь императоръ всемилостивѣйше воспротивился вашему любезному намѣренію отдать все имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, на никуда негодныя, хотя и мнящія себя благотворительными, учрежденія и тѣмъ лишить куска хлѣба меня, вашего, къ удовольствію моему, единственнаго сына и наслѣдника. А вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу изъявить вамъ искреннѣйшія поздравленія по поводу заботливости о вашей немощи и годахъ со стороны родственниковъ вашихъ, кои, во избѣжаніе излишняго для васъ утомленія дѣлами, собираются хлопотать о наложеніи на имущество ваше благодѣтельной опеки, въ чемъ сочувствую и душевно благодарствую. Обо мнѣ, конечно, пріятно будетъ вамъ услыхать, что я живъ, совершенно здоровъ, и, сверхъ напутственныхъ ожиданій вашихъ, кавказская лихорадка и пули горцевъ меня милуютъ“.

Отецъ, въ язвительныхъ отвѣтахъ, подписывался: „твердо намѣревающійся пережить тебя, негодяя“, и пугалъ сына намѣреніемъ вторично жениться, а все состояніе отдать дѣтямъ отъ второго брака. И женился бы, да, на счастье князя Александра, обуялся боярскою спесью — все искалъ ровни и, когда наконецъ выбралъ невѣсту, она оказались въ слишкомъ близкомъ родствѣ — двоюродная племянница. Потребовалось синодское разрѣшеніе, и дѣло пошло гулять по секретарямъ консисторій, да митрополичьимъ племянникамъ, а эти господа хлѣбныхъ хлопотъ изъ рукъ скоро не выпускаютъ. Тянули да тянули волокиту, анъ, тѣмъ временемъ, князь Юрій, въ одинъ угрюмый волкоярскій день, получилъ, вмѣсто брачнаго вѣнца, смертный вѣнчикъ на лобъ.

Кавказскій намѣстникъ, полудержавный князь М. С.

Воронцовъ принялъ въ молодомъ Радунскомъ участіе и далъ ему выслужиться подъ командою извѣстнаго Граббе, впослѣдствіи героя злополучной Даргинской экспедиціи. Вскорѣ князь зарекомендовалъ себя съ самой лестной стороны, какъ храбрый, умный, распорядительный офицеръ, — товарищъ знаменитаго „кавказскаго Мюрата", Засса, во всѣхъ его воинственныхъ авантюрахъ. Ему предстояла блестящая карьера. Велъ онъ себя довольно скромно, только игралъ бѣшено — и ходили слухи, будто не совсѣмъ чисто. Оно не удивительно. Будучи не въ силахъ допечь сына съ другихъ сторонъ, князь Юрій творилъ ему всевозможныя денежныя прижимки. Не даромъ же, когда вышелъ въ свѣтъ „Скупой Рыцарь" Пушкина, въ петербургскомъ свѣтѣ хоромъ утверждали, что Баронъ списанъ съ Юрія, а Альбертъ — съ Александра Радунскихъ. Если бы полковникъ Бѣлевцовъ не пригрозилъ старику клятвенно, что доведетъ его маньяческое скряжничество до вѣдома государя, то дряхлѣющій ненавистникъ съ особымъ наслажденіемъ оставилъ бы наслѣдника своего вовсе безъ всякихъ средствъ. — Въ то время играть навѣрняка не считалось въ дворянствѣ дѣломъ предосудительнымъ. Шулеръ лишался чести только, когда попадался съ поличнымъ, а, покуда не пойманъ, не воръ, и быль молодцу не укоръ. Знаменитый Толстой-„Американецъ", тотъ самый, который „въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ и крѣпко на руку нечистъ", металъ банкъ.

— Графъ! Вы передернули! — крикнулъ одинъ изъ понтеровъ.

— Знаю, — возразилъ Толстой, — но терпѣть не могу, когда мнѣ объ этомъ говорятъ!

И швырнулъ карты въ лицо понтера.

Многіе годы князь Александръ существовалъ исключительно игрою и долгами подъ будущее родительское наслѣдство, платя столь чудовищные проценты, что даже сами ростовщики совѣстились признаваться. Однако, игрокомъ по натурѣ онъ не былъ. Настолько, что по смерти отца — словно отрѣзало: никогда уже не бралъ картъ въ руки иначе, какъ для домашней коммерческой игры. Тогда обнаружилось, что и военный онъ не по призванію, а только по неволѣ. Едва свалился князь Юрій отъ апоплексическаго удара, наслѣдникъ огромныхъ денегъ и имѣній запросился въ отставку, оправдываясь необходимостью устроить широкія, но расшатанныя фамильныя дѣла. Не удалось. Императоръ Николай, который „холодно благоволилъ" къ Радонскому-сыну, — хоть и сослалъ его на Кавказъ, но вѣдь это въ то время почиталось острасткою, а не опалою, — благоволилъ именно потому, что не любилъ и подозрѣвалъ Радунскаго - отца, — отвергъ отставку и выразилъ неудовольствіе. Нечего дѣлать, князь Александръ остался въ мундирѣ, но подставлять лобъ свой подъ черкесскія пули долѣе не пожелалъ и, не безъ большихъ затратъ и хлопотъ для себя, перевелся въ Елисаветградъ — въ николаевскія времена, чуть не столичный городъ русскаго военнаго міра. Здѣсь-то вотъ Радунскій разошелся уже во всю и впервые показалъ себя въ полную величину, каковъ онъ, голубчикъ! Въ качествѣ новаго человѣка, да еще кавказскаго героя, онъ сперва очаровалъ мѣстное общество. О таинственной исторіи его кавказской ссылки, о трагической враждѣ съ отцомъ, о львиной храбрости, возвратившей ему чинъ и давшей крестъ, ходили самые романическіе слухи. Дамы, напитанныя Марлинскимъ, бредили княземъ: онъ казался имъ моднымъ въ то время

„сыномъ судьбы“ — Аммалатъ-Бекомъ, Мулла-Нуромъ. Всѣхъ красивѣй, всѣхъ богаче, самый дерзкій, самый пьяный изъ всего офицерства, самый остроумный и вкрадчиво ласковый, когда того хотѣлъ, — онъ царилъ надъ мѣстнымъ обществомъ. Не хватало лишь Лепорелло, чтобы подсчитывать за новѣйшимъ Донъ-Жуаномъ его побѣды. Князю нравилась репутація рокового человѣка, и онъ дѣлалъ тысячи глупостей, чтобы поддержать ее. Типъ Печорина тогда уже народился; щегольство безсердечіемъ на показъ входило въ моду; а у князя Александра и не на показъ было его достаточно. Онъ губилъ женскія репутаціи съ такимъ же равнодушіемъ, какъ застрѣлилъ однажды на всемъ скаку свою любимую лошадь за то, что та шарахнулась отъ барьера...

На Кавказѣ Радунскій былъ хорошо знакомъ и съ Бестужевымъ, который былъ много старше его, и съ Лермонтовымъ, который былъ значительно моложе. Впослѣдствіи, когда легенды о немъ еще живы были въ Елисаветградѣ, а уже вышелъ въ свѣтъ „Герой нашего времени“, мѣстное общество, въ особенности дамы, и вѣрить не хотѣло, чтобы Печоринъ былъ списанъ не съ князя Александра Радунскаго. Но, въ дѣйствительности, прослыть за оригиналъ Печорина князь Александръ могъ только въ невзыскательной провинціи. Кавказъ и захолустная полковая служба не прошли даромъ бывшему льву столичнаго свѣта. Онъ огрубѣлъ, обурбонился и, въ мрачномъ фатовствѣ своемъ, былъ бы достаточно пошлъ и смѣшонъ, если бы не таилъ въ себѣ, подъ спудомъ, опаснаго татарина и — порою — на чистоту — дикаго звѣря.

— Мой отецъ, — говорилъ онъ пріятелямъ, за звѣрскимъ пуншемъ, кутаясь въ огненно-желтый бухарскій халатъ, въ облакахъ благовоннѣйшаго табач-

наго дыма, какъ адскій духъ какой-нибудь, освѣщаясь тлѣніемъ пыхающей трубки, — мой отецъ не хотѣлъ признавать меня сыномъ. Онъ вѣрилъ, что я порожденіе демона, могучаго и страшнаго огненнаго змѣя. Сожалѣю, что басня, и радъ былъ бы, если бы это было такъ. За исключеніемъ выгодъ по состоянію, совсѣмъ не лестно чувствовать въ своихъ жилахъ кровь такого господинчика, каковъ былъ мой покойный родитель, князь Юрій. Мнѣ чужда мелкая злоба его человѣческой низости. Я могу быть преступенъ и развратенъ, но я — наслѣдникъ великой и грозной стихійной души, сотканной изъ мучительнаго огня. На днѣ души моей клокочутъ, какъ смолы ада, страсти, недоступныя пониманію обыкновенныхъ смертныхъ. Слыхали вы „Роберта Дьявола"? Увы! Вотъ мой портретъ.

И — красивый, мрачный, съ роковымъ взоромъ, взятымъ на прокатъ у героевъ Байрона, — князь Александръ, хмурясь, ерошилъ волосы, какъ актеръ Голландъ, знаменитый въ роли Роберта.

Особенно радушно князь былъ принятъ у богатаго мѣстнаго помѣщика — овцевода Тригоннаго. Въ одну изъ дочерей послѣдняго, Анну, князь влюбился, понравился дѣвушкѣ, сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе.

Свадьба была объявлена; товарищи потребовали отъ князя мальчишника. Друзей среди товарищей-офицеровъ у князя не было, но пріятелей и собутыльниковъ — весь полкъ. Ближайшимъ считался корнетъ Розанчукъ-Ховальскій, малый добродушный и недалекій, за неимѣніемъ другихъ достоинствъ весь ушедшій въ ухарское щегольство выпивкой и буйствомъ, — одинъ изъ послѣднихъ носителей традицій „Бурцева, ёры-забіяки". Князь забавлялся Ро-

занчукомъ, но Розанчукъ къ нему привязался искренно, наивно видя въ немъ идеалъ столичнаго гвардейскаго тона, по которому безнадежно вздыхалъ онъ — темный провинціальный армеецъ. Онъ подражалъ Радунскому въ манерахъ, прическѣ, разговорѣ, повторялъ его остроты, старался перенять даже звукъ его голоса, — и порою смѣшилъ князя, порою злилъ его до грубостей: вѣдь, надоѣстъ же видѣть вѣчно бокъ-о-бокъ съ собою свою собственную карикатуру! Въ компаніи съ Розанчукомъ этимъ Радунскій продѣлывалъ штуки невообразимыя. Однажды они, какъ ни въ чемъ не бывало, явились, этакъ уже за полночь, на балъ въ совершенно незнакомый имъ, весьма вельможный магнатскій домъ. Вошли. Всеобщее недоумѣніе. Князь ведетъ Розанчука прямо къ прекрасной хозяйкѣ дома.

— Позвольте представить вамъ моего друга и товарища, корнета Розанчука-Ховальскаго.

Дама вспыхнула.

— Милостивый государь! прежде, чѣмъ представлять другихъ, вамъ самому надо быть мнѣ представленнымъ.

— Совсѣмъ не надо, — успокоительно возразилъ князь. — Я, вѣдь, вашего знакомства не ищу и сейчасъ же уѣду домой. А Розанчукъ въ васъ влюбленъ, и ему хочется остаться у васъ на балу. Прошу любить и жаловать. Не судите его по наружности: отличный малый и совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется, — гораздо глупѣе!

На помощь растерявшейся дамѣ прибѣжалъ изъ карточной комнаты мужъ ея, шестидесятилѣтній старичокъ въ серебряныхъ сѣдинахъ. Радунскій пріятно улыбнулся ему навстрѣчу.

— Это вашъ супругъ? Какой бѣленькій!

И погладилъ старца по головѣ. Тотъ отъ изумленія и негодованія обратился въ столбъ соляной, а офицеры, тѣмъ временемъ, вышли. Въ дверяхъ Радунскій обернулся, оглядѣлъ озадаченное общество въ стеклышко и пожалъ плечами.

— Какая шваль, однако! Розанчукъ! Ты положительно былъ бы здѣсь единственнымъ порядочнымъ человѣкомъ... Chère dame! Зачѣмъ вы принимаете у себя такую мелюзгу?

Захохотали, — прыгнули въ сѣдла, — ускакали.

Дѣло было въ польскомъ домѣ... послѣ 1831 г. напрасно было и жаловаться!

Мальчишникъ удался на славу. Шелъ пиръ горой.

— Эхъ, князь! — сказалъ Розанчукъ, когда всѣ уже порядкомъ подвыпили, — жаль мнѣ тебя! Хорошій ты парень: выпить ли, протанцовать ли мазурку, бабенку ли увезти, оттрепать ли жида за пейсы, выкупать ли штафирку въ дегтярной бочкѣ — на все тебя взять. Для товарищества ты — червонное золото: первый человѣкъ, душа общества!.. А теперь — ау, братъ! Шабашъ тебѣ: нашего полку убыло. Женишься — перемѣнишься. Отрѣзанный ломоть!

Князь бытъ пьянъ. Вино дѣйствовало на него скверно. Совершенно трезвый на видъ, онъ помрачался разумомъ — становился дерзокъ, жестокъ, начиналъ хвастать и лгать безъ всякаго смысла. Онъ смѣрялъ Розанчука злыми глазами съ головы до ногъ и возразилъ ледянымъ тономъ:

— А кто тебѣ сказалъ, что я женюсь?

— Какъ кто?

Князь, зѣвая, продолжалъ:

— Неужели ты, мой умница, могъ такой безсмыслицѣ повѣрить? Я — женихъ?! Ну, погляди, Розанчукъ: похоже ли это на меня?

Розанчукъ вытаращилъ глаза.

— Однако, позволь, князь... Твой мальчишникъ.

— Чепуха! Мальчишникъ былъ, а дѣвичника не будетъ.

— То есть... какъ же это понимать?

— А вотъ, какъ сказано, такъ и понимай.

Розанчукъ совсѣмъ опѣшилъ.

— Чортъ знаетъ, что ты плетешь, князинька!

Офицерство стало прислушиваться. Радунскій замѣтилъ, и его разобрала еще большая охота ломаться.

— Господа, — небрежно продолжалъ князь, — извините меня за мистификацію. Я пригласилъ васъ, думая проститься съ холостою жизнью, но волею судебъ мой мальчишникъ обратился въ простую дружескую пирушку. Я раздумалъ жениться на Аннѣ Тригонной.

Всеобщій ропотъ встрѣтилъ это неожиданное заявленіе.

— Это странно. Объяснитесь князь! — возвысилъ голосъ сѣдоусый ротмистръ Даннеброгъ. — Мы, офицерство, всѣ считаемъ Анну Тригонную за хорошую дѣвушку; именемъ и сердцемъ ея играть постыдно.

Радунскій не терпѣлъ противорѣчій. Кровь бросилась ему въ голову. Наслѣдственное упрямство стало на дыбы.

— Я не считаю себя обязаннымъ кому бы то ни было отчетомъ въ своихъ поступкахъ! — гордо возразилъ князь, — но такъ и быть... по товариществу... объяснюсь. Видите ли, господа, мой взглядъ таковъ: если женщина нравится, позволительно всякое средство, чтобы добиться обладанія ею. Аннѣ я принужденъ былъ пообѣщать жениться на ней... Теперь я

нахожу, что она вовсе не такъ интересна, какъ кажется на первый взглядъ, и... беру назадъ свое слово...

Представьте себѣ: у нея подъ лѣвою грудью — родимое пятно, — совершенный паукъ и притомъ мохнатый.

— Князь, полно вамъ! — раздались голоса, — такія слова даже въ шутку нехорошо говорить офицеру...

— Князинька, душенька! — уговаривалъ Радунскаго Розанчукъ, — опамятуйся, не мели пустого... Ну, залилъ лишнее за галстукъ, — бываетъ; языкъ болтаетъ — голова не знаетъ...

Но князю уже „стукнуло въ голову". Зачѣмъ и какъ, минуту тому назадъ, сорвалось у него съ хмѣльного языка глупое хвастовство небывальщиною, — онъ самъ не зналъ. Но теперь на него „нашелъ бычокъ". Онъ молчалъ и вызывающимъ взглядомъ смотрѣлъ на товарищей. Наступила минута тяжелаго затишья. Старикъ Даннеброгъ всталъ изъ-за стола, взялъ фуражку и саблю, и вышелъ изъ квартиры Радунскаго, не поклонившись хозяину.

Ротмистръ трижды на своемъ вѣку былъ разжалованъ за дѣла чести и трижды выслуживался; онъ былъ авторитетомъ рыцарства въ офицерскомъ кругу. Гости неудачнаго мальчишника поднялись за нимъ, какъ пчелиный рой за маткою. Даже Розанчукъ ушелъ.

Проспавшись, князь припомнилъ вчерашнее и понялъ, что его фарсъ совсѣмъ неожиданно перешелъ въ драму. Онъ легко могъ бы извиниться, свалить все дѣло на вино, какъ указывалъ ему выходъ Розанчукъ. Но...

— У князей Радунскихъ — одно слово! — говорилъ онъ.—Радунскіе ничего не боятся и никогда не лгутъ. Сказалъ, что не хочу жениться, и не женюсь.

Нѣсколько дней ждали, что князь опамятуется, но, вмѣсто того, услыхали, что онъ, дѣйствительно, послалъ Аннѣ Тригонной категорическій отказъ отъ руки ея, притомъ въ формѣ самой грубой, вызывающей, безжалостной, такъ что бѣдная дѣвушка чуть не умерла съ горя, а старикъ Тригонный бродитъ самъ не свой и, того гляди, его параличъ разобьетъ. Тогда князь получилъ приглашеніе на товарищескій судъ.

— Я подалъ въ отставку, господа! — было его первымъ словомъ.—И такъ подалъ, что, увѣренъ, на этотъ разъ государь не захочетъ удерживать меня на службѣ. Желаю воспользоваться „вольностью дворянства". А покуда представилъ рапортъ о болѣзни. Ѣду въ отпускъ въ собственныя помѣстья... по спѣшнымъ дѣламъ...

— Мы ужъ знаемъ все это. Прекрасно поступили, — холодно возразилъ Даннеброгъ, — полкъ долженъ благодарить васъ за то, что вы имѣете тактъ снять съ себя его честный мундиръ. Но отставкой исторія не кончается. Опозоренная вами дѣвушка не имѣетъ защитниковъ, кромѣ старика-отца, а онъ — человѣкъ дряхлый, хилый, немощный: ему съ вами не равняться. Поэтому мы, офицерство... ...скаго полка, беремъ Анну Тригонную подъ свое покровительство и приказываемъ вамъ... слышите ли, князь? не просимъ, а приказываемъ... поправить свою ошибку и взять жену изъ-подъ обезчещеннаго вами крова. Иначе...

— Иначе? — презрительно засмѣялся Радунскій, блѣднѣя отъ гнѣва.

— Мы уже бросили жребій, кому — въ случаѣ вашего отказа — стрѣляться съ вами...

Даннеброгъ указалъ на смущеннаго Розанчука.

— Розанчукъ?!. — изумленно воскликнулъ Радунскій. — Но это будетъ убійство: я пулю на пулю сажаю, а онъ въ десяти шагахъ дѣлаетъ промахи по бутылкѣ... Хорошъ вашъ выборъ. Лучше-то никого не нашлось? Пиши завѣщаніе, Розанчукъ: ты уже покойникъ!

Розанчукъ поблѣднѣлъ.

— Убьете меня, — глухо сказалъ онъ, — съ вами будутъ драться мои секунданты... убьете ихъ, — васъ поставятъ къ барьеру ихъ секунданты... весь полкъ не перестрѣляете; найдете и вы свою судьбу.

Даннеброгъ подтвердилъ:

— Мы всѣ будемъ поочередно драться съ вами, и суди насъ Богъ и Государь.

Несмотря на всю свою безумную дерзость, князь потерялся. Онъ, шатаясь, вышелъ изъ засѣданія суда чести; воротясь домой, избилъ въ кровь своего денщика, переколотилъ всю посуду и рыдалъ, какъ ребенокъ, отъ злости.

— Мнѣ приказывать! Радунскому приказывать! — кричалъ онъ, то бѣгая изъ угла въ уголъ по своей квартирѣ, то падая на кровать и кусая подушки, чтобы заглушить истерическія рыданія. О повиновеніи приговору товарищей онъ, разумѣется, не думалъ. Отъ одной мысли о томъ волосы вставали дыбомъ и кровавые мальчики прыгали въ глазахъ! Скорѣе онъ, въ самомъ дѣлѣ, вышелъ бы на дуэль со всѣмъ офицерствомъ ...скаго полка, а, пожалуй, хоть и всего Елисаветграда. Умереть подъ товарищескими пулями казалось ему легче, чѣмъ покориться. Но ему хотѣлось сначала отомстить за свое униженія и отомстить не какъ-нибудь, но жестоко, глумливо, коварно. Мало, что отмстить, — еще и насмѣяться. Какъ? — онъ долго ломалъ себѣ голову, и, наконецъ, разнузданное

воображеніе подсказало ему штуку, которою онъ, дѣйствительно, одурачилъ своихъ недруговъ, но на которую, двумя-тремя днями раньше, вѣроятно, онъ и самъ себя не считалъ способнымъ. Тѣмъ болѣе, что была она изъ разряда тѣхъ остроумныхъ мщеній, о которыхъ русскій народъ сложилъ выразительную пословицу:

— Наказалъ мужикъ бабу, — въ солдаты пошелъ!

II.

Однажды вечеромъ, Радунскій сѣлъ въ коляску и отправился къ Тригоннымъ — напередъ освѣдомившись навѣрное, что ихъ нѣтъ въ городѣ.

— Господъ дома нѣтъ! -- объявилъ ему швейцаръ, глядя съ неменьшимъ испугомъ и изумленіемъ, какъ если бы предъ нимъ выросъ изъ земли покойникъ съ того свѣта: отказъ князя отъ барышни и послѣдовавшій скандалъ былъ притчею во языцѣхъ всего города, и ужъ, разумѣется, первая довѣдалась о немъ прислуга.

— Они уѣхали на богомолье въ Виноградскую пустынь, вотъ уже три дня.

— А Матрена Даниловна дома? — небрежно спросилъ князь.

— Матрена Даниловна дома.

Матрена Даниловна Горлицева, бѣдная дворянка, круглая сирота, проживала у Тригонныхъ изъ милости, какъ дальняя ихъ родственница и воспитанница. Она была весьма недалека умомъ и, несмотря на свою молодость, — ей только что исполнилось двадцать лѣтъ, — глядѣла настоящею Бобелиной: была необычайно высокаго роста, рѣдкаго здоровья и завидной полноты. Вполнѣ оправдывала собою извѣстную ха-

рактеристику графа В. А. Сологуба, что въ его время „халатная жизнь помѣщиковъ чрезвычайно содѣйствовала скорому утучненію прекраснаго пола; дворянки не уступали въ вѣсѣ купчихамъ“. Лицомъ она была очень недурна: бѣлая, румяная, съ добродушными карими глазами, большими и влажными, какъ у лани, съ красивымъ пухлымъ ртомъ. Семейство Тригонныхъ было, по тогдашнему дворянскому времени, очень либеральное и славилось по Херсонской губерніи своею рѣдкою гуманностью. Но принимать чужой хлѣбъ не сладко даже изъ самыхъ ласковыхъ рукъ, и Матренѣ Даниловнѣ не совсѣмъ-то пріятно жилось на свѣтѣ. При весьма маломъ умѣ и небольшемъ образованіи, она, все-таки, имѣла кое-какой смыслъ и самолюбіе. Между тѣмъ, Тригонные обратили ее почти что въ домашнюю шутиху и дразнили ее по цѣлымъ днямъ. Мишенью для остротъ Матрена Даниловна была очень удобной. Кромѣ мужского роста и кормилицына дородства, неистощимыми источниками насмѣшекъ служили три слабости Матрены Даниловны: обжорство, сонливость и необузданная романтичность воображенія. Она ѣла, спала и представляла весь міръ влюбленнымъ въ ея красоту; въ томъ и проходила вся ея жизнь. Когда Радунскій бывалъ у Тригонныхъ, онъ любилъ шутить надъ красивой компаньонкой своей невѣсты и слегка даже заигрывалъ съ нею, по привычкѣ ловеласа, взявшаго за правило бить сороку и ворону, — авось, попадешь и на яснаго сокола. Матрена Даниловна — наперсница и посредница его отношеній къ Аннѣ Тригонной, — закупленная, задаренная, обласканная, — понятно, души не чаяла въ князѣ.

Матрена Даниловна вышла, восторженная, но, по обыкновенію, съ измятымъ, заспаннымъ лицомъ. Радунскій посмотрѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Вы ли это, ваше сіятельство?!.

— Я, какъ видите.

— Вѣрить ли глазамъ?!.

— Ничего, хоть они у васъ и запухли немножко, — вѣрьте.

— Вотъ радость! Значитъ, все были однѣ людскія сплётки: ссорѣ конецъ и все пойдетъ по-старому?

Князь пожалъ плечами.

— Да.. я пріѣхалъ извиниться предъ Анной и загладить свою вину... Не засталъ ея дома, — тѣмъ хуже... Есть такая хорошая поговорка: qui va à la chasse, perd sa place...

Матрена Даниловна покраснѣла.

— Ахъ, какія вещи вы говорите... — нерѣшительно пробормотала она.

Князь захохоталъ:

— Какія вещи я говорю? какія?..

Матрена Даниловна, по лукавымъ глазамъ Радунскаго, вообразила, что онъ сказалъ неприличность, и уже строго замѣтила:

— Какъ только у васъ языкъ поворотился... про Анну... она васъ такъ любитъ... и при мнѣ. Я — дѣвушка...

Онъ продолжалъ хохотать.

— Прелесть моя... Матрена Даниловна! Je vous adore! Вы прелесть!.. Сознайтесь же, однако, что вы ровно ничего не поняли. А? вѣдь такъ?

Матрена Даниловна стала пунцовою. На глазахъ ея навернулись слезы.

— Не поняла-съ, — раскаялась она.

— Зачѣмъ же вы притворились, будто поняли?

— Стыдно барышнѣ не понимать по-французскому.

— Разумѣется, стыдно... Но вы не бойтесь: я

вашего стыда никому не разскажу... Ваша тайна умретъ въ моей груди!

— Покорно васъ благодарю, ваше сіятельство.

— Однако, какъ вы хорошо притворяетесь! Бывало, говоришь съ Анной по-французски, а вы дѣлаете такое внимательное лицо, будто понимаете каждое слово... Я васъ даже остерегался. А — выходитъ — на самомъ-то дѣлѣ, не очень?

— И вовсе даже не понимаю, — сокрушенно шепнула Матрена Даниловна.

— Ну-съ, хорошо. По-французски вы — не очень. А дальше какъ?

— То есть... въ какомъ смыслѣ? — терялась дѣвушка.

— Вы дворянка?

— Какъ же, ваше сіятельство! Мы, Горлицевы, искони дворяне... столбовые, изъ-за царя Петра...

— Это прекрасно, что изъ-за царя Петра. Я самъ немножко оттуда... А годковъ вамъ сколько, моя прелесть?

— Зачѣмъ вамъ, князь?

— Да такъ, — знать хочу...

— Что выдумали! Это даже неловко кавалеру спрашивать такое у дѣвушки...

— Вотъ еще — намъ съ вами церемониться!.. Мы — старые друзья. Такъ сколько вамъ годковъ-то, сказывайте?

— Ахъ, какой вы! вотъ пристали... Ну... двадцать...

— Врете! — безцеремонно отрѣзалъ Радунскій.

— Какъ — вру?!.

— Очень обыкновенно врете: какъ всѣ барышни о годахъ врутъ... Вѣрныхъ двадцать-семь, если не всѣ тридцать!

Князь нахальничалъ и дразнилъ бѣдную дурочку до тѣхъ поръ, пока та, въ простотѣ своей, не ударилась въ слезы.

— Чѣмъ же мнѣ васъ увѣрить? — всхлипывала она, — хотите, я вамъ покажу свое метрическое свидѣтельство?

— А у васъ есть метрическое свидѣтельство? Чудесно! На сцену! Давайте его сюда.

Матрена Даниловна повиновалась. Князь прочиталъ документъ.

— Вотъ и спору конецъ, — сказалъ онъ. — Извините, проспорилъ: конфекты за мной... да, нѣтъ... я лучше вамъ браслетъ съ брильянтами подарю.

Матрена Даниловна расцвѣла.

— А у васъ прекрасный документикъ, моя прелесть... — продолжалъ Радунскій. — Отчего вы, будучи столь прекрасны и благородны, не говоря уже — величественны, замужъ нейдете? Такая великолѣпная дѣвица, изъ такого блистательнаго рода, изъ-за царя Петра, трехъ аршинъ роста, двадцати лѣтъ и семи пудовъ вѣса, должна сдѣлать отличную партію... княжескую...

— Ахъ, ваше сіятельство! — вздохнула Матрена Даниловна, садясь на своего обычнаго романическаго конька, — гдѣ ужъ мнѣ? Сумѣла бы быть княгинею не хуже всякой другой, да не родилось еще князя на мою долю... Въ наше время подобные браки только въ сказкахъ бываютъ.

— Нѣтъ, отчего же?.. Попадаются дураки... ихняго брата, говорятъ, не орутъ, не сѣютъ — сами родятся. Да хотите, — я на васъ женюсь? — вдругъ вскрикнулъ Радунскій, ударивъ себя по лбу, точно его осѣнила внезапная идея.

— Вотъ вы опять шутите!..

— Какое тамъ шучу?.. — Радунскій взглянулъ на улицу, гдѣ у подъѣзда топали его кони. — Серьезно, хотите?

— Полно вамъ, князь!.. обидно даже — вы женихъ другой...

— Что — другой? Вы мнѣ нравитесь, я къ вамъ въ нѣкоторомъ родѣ пламенѣю. Анну для васъ можно и по боку... Сама виновата: зачѣмъ не сидитъ дома. Говорятъ же вамъ: qui va à la chasse, perd sa place.

— Да хоть не конфузьте — переведите, что это за поговорка такая?

— Значитъ она: — кто изъ дому гуляетъ, тотъ свое мѣсто теряетъ.

— Это почему?

— А потому, что кто-нибудь другой возьметъ, да на это мѣсто и сядетъ. Вотъ, напримѣръ, быть бы княгинею Радунскою Аннѣ, а будете вы.

— Ахъ, князь, князь! Богъ вамъ судья!

— Ну, если замужъ не хотите, такъ хоть кататься со мной поѣдемте?

— Вдвоемъ? Это не принято, ваше сіятельство.

— Отчего же нѣтъ?

— О насъ дурно подумаютъ... Я бѣдная дѣвушка... моя репутація.

— Репутація — вздоръ. Репутація — это у меня каурую пристяжную такъ зовутъ. А кореникъ — Скандалъ. Полно, не упрямьтесь!.. Вѣдь мы не куда-нибудь въ дурное мѣсто поѣдемъ, а именно въ пустынь эту... какъ бишь ее зовутъ? — къ вашимъ же скучнѣйшимъ Тригоннымъ навстрѣчу... Ступайте — одѣвайтесь. Не то я завтра всему Елисаветграду разскажу, что вы по-французски не разумѣете... Стыдъ-то какой! а?.. А если послушаетесь, то... Вамъ лошади мои нравятся?

— Еще бы не нравились, князь.

— Я вамъ эту пару сѣрыхъ подарю. Онѣ пять тысячъ рублей стоятъ... Продадите — цѣлый капиталъ. Самъ же и куплю обратно. Одѣвайтесь же... Мало? Пожалуй, берите и съ коляской. Одѣвайтесь же!..

— Ахъ, Господи! что это за безумный человѣкъ такой?! — лепетала Матрена Даниловна, совсѣмъ сбитая съ толку, а Радунскій, насильно вытолкавъ ее во внутренніе покои, шутливо закричалъ ей вслѣдъ:

— Матрена Даниловна!.. такъ и быть, и съ кучеромъ, только поскорѣе одѣвайтесь!

Четверть часа спустя, они сѣли въ коляску, а затѣмъ — ни князя, ни Матрены Даниловны уже никогда больше не видали въ Елизаветградѣ. А мѣсяцъ спустя послѣ этого новаго скандала, поднявшаго на ноги весь городъ, Даннеброгъ получилъ съ нарочнымъ слѣдующую почтительно-насмѣшливую записку:

„Покорный приказанію своихъ бывшихъ товарищей, я, согласно съ точнымъ смысломъ ихъ краснорѣчиваго приговора, взялъ себѣ жену изъ-подъ крова господина Тригоннаго и вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Матреной Даниловной Горлицевой, съ малыхъ лѣтъ своихъ проживавшей подъ кровомъ г. Тригоннаго, изъ дома коего она отправилась даже и къ вѣнцу.

Готовый къ услугамъ вашимъ

Кн. Александръ Радунскій“.

Село Волкояръ.

Дорого заплатилъ князь за минутное наслажденіе посмѣяться надъ товарищами. Съ нимъ даже не дрались.

— Такихъ господъ не ставятъ къ барьеру! — рѣшилъ Даннеброгъ, — ихъ надо или истреблять, какъ бѣшеныхъ волковъ, или — презирать... А ставить на карту свою жизнь противъ ихъ позорной жизни — слишкомъ много чести!

III.

Дикою женитьбою и почти произвольною отставкою служебная карьера Радунскаго, разумѣется, была въ прахъ разбита. Громадныхъ денегъ и усилій стоило ему шевельнуть своими петербургскими старыми связями, чтобы дѣло замялось и забылось, чтобы возмездіе за его выходку не ограничилось только разбитою карьерою. Старый слабоумный дядя Радунскато, князь Исидоръ, въ монашествѣ Іосафъ, самъ ѣздилъ въ Питеръ изъ своей глухой орловской пустыньки молить за племянника и, можетъ быть, если бы не уваженіе къ нему, не помогли бы ни деньги, ни связи. Іосафъ жилъ на свѣтѣ выродкомъ семьи, искупительной жертвой за ея грѣхи. Кротость и простота этого монаха были истинно евангельскія и создали ему заживо репутацію святости — гораздо болѣе основательную, чѣмъ многія болѣе громкія репутаціи этого рода. Самъ великій постникъ, онъ былъ чуждъ аскетической нетерпимости, умѣлъ снисходить къ слабостямъ ближняго — и изъ братіи, и между мірянами. Съ послѣднихъ онъ даже за посты не взыскивалъ строго. Въ одинъ изъ своихъ дѣловыхъ петербургскихъ наѣздовъ, Іосафъ встрѣтился съ знаменитымъ Фотіемъ, который, съ обычной ему грубостью, принялся кричать:

— Отвѣтишь ужо, отвѣтишь Богу за своихъ чревоугодниковъ! Отолстѣли они у тебя, сердца ихъ одебелѣша. Жрутъ — ровно бы, прости Господи, псари шереметевскіе!

— Ваше высокопреподобіе, — смиренно возразилъ наивный Іосафъ, — что за бѣда, если мои иноки и покушаютъ въ смакъ? Зло не отъ пищи, но отъ дурного сердца. Вотъ, — осмѣлюсь вамъ доложить для примѣра, — бѣсъ никогда не пьетъ и не ѣстъ, а сколько пакости народу творитъ!..

И все монастырское служеніе Іосафа проходило въ томъ — какъ бы этому извинить, того помиловать. Просительскій же талантъ его былъ необычайно великъ: онъ умѣлъ умягчать и уклонивать самого неодолимаго Филарета московскаго и смѣло шелъ плакаться и кучиться за „грѣшниковъ“ даже въ тѣ суровые дни, когда — по консисторской поговоркѣ — грозный аскетъ-владыка „одну просфору съѣдалъ, да семью попами закусывалъ“. И любили же Іосафа его грѣшники.

— Простецъ, я къ тебѣ! — кричалъ, кружа по шоссе у монастырскихъ стѣнъ на разубранной лентами тройкѣ, штрафованный архимандритъ Амфилохій. — Открой бѣглецу святыя врата! Чертогъ твой вижду, Спасе мой! Снимай съ меня мое окаянство. Мерзитъ! Весь въ гною бѣсовскомъ, весь... Омый мя банею молитвенною.

А самъ пьянъ, кучеръ пьянъ, лошади — и тѣ, кажется, пьяны, шатаются, въ пѣнѣ отъ дикаго бѣга. Трагическая натура, да и судьба, досталась Амфилохію. Родственникъ митрополиту Филарету Амфитеатрову (кіевскому), онъ былъ честолюбивъ и обладалъ всѣми правами на честолюбіе. Красавецъ собою, умный, образованный, съ блестящимъ знаніемъ языковъ, опытный полемистъ-богословъ и краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ самъ могъ разсчитывать на митрополичью карьеру. Но фотіевская эпоха разбила мечты Амфилохія, а самого его загнала въ захолустный монастырь,

въ епархію сердитаго и невѣжественнаго архіерея, который ненавидѣлъ Амфилохія за ученость, почиталъ его масономъ и упекъ подъ судъ; а по суду синодъ хотя Амфилохія оправдалъ, но опредѣлилъ ему жить „подъ началомъ“ въ орловскомъ монастырькѣ, ближнемъ къ пустынькѣ Іосафа. Жилъ Амфилохій тихо и мрачно, писалъ какое-то огромное догматическое сочиненіе, монахъ былъ строгій и пользовался большимъ уваженіемъ. Но разъ или два въ годъ на него находили бѣсы. Стѣны монастыря начинали его давить. Онъ язвилъ игумена, братію, все монашество, больше же всѣхъ самого себя, зачѣмъ онъ погубилъ себя подъ рясою?

— Я бы Сперанскимъ могъ быть, — стоналъ онъ, крутясь по кельѣ, какъ левъ въ клѣткѣ, — а вотъ — не угодно ли? Только вижу черныя рясы, только слышу колоколъ...

Послѣ милліона терзаній, Амфилохій исчезалъ изъ монастыря и проводилъ недѣли двѣ въ жестокомъ загулѣ. У него была страсть къ лошадямъ, и вотъ, переодѣтый купцомъ, онъ носился по губерніи на бѣшеныхъ тройкахъ, швырялъ деньги, выпивая самъ и спаивая встрѣчныхъ знакомцевъ и незнакомцевъ. Мягкій характеръ спасалъ его отъ скандаловъ. Хмѣльной, онъ не буянилъ, а только декламировалъ байроническіе стихи, насмѣхаясь надъ своею судьбою, и — точно хотѣлъ умчаться отъ нея за тридевять земель — мучилъ коней и ямщиковъ дикою скачкою. Когда загульный стихъ спадалъ, Амфилохій ѣхалъ къ Іосафу отбывать тягостное покаянное похмѣлье, а тотъ водворялъ уже вытрезвленнаго грѣшника въ монастырь. Игуменъ началилъ Амфилохія — и все входило въ обычную колею, до новаго загула — какъ разъ, точно на грѣхъ, въ самые постные дни, когда мірскіе

соблазны и мысли менѣе всего приличны монаху. Однажды его угораздило прорваться — въ пятницу на страстной недѣлѣ! Игуменъ только руками всплеснулъ:

— Нашелъ время!

И, когда Амфилохій отбылъ загульный срокъ, игуменъ сильно ему пенялъ:

— Помилуй, отецъ! Какой же ты, послѣ этого, выходишь вѣры?

— Я-то, грѣшникъ, вѣры христіанской, православной, — угрюмо возразилъ Амфилохій, — ну, а вотъ другой-то... тотъ, кто въ меня посаженъ и на пакости подбиваетъ, — ужъ не знаю, какой вѣры... собачьей что ли, анаѳема, сатана, чортовъ сынъ!

Привычный снисходить къ постороннимъ, Іосафъ снизошелъ и къ грѣхамъ племянника. Благодаря его вмѣшательству, за князя Александра вступилась извѣстная ханжа графиня Анна Алексѣевна Орлова (та самая „благочестивая жена", о которой Пушкинъ остритъ, что она „душою Богу предана, а грѣшной плотію архимандриту Фотію"). Она повліяла на всесильнаго Бенкендорфа, а тотъ сумѣлъ доложить царю дѣло Радунскаго въ такомъ искусномъ поворотѣ, что Николай только презрительно поморщился.

— Гдѣ же теперь обрѣтается этотъ сударь? — спросилъ онъ.

Бенкендорфъ доложилъ, что въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, Костромской губерніи, называемомъ Волкояръ.

— Тамъ ему и мѣсто.

Бенкендорфъ, организовавшій въ то время корпусъ жандармовъ, мечталъ облагородить это незавидное учрежденіе, привлекая разныхъ неудачниковъ или неразборчивыхъ карьеристовъ изъ громкихъ фамилій. Онъ намекнулъ, что не воспользоваться ли Радунскимъ? Но императоръ сухо отвергъ.

— Не надо мнѣ службы Радунскихъ. Пусть наслаждается тѣмъ жребіемъ, который выбралъ.

Счастье Александра Юрьевича, что его елисаветградская исторія разыгралась уже не на глазахъ князя Юрія Романовича. Иначе злобный старикъ, конечно, не пожалѣлъ бы стараній, чтобы упечь ненавистнаго сына подъ царскій гнѣвъ и — уже безповоротно — подъ красную шапку. Князь Юрій умеръ скоропостижно, послѣ какого-то торжественнаго сосѣдскаго обѣда, оказавшагося черезчуръ тяжелымъ для его старческаго желудка. Пріѣхавъ домой, сѣлъ въ кресло, заснулъ, да и не проснулся, прихлопнутый кондрашкою. Впрочемъ, деревенская молва шептала, будто кондрашка тутъ не при чемъ, а просто — горничная дѣвка Маланья, незадолго передъ тѣмъ за красоту взятая съ деревни въ дѣвичью, отъ жениха и семьи, стакнулась съ казачкомъ Ѳомою, у котораго, уже въ восемнадцать лѣтъ, не хватало половины зубовъ, выбитыхъ княжескою десницею; они пробрались къ сонному князю и придушили его подушками. Но, если и впрямь было такъ, преступники обдѣлали свою работу чисто: слѣдствіе не открыло никакихъ уликъ противъ нихъ. Маланья и Ѳома даже не были оставлены въ подозрѣніи, и не только не впали въ немилость у наслѣдниковъ, но еще попали въ любимцы.

— А, впрочемъ, — шептались сосѣди, — можетъ быть, именно потому — за подушку-то — и попали. Чортъ ли ихъ, Радунскихъ, разберетъ! Ихъ, по человѣчеству, и судить невозможно: что хорошо въ нихъ, что дурно, — во всемъ, какъ звѣри.

Въѣздъ въ столицы князю Александру былъ строжайше запрещенъ. Даже о выѣздахъ своихъ въ другія помѣстья, если они были за предѣлами губерніи, князь долженъ былъ сообщать губернатору, а тотъ

отписывалъ въ Петербургъ. Слово Николая было крѣпко и свое рѣшеніе сказнить князя Александра Радунскаго имъ же самимъ, княземъ Александромъ, царь выполнилъ безуклонно. А! Ты самъ бросилъ службу, пренебрегъ карьерою, милостями — сдѣлай одолженіе. Задыхайся же заживо въ лѣсномъ гробу, въ тридцать лѣтъ, отъ обилія собственныхъ кипучихъ силъ и круглаго бездѣйствія, по вольности дворянства. Самъ выбралъ дуру — жену чуть не изъ сѣнныхъ дѣвокъ, — пусть же она виситъ у тебя на шеѣ, какъ семипудовая гиря! Самъ сослалъ себя въ Волкояръ, — ну, и сиди безвыходно въ трущобахъ его, дичай, тупѣй, глупѣй, опускайся, какъ чортъ въ болотѣ.

На первыхъ порахъ князь Александръ Юрьевичъ чувствовалъ себя на глухой Унжѣ весьма недурно. Въ дѣвственномъ просторѣ своихъ лѣсныхъ владѣній онъ зажилъ самовластнымъ азіатскимъ ханомъ, дѣля время между псарнею, конскою охотою и крѣпостнымъ гаремомъ. Волкояръ, съ появленіемъ въ немъ Радунскаго, сталъ предметомъ трепета для сосѣдей и отчаянія для уѣздныхъ властей.

Глушь была страшная, лѣсища непроходимые.

— Насъ чортъ три года искалъ, да искалку потерялъ! — хвалились волкоярцы.

— Наша сторона — потерянная: къ намъ и Пугачъ не бывалъ, и французъ не забредалъ.

— По ту сторону лѣса — Николай, а по сю, у насъ, еще — матушка-царица.

И, дѣйствительно, пробравшись черезъ топи лѣсныхъ проселковъ, измученный путникъ попадалъ въ условія быта и нравовъ, о которыхъ давно уже забыла Россія, затянутая девятнадцатымъ вѣкомъ въ офицерскіе и чиновничьи мундиры съ свѣтлыми пуговицами. Не то, что екатерининскимъ вѣкомъ пахло,

но даже вѣяло нѣчто, какъ бы отъ Алексѣя Михайловича. Крестьянство, сильное и богатое, жило по старинѣ. Расколъ держался крѣпко и властно. Міръ стоялъ, какъ стѣна нерушимая, — включительно до самосудовъ, которые принимались обычаемъ паче писаннаго закона, и даже помѣщики считались съ ними. Земля, деньги, хлѣбъ сливались въ общихъ понятіяхъ и названіяхъ. Когда волкоярецъ говорилъ „рубль", это обозначало не монету, но земельную мѣру — больше десятины. Копейкою звали 250 саженей, а дальше шли „деньга" и „пирогъ". Мѣряли мірскою веревкою и мірскою совѣстью. Дѣлились каждый годъ и до того додѣлились, что, отъ межевого хаоса, уходили въ чащу, плюнувъ на обработанныя площади, чистить лѣсъ кулигами. Въ дремучихъ лѣсахъ водились медвѣди и жили разбойники. На Унжѣ разбойничалъ Ѳаддеичъ, на Немдѣ — Ухорѣзъ. Дворянство на мѣстахъ жило мало, а которое жило, было мелкопомѣстное, бѣдное и не только необразованное, но часто даже вовсе безграмотное и омужичившееся на тяжеломъ хозяйствѣ, безъ рабочихъ рукъ: не въ диво были столбовые, которые сами землю пахали. Наивность общественныхъ понятій, правовыхъ представленій, простота грубыхъ нравовъ и смѣшеніе сословій шли такъ глубоко, что, напримѣръ, нѣкая помѣщица, Акулина Х., владѣтельница семи душъ, преспокойно вышла за одну изъ этихъ душъ замужъ и, такимъ образомъ, оказалась сама у себя крѣпостною, потому что передъ свадьбою побоялась отпустить жениха на волю. Нѣсколько лѣтъ спустя, она продала свое имѣньице, вмѣстѣ съ людьми, сутягѣ — сосѣду, а тотъ, при вводѣ во владѣніе, потребовалъ, на законнѣйшемъ основаніи, въ числѣ проданныхъ душъ, и самое Акулину съ дѣтьми. Судъ предъ плутомъ

этимъ оказался совершенно безсиленъ, и только униженныя просьбы всего дворянства съ губернскимъ предводителемъ во главѣ выручили злополучную дуру изъ кабалы, въ которой она застряла. Были дворяне, ходившіе по старой вѣрѣ. Поговорка: „гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!“ для нѣкоторыхъ семействъ была совсѣмъ не шуткою, ибо многіе изъ „дикихъ баръ“, въ самомъ дѣлѣ, не умѣли еще обращаться съ китайской травкою и угощеніе ею въ чужихъ людяхъ принимали, какъ мучительнѣйшій экзаменъ и пытку.

Въ смирной, истинно болотной средѣ этой князь Александръ Юрьевичъ загулялъ, какъ журавль на лягушечьемъ царствѣ. Магнатъ-сосѣдъ для мелкой дворянской сошки былъ гораздо болѣе ощутительною силою, чѣмъ губернскія власти, отрѣзанныя отъ залѣсья почти совершеннымъ отсутствіемъ дорогъ.

— Объ Успеньи рожа разбита, а суда у Николы проси! — твердила обывательская мудрость, справедливо намекая, что покуда не покроютъ дорогъ декабрьскіе снѣга и не скуютъ хлипкую землю никольскіе морозы, ползти подводою въ уѣздъ ли, въ губернію ли съ жалобою на обидчика, по тѣмъ путямъ, на коихъ чортъ искалку потерялъ, — себѣ дороже. Не то, что обыватели, даже попы съ требами и земская полиція, на убойныя дѣла и мертвыя тѣла, мѣсяцами не попадали въ иные благословенно-медвѣжьи углы, отписываясь распутицею и бездорожьемъ.

Мелкопомѣстное дробленіе и черезполосица спутали земельныя отношенія въ уѣздѣ страшно. Въ дѣйствительности все было широко, а по праву — все узко, жили на крупномъ узкомъ захватѣ, а на бумагѣ стояло мелкое и спорное. Перепутались владѣнія, а во владѣніяхъ — господское и крестьянское. Границъ и межъ не знали, земля и лѣсъ считались свобод-

ными; гдѣ кто вырубилъ, выжегъ, вычистилъ лѣсъ, тотъ тому и былъ хозяинъ. Даже духовенство не имѣло особой земли, но, какъ и крестьяне, владѣлъ каждый причетникъ тамъ, гдѣ зачистилъ лѣсъ дѣдъ или отецъ. Крестьяне, не хуже помѣщиковъ, отдавали зачисти и луга въ приданое за дочерями. Вдовы съ дѣтьми наслѣдовали покосы отъ мужей. Смѣшанность правъ и общность пользованія были на столько широки, что не только крестьянинъ, но и помѣщикъ на Унжѣ широко открывалъ глаза, когда какой-либо чужакъ начиналъ ему доказывать, что рубить чужой лѣсъ есть нарушеніе собственности и преступленіе:

— Чай, лѣсъ-то — Божій даръ! Не мы сѣяли!

Единственный крупный землевладѣлецъ, хозяинъ настоящихъ латифундій, князь Александръ Юрьевичъ, находилъ этотъ патріархальный хаосъ весьма пріятнымъ, удобнымъ и выгоднымъ. Онъ знать не хотѣлъ никакихъ размежевокъ и, благо, къ огромной площади его Волкояра тянулись, какъ къ естественному центру своему, дробныя землицы маленькихъ помѣщиковъ, устроилъ изъ ихъ спорной путаницы, буквально, владѣтельное герцогство какое-то и верховодилъ уѣздомъ, какъ хотѣлъ. Стать подъ его высокую и щедрую руку для многихъ сосѣдей оказывалось гораздо выгоднѣе, чѣмъ вести свое собственное хозяйство, но зато уже надо было молчать и терпѣть, если князю приходила фантазія, проскакавъ охотою, вытоптать чужое поле или хмѣльникъ, снять сосѣдскій сѣнокосъ, загнать, подъ предлогомъ потравы, сосѣдское стадо. Впрочемъ, это были еще шалости. Иногда князь Александръ не стѣснялся захватывать, или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, будто захватываетъ цѣлыя пустоши.

Пріѣхалъ къ нему однажды мелкопомѣстный сосѣдъ, Андрей Пафнутьевичъ Хлопоничъ.

— Что это, ваше сіятельство, вы строить задумали?

— Баню новую, Пафнутьичъ, баню... А что?

— То-то вашъ управляющій прислалъ вчера въ мою рощу мужиковъ съ топорами... ничего, достаточно даже оголили... дубковъ до сорока.

Князь нахмурился:

— Что ты врешь, Пафнутьичъ? Какая твоя роща?

— А Синдѣевская, ваше сіятельство, которая на взгорьѣ.

Князь затопалъ ногами.

— Свинья! Каналья! Съ какихъ поръ она твоя? Муфтель. Возьми его за шиворотъ, сведи въ контору, покажи планъ... Ахъ ты, глухарь! Синдѣевская роща была наша еще по екатерининской размежевкѣ... Дѣды и прадѣды мои ею владѣли. А ты, лопухъ...

— Батюшка! Ваше сіятельство! — униженно закланялся Хлопоничъ. — Не извольте безпокоиться! Развѣ я спорю? Ваша Синдѣевская роща, разумѣется, — самъ говорю, что ваша. Люди по здѣшнимъ мѣстамъ безъ разума живутъ: какъ мое пользованіе рощею очень давнее, пріобыкли къ глупому обычаю, будто бы моя. А ваша роща! Искони ваша!.. И мы ваши, и все наше — ваше...

Нахмуренныя брови князя раздвинулись.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ. — За то, что ты не сталъ упорствовать противъ моего слова и съ покорностью принялъ мою волю, оцѣни срубленный лѣсокъ, во сколько самъ захочешь, а я прикажу Муфтелю, коли оцѣнишь по чистой совѣсти и правой цѣнѣ, — заплатить тебѣ вдвое; если же дорого запросишь, быть тебѣ, во-первыхъ, отъ меня битому, во-вторыхъ, требуй тогда денегъ съ меня судомъ... Ищи вѣтра въ полѣ!

Раболѣпствуя и предавшись всецѣло на княжескій произволъ, этотъ Хлопоничъ сильно нажился при волкоярскомъ магнатѣ.

Однажды князь, шутки ради, приказалъ загнать стадо Хлопонича съ его собственнаго луга на свой скотный дворъ и сталъ требовать за потраву.

Хлопоничъ безпрекословно привезъ деньги. Князь расхохотался:

— Дуракъ! за что ты платишь?

— За потраву, ваше сіятельство.

— Какая же можетъ быть у меня потрава, если я велѣлъ загнать къ себѣ твой собственный скотъ съ твоего собственнаго луга?

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ не быть потравѣ? Вѣдь ваши пастущонки-то загоняли мою скотину по вашей землѣ... ну, кое помяли, кое пощипали. Я такъ и понимаю, что вы изволите съ меня взыскивать за эту именно потраву, а не за какую-нибудь другую. Смѣлъ ли бы мой скотъ самовольно на ваши лужки забрести?

Шельма былъ, что называется, трехпробная и, что касается кляузъ, юристъ тончайшій, лютѣйшаго приказнаго могъ въ чернильницу загнать. Это именно онъ, Хлопоничъ, закрѣпостилъ было похолопившуюся дворянку, Акулину Х. Штука эта, между прочимъ, понравилась князю Александру Юрьевичу необыкновенно. Чуть ли не съ нея и начался у него фаворъ Хлопонича. Да еще силою своею богатырскою Хлопоничъ его покорялъ. Былъ маленькій, лысый, красный, но тѣломъ совсѣмъ квадратный и — со спины смотрѣть, словно всталъ на заднія лапы небольшого роста медвѣдь. Мускулы же у него были такіе: засучитъ лѣвый рукавъ по плечо, вытянетъ голую руку, напружитъ, а правою рукою возьметъ кочергу желѣзную и

колотитъ ею по лѣвой рукѣ, покуда кочерга не согнется. А то — на пирушкѣ — въ подпитіи, на полъ ляжетъ и предлагаетъ:

— Господа дворяне, не угодно ли? Пляшите по мнѣ, сколько кому охотно!..

И плясывали, и — ничего ему, чорту лѣсному! Встанетъ, отряхнется, выпьетъ чайный стаканъ французской водки, — и хоть опять готовъ за то же. Пить могъ столько, что компанію съ нимъ вровень выдерживать умѣлъ во всей округѣ только вдовой гигантъ-протопопъ, настоятель уѣзднаго собора. Но никогда никто ни того, ни другого пьяными не видывалъ, — только краснѣли, какъ раки, дымились лысинами и, чѣмъ больше наливались, тѣмъ умилительнѣе собесѣдовали объ „Экклезіастѣ", книгу коего оба знали наизусть. Оба друга были даже не пьяницы, а какіе-то энтузіасты, любовники водки. Спрашивали любопытные Хлопонича:

— Сколько водки вы въ день выпиваете?

Задумывался.

— Не знаю-съ, — говоритъ, — не считалъ. Да, полагаю, и счесть затруднительно. Ибо извѣстно мнѣ одно: закусывать я имѣю обыкновеніе, какъ вамъ извѣстно, единственно сушенымъ горохомъ. Рюмка — и горошинка. Стаканчикъ — двѣ горошинки. По положенію. Такъ — съ утра мнѣ жена горохомъ оба жилетные кармана полнехоньки насыплетъ, а къ вечеру — особенно, въ праздникъ, — глядишь надо и повторить.

Протопопъ тоже не считалъ количества поглощаемой сивухи, но имѣлъ другую примѣту. Домъ у него былъ — старыя барскія службы, подаренныя собору подъ „поповку", то есть квартиры духовенства, еще княземъ Романомъ Ѳедотовичемъ Радунскимъ, —

длинный, предлинный домъ, — какъ фабрика, комнатъ съ десятокъ, одна за другой. Стояли онѣ почти безъ мебели, непривѣтныя и пустыя, но посреди каждой возвышался круглый столъ, на столѣ — подносъ, на подносѣ — графинъ, въ графинѣ водка, а подлѣ одинокая рюмка. Закуска же, то есть черный хлѣбъ и крошево изъ соленыхъ огурцовъ, ставились лишь при одномъ графинѣ — въ первомъ зальцѣ, гдѣ протопопъ принималъ гостей. Отслуживъ обѣдню, остальной день протопопъ проводилъ въ томъ, что, заложа руки въ карманы подрясника, маршировалъ, насквозь всѣхъ комнатъ, взадъ и впередъ по длинному своему дому — пріостанавливался у каждаго столика и выпивалъ. Закусывалъ же, лишь сдѣлавъ полный маршъ туда и обратно. Обычною дневною порціей протопопа было — чтобы графины изсякали впервые къ вечернямъ, а вторично налитые — по ужинѣ, къ отходу на сонъ грядущій. Но нерѣдко выпадали дни, что опустошались и три перемѣны. При этомъ, — за исключеніемъ перваго графина, съ закускою, который ставился на произволящаго и, благодаря участію въ его опустошеніи каждаго приходящаго гостя, шелъ, такъ сказать, не въ счетъ абонемента, — остальные приходились почти исключительно на долю отца протопопа. Такъ — изо дня въ день! Хлопоничъ и протопопъ были ровесники. Хлопоничъ умеръ семидесяти-пяти лѣтъ, протопопъ — восьмидесяти-двухъ.

Смерть Хлопоничу приключилась въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, именно, отъ привычной забавы его: — Кому въ охоту? Пляши по мнѣ, господа!.. — Выдавая замужъ любимую внучку за сибирскаго золотопромышленника, разгулялся онъ на свадьбѣ и — предложилъ этотъ любимый свой опытъ новой таежной ро-

денькѣ. Не сообразилъ, однако, что у сибиряковъ сапожищи еще увѣсистѣе, чѣмъ у дикаго костромского дворянства, а дѣло-то было послѣ сытнѣйшаго и жирнѣйшаго обѣда. Главное же: что сходило съ рукъ въ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ, не такъ-то легко сходитъ въ семьдесятъ-пять. Впервые въ жизни заболѣлъ Хлопоничъ и свалила его хворь въ постель. Лѣчили его очень усердно: преимущественно, обкладывая грудь и брюхо — „подъ вздохъ" — живыми щенками. Когда не помогло, дошли въ прогрессѣ до того, что пригласили врача и даже согласились созвать консиліумъ. Врачи опредѣлили у Хлопонича заворотъ кишокъ. Въ старину противъ этой болѣзни знали одинъ способъ лѣченія — механическій: давали больному глотать ртуть, уповая съ наивностью, что либо тяжесть ея „развернетъ кишки", — и больной пойдетъ на поправку, либо ртуть „станетъ коломъ" — и больному аминь. Въ Хлопоничѣ ртуть стала коломъ. Онъ сразу почувствовалъ въ себѣ смерть и потребовалъ къ себѣ друга своего протопопа.

— Ау, другъ любезный, умираю!

— Ну, что жъ, Андрей Пафнутьевичъ! Ничего, пожили. За полъ-осьма десятка перегнули: хоть кому. Поди, и я скоро васъ нагоню старыми ногами.

— Ты, батя, меня не забудь, — поминай! Пріятели были.

— Какъ можно васъ забыть, Андрей Пафнутьевичъ? Что ни буду пить водочку, то и помяну.

— А на похоронахъ моихъ, отецъ, ты — ужъ будь ласковый, уважь: отъ могилки послѣднимъ уйди. И бутылочку съ собою захвати въ кармашкѣ. Какъ останешься одинъ у могилки-то, — помолись за грѣшную душу новопреставленнаго раба Божія болярина Андрея, бутылочку открой, самъ глотни и

мнѣ — въ могилку-то свѣжую тоже — капъ, капъ, капъ!..

Зарыдалъ протопопъ:

— Слушаю, Андрей Пафнутьевичъ! все исполню, другъ ты мой сердечный, единственный. И тебѣ въ могилку — капъ, капъ, капъ!

— И на девятый день, тоже, батя!

— И на сороковины!

— По родительскимъ субботамъ... на Радуницу... не откажи...

— Будь спокоенъ, Андрей Пафнутьевичъ, помирай себѣ съ миромъ! Покуда я живъ, лежи — не унывай, голубчикъ: безъ водки не останешься. Во всѣ дни поминовенія я тебѣ — капъ, капъ, капъ!..

Схватили Хлопонича послѣднія муки. Столпились у одра молодая жена, дѣти отъ трехъ браковъ, внучата. Воютъ. Старшій сынъ нагибается къ умирающему: у Андрея Пафнутьевича въ глазахъ просьба и губы дергаются.

— Что прикажете, папенька?

И внялъ даже не шепотъ, а какъ бы вѣтръ дыханія откуда-то изъ глубочайшихъ нѣдръ легкихъ:

— Стаканчикъ бы — и папиросочку закурить...

Смотритъ сынъ на врача:

— Можно?

— Чего нельзя? Всю жизнь было можно, такъ теперь и подавно!

Выпилъ Хлопоничъ водки, папироску ему въ губы воткнули, — улыбнулся сладостно, папироска покатилась по подушкѣ — голова свѣсилась, — икнулъ — и померъ!

Женатъ былъ Хлопоничъ вторымъ бракомъ, на бѣдной дворяночкѣ изъ рода Тузовыхъ, женщинѣ рѣдкой красоты. Злые языки толковали благоволеніе

князя къ мужу красавицы, конечно, тѣмъ, что жена-де княжая метресса. Это было невѣрно. Авдотья Елпидифоровна Хлопоничъ была женщина прекраснѣйшая, вѣрная супруга, добродѣтельная мать, — прожила жизнь, чистая, какъ стеклышко, и таковою же въ гробъ сошла. Много лѣтъ спустя послѣ ея кончины и смерти князя Александра Юрьевича, Хлопоничъ, уже въ третій разъ женатый „для хозяйства", богачъ и самъ первая сила въ уѣздѣ, наивно хвастался, какъ онъ, въ свое время, уберегъ жену отъ ненасытныхъ очей волкоярскаго насильника:

— Онъ, знаете, терпѣть не могъ женщинъ, — съ позволенія вашего сказать — въ интересномъ положеніи. Такъ, дорожа его благодѣяніями, но въ то же время трепеща его натуры, мы съ Дунечкою такъ ужъ и взяли за правило, чтобы онъ и не видалъ ея иначе. Дѣтьми насъ Богъ, и въ самомъ дѣлѣ, не обидѣлъ, а въ праздные годы Дунечка обкладывалась подушками. Чуть, бывало, къ нему ли въ гости, сами ли завидимъ изъ окна съ горы, что онъ къ намъ жалуетъ, Дунечка сейчасъ же бѣжитъ въ спальню и — подушку на себя навертитъ. Плачетъ, бѣдная, потому что — легкое ли дѣло? молодой женщинѣ, безъ нужды, портить себя этакимъ безобразіемъ? Да и жарко же до нестерпимости, особливо, если въ лѣтнее время. А ничего не подѣлаешь, потому что съ нимъ, соколикомъ, только зазѣвайся!.. А ужъ что страха мы терпѣли, чтобы не воззавидовалъ кто-нибудь со злобы, не открылъ бы ему хитростей нашихъ: вѣдь, премстительный былъ на это — если кто его одурачитъ!.. со свѣта бы сжилъ! Однако, Богъ милостивъ, обошлось. Такъ и въ могилку сошелъ, царство ему небесное, не дознавшись. Только посмѣивается бывало: — Авдотья Елпидифоровна! объясните вашъ

секретъ: почему вы съ Андрюшкою плодитесь, какъ кролики, а у насъ съ Матреною — одна дѣвченка?

Жену Хлопоничъ уберегъ, но, зато, однажды, устроилъ ему князь Александръ скандалъ тоже по романической части и ужъ куда не лестный и мало радостный.

Справлялъ Хлопоничъ именины и дождался чести: пожаловалъ къ нему на обѣдъ князь Радунскій — дорогимъ гостемъ, во всемъ своемъ магнатскомъ величіи, съ псарями, охотниками, пѣсенниками, хоромъ музыкантовъ. Самъ въ саняхъ, свита верхами, — царь царемъ! Вошелъ — на мужчинъ глянулъ орломъ, на дамъ соколомъ. За обѣдомъ былъ веселъ изрядно пилъ. Ящикъ шампанскаго съ собою привезъ, откупорить велѣлъ. Вотъ, когда подали деревенское желе, съ пылающею свѣчкою внутри, и захлопали, въ честь именинника, пробки на бутылкахъ съ шипучимъ, князь вдругъ и говоритъ Андрею Пафнутьевичу:

— Слушай, круглый чортъ, толстоносый именинникъ! Не думай, что я отъ тебя хочу отъѣхать на одномъ шампанскомъ. Сдѣлаю тебѣ, для дня ангела, подарокъ, — только сумѣй отдарить.

Согнулся Хлопоничъ въ три погибели.

— Подавленъ, — говоритъ, — я милостями вашего сіятельства. Что ни придетъ отъ васъ — благодѣяніе ли, казнь ли — все долженъ принять съ одинаковою радостью, потому что на небѣ — Богъ, въ Россіи — царь, а надъ нами, ничтожествами, вы, сіятельнѣйшій князь. Но отдаривать вашему сіятельству — подобной смѣлости я, маленькій человѣкъ, не то, что взять на себя, но даже и вообразить не смѣю, потому что понимаю себя сравнительно съ вашимъ сіятельствомъ не иначе, какъ песчинкою или маленькою капелькою воды предъ солнцемъ, въ небѣ сіяющимъ.

— Ладно,—усмѣхнулся князъ. Коли такъ, я самъ выберу. А даръ мой тебѣ будетъ — не малый: владѣть тебѣ, Андрею Хлопоничу, Пафнутьеву сыну, Мышковскими хмѣльниками отнынѣ и до вѣка, пожизненно и потомственно.

Что было людей за столомъ, всѣ такъ хоромъ и ахнули. Мышковскіе хмѣльники считались лучшими по уѣзду: тысячный доходъ! Сразу князь Радунскій Хлопонича въ крупные землевладѣльцы произвелъ, почти богатымъ помѣщикомъ сдѣлалъ. Сколько ни былъ Хлопоничъ лиса и пройдоха, кремень тертый, привычный быть на возу и подъ возомъ, но и его приглушило нежданнымъ счастьемъ. Такъ что — чѣмъ бы благодарить, стоитъ истуканомъ: глазами хлопаетъ, губами шевелитъ, головой киваетъ, какъ болванъ заводной, а рѣчи нѣту. А князь сидитъ, довольный, лицо красное, стеклышко въ глазу, моргаетъ густымъ усомъ:

— Что жъ, — говоритъ, — я свое дѣло сдѣлалъ. Теперь ты отдаривай, полосатый чортъ!

Взвылъ Хлопоничъ:

— Ваше сіятельство! Нѣтъ моихъ средствъ и силъ! Одно сказать дерзаю: не имѣю ни на себѣ, ни въ себѣ, ни при себѣ ничего такого, что вамъ не принадлежало бы. Повелите мнѣ: —Хлопоничъ! возьми ножъ, разрѣжь себѣ животъ, выпусти кишки, — минуты не промедлю!

— Фу, — отвѣчаетъ князь, — выдумаетъ же ослина! На что мнѣ твоя падаль? Нѣтъ, ты — вотъ что. Давеча, входя, видѣлъ я, — висѣла медвѣжья шуба. Хорошая шуба. Такъ вотъ, не угодно ли: ее мнѣ подай!

Захохотали гости: въ духѣ князь, милостивыя шутки шутитъ. У него шубами-то гардеробы ломятся:

соболи, бобры, — на что ему медвѣдь Хлопонича? Въ медвѣдяхъ князь своихъ выѣздныхъ лакеевъ на запятки саней ставитъ. Но князь повелъ стальными глазами, крутитъ усъ, — смѣхи-то и смолкли.

— Чему вы смѣетесь? Хочу шубу, — значитъ, и волоки сюда шубу. На это самое мѣсто. Сію минуту. Ну!

Тутъ уже, конечно, самъ Хлопоничъ опрометью бросился за шубою, а князь, тѣмъ временемъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана свистокъ серебряный, — свистнулъ, — и вотъ, входятъ въ горницу, прямо къ столу, какъ обломы, четверо его псарей.

— Держите, ребята, шубу шире!

Всталъ, взглянулъ по женской сторонѣ стола и — пальцемъ указательнымъ, съ брильянтомъ на немъ стотысячнымъ, какъ молніей сверкнулъ:

— Возьмите въ шубу вотъ эту барышню и несите ее въ сани. Музыка! Играй!

И вышелъ. А псари понесли за нимъ, въ шубѣ, — обомлѣвшую, безгласную, безчувственную, — молоденькую свояченицу Хлопонича, Ольгу Елпидифоровну, юную красавицу, дѣвушку-снѣгурушку, съ бѣлою косою до пятъ, и глаза — какъ васильки.

Сунулся было за ними опалѣвшій, растерянный Хлопоничъ.

— Не провожай, Пафнутьичъ. Мы съ тобой квитъ. Загляни въ контору: Муфтель твое дѣло оформитъ.

А музыка во дворѣ гремитъ маршъ изъ Спонтиніевой „Весталки“.

Все еще думали: шутитъ, морочитъ спьяну головы пьянымъ... Нѣтъ, положили дѣвушку въ сани. Самъ сѣлъ, ястребомъ озирается. Вершники, ордою, вскинулись, бросились, на конь взметались, джигитуютъ по двору, на воздухъ стрѣляютъ, ура кричатъ. Свистъ,

гиканье, визгъ... поминай, какъ звали! Только и видѣли голубку Ольгу Елпидифоровну! Умчалъ — и по слѣду лишь снѣжные вихри радужными облаками взыграли, да долго еще вѣтеръ, по морозу, доносилъ мѣднымъ воемъ Спонтиніевъ маршъ.

Скандалъ по губерніи разразился страшный, хотя Хлопоничъ, въ ужасѣ за судьбу подаренныхъ хмѣльниковъ, самъ же метался по дворянству, моля не дѣлать шума и не подымать исторіи, увѣряя, будто вся сцена была разыграна по обоюдному согласію похитителя и похищенной, а онъ не препятствовалъ потому, что „князь — извѣстный чудакъ и любитъ, чтобы было, какъ въ романахъ". Тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, даже именно потому, что Хлопоничъ суетился, — ужъ очень многихъ брала зависть на хмѣльники!—губернія смутилась, Петербургъ аукнулся, власти встрепенулись, жандармскій штабъ-офицеръ залюбопытствовалъ. Предводителю дворянства предложено было спросить отъ князя Радунскаго объясненій. Къ себѣ вызвать князя предводитель, — къ тому же кругомъ ему обязанный по выборамъ, — конечно, не рѣшился. Пришлось, кляня судьбу свою, волнуясь и труся, самому ѣхать въ Волкояръ. Радунскій принялъ предводителя съ отмѣнной любезностью, а когда генералъ, послѣ долгихъ экивоковъ, заикнулся, наконецъ, по какому, собственно говоря, щекотливому дѣлу онъ пріѣхалъ, — Александръ Юрьевичъ смѣрилъ его превосходительство стальнымъ взглядомъ и расхохотался.

— Вы любопытствуете знать, на какомъ основаніи проживаетъ у меня дѣвица Тузова? Да, спросите ее самое, — она недалеко и, слава Богу, живой человѣкъ... Эй! Лаврентій! Попроси сюда Ольгу Елпидифоровну.

Вошла бѣлокурая красавица...

— Вообразите, — разсказывалъ потомъ предводи-

тель, — волосы, какъ ленъ, самый чистѣйшій блондинъ, а глаза — никогда подобныхъ глазъ не видывалъ! — ну, вотъ, словно сукно на жандармскомъ мундирѣ. И вся изумрудами обвѣшана: серьги, колье съ фермуаромъ, кольца... все — изумруды! вотъ какіе!

Ольга Елпидифоровна объяснила очень спокойно и флегматически, что отъ князя она никакихъ обидъ себѣ не видала, а, напротивъ, глубочайше благодарна ему за его къ ней, сиротѣ, благодѣянія; что въ домѣ князя она пребываетъ въ качествѣ вольнонаемной чтицы при княгинѣ Матренѣ Даниловнѣ; что, наконецъ, если князь позволилъ себѣ пошутить на именинахъ Хлопонича немножко вольно, то эту вину она, дѣвица Тузова, ему давно простила и очень сожалѣетъ, что злые люди истолковали случай этотъ въ дурную сторону.

Такимъ образомъ жалобщиковъ не оказалось, и дѣло погасло за неимѣніемъ пострадавшей стороны.

Князь же, провожая предводителя, полумертваго послѣ двухдневнаго пира, рекомендовалъ ему барышню Тузову въ самыхъ трогательныхъ и яркихъ выраженіяхъ.

— Прекраснѣйшая дѣвица, ваше превосходительство. Мы съ женою безконечно ею восхищены. Думаемъ замужъ ее выдать. Составитъ счастіе каждаго мужчины. Ба! Вотъ кстати: я слышалъ, что къ нашему губернатору сынъ—кавалергардъ пріѣхалъ въ отпускъ. Говорятъ молодчина. Вотъ бы — женился? а? За приданымъ не постою.

Предводитель, валясь въ возокъ подъ мѣховыя попоны, только рукой махнулъ.

— Неисправимъ, хоть брось!

Такъ и разрѣшилась мирнымъ пуфомъ собравшаяся было гроза, оставивъ по себѣ единственный слѣдъ, —

что губернскіе остряки прозвали Хлопонича — Хмельницкимъ, и эта кличка гналась за нимъ уже до самой смерти. Ольга Елпидифоровна пользовалась благосклонностью князя года полтора. Когда надоѣла, Александръ Юрьевичъ сплавилъ ее — во всѣхъ изумрудахъ и съ очень хорошимъ денежнымъ приданымъ на Москву, гдѣ ее, дѣйствительно, превосходно выдали замужъ за весьма солиднаго чиновника по почтовому вѣдомству. Всего любопытнѣе, что едва ли похищенная барышня Тузова, равно какъ и Авдотья Елпидифоровна, жена Хлопонича, не были родными, хотя и внѣбрачными сестрами князя Александра, такъ какъ родительница ихъ была у покойнаго князя Юрія въ несомнѣнномъ и долгомъ фаворѣ. Впослѣдствіи, Зинаида, дочь князя отъ Матрены Даниловны, поражала своимъ сходствомъ съ Ольгою Тузовою, хотя и не была такъ хороша собою. Зналъ ли князь объ этой возможности, когда увезъ Ольгу, а Авдотья лишь маскарадомъ беременности спасалась отъ его донъжуанскихъ притязаній? Хлопоничъ впослѣдствіи увѣрялъ, что не зналъ. Но другой, много ближайшій къ князю человѣкъ, вѣрный его управляющій Муфтель, лишь возражалъ задумчиво:

— Зналъ ли, не зналъ ли, — что изъ того? Не таковъ былъ мальчикъ, чтобы обряжать въ узду свою натуру.

Но мало того, что князь самъ причудничалъ и дурилъ, заходя далеко за предѣлы, допускаемые закономъ и добрыми нравами, онъ имѣлъ еще странную страсть — принимать подъ свою защиту всякій подозрительный народъ; стоило только поссориться съ земскою полиціей, чтобы разсчитывать на поддержку Радунскаго. Самъ онъ никогда не прибѣгалъ къ помощи мѣстныхъ властей:

— Я, какъ сициліанецъ: за обиду взыщу самъ, а судиться за подлость почитаю.

— На что ты нуженъ? — говорилъ онъ мѣстному исправнику, большой таки и весьма неглупой шельмѣ изъ разоренныхъ, сѣвшихъ на полицейскій постъ, чтобы исправить состояніе. На что тебя дворянство избрало и царь хлѣбомъ кормитъ?

— Ахъ, ваше сіятельство, неровенъ часъ, пригодимся и мы вамъ. Маленькая мышка, въ баснѣ сочинителя господина Крылова, перегрызла тенета царя лѣсовъ-съ...

— Это ты говоришь напрасно. Я тобою не брезгую. Всѣ люди одинаковы и всѣ дрянь. Вотъ — обѣдать тебя позвалъ. Сижу съ тобою за однимъ столомъ, и ничего, не тошнитъ. Только не вижу надобности ни малѣйшей въ тебѣ съ становыми твоими, зачѣмъ вы существуете въ природѣ.

— Вотъ-съ? А для порядка?

— Суета отъ васъ по уѣзду, а не порядокъ. Куроцапы вы.

— Ахъ, ваше сіятельство! Обидныя ваши слова.

— А если обидно, — зачѣмъ ты ко мнѣ ѣздишь?

Исправникъ знаетъ, чѣмъ князя взять, — сейчасъ же сшутуетъ:

— Затѣмъ-съ, что столъ французскій очень люблю. Хорошо кормите-съ. Въ нашей глуши только и поѣсть сладко, что у вашего сіятельства.

Хлопоничъ подхихикнетъ:

— Вретъ! Все вретъ, ваше сіятельство! За оброками ѣздитъ. Оброкъ ему у Муфтеля въ конторѣ приготовленъ... въ пакетѣ... особенный.

— Ужъ и оброкъ! Уже и въ пакетѣ особенномъ! Ахъ, Андрей Пафнутьевичъ!

— Къ концу трехлѣтія, въ особенности, учащать

изволитъ, — дразнитъ Хлопоничъ, — на выборы-то безъ княжой протекціи — ну-ка! покажись!

Совсѣмъ развеселится князь Александръ Юрьевичъ шляхетскими шутами своими, но свое твердитъ:

— Куроцапы! Соръ вы человѣческій! Помеломъ бы васъ!

— Ваше сіятельство! — защищается исправникъ. — Но ежели, напримѣръ, на вашей землѣ найдется мертвое тѣло?

— Что же? Попъ Кузьма отпоетъ, а Муфтель пошлетъ рабочихъ зарыть.

— Безъ слѣдствія-съ?

— А кому отъ твоего слѣдствія польза? Становому, лѣкарю, да стряпчему. Покойнику все равно, по какой причинѣ ни гнить, потому что мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, хуже ему не станетъ, — мужикамъ же разоренье. Въ первомъ году, когда я здѣсь поселился, стали было пошаливать бродяги вокругъ Волкояра. Голенищевъ, солдатъ бѣглѣй, да Артемъ Брусокъ съ товарищами. То клѣть сломаютъ, то корову угонятъ, то бабу обидятъ. Я выгналъ въ лѣсъ Муфтеля съ охотничьей командой, — изловили четырехъ молодчиковъ. Я и поговорилъ съ ними по душѣ: вы что же это дѣлаете, черти? Когда вы видѣли отъ меня какую-нибудь обиду? Коли вы голодны и холодны, то приходите честь-честью въ контору, — тамъ для васъ припасено, но самовольничать на моихъ земляхъ не смѣй! Послѣ этого Муфтель всыпалъ имъ каждому по двѣсти лозановъ, потомъ накормилъ ихъ, водкою напоилъ, выдалъ по рублю серебра, и — ступайте на всѣ четыре стороны. Ужъ какъ они благодарили меня за науку! И съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло: у сосѣдей шалятъ, у меня — тихо, потому что русскій человѣкъ и въ разбоѣ уменъ. Видитъ, что я

ему не врагъ, и самъ меня милуетъ. Вонъ мой Муфтель долго жилъ въ Сибири, такъ разсказывалъ мнѣ, что тамъ умные хозяева изъ крестьянъ кладутъ на ночь за оконницу хлѣбъ — для варнаковъ. У одного такого хозяина пропала лошадь. Онъ подстерегъ какого-то варнака и пожаловался ему на пропажу: вотъ какъ ваша братія обижаетъ меня за мои же хлѣбъ-соль. Что же ты думаешь? И лошадь назадъ привели, и обидчика словили, да, разложивши у костра, кишки ему на колъ и повымотали. Знай, молъ, сволочь, каторжную совѣсть, — не обижай своихъ, не порочь варнацкую честь! Ты одинъ шкодишь, а всѣ за тебя отвѣчай?! Такъ-то, господинъ исправникъ. Во всей губерніи и есть хорошій порядокъ, что у меня въ Волкоярѣ. Именно потому, что я вашей братьѣ, чинушкамъ, у себя хозяйничать не позволяю. Нѣтъ большей ненависти, чѣмъ народъ питаетъ къ подъячему сѣмени, къ подлой волокитѣ вашей. Стало быть, стоитъ только не пускать вашего брата на свой порогъ, — тогда и порядокъ найдешь, и въ уваженіи будешь и во всемъ съ мужикомъ безобидно поладишь... А не поладимъ — самъ сокрушу, къ тебѣ кланяться за помощью не поѣду. Мои люди! Я имъ отецъ, и баринъ, и царь, и богъ. А ты — которая спица въ колесницѣ? Брось! Такъ-то, господинъ исправникъ. А къ столу прошу. По дѣламъ, объѣзжай Волкояръ за версту до околицъ, а къ столу прошу.

Въ волкоярской конторѣ, въ прихожей, на коникѣ, всегда сидѣлъ казачекъ съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ. Всякій, просящій милостыню, получалъ монету. Князь сердился, если къ вечеру мѣшокъ не опорожнялся, и слушать не хотѣлъ оправданій, что нищіе не приходили...

— Этого не можетъ быть, — говорилъ онъ, —

нуждающихся въ грошѣ всегда больше на свѣтѣ, чѣмъ грошей. Мальчишка лѣнился или игралъ въ бабки, вмѣсто того, чтобы раздавать милостыню... Къ лебедямъ его!

И бѣднягу запирали на ночь, полунагого, въ чуланъ, гдѣ въ зимнее время содержались выписные лебеди — лѣтомъ украшеніе волкоярскихъ прудовъ. Чуланъ былъ тѣсный, мальчикъ мѣшалъ огромнымъ птицамъ; онѣ злились и исхлестывали наказаннаго крыльями до синяковъ, да и пощипывали порядкомъ. Ребятишки боялись этого наказанія больше, чѣмъ розогъ.

Въ округѣ держался слухъ — можетъ быть, и ложный, но совершенно опредѣленный и твердый, — что князь Александръ Юрьевичъ не только былъ знакомъ лично съ знаменитымъ Ѳаддеичемъ, послѣднимъ мужицкимъ богатыремъ и „справедливымъ“ разбойникомъ, лѣснымъ рыцаремъ Верхняго Плеса, но даже не разъ пировалъ съ нимъ по притонамъ его и самъ принималъ Ѳаддеича у себя, какъ почетнаго гостя. Вообще же, если приходилось къ слову въ бесѣдѣ, князь отзывался о Ѳаддеичѣ съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою.

— Преполезнѣйшій человѣкъ былъ. Чрезвычайно жалѣю, что его поймали и до смерти задрали въ Костромѣ на кобылѣ. Если бы десятка два такихъ сермяжныхъ Донъ-Кихотовъ пустить по Россіи, острастка разнымъ подлецамъ получилась бы куда надежнѣйшая, чѣмъ отъ сенаторскихъ ревизій, нынѣ назначаемыхъ. Сенаторъ, все же, чиновникъ, а всякаго чиновника, какъ бы высоко ни стоялъ онъ по табели о рангахъ, всегда купить можно. Не деньгами, такъ бабой, не бабой, такъ протекціей, не протекціей, такъ страстишкою какою-нибудь — либо жрать гораздъ, либо пьетъ,

либо картежникъ, либо собачей, а то коллекціи какія-нибудь собираетъ, картины, табакерки. Ну, а Ѳаддеича не купишь, врешь, братъ, нѣтъ! Онъ прежде, чѣмъ за топоръ-то взялся, можетъ быть, годы вокругъ себя на міръ озирался, жалѣлъ людей, злость жизни видя, да ночи напролетъ плакалъ, предъ иконами стоя, молясь, чтобы развязалъ его Богъ — буйную силу и гнѣвную волю съ робкою совѣстью помирилъ бы. Онъ на разбой-то, бывало, ѣдетъ, а самъ крестится, да молитву читаетъ, — самъ же и сочинилъ: — Не дай, — говоритъ, — пути неправаго, не попусти грѣха обидѣть вдову, сироту, убогаго, но помози свободити насильника отъ излишковъ его...

Большой любимецъ князя, хотя и вѣчный съ нимъ спорщикъ, губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, Павелъ Михайловичъ Вихровъ, молодой человѣкъ, высланный изъ столицъ за какую-то либеральную поэму или повѣсть, — возражалъ Радунскому:

— Почему вамъ это нравится, князь? Вѣдь вы же libre penseur, въ крайнемъ случаѣ, деистъ — и до религіозныхъ дисциплинъ не охотникъ?

Князь отвѣчалъ съ надменностью:

— Мало ли отъ чего могу себя уволить я, князь Радунскій! Меня къ аристократизму свободной мысли, съ Дмитрія Донского, семнадцать боярскихъ поколѣній вырабатывали. Между мною и Божествомъ нѣтъ никого, и ничье посредничество неумѣстно. Мнѣ религіи не нужно, коль скоро я самъ себѣ религія. Но, вообще, я люблю видѣть людей религіозными. А мужика въ особенности. Вы въ наши края, поди, опять — съ раскольниками воевать пожаловали?

— Ахъ, ужъ и не говорите! — сокрушался, краснѣя, молодой чиновникъ. — Такія все гнусныя дѣла поручаютъ. Душа отъ нихъ разлагается!

— Жаль. У раскольниковъ съ религіей — куда крѣпче. По мнѣ — хоть дырѣ молись, — есть тутъ у насъ секта такая, такъ дыромолами и называются, — да вѣруй въ нее, держись въ ней за мірскую совѣсть какую-нибудь — и чувствуй, что держишься, и трепещи потерять.

Въ числѣ таинственныхъ людей, принятыхъ княземъ подъ свою властную руку, особенно выдавался егерь Михайла — по дворовой кличкѣ Давыдокъ. Давыдокъ былъ верзила лѣтъ сорока-пяти, съ лица — хоть сейчасъ въ разбойничьи есаулы, но души добрѣйшей и ума недальняго. Въ Волкояръ онъ пришелъ откуда-то издалека, съ воли. Что за Давыдкомъ осталась въ прошломъ какая-то черная туча — никто не сомнѣвался. Но какая именно, — никто не зналъ: во-первыхъ, этого милѣйшаго добряка всѣ любили и не хотѣли обидѣть лишнимъ спросомъ; а во-вторыхъ, Давыдокъ ломалъ подковы, какъ лучину, и, слѣдовательно, разломать голову назойливаго допросчика не составило бы для него большого труда. Въ княжескую милость Давыдокъ вошелъ, какъ отличный стрѣлокъ, доставлявшій отборную дичь къ столу, и чудовищный силачъ, умудрившійся въ борьбѣ грохнуть о-земь даже самого Хлопонича.

Однажды Александру Юрьевичу пришло въ голову спросить Давыдка:

— Михайла, сѣкли тебя когда-нибудь?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство...

— Какъ же это, любезный? У меня вся дворня драная, а ты не драный... Имъ передъ тобою обидно, а тебѣ должно быть конфузно: чѣмъ ты лучше другихъ? Ступай, братъ, на конюшню!...

Чуть ли не весь Волкояръ сбѣжался къ барской усадьбѣ, когда разнеслась вѣсть, что Михайлу будутъ

сѣчь, чтобы посмотрѣть, какъ „Давыдокъ будетъ не даваться“. Но Давыдокъ обманулъ общія ожиданія и позволилъ выпороть себя на обѣ корки ни за что, ни про что. А затѣмъ, по заведенному въ Волкоярѣ обычаю, отправился благодарить князя за науку.

— Ты, по крайней мѣрѣ, знаешь ли, дуракъ, за что тебя пороли? — спросилъ князь.

— Никакъ нѣтъ... не могу знать... А только ежели пороли, стало быть, есть за что! Безъ вины пороть не будете...

Отвѣтъ Давыдка привелъ князя въ восторгъ.

— Вотъ это слуга! — сказалъ онъ и наградилъ Михайлу десятью рублями.

Съ тѣхъ поръ егерь сталъ его любимцемъ. Но въ дворнѣ этой поркой сильно возмущались и долго дразнили ею Давыдка.

— Чортъ, дьяволъ! какъ тебѣ не стыдно? — привязался къ нему товарищъ-егерь, — диви бы мы... Что жъ? ужъ наше такое дѣло несчастное — холопское... А ты вѣдь, сказываютъ, вольный!..

И вотъ тутъ-то случился было грѣхъ. При словѣ „вольный“ Давыдокъ вдругъ побагровѣлъ, приподнялся съ мѣста и съ размаха хвать егеря по уху. Бѣднягу послѣ такого гостинца часа два приводили въ чувство и еле-еле привели.

— Очумѣлъ ты, сатана? — попрекали Давыдка дворовые, — ни за что его порютъ, — молчитъ, товарищъ словомъ обмолвился, — мало-мало не убилъ.

Давыдокъ оправдывался:

— А онъ зачѣмъ волею дразнится? Я за волю то, можетъ быть...

— Что Давыдокъ?

— Ничего, дурачекъ, много знать будешь, скоро состаришься.

Послѣ этого, всѣ въ Волкоярѣ порѣшили окончательно, что у Михайлы Давыдка есть на душѣ недобрая тайна, и не трогать ея — и для него, и для другихъ будетъ лучше.

Князь не слишкомъ довѣрялъ своей избалованной дворнѣ, въ которой — онъ понималъ хорошо — какъ ни щедро осыпалъ онъ ее своими милостями, не одинъ человѣкъ носилъ въ душѣ смертную обиду на него и жажду мести, хоть до ножевой расплаты. Однако, вдвоемъ съ Давыдкомъ онъ спокойно уходилъ въ глубь своихъ лѣсовъ, — и между бариномъ и слугою оставались свидѣтелями только сосны да небо...

Михайло былъ стрѣлокъ замѣчательный, а мѣстность зналъ, какъ свои пять пальцевъ, открывая князю въ собственныхъ его владѣніяхъ уголки, новые даже для Муфтеля — волкоярскаго сторожила.

— Должно быть ты, Михайло, у лѣшаго на посылкахъ былъ, — шутилъ князь.

— Нѣшто одни лѣшіе въ лѣсу живутъ? — отшучивался Михайло.

— И разбойники тоже...

— Ништо! — невозмутимо соглашался Михайло, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ на намекъ своего господина.

Одну лишь предосторожность соблюдалъ князь: на лѣсныхъ тропахъ Давыдокъ шелъ впереди, а Александръ Юрьевичъ сзади, готовый, при первомъ подозрительномъ движеніи егеря, пустить ему въ спину пулю. Но съ тѣхъ поръ какъ князю случилось однажды сорваться съ жердочки въ болотную трясину, и Михайло вытащилъ его, рискуя самъ увязнуть, была оставлена и эта предосторожность. Князь убѣдился, что слуга его — рабъ честный и вѣрный.

Раза два или три, изъ-за страсти князя воображать себя какимъ-то средневѣковымъ феодаломъ-бан-

дитомъ, атаманомъ шайки полурабовъ, полуразбойниковъ, поднималась серьезная переписка. Но, во-первыхъ, князь былъ богатъ, закованъ въ золото и недоступенъ стальному копью закона. Во-вторыхъ, онъ былъ мастеръ отписываться. Его отвѣты ходили въ спискахъ по всей губерніи, какъ образчики мѣстной сатиры — ябеднической, оскорбительной, но ловкой: прицѣпиться не къ чему, вьюнъ вьюномъ! Пригласитъ къ себѣ Хлопонича, запрутся вдвоемъ въ кабинетъ и высидятъ, ехидствуя и грохоча, какую-нибудь такую бумажку, что, читая, губернаторъ съ правителемъ канцеляріи только губами, бѣлыми отъ безсильной злости, трясутъ, а дворянство и обывательство помираютъ со смѣха, хватаясь за сытые животики. Слухи и глумы пускали они по губерніи самые злобные и язвительные. Укусила въ губернскомъ городѣ полицеймейстера, человѣка весьма свирѣпаго нрава, болонка его супруги. Собачка была дорогая, пожалѣли пристрѣлить. Полицеймейстеръ распорядился посадить болонку въ клѣтку — на испытаніе, не бѣшеная ли. Князь Александръ Юрьевичъ немедленно выдумалъ, будто губернаторъ, въ видахъ справедливости, приказалъ и полицеймейстеру тоже сидѣть въ клѣткѣ:

— Потому что неизвѣстно, кто скорѣе взбѣсится и отъ чего: полицеймейстеръ ли отъ собачкина укушенія, или собачка оттого, что полицеймейстера укусила?

Слухъ этотъ распространился настолько широко и съ такою увѣренностью, что въ Костромѣ передъ домомъ полицеймейстера однажды собралась толпа простонародья — смотрѣть, какъ бѣсится полицеймейстеръ, и — правда ли, что, когда онъ вовсе взбѣсится, то губернатору пришла эстафета изъ Петербурга — вывести его въ поле и пристрѣлить?

Въ концѣ концовъ, на князя перестали обращать вниманіе или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что вниманія не обращаютъ.

— Все равно, — говорилъ губернаторъ, — съ этимъ чортушкой ничего не подѣлаешь.

— А между тѣмъ былъ этотъ губернаторъ не изъ потворщиковъ и послабниковъ — къ власти своей ревнивъ, какъ Отелло, и въ самодурствѣ необузданъ, какъ Тамерланъ. Именно съ этого сановника, говорятъ, были списаны А. Ѳ. Писемскимъ свирѣпые губернаторы въ его романахъ „Люди сороковыхъ годовъ" и „Взбаломученное море"...

— Но отчего же именно съ чортушкой ничего нельзя подѣлать? — приставалъ на первыхъ порахъ, къ правителю канцеляріи молодой — только что изъ Петербурга — чиновникъ особыхъ порученій Вихровъ, тогда еще незнакомый съ княземъ Радунскимъ, который, впослѣдствіи, умѣлъ таки его, если не очаровать, то примирить съ собою. Вихровъ былъ честенъ, молодъ, сгоралъ жаждой дѣятельности, а дѣла ему давали все такія скучныя да антипатичныя... то расколъ душить, то въ казенныхъ потравахъ и порубкахъ разбираться.

— Стало быть, нельзя-съ, — улыбался правитель канцеляріи; онъ очень хорошо понималъ дѣловую горячку молодого человѣка и сочувствовалъ ей, какъ воспоминанію о своей еще не очень давней юности. — Ихъ превосходительство дѣло говорятъ-съ.

Вихровъ язвилъ:

— Я еще понимаю, когда мы безсильны тронуть князя Г., графиню Д., сколько они ни изувѣрствуй надъ своими крестьянами и сосѣдями, какъ ни издѣвайся надъ нами и закономъ. Этимъ господамъ стоитъ шепнуть словечко кому надо въ Петербургѣ, и не

усидимъ на мѣстахъ не только мы съ вами, но и нашъ принципалъ. Это потворство подлое, но — что жъ подѣлаешь? въ нашей матушкѣ Россіи безъ этого не проживешь. „Въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена". Но къ чему же мы, кромѣ необходимыхъ, дѣлаемъ еще добровольныя подлости? Что за птица князь Радунскій? Онъ въ немилости, государь хмурится, когда слышитъ его фамилію, знакомые и родные отъ него отреклись, его нигдѣ не принимаютъ, у него нѣтъ никакого вліянія... И все-таки мы стоимъ предъ нимъ въ полномъ безсиліи, а онъ своеволитъ, какъ киргизъ-кайскъ, и въ усъ себѣ не дуетъ...

— Молодой человѣкъ, — серьезно возразилъ правитель канцеляріи, — я вамъ скажу на это татарскую охотничью поговорку: „нѣтъ острѣй зубовъ одинокаго волка". Вотъ вы помянули князя Г. Человѣкъ властный и страшный — что говорить! Но, если бы меня послалъ къ нему губернаторъ съ непріятнымъ для него порученіемъ... ну, предположимъ крайнее: хоть арестовать его, — я поѣду, въ усъ себѣ не дуя. А къ Радунскому — извините: подамъ рапортъ о болѣзни.

— Что такъ? — насмѣхался Вихровъ.

— А то, что преданность закону, сознаюсь вамъ, у меня далеко не превышаетъ чувства самосохраненія. Я не Сидрахъ, не Мисахъ, не Авденаго, чтобы лѣзть въ пещь огненную, и не Донъ-Кихотъ, чтобы подставлять свою физіономію подъ крыло вѣтряной мельницы.

— Но чѣмъ же онъ такъ запугалъ всѣхъ? что онъ можетъ сдѣлать? — недоумѣвалъ молодой человѣкъ.

— Рѣшительно ничѣмъ не запугивалъ, кромѣ того, что онъ Радунскій, и мы слишкомъ хорошо знаемъ эту змѣиную породу. А сдѣлать... да онъ все можетъ сдѣлать...

— Не понимаю! Человѣкъ потерянный, безъ связей, безъ дружбы...

— Именно потому-то и опасенъ, что ему терять нечего; вамъ же и мнѣ, а наипаче его превосходительству — есть что терять и даже весьма много-съ... Дѣдушка этого самаго Радунскаго, молодой человѣкъ, губернаторовъ-то плетьми дралъ-съ!

— Мало ли что было при царѣ Горохѣ.

— И вовсе не при Горохѣ, а императрица Екатерина правила.

Вихровъ смѣялся.

— Неужели вы думаете, что внучекъ вышелъ въ дѣдушку, и высѣчетъ нашего?

— Ну, высѣчетъ не высѣчетъ, а... Да нѣтъ-съ, и высѣчетъ! — рѣшительно махнулъ рукой правитель.

— При нынѣшнемъ-то государѣ? Николай Павловичъ вздернулъ бы за такую штуку!

— Очень онъ смерти боится! Татарская кровь.

— Это любопытно, однако. Романтикъ какой-то...

— Вотъ я вамъ разскажу, откуда мнѣ стала извѣстна эта исторія о высѣченномъ губернаторѣ, — тогда и судите, что можетъ сдѣлать эдакій человѣкъ. Въ городѣ нашемъ Радунскій бываетъ рѣдко, развѣ по крайней какой необходимости. Однако, какъ-то разъ попалъ на выборы — хотѣлось протащить на должность, въ исправники что ли, мелкую сошку изъ своихъ прихвостней. Онъ на это предобрый. Ладно. Принимали его, какъ принца, а онъ угощалъ дворянство, какъ не всякій принцъ угоститъ. На предводительскомъ обѣдѣ встрѣчается онъ съ нашимъ, и нашъ на него пофыркиваетъ: помни, дескать, что ты въ нѣкоторомъ родѣ опальный бояринъ, а я здѣсь царь и Богъ, и все, начиная съ господъ дворянъ, за-

жато у меня въ кулакѣ. Однако, говоритъ нѣсколько любезныхъ словъ; вспоминаетъ, что гостилъ у покойнаго князя Юрія въ Волкоярѣ, восхищается имѣньемъ, домомъ, а въ особенности хвалитъ Венеринъ гротъ въ саду... А князь перебиваетъ:

— Я этотъ Венеринъ гротъ велѣлъ засыпать.

— Какая жалость! зачѣмъ же это, князь?

— Становые отъ него ужъ очень шарахались, ваше превосходительство. Не можемъ — говорятъ — здѣсь близко стоять, ибо мѣсто сіе есть свято.

— Не понимаю, князь.

— Существуетъ, ваше превосходительство, такая легенда объ этомъ Венериномъ гротѣ, будто на семъ самомъ мѣстѣ дѣдъ мой, князь Романъ, наказалъ розгами на тѣлѣ современнаго ему плута-губернатора со всею его челядью. Въ виду такой неприличной легенды, ваше превосходительство, я, человѣколюбиво щадя чувства становыхъ, распорядился уничтожить гротъ. А, впрочемъ, если онъ вашему превосходительству такъ нравится, я, пожалуй, прикажу его возстановить.

— Благодарю-съ, — говоритъ нашъ, — самъ налился кровью, еще минута и параличъ. Мы сидимъ ни живы, ни мертвы, князь же — какъ ни въ чемъ не бывалъ. Такъ вотъ-съ это какой человѣкъ! А вы говорите: не высѣчетъ...

Народная молва, съ губернаторскаго слова, такъ и прославила князя Александра Юрьевича „Чортушкой на Унжѣ". Кличка, однако, не мѣшала крестьянамъ чувствовать къ князю большое уваженіе. Помѣщикъ изъ Александра Юрьевича вышелъ — надо отдать справедливость — хорошій и управляющаго нашелъ себѣ подъ пару — нѣмца Муфтеля, изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. Этотъ Муфтель об-

русѣлъ настолько, что могъ бы сказать о себѣ, какъ гоголевскій Кругель: „Какой ужъ я нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки“. Князь очень любилъ этого исполнительнаго, крутого служаку и въ шутку звалъ его своимъ Аракчеевымъ. Но маленькій волкоярскій Аракчеевъ былъ куда и мягче, и честнѣе большого Аракчеева грузинскаго. Князь и Муфтель не били мужика по карману, не разоряли, не вымогали, въ нуждѣ давали немедленно помощь на поправку; но оброки Муфтель взыскивалъ съ неумолимою строгостью; барщина была дѣльная; за добропорядочностью труда слѣдили сурово.

— Если, — говорилъ князь, — я вижу, что мужикъ плохо работаетъ на меня, я ему спущу шкуру со спины; если я замѣчу, что онъ худой работникъ на себя, я его переверну и спущу шкуру съ брюха.

Словомъ, баринъ былъ грозный, но не жадный и, что въ сосѣдскихъ, что въ господскихъ отношеніяхъ обычнаго права, довольно справедливый. Особенно нравилось, что онъ міръ уважалъ и въ мірскую волю не мѣшался, предоставляя крестьянству самоуправляться, какъ оно знаетъ — къ своему лучшему, и какъ отъ отцовъ заведено. Міроѣдамъ засилья не давалъ и никогда не отказывалъ своему мужику въ помощи купить рекрутскую квитанцію либо поставить за себя охотника. Его мелкое тиранство и самодурство мало касались села — это оттерпливала дворня, почти вся пришлая: переселенная изъ другихъ княжескихъ помѣстій, либо даже наемная. Князь любилъ имѣть въ услуженіи, закабаленную какою-либо безвыходностью, вольную голь. Жалованья имъ не платили, но — живи, сколько хочешь, за сытые кормы, уголъ и одежу.

— Эти люди надежнѣе, — говорилъ князь. — Своего мужика я — хорошъ ли онъ, нѣтъ ли — все равно

долженъ терпѣть. Драть его за худую службу — не радость. Въ солдаты сдать — себѣ убытокъ. А вольный да голый всегда въ страхѣ: ну, прогоню я его, — куда онъ дѣнется? Волкоярскіе крестьяне, такимъ образомъ, благоденствовали и слыли по округѣ завидными богачами. И, если бъ Александръ Юрьевичъ меньше обижалъ ихъ по бабьей части, пожалуй, его даже любили бы.

IV.

Въ зелени вѣкового волкоярскаго парка тонулъ красивый каменный флигель, построенный еще княземъ Романомъ для одной изъ его многочисленныхъ любовницъ, которую онъ увезъ отъ мужа, потому что находилъ ее похожею на Психею, а мужа „и Ѳерситомъ коль назвать — Ѳерситу будетъ злая клевета и обида". Флигель, по имени Психеи, такъ и звался: „Псишинъ павильонъ". Волкоярская чернь, въ миѳологическомъ своемъ невѣдѣніи, передѣлала мудреныя слова по понятному для нея созвучію — и сталъ павильонъ не Псишинъ, а Псицынъ. Впослѣдствіи наслѣдникъ князя Александра Юрьевича приказалъ разметать эту постройку до основанія. Очень ужъ грустныя воспоминанія дарило ему ветхое зданіе. Здѣсь провела свою безрадостную жизнь и отдала Богу душу „нечаянная княгиня" Матрена Даниловна. Сверхъ всякаго ожиданія, Радунскій послѣ своей дикой женитьбы не бросилъ бѣдную идіотку на произволъ судьбы. Обвѣнчанная чуть не насильно попомъ, запуганнымъ настолько, что врядъ ли онъ самъ понималъ въ тѣ страшныя минуты, какой именно обрядъ онъ совершаетъ, — княгиня послѣ свадьбы безумно влюбилась въ своего грознаго супруга. Она выказала ему столько слѣпой и рабской преданности, что даже ни-

когда никого не жалѣвшему Радунскому стало совѣстно обижать это убогое существо. Притомъ, въ первое время, онъ самъ былъ несовсѣмъ равнодушенъ къ своей молодой, полной здоровья и силы, женѣ, увлекаясь ею, конечно, по своему, — грубо и чувственно: только такъ, вообще, умѣлъ увлекаться и любить суровый „чортушка". Александръ Юрьевичъ счелъ нужнымъ увѣковѣчить свою жену въ мраморѣ и краскахъ: выписалъ въ Волкояръ изъ Петербурга скульптора и живописца, а изъ Италіи — глыбу каррарскаго мрамора, — и вотъ фамильную портретную галлерею Радунскихъ украсила Леда, а цвѣтникъ сада — бѣлая Церера, скопированныя съ монументальныхъ формъ Матрены Даниловны. Возвратившись въ Петербургъ, художники — оба съ именами — кажется, не столько были рады огромнымъ деньгамъ, какія заплатилъ имъ князь, сколько удовольствію вырваться, наконецъ, изъ гнѣзда „чортушки", откровенно блеснувшаго предъ ними всѣми своими чудесами и безобразіями. Живописецъ — человѣкъ стараго вѣка, почтенный и богомольный, хотя и сдѣлалъ свою карьеру и даже сталъ знаменитымъ, именно, какъ спеціалистъ по женскому тѣлу, которое онъ вырисовывалъ столь обстоятельно, что драгоцѣнныя картины его потомство сохраняетъ подъ зеленымъ коленкоромъ, — даже лишній разъ говѣлъ по возвращеніи въ Петербургъ и самъ просилъ священника назначить ему какую-нибудь эпитимью:

— Ужъ очень много грѣха, батюшка, хватилъ я въ проклятомъ Волкоярѣ... Кажется, въ Содомъ-Гоморѣ подобныхъ игръ не видно, какъ его сіятельство забавляться изволятъ!

Миѳологическая позировка стоила Матренѣ Даниловнѣ немало стыда и слезъ, но она очень хорошо

знала крутой нравъ своего супруга, чтобы возражать противъ его прихоти. Откровенную Леду впослѣдствіи уничтожилъ сынъ Радунскихъ, князь Дмитрій Александровичъ, благоговѣвшій предъ памятью своей матери, хотя онъ никогда ея не видалъ: Матрена Даниловна умерла именно его родами. Цереру же, по смерти княгини, приказалъ убрать самъ князь Александръ, такъ какъ между дворнею прошелъ суевѣрный слухъ, будто мраморная княгиня по ночамъ ходитъ по саду, стонетъ и плачетъ.

Введя Матрену Даниловну въ свой домъ, Радунскій сперва окружилъ ее истинно-княжескимъ почетомъ и отъ души хохоталъ, когда бѣдняжка невольно разыгрывала роль вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Новскорѣ забава эта прискучила Александру Юрьевичу, и онъ безцеремонно перевелъ беременную жену въ садовый флигель, гдѣ она и стала жить да поживать одиноко, на странномъ положеніи жены — не то въ отставкѣ, не то въ безсрочномъ отпуску. Радунскому очень хотѣлось имѣть наслѣдника. Въ его мрачной, безбожной, но суевѣрной душѣ жили самыя тяжелыя воспоминанія объ ужасномъ дѣтствѣ, прожитомъ подъ властью ненавистника отца. А отцу онъ не простилъ и за могилой. Князь Александръ Юрьевичъ зналъ, какъ о немъ говорятъ и думаютъ люди, самъ лучше всѣхъ понималъ дикія выходки своего самодурства.

„Я звѣрь, я чортушка, — мрачно думалъ онъ, стоя предъ портретомъ отца, который улыбался ему съ полотна своимъ лицемѣрнымъ, язвительно-красивымъ лицомъ, — но кто меня сдѣлалъ такимъ? ты, извергъ, ты!“..

Какъ бы въ возмездіе за самого себя — потому что самого себя онъ, чѣмъ становился старше, тѣмъ от-

кровеннѣе считалъ истиннымъ несчастьемъ и казнью рода Радунскихъ, — князь Александръ Юрьевичъ мечталъ создать изъ своего наслѣдника человѣка, котораго благословляли бы люди, — „ангела мира и кротости“. Князь обожалъ не существующаго сына заранѣе.

— Воспитаю его чистымъ, какъ стеклышко, — говорилъ онъ, — онъ сниметъ съ меня всѣ пятна; онъ долженъ сдѣлать для нашей фамиліи все, что я былъ безсиленъ сдѣлать, по злосчастной натурѣ моей, подлому воспитанію и ожесточенію моего отрочества. Пусть онъ будетъ и уменъ, и образованъ, и великодушенъ, слава роду, слуга отечеству. Мы, проклятые, выбились изъ исторіи, пусть же онъ снова введетъ насъ въ исторію. Тогда и меня помянутъ за сына, не злымъ, но добрымъ словомъ — что я родилъ и воспиталъ такого, что я не загубилъ его, какъ меня загубилъ мой старикъ...

Этимъ заключеніемъ неизмѣнно завершались его бесѣды и размышленія о будущемъ ребенкѣ. Точно мечты князя о сынѣ-идеалѣ рождались, какъ противовѣсъ унылымъ отголоскамъ его собственнаго дѣтства, точно онъ собирался быть образцовымъ отцомъ, потому что собственнымъ горькимъ опытомъ узналъ, какимъ отцомъ быть не слѣдуетъ.

Княгиня обманула ожиданія мужа и родила дочь Зинаиду. Гнѣвъ князя былъ ужасенъ. Появленіе дочери вмѣсто сына разстроило въ конецъ его мечты. Онъ былъ оскорбленъ до глубины души. Сколько ни было Радунскихъ въ родословномъ древѣ, у всѣхъ были первенцы, а у него — на поди — дѣвчонка! Онъ не ждалъ дочери, не хотѣлъ ея; онъ считалъ ея появленіе нарушеніемъ законовъ природы и исторической справедливости. И за все это возненавидѣлъ ее такъ

же жестоко, какъ ненавидѣлъ его когда-то покойный отецъ, князь Юрій. Подъ впечатлѣніемъ первыхъ поздравленій съ дочерью, въ первомъ порывѣ гнѣва, князь сдѣлалъ родильницѣ страшную сцену, такъ что она отъ испуга захворала и, послѣ родильной горячки, едва не потеряла послѣдній остатокъ своего скуднаго ума. Наконецъ, даже тупую, рабскую, полуживотную душу Матрены Даниловны ожесточили безумства и злосердечіе Александра Юрьевича. Матрена Даниловна не жаловалась, не плакала, хотя лишь слоновой натурѣ своей она была обязана тѣмъ, что распущенность князя не отправила ея на тотъ свѣтъ. Но съ этихъ поръ мужъ умеръ для нея: она отдала всю свою привязанность отвергнутой отцомъ новорожденной, а князю оставила тупую безсловесную покорность — покорность безсильнаго страха. Года черезъ полтора, гнѣвъ князя обошелся. Онъ возвратилъ княгинѣ свою милость, — слишкомъ поздно, чтобы возвратить себѣ ея любовь и воскресить ея разбитое сердце. А встрѣчая дочь, только равнодушно произносилъ:

— Это та самая дѣвчонка, что ли?

Зина росла, не зная отца. Она жила во флигелѣ съ матерью. Князь одинъ-одинёхонекъ короталъ дни въ большомъ домѣ-дворцѣ, превосходномъ зданіи XVIII вѣка, начатомъ стройкою еще при императрицѣ Елизаветѣ лейбкомпанцемъ княземъ Ѳедотомъ Радунскимъ, по плану и рисункамъ Растрелли, а доконченномъ уже въ екатерининское время княземъ Романомъ, съ поправками и варіантами Баженова.

Дикая и разнузданная жизнь шла во дворцѣ, хотя и жизнь подъ вѣчнымъ страхомъ. Порядокъ дня шелъ скачками — какъ придется, глядя по тому, когда и каковъ духомъ встанетъ съ постели князь Александръ Юрьевичъ. Обѣденный столъ готовили

къ полдню, а случалось, что князь садился за него едва въ сумерки. Обѣденная церемонія совершалась изо дня въ день съ большою торжественностью. Въ старинной холодной столовой накрывали столъ на двѣнадцать приборовъ, хотя садился за него, если не было гостей, только самъ князь и, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ особой милости, управляющій Волкояромъ, нѣмецъ Муфтель. Гостей полагалось имѣть не больше одиннадцати, чтобы за столомъ сидѣло, вмѣстѣ съ хозяиномъ, не свыше двѣнадцати человѣкъ. Если пріѣзжалъ тринадцатый, ему былъ — отъ воротъ поворотъ. За каждымъ стуломъ, занятымъ ли, порожнимъ ли, стояло по лакею — въ ливреѣ и на вытяжкѣ, — лично князю прислуживали двѣ красивыя дѣвки, любимыя одалиски его крѣпостного гарема. Передъ этими двумя фаворитками гнулъ спину весь Волкояръ, не исключая и Муфтеля. Дѣло въ томъ, что послѣ обѣда князь дѣлался податливымъ на просьбы, охотнѣе миловалъ виноватыхъ, легче принималъ непріятныя извѣстія; между тѣмъ только двѣ избранницы его сердца имѣли право входить въ его покои во время послѣобѣденнаго отдыха.

Крупныхъ сосѣдей у волкоярскаго хана не было. А тѣ, которые были покрупнѣе, по возможности, избѣгали бывать у него, храня свое достоинство отъ насмѣшекъ и унизительныхъ выходокъ князя. Зато въ большіе праздники, когда положеніе объ одиннадцати гостяхъ отмѣнялось, дворецъ наполнялся мелкопомѣстными дворянчиками-просителями и прихлебателями, чающими княжескаго угощенія и благодѣяній. И потѣшался же князь надъ этою нищею толпою!

Однажды, на Рождество, онъ вышелъ къ обѣду сердитый. Подали супъ. Князь попробовалъ и оттолкнулъ тарелку.

— Эй вы! — сказалъ онъ, — какой это супъ: скоромный или постный?

— Скоромный, выше сіятельство, — отозвалось нѣсколько недоумѣлыхъ голосовъ.

— А я говорю, что постный.

— Постный, ваше сіятельство, — торопились согласиться голоса.

— А день сегодня какой?

— Вторникъ, ваше сіятельство... — сказали одни.

— Какой вашему сіятельству угодно, — сказали другіе.

— Кто говорилъ: „вторникъ"? — громко крикнулъ князь, — пятница!

— Пятница, ваше сіятельство!

— Значитъ, супъ постный, а день — пятница?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, а такъ какъ я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ потакали поповскимъ предразсудкамъ и ѣли по пятницамъ постное, то и... не жрите вовсе!

Вышелъ изъ-за стола и скрылся къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ его ждалъ другой обѣдъ. Голодные гости разъѣхались, втихомолку ругаясь.

Рѣшительно никого не уважалъ и ровнею себѣ не считалъ, ни съ кѣмъ и ни въ чемъ не стѣснялся. Созоветъ гостей со всѣхъ волостей и, оказавшись не въ духѣ, не выйдетъ къ нимъ, вышлетъ — „быть за хозяина" — Хлопонича либо котораго-нибудь изъ мелкопомѣстныхъ своихъ дворянчиковъ-прихлебателей: этими полушутами, полулакеями, чающими кормовъ и благодѣяній, всегда кишѣлъ волкоярскій дворецъ.

Какъ-то разъ князь устроилъ такую штуку даже на именины свои, 30 августа, когда въ Волкояръ съѣхалось все уѣздное дворянство и многіе чины изъ

губерніи. Только и чести прибавилъ, что, вмѣсто Хлопонича, посадилъ на предсѣдательское мѣсто любимца своего, губернаторскаго чиновника Вихрова и, конечно, не „послалъ“ его, но „попросилъ“. Молодой человѣкъ сконфузился было, началъ отказываться:

— Помилуйте, князь, среди вашихъ гостей столько почетныхъ лицъ старше меня возрастомъ и гораздо болѣе заслуженныхъ.

— А чортъ съ ними! — безцеремонно отрѣзалъ князь.— Въ васъ мнѣ нравится именно то, что вы молоды и еще не служили. Когда у васъ на шеѣ будетъ висѣть владимірскій крестъ, а, можетъ быть, даже протянется черезъ плечо красная лента,— тогда, повѣрьте, господинъ Вихровъ, я уже не попрошу васъ быть моимъ замѣстителемъ. Въ матушкѣ Россіи порядочны только молодые люди, не перевалившіе за тридцать лѣтъ.

— Но у васъ въ домѣ находится маршалъ нашъ, губернскій предводитель дворянства...

Князь ядовито скривился.

— Достаточно и того, что я каждое трехлѣтіе покрываю его недочеты и тѣмъ спасаю шкуру его превосходительства отъ энергіи господъ дворянъ, кои до нея добираются. Что вы, господинъ Вихровъ! Ужъ если мнѣ выбирать изъ лакеевъ, то я Муфтеля пошлю, или Лаврентія-дворецкаго, или егеря Михайлу Давыдка: они, по крайней мѣрѣ, честны.

За обѣдомъ гости рѣшили, все-таки, отправить Вихрова къ отсутствующему хозяину депутатомъ, чтобы отъ имени всего общества чокнулся съ именинникомъ шампанскимъ и произнесъ приличную рѣчь. Вихровъ засталъ князя за пикетомъ съ Хлопоничемъ. Александръ Юрьевичъ очень обрадовался юношѣ.

— А! пріятно, что пожаловали. Что это? Шам-

панское? Ахъ, да... тостъ? Ну, нечего дѣлать, произносите вашъ тостъ.

Выслушалъ, выпилъ, кивнулъ головою.

— Тостъ къ чорту... глупости! Очень мнѣ нуженъ ихъ пьяный тостъ!.. А съ вами мы еще выпьемъ. Я радъ съ вами выпить. Люблю пить съ умнымъ человѣкомъ. Я, господинъ Вихровъ, когда-то самъ былъ умный человѣкъ. Ваше здоровье!

Пьетъ и смѣется.

— И образованный былъ. Да. Очень образованный. Байрона въ подлинникахъ читалъ. Въ масонской ложѣ молоткомъ стучалъ. Съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ былъ пріятель. И послѣ встрѣчались. Положимъ, только въ штоссъ играли, но — все-таки... А хорошо онъ писалъ стихи, Александръ Пушкинъ:

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль...

— Пушкинъ многое получше этого написалъ, князь! — почти обидѣлся Вихровъ.

Александръ Юрьевичъ внимательно изумился:

— Въ самомъ дѣлѣ? Не знаю... не помню... Возможно!.. забылъ... Во всякомъ случаѣ, очень радъ. Онъ былъ презабавный, Саша Пушкинъ... Конечно, между нами сказать, не болѣе какъ дворянинъ средняго круга, сѣлъ не въ свои сани; въ свѣтѣ, между этихъ новыхъ, жалованныхъ, онъ былъ смѣшненекъ. Но, все-таки, жаль, что его французишка Дантесъ застрѣлилъ такъ глупо, и Мишель Лермонтовъ прекрасно о томъ въ стихахъ описалъ. Изъ-за бабы!.. Нашелъ, за что умирать. Я и Наталью Николаевну зналъ... Ну — что же? Красавица была, но — баба, кругомъ баба... Бойтесь видѣть въ бабѣ человѣка, господинъ Вихровъ! Держитесь мужицкаго взгляда,

что у бабы, что у кошки, вмѣсто души — паръ. Это мрачно, но справедливо.

Онъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Да, да, да... Вотъ какъ идутъ времена и мѣняются люди, господинъ Вихровъ! Былъ пріятель съ Пушкинымъ, а теперь — пріятель съ Хлопоничемъ...

Хлопоничъ такъ и привскочилъ на стулѣ.

— Смѣю ли я, ваше сіятельство? — шутить изволите...

— Почему же не смѣешь? Съ Пушкинымъ я въ штоссъ игралъ — съ тобою въ пикетъ играю... только и разницы!

Омрачился, поникъ головою и повторилъ:

— Только и раз-ни-цы!

И съ усмѣшкою, договорилъ:

— Нехорошо это, господинъ Вихровъ, когда человѣкъ проживетъ свою жизнь такъ, что для него между Пушкинымъ и Хлопоничемъ только и разницы остается: съ однимъ игралъ въ штоссъ, съ другимъ — въ пикетъ... А могло быть и наоборотъ... Ха-ха-ха! Вотъ — доживу лѣтъ до семидесяти, память ослабѣетъ, начну изъ ума выживать, — и вовсе различать перестану, который изъ двухъ Пушкинъ, который Хлопоничъ...

Онъ долго и зло смѣялся, потомъ ткнулъ пальцемъ на стѣнной портретъ князя Юрія:

— А все вотъ эта красивая рожа виновата!

И задумался глубоко.

Вихровъ думалъ уже, не безпокоя его хмурой задумчивости, тихонько отойти, какъ князь окликнулъ:

— Господинъ Вихровъ, вы знаете на память какіе-нибудь этого... Пушкина... стихи?

— Я не какіе-нибудь, а всѣ стихи Пушкина знаю на память, ваше сіятельство!

— Будьте добры — прочтите мнѣ что-нибудь.

Вихровъ подумалъ: какъ бы не влопаться? Пушкинъ такъ обширенъ: не хватить бы что-нибудь хозяину не въ бровь, а въ самый глазъ? — и, съ осторожностью, прочиталъ сильную, но безобидную „Элегію“:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье...

Князь одобрительно кивнулъ головою и сказалъ съ недоумѣніемъ:

— Онъ, однако, въ самомъ дѣлѣ, уменъ былъ — Пушкинъ? Это глубоко... Пожалуйста, еще!

Вихрова просить не надо было. Красивый и страстный декламаторъ, онъ разсыпалъ передъ угрюмымъ княземъ весь лучшій жемчугъ пушкинской лирики. Князь внимательно слушалъ, покачивая головою и изрѣдка бросая короткія словечки:

— Красиво...

— Правда...

— Умно...

— Еще, еще, пожалуйста!.. Прошу!..

Вихровъ, увлекаясь, читалъ пьесу за пьесою — и, давно позабывъ о своемъ слушателѣ, выбиралъ только стихотворенія уже по охватившему вдохновенію — самыя свои завѣтныя, любимыя, какія въ пламенную голову приходили и мысль жгли, къ которымъ больше влекло молодое, кипящее гражданскимъ огнемъ, сердце:

— Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимыхъ потокъ
На лонѣ счастья и забвенья! —

гулко звенѣлъ страстный, высокій голосъ подъ лѣпнымъ, въ фрескахъ, екатерининскимъ плафономъ...

— Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя...

Ужасное рабскимъ испугомъ, лицо Хлопонича, корчившаго предостерегающія гримасы, изумило Вихрова — и тутъ вдругъ, какъ молнія, освѣтило его запѣтую стихами память:

„Да — что же это я — съ ума сошелъ? Кому читаю? Князю Александру Юрьевичу Радунскому! „Чортушкѣ на Унжѣ" читаю!"

Князь сидѣлъ въ креслахъ своихъ, красный, стеклышко выпало изъ глаза, ротъ раскрылся и по щекѣ кралась къ усамъ одинокая капля крупной слезы... Плохо дочиталъ сконфуженный Вихровъ геніальное стихотвореніе, слишкомъ живо чувствуя, что не въ ту аудиторію онъ попалъ.

Кончилъ. Долго молчалъ князь, видимо, потрясенный.

— Да, это все такъ, господинъ Вихровъ, — сказалъ онъ, наконецъ. — Совершенно такъ. И это страшно, господинъ Вихровъ... да! страшно!.. Благодарю васъ за все, а за „Деревню" въ особенности...

— Уррра-а-а-а-а! — взревѣлъ въ это время нескладный взрывъ сотни голосовъ.

Князь сотрясся, какъ отъ нервическаго удара.

— Кто смѣетъ? Гдѣ? Хлопоничъ! Что такое?

Хлопоничъ бросился къ окну и доложилъ:

— Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство, — ничего чрезвычайнаго: гости вышли въ садъ и пьютъ здоровье вашего сіятельства...

— О, чортъ бы ихъ побралъ! Муфтель!

Муфтель выросъ, какъ изъ-подъ земли.

— Пойди, скажи этимъ скотамъ, что я занятъ, — не смѣли бы орать подъ окнами!

Вихровъ вспыхнулъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, князь, что тамъ нѣтъ никакихъ скотовъ, но лишь благородное общество, удостоившее меня избраніемъ — быть предъ вами его представителемъ.

Князь вставилъ въ глазъ стеклышко и сталъ, какъ ледяной.

— Что же изъ этого слѣдуетъ, господинъ Вихровъ?

— То, что я также, значитъ, зачисляюсь вами въ категорію, вами поименованную.

— Я васъ не зачислялъ, но — въ какой категоріи себя числить, вамъ, господинъ Вихровъ, несомнѣнно самому лучше знать.

— Въ такомъ случаѣ... — глухо произнесъ Вихровъ, блѣдный, съ ходячею челюстью, голосомъ, въ которомъ, отъ волненія, кричали пѣтухи. — Въ такомъ случаѣ... Вы, князь, вдвое старше меня, — и искать обычнаго дворянскаго удовлетворенія оружіемъ я на васъ не могу... Но изъ дома вашего я долженъ удалиться... Любезнѣйшій! — обратился онъ къ уходящему Муфтелю, — прикажите подать моихъ лошадей.

Муфтель остановился, глядя на господина своего въ замѣшательствѣ: такимъ тономъ при немъ съ княземъ Александромъ Юрьевичемъ никто еще не разговаривалъ. Хлопоничъ трепеталъ, ни живъ, ни мертвъ.

Князь высоко поднялъ брови — подумалъ — и очень любезно возразилъ Вихрову:

— Вамъ лучше переночевать, — уже темно, а дороги худыя.

— Нѣтъ-съ, я поѣду.

— Какъ вамъ угодно... Муфтель, распорядись

И, уже не глядя на Вихрова, тоже вышедшаго съ короткимъ кивкомъ вмѣсто поклона, взялъ карты давно забытаго пикета.

— Четырнадцать королей, Хлопоничъ. Вотъ привалило-то!

— Па... па... пасъ...

Играли...

— Скажите, пожалуйста! — воскликнулъ князь, бросая на столъ новую сдачу, голосомъ, скорѣе удивленнымъ, чѣмъ сердитымъ, — каковъ мальчикъ объвился? Нотаціи мнѣ читать пріѣхалъ... вотъ гусь-то? Хлопоничъ? А?

Хлопоничъ залепеталъ было:

— Опомниться не могу... Неисповѣдимо растетъ дерзость человѣческая... Только что снисхожденіе вашего сіятельства, а то бы...

— А ты молчи, — оборвалъ князь. — Тебѣ ли о немъ судить? Онъ порядочный человѣкъ, а въ тебя, вмѣсто души, природою всунута поношенная ливрея!

Въ ближайшій же свой пріѣздъ въ губернію, князь Радунскій удивилъ городъ и взбѣсилъ завистью власти и знать, сдѣлавъ Вихрову личный визитъ. Конечно, о какихъ-либо извиненіяхъ, при этомъ свиданіи, даже и рѣчи не было, и непріятная исторія на княжескихъ именинахъ не была помянута въ бесѣдѣ хотя бы словомъ. Но — обыкновенно, почиталось уже честью, если князь Радунскій, въ видѣ отвѣтнаго визита, присылалъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ прихвостней, буде не просто съ камердинеромъ, свою карточку, — а тутъ личное посѣщеніе — и кому же? столь незначительной особѣ, какъ чиновникъ особыхъ порученій, да еще изъ ссыльныхъ! Это было равно-

сильно извиненію. Вихровъ былъ растроганъ, и сдѣлались они — старый и юноша, деспотъ и демократъ — осторожными другъ къ другу, совершенно не фамильярными, но, по существу, большими друзьями. Впослѣдствіи князь даже пригласилъ Вихрова подписать, въ качествѣ свидѣтеля, свое завѣщаніе, которому суждено было надѣлать не мало таки шума въ Россіи.

V.

Княгиня Матрена Даниловна, робѣя предъ мужемъ, — а робѣла она до того, что, завидя издали его, тихонько творила кресты и читала про себя молитву Давидову, — ни словомъ не рѣшалась заикнуться, что дочка ея растетъ, что Зинѣ нужно хоть какое-нибудь образованіе и воспитаніе. Помощи со стороны ей тоже не откуда было ждать. Всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла князя только раздражало его и вело къ тому, что онъ поступалъ наперекоръ — хоть дико, да по-своему. Единственный человѣкъ, имѣвшій на волкоярскаго хана нѣкоторое вліяніе, монахъ Іосафъ, въ эту пору уже умеръ. Наконецъ, Муфтель сжалился надъ бѣдною матерью и, зная, что съ княземъ невозможно говорить о дочери, самовольно выписалъ для дѣвочки гувернантку, пожилую обрусѣлую нѣмку, свою дальнюю родственницу. Нѣмка прибыла и была водворена во флигелѣ, какъ нѣкая контрабанда, съ строгимъ запрещеніемъ выходить, до поры до времени, за порогъ своей комнаты — „пока князь не обдержится". Оставалось доложить князю о сдѣланномъ. Обѣ застольныя и послѣобѣденныя фаворитки князя наотрѣзъ отказали Муфтелю въ посредничествѣ.

— Нѣтъ ужъ, Карлъ Богдановичъ! — говорили

онѣ, — выпутывайтесь сами, какъ умѣете. Въ другомъ чемъ-нибудь готовы служить съ великой радостью, а въ этомъ — извините. Вамъ самимъ довольно хорошо извѣстно, какимъ звѣремъ становится князь, когда ему что-либо напоминаютъ насчетъ княжны. Своя рубашка ближе къ тѣлу! Вы знаете, каковъ нашъ князь, когда серчаетъ... Онъ спину-то подъ бархатъ отдѣлаетъ... съ разводомъ.

— Да вѣдь жалко дѣвочку, и княгиню жалко... — уговаривалъ Муфтель.

— И самимъ намъ жалко, а только мы не можемъ. Розги не свой братъ.

— Ужъ и розги!

— Нашъ князенька безъ розогъ ни на шагъ.

— Пожалѣетъ такихъ красавицъ.

— Да, какъ же! пожалѣлъ волкъ кобылу — оставилъ хвостъ да гриву!... Про Клавдію забыли что ли? Ужъ она ли не была у него въ силѣ, а вѣдь не пожалѣлъ. Развѣ у него есть человѣческія чувства? Ему что я, что она, что другая, третья. Была бы дѣвка, а которая — все равно, — ни къ кому любови нѣтъ! Онъ насъ, поди, и по именамъ-то не знаетъ.

Клавдія, о которой говорили дѣвушки, была взята въ гаремъ изъ деревни — всего на семнадцатомъ году. Вскорѣ она забрала надъ Александромъ Юрьевичемъ такую власть, какъ ни одна изъ княжескихъ фаворитокъ ни прежде, ни послѣ. Это создалось сходствомъ характеровъ. Звѣрь наткнулся на звѣреныша. Клавдія, во все время своего властнаго случая у князя, никогда ни за кого не попросила. Наоборотъ, по ея жалобамъ, частенько оглашалась криками барская конюшня, немало людишекъ отправилось на поселеніе въ далекія вотчины. Фаворъ князя къ этому бѣсенку во плоти дошелъ до того, что Александръ

Юрьевичъ началъ сажать Клавдію съ собою за обѣденный столъ. Этому порядку онъ не измѣнилъ и тогда, когда, въ кои-то вѣки, въ Волкоярѣ проявился гость-ровня — дальній родственникъ князя, тоже самодуръ не изъ послѣднихъ. Дня два или три все обходилось благополучно. Но въ одинъ день Клавдія забылась: заговорила съ княземъ черезчуръ капризно и фамильярно. Гость-родственникъ улыбался: ага! есть, молъ, и на тебя гроза-страстишка, которая держитъ тебя подъ башмакомъ! Князь внутренно взбѣсился, какъ сатана, но въ лицѣ его хоть бы жилка дрогнула. Онъ только кивнулъ пальцемъ Муфтелю и безстрастно шепнулъ ему приказаніе, а управляющій безстрастно его выслушалъ. Послѣ обѣда, гость и хозяинъ отправились въ бильярдную. Гость только что намѣлилъ кій и прицѣлился въ шаръ, какъ вдругъ въ сосѣдней залѣ раздались отчаянные вопли.

— Это что такое?

— Пустяки: наказываютъ одну виноватую дѣвушку...

— Послушайте! но вѣдь это голосъ вашей... какъ ее тамъ зовутъ? Клавдія...

— Изволите не ошибаться.

Князь съ трескомъ положилъ шаръ въ лузу. Партія тянулась, крики не прекращались.

Гость сказалъ:

— Однако, она страшно кричитъ... простите ее, князь!

— Вотъ доиграемъ партію, — и прощу, у меня такой порядокъ.

— Но она дѣйствуетъ на нервы...

Князь сказалъ казачку:

— Пойди скажи Клавдіи, чтобы она не смѣла кричать, а не то я сыграю двѣ партіи...

Князь выигралъ. Опираясь на кій, онъ учтиво поклонился гостю:

— Угодно реваншъ?

— Нѣтъ, покорно благодарю... вы сильнѣе меня... довольно, — забормоталъ гость, опасливо оглядываясь черезъ плечо на двери, откуда неслись уже не крики, но мычанье.

Князь пожалъ плечами.

— Какъ угодно!

И, обернувшись къ дверямъ, приказалъ:

— Муфтель, довольно...

Тѣмъ же вечеромъ, еще безчувственная, Клавдія была отправлена въ самую дальнюю вотчину и, по прибытіи на мѣсто, немедленно была выдана замужъ за самаго бѣднаго и тоже штрафованнаго мужика — вдоваго и съ дѣтьми.

Печальную участь Клавдіи, рано или поздно и въ большей или меньшей степени, испытывали всѣ крѣпостныя фаворитки князя. Когда любовница ему прискучивала, онъ, придравшись къ какой-нибудь провинности, сплавлялъ ее въ степныя деревни, гдѣ бѣдняжку постигала самая плачевная судьба. Изъ недолгой роскоши она попадала въ вѣковѣчную нужду. Изъ среды лести и подобострастія переходила въ среду, гдѣ ее ненавидѣли, презирали и злорадно мстили ей за недавнее, но уже невозвратное прошлое. Клавдія, напримѣръ, и года не выжила на поселеньѣ: ее травили, какъ злого волченка, — пока не нашли ея въ петлѣ, на осинѣ... Одинъ разъ, на какихъ-то дворовыхъ именинахъ, очередная фаворитка князя сказала дерзость Муфтелю. Управляющій на пирушкѣ подвыпилъ и осмѣлѣлъ.

— Не груби, красавица, не груби! не ссорься съ Богданычемъ! — сказалъ онъ. — Сейчасъ ты у князя

сильнѣе меня, — это что и говорить. Только вашей сестры у него сколько хочешь, а Муфтель одинъ. И сегодня Муфтель передъ тобою картузъ гнетъ, а завтра Муфтель тебѣ спину деретъ.

Дѣвушка обидѣлась, расплакалась и пожаловалась князю. Но онъ расхохотался:

— Ха-ха-ха! Нѣмецъ не вретъ,—хоть глупъ, а правду говоритъ. Гдѣ я возьму другого такого? Помирись съ нимъ, Серафима; не плюй въ колодезь — пригодится воды напиться.

Волкоярская дворовая хроника сохранила всего лишь одно имя женщины, которая, даже выйдя изъ фавора, не утратила княжеской милости. Звали эту женщину Матреною, а прозывали Слобожанкою, потому что князь сманилъ ее — уже вдовую по первому мужу — изъ пригородной костромской слободы. Бабенка красивая, умная и пронырливая, Матрена поставила себя такъ хорошо, что, когда княжой интересъ къ ней охладѣлъ, князь самъ спросилъ ее:

— Ты чувствуешь, что мнѣ надоѣла?

— Чувствую, ваше сіятельство. Когда и куда прикажете убираться?

Князь купилъ Матренѣ домъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ и выдалъ ее замужъ за какого-то мѣщанина, наградивъ молодыхъ недурнымъ денежнымъ приданымъ.

Отчаявшись найти себѣ поддержку въ своемъ благомъ намѣреніи воспитывать княжну, Муфтель, — въ душѣ человѣкъ очень добрый и только на службѣ готовый хоть зубами загрызть всякаго, кого князь прикажетъ, — рѣшилъ:

— Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ; сдѣланнаго не раздѣлывать стать, а надо додѣлывать до конца.

Вскорѣ пришлось ему подавать князю приходо-расходную вѣдомость за четверть года.

Муфтель, стоя среди княжаго кабинета, монотонно вычитывалъ расходныя рубрики. Князь, закрывъ глаза, слушалъ его и время отъ времени кивалъ головою: такъ... вѣрно... согласенъ... Онъ отлично зналъ, что Муфтель ничего не украдетъ и не поставитъ лишней копейки въ вѣдомость, и эти четвертные отчеты были не болѣе, какъ формальностью. Но князь форму любилъ и соблюдалъ строго. Муфтель читалъ, читалъ, и... его осѣнило нежданное вдохновеніе. Тѣмъ же ровнымъ голосомъ, какъ читалъ онъ о шитьѣ новыхъ ливрей и черкесокъ для дворни, о вывозѣ нечистотъ съ хмѣльниковъ задняго двора, онъ произнесъ:

— Гувернанткѣ княжны Зинаиды Александровны, иностранкѣ Амаліи Густавсонъ, сто рублей...

— Что-о-о?!

Князь широко раскрылъ глаза.

— Гувернанткѣ княжны... — храбро началъ было повторять Муфтель.

— Стой! не то!... Развѣ у княжны есть гувернантка?

— Какъ же-съ!

— Откуда же она взялась?

— По приказу вашего сіятельства.

— Я приказалъ?!

— Такъ точно-съ.

— Я?!

— Безъ приказа вашего сіятельства у насъ въ Волкоярѣ ничего не дѣлается.

— Гм!...

Радунскій пронзительно посмотрѣлъ на вѣрнаго слугу; онъ отлично помнилъ, что ничего подобнаго

не приказывалъ, но смѣлость Муфтеля ему понравилась.

— Читай дальше! — спокойно сказалъ онъ. Муфтель кончилъ вѣдомость.

Князь взялъ бумагу изъ его рукъ и скрѣпилъ своею подписью.

— Смотри у меня, Муфтель! — замѣтилъ онъ, погрозивъ нѣмцу пальцемъ. — Не умничать и не вольничать!

У Муфтеля душа раздвоилась и ушла въ пятки. Ему живо представилось, что его уже выкупали въ дегтю, обваляли пухомъ и выбросили за ворота, какъ — по княжескому приказу — самъ онъ долженъ былъ сдѣлать, лѣтъ пять тому назадъ, съ однимъ изъ „вольныхъ" княжескихъ домочадцевъ-супротивниковъ... Однако, гроза прошла. Выговоръ только тѣмъ и ограничился.

— Много, матушка ваше сіятельство, грѣховъ простится мнѣ за эти полчаса! — говорилъ потомъ Муфтель Матренѣ Даниловнѣ.

VI.

Вяло и скучно жилось въ садовомъ флигелѣ княгинѣ Матренѣ Даниловнѣ, хотя у нея былъ свой штатъ женской прислуги и завелись свои друзья и знакомые, подстать ей самой — изъ мелкопомѣстныхъ дворяночекъ и попадей округи. Жизнь проходила — кроючись и крадучись.

— Что ты, матушка, забыла меня? — упрекала иной разъ княгиня давно не бывавшую гостью, — или угощеніе мое не по нраву? Кажется, стараюсь — какъ для родной сестры, и ничѣмъ ты отъ меня не обижена.

Гостья откровенно извинялась:

— Княгиня, голубушка, хоть семь дней въ недѣлю рада бы у васъ гостевать, всѣмъ отъ васъ удоволена, на всемъ вамъ благодарна. Да ужъ больно жутко. Собираешься къ вамъ въ Волкояръ, ровно во Сибирь нѣкую. Какъ подумаешь о князѣ, такъ сердце и упадетъ: неровенъ часъ — встрѣтится...

— Звѣрь онъ, что ли? — съ горечью возражала княгиня, — если и встрѣтится, что онъ тебѣ сдѣлаетъ? Ты не къ нему, а ко мнѣ. Онъ мнѣ въ гостяхъ не препятствуетъ.

— И ничего не сдѣлаетъ, голубушка, да посмотритъ. А у меня потомъ отъ его глаза на цѣлую недѣлю трясеніе въ суставахъ. Я, княгинюшка, когда къ вамъ ѣду, трястись-то начинаю еще за околицей; селомъ ѣду, — лихорадка бьетъ; а какъ во дворъ вкачусь, — такъ и глаза зажмуриваю: избави, Господи, отъ мужа кровей и Арида!

Нѣсколькихъ дворяночекъ — поголоднѣе, а потому и посмѣлѣе — княгиня поселила при себѣ приживалками.

Князь, отдаливъ отъ себя жену, не видалъ ея по цѣлымъ мѣсяцамъ и ничуть не заботился, какъ она живетъ и что дѣлаетъ. Разлюбленная и разлюбившая, молодая женщина, — да еще богатырскаго сложенія и здоровья, — прямо таки задыхалась въ своемъ бездѣльномъ и безцѣльномъ одиночествѣ. Избытокъ силъ душилъ ее; надо было найти ему выходъ, — и, обманутая въ любви, нашла она выходъ печальный. Двѣ изъ ея приживалокъ попивали втихомолку. Выучилась у нихъ пить и княгиня. Чарочка стала необходимою принадлежностью длинныхъ зимнихъ вечеровъ, въ которые тосковала она среди своего бабья, подъ пѣсни работающихъ дѣвокъ. Зашелъ къ ней какъ-то Муфтель

въ такую пору и ахнулъ: княгиня едва ворочала языкомъ... рѣчи и мысли были нехороши, движенія нескромны... Окружающія ее женщины были не лучше. Глупыя пѣсни поютъ, верхомъ другъ на другѣ ѣздятъ. На другой день Муфтель пришелъ къ Матренѣ Даниловнѣ съ выговоромъ.

— Ваше сіятельство, что же вы это изволите дѣлать надъ собою? Такъ нельзя-съ. Довѣдается князь — и вамъ будетъ плохо, и мнѣ: зачѣмъ не досмотрѣлъ? Убѣдительнѣйше прошу васъ: перемѣните ваши поступки. Я не могу быть за васъ въ отвѣтѣ. Если вы этихъ занятій не оставите, я доведу до свѣдѣнія князя.

Матрена Даниловна стиснула зубы и махнула рукой.

— Доводи!

— Да какъ же-съ? — оторопѣлъ Муфтель.

— Доводи, говорю, — безсвязно кричала княгиня, — пусть убьетъ, дьяволъ безсердечный! Одинъ конецъ, по крайней мѣрѣ. У! ненавижу его... Зачѣмъ онъ на мнѣ женился? за что погубилъ? Не пара я ему, вишь ты... Сама знаю, что не пара. Ему было въ ровняхъ высватать за себя принцессу гишпанскую, а онъ мелкопомѣстную дворянку взялъ. Ни то я по-французскому, ни то я по-нѣмецкому. А теперь и грамотѣ-то, что знала, забывать начинаю... Не пара! Не я ль его просила, не я ль молила: отступись! не женись! деньгами ты меня наградилъ, найду человѣка, который погибнуть мнѣ не дастъ, дѣвичій стыдъ мой вѣнцомъ покроетъ? Кому было впередъ-то глядѣть, видѣть, что не пара, — мнѣ ли, дурѣ, или ему, умнику? Нѣтъ, — лишь бы блажь свою потѣшить, да характеръ оправдать, а — что человѣкъ живой пропадетъ, о томъ и думочки нисколько... Извѣстно: на что я ему теперь? Кра-

сота моя свяла. Красоты нѣтъ, — мужъ глупую жену любить не станетъ. Одна, весь вѣкъ одна! въ тюрьмѣ легче. Господи, да вѣдь мнѣ же тридцати годовъ нѣту... должна же я имѣть въ жизни свое удовольствіе! Охъ, Карлъ Богдановичъ, тяжко... Такъ тяжко, что... ну, будь только люди въ нашей мурьѣ, ужъ отсмѣяла бы я ему, злодѣю, свою обиду!

— Что это вы говорите, ваше сіятельство!

— А то, что я грѣха бы не побоялась, стыдъ бы забыла, а ужъ нашла бы себѣ мила дружка по сердцу, чтобы онъ любилъ меня по моему, нѣжилъ, приголубливалъ... Мнѣ ласки надо, Муфтель, слова добраго... и ничего у меня нѣтъ! Словно всѣ каменные...

И загуляла княгиня Матрена Даниловна. Стукнетъ съ горя у себя въ павильонѣ хересу бутылочку, а то и просто зелена вина, и пошла, очумѣлая, бродить по саду, — въ самомъ развращенномъ видѣ, сама не своя, — пѣсни визжитъ, точно дѣвка деревенская. Дворня, любя ее за кроткій нравъ, понимала въ ней обиженную женщину и тщательно укрывала отъ князя, чтобы не довѣдался, какъ она пьетъ. Однако, въ скорости отступились — опасно съ нею стало: ужъ слишкомъ полюбила вино. Пришлось Муфтелю доложить казусъ этотъ князю.

О всѣхъ продѣлкахъ Матрены Даниловны Муфтель не донесъ, но осторожно намекнулъ, что княгиня хандритъ — хоть руки на себя наложить готова, и, замѣтивъ, что попалъ къ своему грозному повелителю въ добрый часъ, позволилъ себѣ посовѣтовать ему немножко приблизить къ себѣ жену:

— Такъ какъ вся ихъ ипохондрія — осмѣлюсь доложить вашему сіятельству — по замѣчанію моему, проистекаетъ исключительно оттуда, что княгиня безъ памяти обожаютъ ваше сіятельство.

Князь — старѣющійся прежде времени, опустившійся, изношенный развратомъ — былъ польщенъ этою крѣпкою привязанностью. Онъ посѣтилъ жену, — которую передъ тѣмъ не видалъ съ полгода, а когда видѣлъ, то почти не глядѣлъ на нее, — и былъ пораженъ перемѣною въ ея наружности. Вмѣсто бѣлой, румяной, веселой красавицы онъ нашелъ ожирѣлую, обрюзглую бабу, съ равнодушнымъ неподвижнымъ лицомъ, со взоромъ тупо-покорнымъ всегда и враждебно-испуганнымъ въ минуты волненія. Князю стало совѣстно. Онъ захотѣлъ воскресить убитую имъ женщину, но было уже поздно! Насильственно пылкія ласки его, нѣжныя слова, отъ которыхъ въ прежнее время Матрена Даниловна ходила бы цѣлую недѣлю, какъ шальная, въ счастливомъ полуснѣ любви, — теперь пропадали безслѣдно. Съ женщиной обращались долгіе годы, какъ съ самкою, какъ съ рабою, — она и стала самкою и рабою. Александръ Юрьевичъ не встрѣчалъ въ своей княгинѣ ни страсти — хотя прежде она была богата страстью — ни отвращенія, но одну тупую рабскую покорность, мертвый, безразличный взоръ, не улыбающіяся губы. Пила же она тайкомъ попрежнему, хоть и остерегалась теперь, чтобы не попасться князю. Онъ, однако, догадался, но смолчалъ. Ему стало противно; онъ понялъ, что потерялъ жену навсегда. Недѣли полторы онъ выдерживалъ это печальное повтореніе медоваго мѣсяца. Потомъ ему надоѣло, — и онъ забросилъ Матрену Даниловну сызнова.

Это было къ концу девятаго года ихъ супружества — весною. Съ княгинею же, когда мужъ сталъ отъ нея удаляться, случился совсѣмъ неожиданный переворотъ. Она вдругъ ожила, отказалась отъ вина, повеселѣла, помолодѣла, похорошѣла. Теплый апрѣль

переселилъ ее изъ душныхъ комнатъ флигеля въ чудный волкоярскій садъ. Одинъ за другимъ бѣжали веселые вечера — съ горѣлками и хороводами, въ которыхъ, вмѣстѣ со своими дѣвушками, принимала участіе и Матрена Даниловна. Къ ней возвратились ея звучный смѣхъ, ласковое выраженіе глазъ, добрая усмѣшка и розовыя щеки.

Осенью Муфтель таинственно доложилъ князю Александру Юрьевичу, что княгиня совѣстится сама сказать ему, а — по всей видимости — она вторично готовится стать матерью. Первые признаки беременности почему-то поразили княгиню ужасомъ: она едва рѣшилась сообщить Муфтелю для передачи князю, что ждетъ ребенка; съ лица ея не сходило совсѣмъ несвойственное ей выраженіе испуга и безпокойства; она пожелтѣла, похудѣла; часто заставали ее въ слезахъ. Потомъ она что-то писала, но либо уничтожала написанное, либо прятала листки нивѣсть куда. Напротивъ, самъ князь Александръ Юрьевичъ былъ очень доволенъ и на этотъ разъ ждалъ уже непремѣнно сына.

Такъ и случилось. Восторгъ князя не зналъ границъ.

— Ай, да княгиня! ай, да Матрена! — вопилъ онъ, буквально, прыгая по заламъ дворца своего, — вотъ, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Полагали: ау! изсохла смоковница, — анъ, глядь, врешь: взяла, да плодъ принесла. Онъ велѣлъ звонить въ колокола, палилъ изъ домашней пушки, богато одарилъ сельскую церковь, простилъ крестьянамъ оброкъ за годъ. Младенца отняли отъ безчувственной матери — роды были очень несчастливы — и перенесли въ большой домъ, гдѣ окружили няньками, мамками, боннами. Мальчикъ былъ слабъ, хилъ, малъ, безъ ноготковъ.

— Боже мой! — воскликнула принимавшая его акушерка, — точно недоносокъ. Семимѣсячные не хуже бываютъ!

Въ хлопотахъ о сынѣ Радунскій совсѣмъ забылъ про жену и очень изумился, когда, дня черезъ три, Муфтель съ испугомъ доложилъ ему, что княгиня совсѣмъ плоха, и если онъ желаетъ проститься, то поспѣшилъ бы прійти.

— Что же съ нею такое?

— Не могу знать, ваше сіятельство. Надо полагать, либо молоко въ голову бросилось, либо вообще ужъ... звѣзда такая...

— Докторъ есть у нея?

— Какъ же-съ! Двоихъ вызвалъ: изъ Костромы и изъ Ярославля.

Когда князь Александръ Юрьевичъ пришелъ взглянуть на жену, Матрена Даниловна уже не узнала его. А онъ, если бы не зналъ навѣрное, что вотъ этотъ длинный, желтый, едва обтянутый кожею скелетъ — его жена, совсѣмъ не узналъ бы ея. Такъ измѣнилась Матрена Даниловна за короткое, но ужасное мученичество своей болѣзни. Она умерла въ присутствіи князя. Видѣла она его или нѣтъ, — Богъ знаетъ. Взоръ ея поумнѣвшихъ, просвѣтленныхъ передъ смертью, глазъ былъ мрачно и безразлично уставленъ въ какую-то далекую точку; созерцая ее, бѣдная женщина и отошла въ вѣчность. Печально смотрѣлъ Александръ Юрьевичъ въ лицо покойницы, но не о ней — своей невинной жертвѣ — жалѣлъ онъ...

— Грустнымъ предзнаменованіемъ начинаешь ты жизнь, сынокъ! — вырвалась наружу его завѣтная мысль.

Говорятъ, что бѣда одна не ходитъ, а бѣда бѣду ведетъ. Не успѣли воющія бабы обмыть охладѣвшій

трупъ княгини, какъ прибѣжалъ къ Муфтелю испуганный казачокъ:

— Карла Богдановичъ, у насъ въ саду висѣльникъ... покойникъ...

— Что? Кто?

— Матюшка-доѣзжачій удавился... на яблони виситъ... на возжахъ...

Муфтель за голову схватился.

— Это еще хуже княгини!

Матюшка-доѣзжачій былъ любимцемъ князя: мастеръ своего дѣла, ни разу не сѣченъ, подарки имѣлъ. Парень былъ совсѣмъ еще молодой, не переломилъ третьяго десятка, собою красавецъ писаный, богатырь, настоящій Бова-королевичъ. Нравомъ — не въ обычай волкоярской распущенности — красная дѣвушка, не пьющій, не охальникъ, не зернщикъ, — только пѣсенникъ. На что ужъ княгиня-покойница не долюбливала наглую волкоярскую дворовую орду, а Матюшку — и она ласково привѣчала, отличая между всѣми. Съ чего онъ, вдругъ, такъ затосковалъ, что отчаялся въ жизни и сталъ чорту баранъ, никто въ Волкоярѣ не могъ ума приложить: казалось, все въ жизни улыбалось молодчинѣ этому, а онъ — поди же ты! — вотъ те и на! Только одно о покойникѣ и вызналъ Муфтель, что ночь передъ тѣмъ, какъ удавиться, Матюшка провелъ на пасѣкѣ у дѣда своего, Антипа Пчелинца, и оба они до свѣта не спали, а шепотами гудѣли между собою невѣдомую бесѣду.

Послалъ Муфтель за Антипомъ Пчелинцемъ, — анъ, того нѣту. Работница говоритъ: внука проводивши, чуть свѣтъ ушелъ невѣдомо куда, мѣшокъ на плечи и посохъ въ рукахъ.

— Коли будутъ спрашивать, — говоритъ, —

скажи: вернется, когда замолитъ погубленную душу. Не иначе, что въ скиты поплелся, на Ветлугу...

— Безъ спроса-то? Безъ паспорта? Да я съ него шкуру спущу!

Три дня минуло, недѣля, мѣсяцъ, — Антипъ назадъ не бывалъ. Значитъ, либо померъ безвѣстно, либо ударился въ бѣга, въ старцы постригся — пропала ревизская душа. И опять было непонятно, — зачѣмъ? Антипъ Пчелинецъ былъ старикъ замѣчательный, — при князѣ Романѣ въ хоромы казачкомъ взятъ, а князя Юрія слуга, фаворитъ и когда-то прелютый приказчикъ. Князь Александръ, войдя въ наслѣдство, отстранилъ Антипа отъ должности, какъ всѣхъ отцовыхъ любимцевъ. Антипъ ушелъ на покой и занялся пчелами. Годы и пасѣка его, будто, переродили: сошелся со старовѣрами, сталъ читать божественныя книги и рукописныя тетрадки, раздалъ рѣшительно всѣ деньги и цѣнныя вещи, которыя накопилъ во времена своего величія — и безъ разбора раздалъ, первому просящему. Изъ недавняго свирѣпаго холопа выработался, въ какія-нибудь десять лѣтъ, угрюмый созерцатель-начетчикъ... Что онъ кончитъ жизнь въ скитахъ, того всѣ ждали. Но — бѣжать-то было зазачѣмъ? Спроситься у князя — тотъ не сталъ бы держать, мигомъ отпустилъ бы: вѣдь, не рабочая сила въ убыль изъ его хозяйства уходила, а ни на что непригодный старый старикъ, который даромъ хлѣбъ ѣстъ.

Рѣшили на томъ, что, надо быть, Матюшка — передъ тѣмъ, какъ удавиться, покаялся дѣду, въ какомъ ни есть великомъ грѣхѣ, и возжалѣлъ Антипъ внука — благословилъ его на вольную смерть, а самъ бѣжалъ — душеньку его отмаливать.

— Подъ сердце подкатило, — толковалъ дворнѣ

Лаврентій Ивановичъ, дворецкій, человѣкъ пожилой, почтенный и богобоязненный, весьма уважаемый самимъ княземъ, одинъ изъ всей орды волкоярской имѣвшій разрѣшеніе ходить не въ ливреѣ, но въ „собственномъ“ длиннополомъ гороховомъ сюртукѣ. — Когда подкатитъ подъ сердце господскому человѣку, это — хуже нѣтъ. Единое средство противъ — въ бѣга! А то долго ли бѣсу опутать душу человѣческую? Бѣсъ у насъ въ Волкоярѣ не то что людьми, — горами качаетъ!

— Это такъ точно, — поддакивали ему, — княгиня-то передъ смертью тоже была — какъ обаянная.

Тихо отпѣлъ и раннимъ утречкомъ схоронилъ княгиню Матрену княжескій попикъ Кузьма — тотъ самый, что когда-то вѣнчалъ ее съ княземъ, чуть ли не подъ дуломъ пистолетнымъ. А по селу — пѣсни, догораетъ, чадя, иллюминація, всю ночь пылавшая плошками съ саломъ и бочками смоляными... Князь на отпѣваніе жены едва заглянулъ — только для приличія предъ немногими, успѣвшими къ скорому погребенію, сосѣдями; прощаться съ покойницею не подошелъ и сейчасъ же, какъ понесли гробъ изъ церкви, возвратился во дворецъ къ сыну, предоставивъ положить жену въ сырую землю Муфтелю и Хлопоничу.

Михайло Давыдокъ и вырылъ, и зарылъ могилу, — самъ напросился, по усердію къ покойницѣ, потому что очень ее уважалъ за доброту. Много сердецъ потерялъ въ этотъ день князь Александръ Юрьевичъ Почти громко гудѣли и сосѣдство, и дворня, и село:

— Обиженная женщина!

— Загубленный человѣкъ!

Съ похоронъ этихъ отвернулось отъ князя и сердце Михаила Давыдка, начинавшее было привязы-

ваться къ старому властному барину за удаль, которой въ обоихъ — и въ господинѣ, и въ слугѣ — была полная чаша. Ужъ больно не любилъ несправедливости простодушный волкоярскій богатырь. И всегда впослѣдствіи хмурился, если кто-либо изъ дворни вспоминалъ при немъ, хвастая, эти дни.

— Мы тогда на радостяхъ цѣлый мѣсяцъ пьяны были!

— Хвались! — угрюмо рычалъ Михайло.

— А чего — нѣтъ? Не вру, правду говорю.

— Правда-то твоя не больно красивая. Помолчать бы о ней. Вотъ что. Праведница въ гробу, а они дорогу водкой поливаютъ! Похохотали, поди, надъ вами въ аду бѣсы-то.

— Эхъ, Михайло Васильевичъ! Чего съ насъ взять? Русскіе люди! Не кори виномъ: татариномъ обзову.

Только головою качалъ на полузвѣрей этихъ въ чекменяхъ и черкескахъ трезвый Михайло.

— Демонъ васъ пойметъ, тутошныхъ! Что радость, что горе — не разобрать у васъ въ Волкоярѣ. Все равно, — всѣ пьяные. И когда только вы, черти, протрезвитесь?

И слышалъ въ отвѣтъ безшабашныя, взывающія о снисхожденіи, хмельныя слова умиленія, едва лыко вяжущаго, и добродушнаго самоуниженія:

— Милый человѣкъ! Не надо... на што?.. Въ Волкоярѣ иной разъ и пьяному-то совѣстно смотрѣть на Божій свѣтъ, а ежели человѣкъ тверезый... и-и-ихъ!

И — выразительный примѣръ былъ налицо:

— Вонъ — Матвѣй — покойникъ: въ ротъ не бралъ вина... ну, и повисъ на яблонькѣ!

Яблоня, на которой удавился Матвѣй-доѣзжачій, уцѣлѣла въ волкоярскомъ саду. На первыхъ

порахъ, забыли срубить, а послѣ князь пожалѣлъ: хоть яблоки кислыя давала, да ужъ больно хороша была старуха, — серебристая, раскидистая.

— И то сказать, — говорила дворня, — ежели у насъ изъ-за каждаго удавленника дерево рубить, такъ это и сада не станетъ.

VII.

Какъ ни мало любилъ и уважалъ князь Александръ Юрьевичъ свою жену, однако, преждевременная кончина Матрены Даниловны сильно потрясла его. Можетъ быть потому, что это была первая смерть человѣка, хоть и не близкаго ему по душѣ, но все-таки не вовсе безразличнаго, которая случилась у него на глазахъ.

— Такая молодая, сильная, здоровая, — думалъ онъ, — ей бы жить да жить... Смотри, экое дерево свалилось, а гнилушки держатся и коптятъ небо.

Загадка смерти припугнула князя. Самъ онъ тоже прихварывалъ въ послѣднее время, — старое пьянство и развратъ откликались: тамъ щемило, тамъ покалывало; онъ ожирѣлъ, схватилъ одышку, а вмѣстѣ съ нею, поистинѣ, Саулову тоску. Возрастъ его приблизился къ роковому для Радунскихъ десятку. Раздумавшись надъ судьбою Матрены Даниловны, князь не могъ не сознать въ глубинѣ души, что онъ кругомъ виноватъ въ ея ранней гибели, и голосъ напуганной совѣсти мало-по-малу нашепталъ ему суевѣрное предчувствіе, что ему суждено еще заживо получить жестокое возмездіе за грѣхи противъ жены. Мучась своимъ тяжелымъ настроеніемъ, въ напрасномъ стремленіи развлечься, Александръ Юрьевичъ задурилъ пуще прежняго. Причудамъ его конца не было. Не-

лѣпыя милости и напрасныя наказанія безъ разбора сыпались изъ рукъ его на праваго и виноватаго. Фаворитки мѣнялись одна за другой. Муфтелю приходилось жутко: за свою многолѣтнюю службу князю онъ претерпѣлъ и пережилъ много униженій, только битъ не бывалъ. А, при новомъ настроеніи князя, выходившаго изъ себя по всякимъ пустякамъ, не трудно было дождаться и этого.

— Хоть бы выдумать ему, чорту, забаву какую новую! — мучился нѣмецъ — и ничего не выдумывалъ: князю опостылѣло все земное, а онъ не зналъ ничего надземнаго.

Въ противность отцу своему, подъ конецъ жизни ударившемуся въ ханжество, князь былъ болѣе, чѣмъ не религіозенъ. Мѣстный архіерей, когда объѣзжалъ епархію, демонстративно не останавливался у волкоярскаго магната, почитая его вольтеріанцемъ и вѣротерпимцемъ-покровителемъ раскола. Да и вообще задерживаться въ Волкоярѣ не любилъ, чувствуя себя въ недружелюбной средѣ. Князь тоже не терпѣлъ духовенства, однако, своего попа Кузьму не обижалъ. Впрочемъ, и попикъ ему попался смирненькій: ко всему на свѣтѣ равнодушный, кромѣ своей старухи-попадьи и безчисленныхъ ребятъ, передъ княземъ благоговѣющій и всегда князю покорный.

— Вѣдь заставь я тебя, отецъ Кузьма, пѣть панихиду этому медвѣдю, — сказалъ князь однажды, хвастаясь только что затравленнымъ звѣремъ, — и ты споешь.

Попикъ подхихикивалъ, благословляя втайнѣ свою судьбу, что князь лишь примѣривается къ такой затѣѣ, а не приводитъ ея въ исполненіе. Такъ какъ населеніе въ Волкоярѣ было, дѣйствительно, на двѣ трети старообрядческое, писалось же оно все сплошь церков-

нымъ, то жить попу Кузьмѣ было очень сытно, даже не считая княжескихъ подачекъ. Къ вѣрѣ онъ особенно не ревновалъ, а князь ему, сверхъ того, пригрозилъ, что если онъ будетъ соваться въ раскольничьи дѣла, то ему не ужиться въ Волкоярѣ.

— Чуть первый доносъ — я тебѣ спуска не дамъ!

— Ваше сіятельство, но что же я долженъ дѣлать, если начнутъ писать доносы противъ меня самого за нерачительность? Я человѣкъ неученый, неумѣлый. Меня консисторія съѣстъ живьемъ!

— Приходи ко мнѣ за совѣтомъ, вмѣстѣ будемъ отписываться. А расправиться съ доносчикомъ будетъ мое дѣло. Ты такъ и оповѣсти своихъ духовныхъ — ябедниковъ между вашей братьей много, — что я за тебя отвѣтчикъ. Думаю, что и доносовъ тогда не будетъ. Потому что меня и расправу мою хорошо знаютъ.

— Осмѣлюсь, ваше сіятельство, спросить, — подобострастно освѣдомился священникъ, — какая причина, что вы такъ усердно защищаете сихъ еретиковъ?

Князь улыбнулся.

— А что? или ты и меня заподозрилъ въ расколѣ?

— Смѣю ли я, ваше сіятельство? Но...

— Причина простая, батька. Сколькими перстами кто крестится — мнѣ все равно. А миссіонерства эти ваши, черезъ полицію, лишь мутятъ мужику умъ и душу. Мужикъ же, напуганный, со смущенною душою, не работникъ ни на себя, ни на меня. Не знаю, много ли пользы вы приносите церкви, но мнѣ, какъ хозяину, отъ васъ, съ обращеніями этими, да провѣрками ихъ, да слѣжкою, да поборами, — прямой вредъ. Личной же симпатіи къ симъ толстобородымъ

невѣждамъ не только не питаю, но даже противны они мнѣ, какъ всѣ фанатики. И ты, батька, если будешь фанатикомъ, будешь мнѣ противенъ и посажу я тебя на такую ругу, чтобы тебѣ только не околѣть голодомъ съ попадейкой твоей и дѣтишками.

Отсутствіе религіи не отнимаетъ у человѣка возможности быть суевѣрнымъ. Тысячами примѣровъ доказано, что человѣку легче перемѣнить, ради выгодъ или даже прихоти, исповѣданіе, разстаться съ вѣрою въ безсмертную душу, стать кощуномъ и богохульникомъ, чѣмъ не блѣднѣть при видѣ трехъ свѣчекъ на столѣ или сѣсть тринадцатымъ за столъ. Князь былъ отмѣннымъ суевѣромъ, примѣтчикомъ и любителемъ до всего таинственнаго.

— Тамъ-то что? That is the question! — задумывался онъ, шагая по величественному своему кабинету, между портретами гордыхъ предковъ, зорко глядѣвшихъ на него со всѣхъ четырехъ стѣнъ.

— Выдумываютъ науки, искусства, а, въ концѣ концовъ, единственное знаніе, которое нужно человѣку, это — о томъ, что тамъ, за перегородкою...

— За перегородкою-съ? — робко недоумѣвалъ вѣчный слушатель князя, Хлопоничъ.

— О, дуракъ! — сердился князь, — за перегородкою между здѣсь и тамъ, на тотъ свѣтъ... понимаешь?

— Да-съ, если на тотъ свѣтъ, конечно, оно занимательно... только вѣдь, ваше сіятельство, страшно-съ.

— Почему?

— А мытарства-то?

— Бредъ!

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ — бредъ? У моей Дунечки въ тетрадку списанъ „Сонъ Богородицы", — безъ ужаса читать невозможно...

Но князь шагалъ и философствовалъ:

— Живыми тѣлесными глазами не заглянешь черезъ эту перегородку, какъ ни становись на цыпочки. Человѣческій разумъ ничтожество. Онъ — до стѣны. А за стѣною — дудки! безсиленъ! Покойная моя княгиня Матрена была дура, но она теперь знаетъ, что тамъ. А я не глупъ, да стою въ потемкахъ, передъ запертою дверью. Догадки, теоріи лопаются, какъ мыльные пузыри. Евреи говорятъ правду: въ раю оселъ умнѣе мудрѣйшаго изъ нашихъ мудрецовъ. Поговорилъ бы я теперь съ Матреною Даниловною... много охотнѣе, чѣмъ съ живою.

Въ то время только что прошли по Руси первые слухи объ американскомъ спиритизмѣ, и появились первые адепты этого ученія. Князь заинтересовался спиритизмомъ, выписалъ изъ Англіи первыя брошюрки Юма и съ головою утонулъ въ мірѣ духовъ, грезъ и видѣній. Онъ, изо дня въ день занимался столоверченіемъ, муча и Муфтеля, и тогдашнихъ своихъ дворовыхъ фаворитокъ — Аграфену и Серафиму, въ которыхъ почему-то почудились ему медіумическія способности. Бѣдняги рѣшительно не понимали, что̀ это за чертовщина, и зачѣмъ впутываетъ ихъ въ нее самодуръ-баринъ?! Аграфена была грамотная. Обѣ были сметливы. Однажды Серафима сказала подругѣ:

— Знаешь, Груша, этихъ самыхъ щелчковъ, которыхъ князь дожидается, я могу оказать сколько хочешь, и никто не догадается, что это я. Слушай.

Раздалось нѣсколько костяныхъ спиритическихъ стуковъ.

— Какъ ты это дѣлаешь? — удивилась Аграфена.

— Ишь ловкая: такъ и выдала, глупа была... Значитъ, повелась съ господскими чертенятами — вѣдьмой стала!

Но Аграфена настояла:

— Ты знаешь: изъ этого намъ можетъ быть польза. Князь, когда долго не начинаются стуки, серчаетъ, лается, — горе съ нимъ тогда, одна непріятность. Когда отвѣты не складаются въ слова, — еще хуже. А теперь, когда у тебя объявилось такое мастерство, у насъ будутъ завсегда и удачные вечера — стало быть, безъ ругани — и складные отвѣты.

— Я стучу не хитро, — призналась Серафима, — большимъ пальцемъ на лѣвой ногѣ. Онъ у меня несовсѣмъ по правилу: длинный и сухой какой-то, Богъ съ нимъ. Какъ сожмешь его, — онъ и щелкнетъ, точно орѣхъ раскусила. Я этимъ съ дѣтства баловала, братишекъ забавляла...

И, для примѣра, она простучала разъ пятнадцать подъ рядъ.

— Могу и правою ногою, — только выходитъ хуже. Босою — ничего, а сквозь башмаки слабо слышно.

Дѣвки похохотали вдоволь...

— Однако, — спохватилась Аграфена, — какъ же мы будемъ правильно стучать, если ты не знаешь счета буквамъ и на какую сколько разъ надо щелкнуть?

— Видно, надо учиться грамотѣ, а, покуда что, мы съ тобой устроимъ знаки.

— Какъ же?

— Ты грамотная, буквы по азбукѣ знаешь въ порядкѣ и на счетъ быстра. Когда князь заганетъ вопросъ, ты загадай отвѣтъ и дѣлай мнѣ знакъ перстами, сколько разъ выходитъ стучать по буквамъ; а не то за пуговицу возьмись рукою... „Да“ — глаза прищурь; „нѣтъ“ — ухо почеши. Ужъ всѣ эти знаки мы придумаемъ, успѣемъ. А я буду коситься на тебя да постукивать по твоимъ знакамъ.

Въ первые дни знаковъ, подруги сбивались и путались, но скоро навострились, такъ что сеансы — къ великому удовольствію князя — пошли гладко и интересно. Отвѣты получались удовлетворительные почти на всѣ вопросы, которые князь ставилъ коротко и ясно, а на длинные или предложенные на иностранныхъ языкахъ столъ стучалъ на удачу: „да“ или „нѣтъ“. Когда „духи“ отвѣчали невпопадъ, и князь переспрашивалъ или пробовалъ забираться въ сбивчивыя подробности, столъ сердился и выстукивалъ:

— Не хочу говорить.

Увлеченный спиритическою удачею, князь не подозрѣвалъ обмана. Муфтель смекалъ, что между дѣвками завелось какое-то мошенничество; онъ замѣчалъ, что онѣ иной разъ очень хитро переглядываются и даже какъ будто едва удерживаются отъ смѣха; но, не понимая въ чемъ дѣло, онъ только принималъ лукаво-строгій видъ:

— Знаю, молъ, я всѣ ваши шашни и проказы, — чѣмъ, разумѣется, утѣшалъ Аграфену и Серафиму еще больше. Впрочемъ, нѣмца и самого забавляло, что такъ по-дѣтски увлекается князь, который мнитъ о себѣ, что онъ на три аршина подъ собою насквозь видитъ. — Удивительный человѣкъ нашъ князь! — говорилъ управляющій Хлопоничу, — въ Бога не вѣритъ, въ дьявола не вѣритъ, а въ дѣвокъ щелкающихъ увѣровалъ! — Александръ Юрьевичъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ человѣкомъ проницательнымъ и легко угадывалъ людей. Но теперь фантастическая страсть совсѣмъ заслѣпила ему глаза. Его нѣсколько огорчало, что стучащій ему духъ — безыменный. Онъ много разъ спрашивалъ:

— Кто ты?

И не получалъ отвѣта, потому что Аграфена не

знала, какъ отвѣчать, и давала Серафимѣ знакъ: „не хочу".

Наконецъ, Муфтель сказалъ медіумичкамъ:

— Дѣвки, вы бы хоть нарекли какъ-нибудь вашего сатану: вотъ какъ его сіятельство по немъ убивается, что онъ не помнитъ своего родства и имени.

— Какого сатану, Карлъ Богдановичъ?

— Э, полно! развѣ я не понимаю, что всѣ эти разговоры устраиваете вы, бестіи. Только какъ вы это продѣлываете, — не могу отгадать.

— Ахъ, какъ много въ васъ ошибки! — воскликнула Серафима, — смѣли бы мы шутить съ княземъ?

— Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ шалятъ черти или покойники?

— Конечно, черти, Карлъ Богдановичъ... Намъ съ Аграфеной отъ этихъ сіянсовъ даже жутко, потому — хоть и не наша въ томъ вина, а господскій приказъ, — но все же какого грѣха мы набираемся! Вѣдь это волшебство. За него отвѣтъ на томъ свѣтѣ. Да и страшно, инда дрожимъ.

— Ладно. Видѣлъ я, какъ вы дрожите. Палецъ вамъ покажи въ то время, — обѣ прыснете. Щеки отъ смѣха лопнуть хотятъ. Вотъ возьму и покажу палецъ.

Дѣвушки расхохотались.

— Нѣтъ ужъ, Карлъ Богдановичъ, не показывайте, а то, и впрямь, не ровенъ часъ.

— Хорошо. Секрета вашего я знать не хочу. Черти — такъ черти, однако, и у чертей бываютъ имена.

Дѣвки приняли совѣтъ къ свѣдѣнію. Въ ближайшій сеансъ, на вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ?

Столъ простучалъ:

— Анфисъ Гладкій.

Этотъ Анфисъ долго пребывалъ въ оракулахъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Трудно было дѣвкамъ морочить князя только тогда, когда онъ, увѣрившись въ своемъ неизмѣнномъ общеніи съ таинственнымъ Анфисомъ, сталъ писать и говорить свои вопросы не открыто, но таючись, про себя. Тогда Анфисъ внезапно глупѣлъ и несъ безтолочь, попадая отвѣтомъ на одинъ изъ десяти вопросовъ, да и то двусмысленно. Князь сердился, однако, не утрачивалъ вѣры.

Однажды Хлопоничу привалило счастье. Дальная родственница, седьмая вода на киселѣ, умерла бездѣтною, и Хлопоничу, ближайшему и единственному наслѣднику, досталось весьма недурное имѣніе въ Симбирской губерніи. Сперва Хлопоничъ задумался: не перебраться ли ему въ новыя владѣнія? Но, посчитавъ, убѣдился, что никакими хозяйственными доходами и выгодами не замѣнитъ онъ щедротъ князя, которыя, конечно, немедленно потеряетъ, если скроется съ глазъ волкоярскаго владыки. Пріязнь-то у него недолгая: прочь съ очей, — вонъ изъ памяти. Имѣть же доходы съ заглазнаго хозяйства Хлопоничъ не надѣялся. Тогда онъ сталъ просить князя, чтобы тотъ купилъ у него это симбирское имѣніе, такъ какъ оно близко прилегало къ тамошнимъ землямъ Радунскаго.

— Сколько просишь?

— Ваше сіятельство, просить не смѣю, что изволите пожаловать, то и возьму.

— Подай Муфтелю справки... если окажется недорого, оно мнѣ, пожалуй, кстати, я возьму.

Насчитали Муфтель съ Хлопоничемъ семьдесятъ тысяцъ. Поморщился князь:

— Большія деньги.

Взмолился Хлопоничъ.

— Ваше сіятельство! Вы имѣніе знаете: вдвое стоитъ.

— Ну, хоть и не вдвое, а семидесяти тысячъ — это ты правъ, помню, — стоитъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало, ваше сіятельство? Соблаговолите!

— Да рѣшиться тревожно, братецъ. Это тебѣ не Мышковскіе хмѣльники. Деньги велики.

— Развяжите душу, ваше сіятельство.

— Спѣшишь?

Сталъ Хлопоничъ плакаться, что старшій сынъ отъ перваго брака жениться задумалъ, выдѣла проситъ, а второй и третій — одинъ кончаетъ корпусъ, другой Демидовское училище въ Ярославлѣ, обоихъ надо на службу экипировать; что отъ второго брака дѣти тоже — кто уже свезенъ учиться въ Кострому, кого пора везти, маленькихъ полонъ домъ, а Авдотья Елпидифоровна опять на сносяхъ ходитъ... Выслушалъ князь, кивнулъ головою.

— Хорошо. Я спрошу... посовѣтуюсь.

Изумился Хлопоничъ: когда же это было, чтобы князь Александръ Юрьевичъ совѣтниковъ не то, чтобы искалъ, но хотя бы принималъ?

— Помилуйте, ваше сіятельство! Кого вамъ спрашивать? Вы сами все на свѣтѣ лучше всѣхъ знаете.

— Духа спрошу, столъ стучащій. Какъ онъ скажетъ о твоемъ имѣніи, такъ тому и быть.

Оторопѣлъ Хлопоничъ.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Сегодня же вечеромъ. Первымъ вопросомъ твое желаніе поставлю. Вотъ — нарочно — при

тебѣ, въ памятную книжку записываю, — смотри: „Взять ли мнѣ за себя симбирское имѣніе Хлопонича?“

Возблагодарилъ Хлопоничъ князя и — по обычаю всѣхъ волкоярскихъ просителей — бросился къ фавориткамъ князя, медіумичкамъ Аграфенѣ и Серафимѣ, съ подарками и деньгами.

— Старайтесь, голубушки! Если устроится мое дѣло, я васъ и еще благодарю!

Дѣвки деньги и подарки взяли, но на посулъ заявили:

— Нѣтъ, ужъ вы, Андрей Пафнутьевичъ, это ваше „еще“ теперь намъ пожалуйте, до сіянса. А то мы — ученыя! Послѣ дѣла съ вашего брата взятки гладки.

— Богомъ вамъ клянусь, кралечки: ежели выгоритъ мое дѣло, не пожалѣю прибавить сто рублей.

— Не очень-то расщедрились: сами семьдесять тысячъ ухватить норовите.

Сторговались на двухстахъ, да изумрудныя сережки долженъ былъ подарить Хлопоничъ Аграфенѣ, а Серафимѣ — отрѣзъ французскаго бархата.

Къ вечернему сеансу князь вышелъ серьезный и задумчивый. Послѣ обѣда, онъ видѣлъ во снѣ Матрену Даниловну и очень нехорошо, грозно видѣлъ. Пришла голая, желтая, обрюзглая. Ходитъ кругомъ, губами красными ворочаетъ, чавкаетъ, что-то жуетъ.

— Что ты ѣшь? — спрашиваетъ князь.

— А косточку гложу, Сашенька, косточку... твою, Сашенька, косточку — отъ ножки твоей.

— Что ты врешь, дура? Чай, нога-то моя — вотъ она, при мнѣ!

— Не вру, Сашенька: мы, покойники, все такъ-то — въ могилкахъ лежимъ да другъ друга ѣдимъ.

— Такъ, вѣдь это ты — покойница, а я то живой.

Засмѣялась и пальцемъ грозитъ:

— Отольются волку овечьи слезки!

Сновидѣніе очень раздражило Александра Юрьевича и напрасно Хлопоничъ утѣшалъ его, что видѣть во снѣ покойника — это ничего, только къ перемѣнѣ погодѣ.

А Муфтель шепталъ фавориткамъ:

— Дѣвушки! На совѣсть вамъ говорю: врите князю, что хотите, только пріятное. Въ немъ черная меланхолія расходилась. Давно такимъ не помню. Самъ на себя не похожъ.

Клопоничъ, изнывая въ корыстолюбивой тоскѣ, не разглядѣлъ настроенія своего милостивца и все вертѣлся возлѣ князя, пытая: не забылъ ли онъ о дѣльцѣ?

— Помню, братецъ... спрошу.

— Въ первую очередь обѣщались, благодѣтель?

— Въ первую, въ первую...

— Въ самую первую, ваше сіятельство?

— Въ первую... сказано! — уже рыкнулъ Александръ Юрьевичъ.

Хлопоничъ выкатился изъ кабинета горошкомъ, выразительно переглянувшись съ медіумичками. Князь замѣтилъ. Ему показалось подозрительно.

— Быть можетъ, перешептались тутъ?—подумалъ онъ, садясь къ столу и открывая спиритическую азбучку.

Притушили свѣчи. Завели органъ. Серафима „впала въ трансъ“. Князь написалъ вопросъ и, какъ всегда, положилъ бумажку на столъ подъ шандалъ. Памятуя „первую очередь“ вопроса о землѣ Хлопонича, Аграфена дала Серафимѣ знаки:

— Взять.

Серафима простучала. На лицѣ князя выразилось величайшее изумленіе — до ужаса.

— Такъ ли это? — глухо спросилъ онъ, уже не скрываясь, вполголоса, послѣ долгаго молчанія.

Аграфена моргнула Серафимѣ: стучи опять тотъ же знакъ.

— Впрочемъ, я такъ и думалъ, что это будетъ оттуда, — пробормоталъ князь. — Увѣдомь меня еще разъ, чтобы я окончательно убѣдился, что не ошибаюсь.

Серафима опять простучала. Попросилъ князь въ третій разъ, — простучала и въ третій.

Князь всталъ и сказалъ:

— Спасибо. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Идите спать, дѣвки, и ты, Муфтель. Сегодня заниматься больше не будемъ.

— Ты что же „вѣди"-то проглотила? — укоряла Серафиму Аграфена, оставшись наединѣ.

— Какія „вѣди"?

— Такія! Я тебѣ показываю: вѣди... земля... я... твердо, стало быть, по началу стукни три раза, а ты выстукиваешь прямо съ земли, семь разовъ...

— Не доглядѣла я твоихъ вѣдей... Грамотная я что ли?

Князь тѣмъ временемъ блуждалъ по своему кабинету, мрачный, какъ ночь. Вопросъ, заданный имъ Анфису, былъ вовсе не о землѣ Хлопонича. Подъ вліяніемъ непріятнаго сновидѣнія, князь спросилъ:

— Чего я долженъ больше всего бояться въ своей жизни?

И столъ трижды простучалъ ему слово: „зять".

— Опять эта дѣвчонка, — съ ненавистью думалъ князь. — Всюду и всегда она у меня на дорогѣ, и

даже самая погибель моя — отъ нея... И еще послѣ этого люди будутъ удивляться, что я ея не люблю? Наши натуры противны другъ другу, между нами природная антипатія... Она съ тѣмъ и родилась, чтобъ уморить меня... Но это ей не удастся, я ее перехитрю.

Глупая спиритическая случайность — ошибка въ одной буквѣ неграмотной дѣвки, которую, должно быть, въ самомъ дѣлѣ толкнулъ въ это время Анфисъ Гладкій, опредѣлила судьбу княжны Зинаиды Александровны. Князь рѣшилъ, что, пока онъ живъ, дочери его замужемъ не бывать.

Княжнѣ Зинаидѣ въ это время шелъ тринадцатый годъ.

Князь завернулъ въ ея флигель, посмотрѣлъ на рослую, быстро развивавшуюся, дѣвочку и покачалъ головой. Онъ нашелъ, что время получить зятя для него не за горами. Еще года два-три, и Зина — уже невѣста.

Гувернантка княжны — старая, совсѣмъ обезножившая отъ ревматизмовъ, нѣмка — ко всему своему убожеству, вдобавокъ, еще и добрая до полнаго безволія, показалась Радунскому слишкомъ слабою охранительницей его покоя.

— Тутъ только не досмотри, — размышлялъ онъ, — ее и украдутъ, уводомъ уведутъ. Собою, надо полагать, будетъ недурна. Сосѣдушки жадные, — думаютъ, конечно, что она не безъ состоянія, да и правда: для такой швали, какъ они, и ея будущія деньги — капиталъ. Вѣдь законной четырнадцатой части у нея не отнимешь. Хорошо бы вспомнить матушку-старинку — сплавить ее въ монастырь пусть бы грѣхи рода нашего замаливала. Но время не то. Насильно — нельзя, добровольно не пойдетъ. Если и уговари-

вать, — что пользы? Молоденькихъ, до тридцати лѣтъ, не постригаютъ, — закона нѣтъ. На воспитаніе развѣ въ монастырь отдать? Оно можно бы, каждый монастырь княжну Радунскую съ радостью приметъ. А ну какъ она изъ монастыря-то убѣжитъ и замужъ выскочитъ? Спасибо. Нѣтъ, мы лучше своимъ глазомъ досмотримъ... Родитель-покойникъ или дѣдушка Романъ Ѳедотовичъ не задумались бы, какъ распорядиться, если бы имъ такая бѣда въ глаза взглянула. Но не то время! не то! Да и годы мои тоже не тѣ: нѣтъ энергіи, чтобы выдержать шумъ скандала, нападки, угрозы, какъ бывало смолоду. Съ отцомъ воевалъ, на цѣлый полкъ шелъ въ одиночку — и одолѣлъ; царя не боялся; а теперь вотъ трушу, что не совладаю съ дѣвчонкой. Не бывать же тому! Скручу и ее, и судьбу, которая грозитъ мнѣ ею.

Онъ кликнулъ Муфтеля:

— Слушай, Карлъ Богдановичъ, смотрѣлъ я намедни княжну Зинаиду. Видѣлъ и Густавсоншу. Она, братъ, плоха: и стара, и добра черезчуръ. Дѣвчонка забрала ее въ руки, командуетъ ею: дикою козою растетъ! Нехорошо. Я не противъ Густавсонши: пусть остается при княжнѣ для наукъ. Но мнѣ нуженъ настоящій присмотръ за Зинаидою — вѣрный человѣкъ, который бы держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ и былъ вѣренъ мнѣ, какъ собака... Понялъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Няня требуется.

— Да, — только не для одного услуженія, но и для смотрѣнія, и для строгости.

— Это выходитъ уже не няня, а тюремщица, — подумалъ Муфтель и сказалъ:

— Такая, ваше сіятельство, есть у меня на при-

мѣтѣ. Думаю, что и вашему сіятельству она будетъ по нраву, такъ какъ ваше сіятельство ее знаете и весьма отличали годовъ десятокъ тому назадъ.

— Кто такая?

— Матрена Никитишна, если ваше сіятельство изволите помнить... Еще ее Слобожанкою прозывали...

— Гм!... помню. Пожалуй, что ты говоришь дѣло. Баба умная, расторопная, преданная, облагодѣтельствована мною. Разыщи хоть Матрену. Я согласенъ.

Судьба Матрены-Слобожанки, послѣ ея ухода съ княжого двора, несмотря на милость къ ней Александра Юрьевича, сложилась невесело. Мѣщанинъ, за котораго ее выдали, свершилъ все, что уѣздному мѣщанину въ предѣлѣ земномъ свершить предназначается: завелъ торговлю и проторговался; проторговавшись, запилъ; запивши, проворовался, попалъ въ острогъ и умеръ. Вдова осталась въ бѣдности и жила, перебиваясь чѣмъ попало, не брезгая ни дурнымъ, ни хорошимъ, когда прикатилъ къ ней Муфтель съ извѣстіемъ, что князь надумался поручить ей уходъ за княжной Зинаидой. Матрена обрадовалась княжеской милости, какъ только можетъ обрадоваться умирающій съ голода человѣкъ неожиданно упавшему съ неба куску хлѣба. Она наскоро спихнула своего подростка-сына въ науку московскому куму-портному и, забравъ свой скудный скарбъ, немедленно очутилась въ Волкоярѣ, гдѣ князь принялъ ее не безъ почета и, послѣ долгаго разговора наединѣ, поселилъ въ садовомъ флигелѣ.

VIII.

Княжнѣ Зинѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ. Ростомъ и дородствомъ она вышла въ мать, а лицомъ

въ отца. Она не была красавицею, но статная фигура, богатѣйшіе свѣтлорусые волосы, замѣчательно бѣлый цвѣтъ кожи и огромные сѣрые, съ отцовскимъ стальнымъ отливомъ, глаза дѣлали ее очень видною дѣвушкою. Она не осталась бы незамѣченною въ какомъ угодно обществѣ, если бы хоть когда-нибудь бывала въ обществѣ. Болѣе уединенной, болѣе затворнической жизни, чѣмъ устроилъ князь въ Волкоярѣ для нелюбимой дочери, нельзя и представить.

Княжна, послѣ смерти матери, выросла въ полномъ забросѣ, никого не видя, кромѣ своей гувернантки Амаліи Карловны и няни Матрены. Росла она едва грамотною. Дѣвушка упрямая, самовластная, вспыльчивая и капризная — истинная Радунская по темпераменту и инстинктамъ — Зина, въ этомъ князь Александръ Юрьевичъ былъ правъ, въ грошъ не ставила свою старую, добродушную безногую нѣмку, нимало не боялась ея и не слушалась. Амалія Карловна любила Зину безъ памяти и скорѣе согласилась бы, чтобы княжна вовсе не умѣла ни читать, ни писать, чѣмъ увидать на ея глазахъ хоть одну слезинку. Поэтому Зина занималась, чѣмъ хотѣла, какъ хотѣла и когда хотѣла. Чаще же всего она вовсе ничѣмъ не хотѣла заниматься. Если нѣмка пробовала ее принуждать, своевольная дѣвушка убѣгала куда-нибудь въ глубь волкоярскаго парка, — и ужъ, конечно, не безногой Амаліи Карловнѣ было за нею угнаться. Если къ этому прибавить, что и сама-то Амалія Карловна была чуть ли не изъ ревельскихъ швеекъ или прачекъ, то будетъ понятно, что ея уроки Зинѣ многаго принести не могли. Въ результатѣ всего этого, восемнадцатилѣтняя княжна Радунская разнилась отъ дѣвушекъ своей дворни только платьемъ, да нѣсколькими дюжинами ломаныхъ нѣмецкихъ и французскихъ словъ, кое-какъ

схваченныхъ у гувернантки и у Муфтеля. Искалѣченная и безсильная, Амалія Карловна не играла никакой роли въ жизни садоваго флигеля. Настоящею хозяйкою въ немъ стала съ перваго же дня, какъ поселилась въ Волкоярѣ — Матрена-Слобожанка. Эта баба, видавшая на своемъ вѣку всякіе виды, уживчивая и покладистая, сразу сошлась съ княжной и пріобрѣла на нее огромное вліяніе. Матрена распоряжалась всѣмъ бытомъ флигеля — совершенно отдѣльнымъ отъ быта княжескаго дворца — и была предводительницей и руководительницей неустанной вражды флигеля съ главнымъ домомъ. А вражда была сильная, хотя, разумѣется, торжествовалъ въ ней всегда и неизмѣнно главный домъ. Маленькій князекъ, окруженный кормилками, боннами, няньками, былъ строго огражденъ отъ общества сестры. Даже когда мальчика приводили гулять въ садъ, княжна не рѣшалась подойти къ брату, потому что ей однажды навсегда было сказано придворными маленькаго принца:

— Вы бы, княжна, подальше держались: знаете, какъ князь къ вамъ относится... Мы за васъ можемъ быть въ отвѣтѣ.

Бабья свита сынка-любимца, въ своемъ холопскомъ чванствѣ, конечно, глубоко презирала опальныхъ жительницъ флигеля и старалась всячески задѣвать ихъ за живое, дразнить ихъ, трунить надъ ними; тѣмъ болѣе, что всѣ такія выходки — жалуйся не жалуйся — сходили виновнымъ съ рукъ совершенно безнаказанно, если не считать отвѣтныхъ сценъ, какія устраивала имъ сгоряча Матрена. Она слыла въ дворнѣ и на селѣ бабой брехучею: не спуститъ обиды никому, хоть самому князю. Эта-то самостоятельность характера, вмѣстѣ съ несомнѣнной симпатіей няньки къ своей угнетенной питомицѣ, и привязали къ ней Зину.

Князь нѣсколько ошибся въ Матренѣ. Преданной ему она была дѣйствительно, но — лишь собачьею преданностью страха; Зину же она возжалѣла нутромъ, и Зина оцѣнила это. Самовластная капризница, не признававшая надъ собою ничьей воли, кромѣ своей собственной, охотно подчинилась Матренѣ, и, когда няньа приказывала что-нибудь, слушалась безпрекословно.

— Ты мнѣ новая мама, — говорила она.

Нелѣпая задача, возложенная княземъ на Матрену— слѣдить, чтобы княжна по возможности не знала мужского общества — оказалась нетрудною, такъ какъ половину ея выполнилъ князь. Съ годами онъ совсѣмъ одичалъ; у него не бывалъ никто изъ сосѣдей. А если и навертывался какой-нибудь случайный гость, то принимали его, конечно, въ главномъ домѣ, даже не заикаясь о забытой княжнѣ, отшельницѣ садоваго флигеля. Едва ли не единственными мужчинами, кого видала Зина, были: Муфтель, слуги и, въ послѣдній годъ, — Конста, сынъ няньки Матрены, нежданно свалившійся изъ Москвы на волкоярскіе хлѣба. Но какъ ни унизилъ Александръ Юрьевичъ свою дочь, все-таки для нея, княжны Радунской, этотъ народъ не имѣлъ пола. Это были безличныя живыя машины для исполненія приказаній — не болѣе. За исключеніемъ же этихъ людей, Зинѣ рѣшительно некого было видѣть. Даже отцу она показывалась на глаза лишь въ дни своихъ и его именинъ, да по большимъ праздникамъ.

Дѣло доходило до того, что, не желая видаться съ дочерью чаще обязательныхъ встрѣчъ, князь запретилъ пускать ее во дворецъ свой по главному подъѣзду и парадной лѣстницѣ. Если княжнѣ надо было повидать кого-либо во дворцѣ, она должна была пробираться боковыми крыльцами и держаться въ

заднихъ комнатахъ, куда, можно было навѣрное разсчитывать, князь не заглянетъ. И даже въ рѣдкія оффиціальныя встрѣчи, отецъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрыть своихъ чувствъ къ дочери — сложной смѣси гнѣва и боязни, одолѣвавшихъ волю его, будто одержимаго.

— Какой праздникъ? — бормоталъ онъ, — что за праздникъ? Кому нужны праздники? Кто вѣритъ въ праздники? Ну-ну-ну... благодарю... вотъ тебѣ!.. Она со страхомъ цѣловала у него руку; онъ съ отвращеніемъ, только приличія ради, цѣловалъ ее въ лобъ, совалъ ей наскоро въ руку сторублевую бумажку и спѣшилъ разстаться съ дочерью, сказавъ ей нѣсколько спѣшныхъ, ничего не значущихъ, фразъ:

— Ну-ну-ну... Тамъ... ты довольна?.. Тамъ все для тебя... Муфтелю велѣно. Спрашивай. Веди себя хорошо. Прощай.

Даренныя княземъ деньги — Зинѣ и дѣвать было некуда; такъ и лежали онѣ у Матрены въ шкатулкѣ. Когда княжнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, Муфтель, по приказанію князя, передалъ ей брилліанты ея матери. Въ унылой теремной жизни княжны появилась, по крайней мѣрѣ, новая забава: она была способна по цѣлымъ часамъ играть въ свои камешки, утѣшаясь ихъ яркими переливами.

Необразованная, невоспитанная, Зина развивалась на опасной почвѣ — точно пышная лилія на гниломъ болотѣ. Во флигель постоянно забѣгали къ Матренѣ посидѣть и посудачить о томъ, о семъ ея пріятельницы изъ дворовыхъ женщинъ. На княжну эти бабы смотрѣли, какъ на существо переходное отъ „своей сестры“ къ барышнѣ, и не стѣснялись при ней никакими откровенностями, сплетнями и двусмысленностями. Такимъ образомъ, передъ княжною послѣдовательно

проходили всѣ романы Волкояра, не исключая любовныхъ похожденій ея отца. Распущенность волкоярскихъ нравовъ не знала границъ, сплетня также, — и юная головка княжны была отравлена, воображеніе ея было развращено, даромъ, что свѣтъ и жизнь не касались ея своею дѣйствительностью. Она, по разговорамъ, знала все, что̀ принято обыкновенно скрывать отъ дѣвушекъ. Никто и не думалъ о томъ, что эта оригинальная узница растетъ, развивается, зрѣетъ; что она такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, съ такою же плотью и кровью, какъ и у всѣхъ другихъ. Всѣ точно порѣшили вмѣстѣ съ княземъ, что Зиночкѣ суждено быть „безсчастною" — такъ тому и быть. Но она-то не порѣшила, и бунтовала, — хотя еще глухо, про себя, но уже бунтовала. Въ теремѣ своемъ княжна — пока была подросткомъ — часто чувствовала себя жутко и тоскливо, но то была тоска неопредѣленная и безобидная, исходившая исключительно изъ недовольства затворническимъ одиночествомъ. Дѣвочкѣ хотѣлось бы повеселиться, порѣзвиться, побыть на людяхъ, а тутъ — тюрьма. Съ годами же, въ Зинѣ яснымъ и понятнымъ языкомъ заговорило самолюбіе, и вотъ тогда-то открылся ей во всю свою величину ужасъ ея несноснаго положенія. Она — по природной гордости, вполнѣ достойная дочь своего отца — сознавала себя послѣднимъ лицомъ даже въ ничтожной средѣ, ее постоянно окружающей. Матрену часто навѣщала ея племянница — красавица Олимпіада, высокая, бѣлая, статная дѣвка въ платьяхъ изъ дорогихъ, — гораздо лучшихъ, чѣмъ на самой княжнѣ, — матерій, въ золотыхъ браслетахъ и бриллiантовыхъ серьгахъ. Княжна хорошо помнила эту Олимпіаду грязной и оборванной дворовой дѣвчонкой Липкой. А теперь Липку князь

сажалъ съ собою за столъ. Муфтель, встрѣчая ее во дворѣ, сажень за пять снималъ картузъ и кланялся чуть не до земли; сама княжна принуждена была звать ее Олимпіадой Евграфовной, здороваться съ ней, какъ съ равной, и покорно сносить, если фавориткѣ приходила фантазія звать ее, безъ церемоніи, Зиночкой.

Этой выходки, впрочемъ, даже Матрена не стерпѣла. Такъ и вскипѣла за питомицу свою, такъ и зыкнула на племянницу:

— Какая она тебѣ Зиночка, песъ? Ошалѣла ты, барская барыня? Раскаркалась ворона, — залетѣла въ высокія хоромы!

Олимпіада смутилась было.

— Ежели ихъ крестили Зинаидою, то — кромѣ Зиночки — какъ же ихъ въ ласковости назвать?

— Да — не смѣешь ты, ничтога, барышнѣ ласковость оказывать! Хамка ты! Она для тебя княжна! Ваше сіятельство!

Но Олимпіада уже оправилась и приняла гордый видъ.

— Вы, тетенька, не кричите. Отъ крика пользы нѣтъ, только уши пухнутъ. Я вамъ ничего дурного не сказала, а въ вашемъ положеніи надо быть скромнѣе, и горячиться — ни къ чему. Съ моей стороны это большая смѣлость и учтивость, что я, помня родственныя чуства, такъ свободно васъ посѣщаю и съ вами разговариваю.

— Что-о? — взревѣла Матрена. — Да ты съ ума сошла? Предъ кѣмъ ты стоишь? съ кѣмъ говоришь? Ахъ, ты, шлепохвостая!

Но Олимпіада отпѣла, глазомъ не моргнувъ, и словно Зины тутъ и не было.

— Я къ вамъ и къ княжнѣ настолько благородна, что рискую быть за знакомство съ вами въ строгомъ

отвѣтѣ, а вы, однако, между прочимъ, лаетесь. Но я это отношу къ вашему несчастію и необразованію и на васъ не обижаюсь. Напротивъ: если что вамъ нужно у князя, пожалуйста, прямо ко мнѣ. Я вамъ помочь всегда готова... Прощайте, тетенька! до свиданія, Зиночка!

И ушла, торжественно шумя пышными юбками. Матрена чуть на нее не бросилась, но Зина сдержала:

— Мама Матрена, оставь!

— Какъ оставить, Зинушка? Племянница она мнѣ или нѣтъ? Я учить ее должна! Какъ есть очумѣла дѣвка! въ шаломъ бреду ходитъ!

— Не очумѣла она, а обнаглѣла, — угрюмо сказала Зина. — Одна она, что ли? Всѣ изъ дворца стали теперь къ намъ таковы...

— Шлюхи! швали! — кипятилась Матрена, — что же это, Господи? Жили худо, а такого еще никогда не было.

Зина взмахнула на нее огромными, стальными отцовскими глазами своими:

— Чему же хорошему быть, если отецъ самъ подаетъ примѣръ?

— Каковъ онъ съ тобою, это его родительское дѣло. А дѣвки — рабы! Не смѣютъ онѣ! да! не смѣютъ!

— Кого имъ бояться-то? Кромѣ тебя, за меня заступиться некому — никто слова не скажетъ, пальцемъ не шевельнетъ. Заточенныя мы съ тобою. Сгніемъ въ своемъ павильонѣ и пропадемъ, какъ покойная мама черезъ него, изверга, пропала.

Но, едва рѣчь князя касалась, у Матрены сразу пропадало все мужество. Она даже въ лицѣ выцвѣтала и только крестилась, да — шикая на Зину: —

Кышъ ты! кышъ! кышъ! про отца-то родного? Да онъ тебя расклеймитъ, разразитъ! — боязливо поглядывала по окнамъ, не подслушиваетъ ли кто — не довели бы злые холопе до лютаго господина своего дерзкихъ дочернихъ словъ.

— Не шуми, Зинаида. Пожалѣй ты свою и мою голову. Не шуми.

Всѣ эти униженія глубоко ложилось на душу княжны. Кровь кипѣла въ ней. На нее стали нападать то безотчетная тоска, то припадки безумнаго гнѣва. Изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ она кричала, бранилась, бросала вещи на полъ, топтала ихъ ногами. Въ такія минуты даже Матрена терялась, что̀ ей дѣлать со своей воспитанницей. Просьбъ не слушаетъ, на брань и на прикрикиванія огрызается, побить — что̀ прежде случилось и, по любви, переносилось легко — уже поздно: не дѣвчонка, сама сдачи сдастъ, — да и жаль: за что бить? Развѣ не видно, что дѣвушка стала сама за себя не отвѣтчица, и всѣ ея вины не виноваты? И — дѣйствительно — Зина сама была не рада своему характеру и, послѣ сценъ бѣшенаго гнѣва, переходила къ не менѣе бурнымъ сценамъ раскаянія — плакала, давала зароки овладѣть собою, просила прощенія у Густавсонши и Матрены, цѣловала у нихъ руки...

— Эка кровища-то въ тебѣ гуляетъ, дѣвка! — смущенно говаривала тогда Матрена, — ни словомъ тебя не унять, ни водой отпоить... вся въ отца: звѣрь — звѣремъ!

А Густавсонша всхлипывала:

— O, du armes grossmüthiges Kind! Was für ein edles Herz! Mein Gott! Mein Gott!

И въ неизмѣнномъ добродушіи своемъ была увѣрена, что дикія сцены больше уже не повторятся

послѣ даннаго Зиною честнаго слова. А Зина, на другой же день послѣ своихъ трогательныхъ покаяній, устраивала скандалъ лучше вчерашняго.

— Замужъ тебѣ пора, Зинаида Александровна! — вздыхала Матрена.

— Кто меня возьметъ? Я необразованная.

— За то изъ себя видная. Княжна!

— Безприданница! — горько подчеркивала Зина.

— Только бы родителя уломать, чтобы онъ блажь свою на счетъ тебя перемѣнилъ, а то женихи тебя — и безъ приданаго — съ руками у насъ оторвутъ.

Зина безнадежно махала рукою.

— Э! какіе женихи! Кого мы видимъ? Какихъ людей? Кто меня видитъ? Тюрьма! тюрьма! тюрьма!

Зина знала, что отецъ никогда и ни за кого не позволитъ ей выйти замужъ. Между тѣмъ, всѣ ея одинокія мечты, — а для нихъ она имѣла свободными двадцать-четыре часа въ сутки, — были о замужествѣ. И не столько манили ее замужъ возрастъ и молодая чувственность, обостренная воспитаніемъ между грубо-откровенными женщинами, для которыхъ въ чувственности не только укладывалась вся любовь, но слагался и почти весь интересъ самой жизни, — сколько толкала неволя. Бракъ манилъ ея воображеніе главнымъ образомъ потому, что это слово было для нея равносильно слову: „свобода". Волкояръ былъ ненавистенъ ей, какъ тюрьма, а князь-отецъ, какъ опытный, безпощадный тюремщикъ. Бывали минуты, когда Зина всю себя чувствовала воплощенною злобою на отца, и если бы князь Александръ Юрьевичъ видѣлъ въ эти минуты свою дочь, онъ не отказался бы признать въ ней свою плоть и кровь, свой живой портретъ. Не разъ Зина мечтала убѣжать изъ дому, но — куда идти, зачѣмъ идти? Она по-

нимала, что очутится въ жизни, какъ въ темномъ лѣсу, и бѣгство кончится лишь тѣмъ, что ее опять привезутъ въ эту же отцовскую тюрьму. Притомъ, почти никогда не видаясь съ отцомъ, она все-таки раздѣляла суевѣрный страхъ, какой внушалъ „Чортушка на Унжѣ“ всѣмъ окружающимъ. Отецъ представлялся ей человѣкомъ, отъ котораго не уйти, не уѣхать, не улетѣть на коврѣ-самолетѣ, не уплыть щукою въ море; онъ всюду погонится за нею грозною, неуклонною тѣнью, внезапно вырастетъ за спиною, настигнетъ ее, схватитъ и накажетъ страшною расправой. О томъ, чтобы жаловаться на отца, искать людей сильнѣе его, ей и въ голову не приходило. И вотъ она, невѣроятными усиліями надъ собою, сдерживала свои мечты и порывы и, подъ призоромъ няньки, вяло влачила скучные дни... Едва расцвѣла, а уже готовилась безплодно отцвѣсти и завять. Въ восемнадцать лѣтъ вырабатывала себя въ обреченную старую дѣву, день ото дня ожесточая въ себѣ замкнутое сердце свое, уже отъ природы крутое и буйное. Характеръ слагался угрюмый и опасный. Привыкнувъ терпѣть оскорбленія, Зина мало-по-малу начала находить въ нихъ то злобное самоуслажденіе, то язвительное сладострастіе обиды и безсильно мстительнаго злопамятства, которымъ учатъ людей только тюрьма да рабство. Именно — „глотать“ оскорбленія перестала, а жевать и смаковать ихъ выучилась. Сидитъ, подъ сумерками, съ нянькою на крыльцѣ Псишина павильона и шипитъ, какъ змѣя, поливая ядомъ кипящіе въ сердцѣ гнѣвы!

— Платье-то на Олимпіадѣ? Ха-ха-ха! Французская матерія, издали видать. Серьги брильянтовыя, браслеты, золотая цѣпочка... ха-ха-ха! А у меня башмаки дырявые, и Муфтель ждать проситъ: не

смѣетъ въ расходъ включить, — его сіятельство осердятся... Безъ башмаковъ держитъ! Барышню! Взрослую дочь!.. А дѣвка въ брильянтовыхъ серьгахъ, въ браслетахъ. А давно ли босикомъ по лужамъ шлепала, индюшекъ пасла?

— Это — какъ есть! — поддакивала Матрена.

— Тварь ползучая! Нашелъ сокровище — наверхъ взять! Съ псарями подъ заборами валялась... Помню я!

— Ну, этакихъ дѣлъ помнить тебѣ не откуда, — остановила нянька.

Зина вскинула голову — надменное лицо, глаза металломъ сверкнули, — надменно отцовскій голосъ:

— Что такое?

— То, что не видала ты такихъ примѣровъ, а словъ подобныхъ не должна выкликать. Ты дѣвушка. Стыдъ имѣй.

Зина выслушала и зловѣще улыбнулась.

— Я гдѣ живу, нянька? — спросила она съ нехорошимъ спокойствіемъ.

— Что-й-то — гдѣ? Извѣстно — гдѣ. Въ Волкоярѣ живешь, у папеньки.

Откуда же мнѣ было стыда набраться? У волкоярскихъ людей стыда нѣтъ. Какой такой стыдъ на свѣтѣ живетъ? Я не знаю. Всего въ Волкоярѣ насмотрѣлась, а стыда не видала. Гувернантокъ, учительницъ не имѣла. Съ дѣвками росла... Съ родительскими наложницами. Все знаю. Про всѣхъ. И про тебя, мамушка, тоже... какова ты была, когда онъ тебя — молоденькую — наверху держалъ!.. Все до ниточки! По-французскому, по-нѣмецкому, — этого я не могу: не научили княжну, не удостоилась... А кто съ кѣмъ спитъ, это я тебѣ хоть про весь Волкоярь. День-деньской длиннохвостыя сороки во фли-

гель вѣсти носятъ... И не стыди ты меня! Не хочу я никакого твоего стыда! И такъ въ неволѣ этой безумной... Что ты мнѣ стыдомъ въ глаза тычешь? Безъ стыда-то я хоть посмѣюсь!.. Смѣхомъ изъ себя злобу выведу!

IX.

Когда въ Радунскомъ объявился Конста, затворницамъ стало немного веселѣе.

Сынишка Матрены, отданный ею въ ученье къ московскому купцу-ремесленнику, въ столицѣ свихнулся съ пути. Брошенный мальчикомъ въ мастерскую вѣчно-пьянаго портного, въ глубинѣ какой-то Драчевской трущобы, онъ не взвидѣлъ свѣта отъ потасовокъ. Однажды, когда хозяйскій шпандырь черезчуръ усердно поработалъ по его спинѣ и ребрамъ, Константинъ — уже четырнадцатилѣтній парень — сбѣжалъ, стянувъ у пьянаго хозяина малую толику товару и денегъ. Сбѣжалъ и какъ въ воду канулъ. Его поглотилъ океанъ столичной безпріютной и безпаспортной голи, что̀ уже клокотала въ то время на днѣ столицы, только что начинавшей обстраиваться на европейскій ладъ, расширять свои окраины, обзаводиться бойкою ремесленной, торговой и фабричной жизнью. Шатущая жизнь перебрасывала Константина съ мѣста на мѣсто, изъ части въ часть, изъ одного конца города въ другой, какъ мячикъ; если бы полиція и хотѣла его поймать, такъ, при тогдашнемъ формальномъ, долгомъ порядкѣ и перепискѣ было трудно. А и ловить-то ей была не велика корысть: съ хозяина Константина, чуть ли не такого же голыша, какъ и самъ бѣглецъ, были взятки гладки. Въ своихъ перелетахъ по столицѣ Константинъ сознался и освоился со всякимъ вольнымъ народомъ. Къ шестнадцати го-

дамъ изъ него выработался отчаянный уличный плутъ и воръ, хорошо знакомый преступнымъ подонкамъ Москвы, — удальцамъ и проституткамъ „Ада“ на Цвѣтномъ бульварѣ, „Волчьей долины“, у Каменнаго моста, Крестовской заставы, Марьиной рощи, отъ которой теперь остались: двѣ березы, повѣсть Жуковскаго, да у дряхлыхъ старожиловъ — пьяныя воспоминанія. Въ то время еще и Сокольники были едва-едва застроены; на Ширяевомъ полѣ, надъ Яузой, ропталъ столѣтній боръ; сельцо Богородское, — двѣ-три хатёнки лѣсного люда, — терялось въ дубравномъ мракѣ; на Лосиномъ островѣ и въ самомъ дѣлѣ водились зимою лоси; переправа къ Богородскому черезъ Яузу, вмѣстѣ съ шинкомъ надъ нею, звалась Грабиловкою. По преданіямъ, здѣсь въ половинѣ XVIII вѣка имѣла свой притонъ знаменитая Танька, ростокинская разбойница, и пировалъ, и людей губилъ то мертвою хваткою пятерни своей, то доносомъ и предательствомъ — Ванька-Каинъ. Унаслѣдованныя отъ восьмнадцатаго вѣка привычки были крѣпки, и лишь къ восьмидесятымъ годамъ XIX-го мѣсто это перестало слыть разбойничьимъ. Въ началѣ же пятидесятыхъ годовъ, когда Конста окончательно завертѣлся въ воровской компаніи, Грабиловка была мѣстомъ страшнымъ. У дороги, въ кустахъ и подъ мостомъ, залегали громилы, поджидая проѣзжихъ, и не одинъ трупъ, ограбленный догола̀, переносила въ Москву рѣку, къ устью, тогда еще не засоренная и не семицвѣтная Яуза. Всякую работу Константинъ бросилъ и питался исключительно тѣмъ, что̀ давали ему улица и воровская удача. Онъ былъ смѣлъ и ловокъ, и голодомъ не сидѣлъ. Ему везло каторжное счастье — „фортунило“, какъ говорятъ хитровцы: раза три онъ вывернулся изъ трудныхъ перетасовокъ, по которымъ

его менѣе ловкіе товарищи пошли „соболей ловить“. Воровской народъ подмѣтилъ, что Конста — такова была его уличная кличка, за которою забылось и настоящее его имя, — точно приноситъ удачу предпріятіямъ, въ которыхъ принимаетъ участіе. Онъ сталъ знаменитостью; его отличали и привѣтствовали бродяги-товарищи; женщины улицы и ночлежныхъ домовъ гонялись за нимъ, наперерывъ стараясь отбить одна у другой такого мастера и добычника. Конста не пьянствовалъ, но водку пилъ и съ женщинами сталъ знаться съ пятнадцати лѣтъ.

Но всякой удачъ бываетъ конецъ. На девятнадцатомъ году своей жизни, Конста попалъ въ подозрѣніе по разгрому одной дачи въ Сокольникахъ. Въ дѣлѣ этомъ онъ, дѣйствительно, участвовалъ, попавъ новичкомъ въ компанію опытныхъ старыхъ громилъ. Участіе Консты состояло въ томъ, что онъ безшумно высадилъ, съ помощью вымазанныхъ медомъ листовъ бумаги три стекла въ оранжерейной рамѣ, сквозь которую и пробрались его товарищи, а потомъ стоялъ на стремѣ, пока они вернулись съ узлами. Дорогою въ Грабиловку Конста узналъ, что товарищамъ его пришлось „оглушить“ лакея и горничную, проснувшихся было, когда они крались, уже съ ношею, мимо людской. Уложили они этихъ горемыкъ на смерть или только обезпамятили, — громилы не знали. У Консты екнуло сердце. Онъ до сихъ поръ не былъ причастенъ къ крови.

— Не бывать добру, а худа не миновать! — подумалъ онъ.

На дерзкій грабежъ было обращено вниманіе высшихъ властей, — и полиція съ ногъ сбилась, стараясь отличиться въ поимкѣ преступниковъ. Одинъ проболтался, былъ схваченъ и назвалъ остальныхъ. Вскорѣ

остался на свободѣ только Конста; онъ, съ ночи преступленія, осторожно держался въ сторонѣ отъ своихъ соучастниковъ; но выслѣживали и его. И попасть бы Констѣ за каменныя стѣны, кабы не былъ онъ бабьимъ любимцемъ и баловнемъ; бабы и кормили его, и укрывали, и перегоняли, загодя до опасности, изъ одного притона въ другой. Такимъ образомъ, недѣли три слишкомъ Конста метался по Москвѣ, увертываясь отъ розысковъ, точно волчонокъ отъ стаи гончикъ. Наконецъ, въ платьѣ своей любовницы, — фабричной работницы Груньки Щербатой, — онъ вышелъ за заставу и только за Мытищами опять превратился въ мужчину...

И вотъ Конста пропалъ, и слухъ о немъ простылъ въ Москвѣ. А вынырнулъ онъ живымъ и невредимымъ въ Волкоярѣ, и здѣсь, подъ крѣпкою рукою князя Александра Юрьевича Радунскаго, вздохнулъ спокойно. Князю онъ понравился, а мать, обрадованная неожиданнымъ приходомъ сына, — онъ же, кстати, явился въ Радунское не съ пустыми руками, — выхлопотала для него у Муфтеля мѣсто — сторожемъ къ саду... Дѣла не было никакого: огромный волкоярскій садъ давно уже глохъ безъ всякаго ухода. Но Матренѣ хотѣлось, чтобъ обрѣтенный ею блудный сынъ оставался какъ можно ближе къ ней и подъ ея непосредственной охраной.

Князь любилъ видѣть вокругъ себя богатырей и здоровяковъ. Его егеря, псари, конюхи, кучера смотрѣли какими-то двуногими слонами: все народъ — кровь съ молокомъ. Поэтому Конста, истощенный столичными мытарствами, рѣзко выдѣлялся среди волкоярской дворни. Это былъ высокій, костлявый, тонкій, какъ хлыстъ, и такой же гибкій малый — блондинъ, съ вихрастой головой и большими го-

лубыми глазами, наглыми и веселыми, — „заманущими“, какъ говорили дворовыя женщины. Столичная водка и развратъ ночлежныхъ квартиръ не дали ему доразвиться, какъ слѣдуетъ. Грудь у Консты была впалая и узенькая, острыя плечи немного сутулились, но длинныя руки съ продолговатыми мускулами таили въ себѣ недюжинную силу, а ловокъ и увертливъ былъ Конста, какъ бѣсъ. Если бы не чрезмѣрная худоба, — блѣдное, безъ кровинки, чуть-чуть веснушчатое лицо Консты могло бы назваться красивымъ, особенно, когда онъ оживлялся, смѣшилъ другихъ своими разсказами о Москвѣ и самъ хохоталъ надъ своими похожденіями, скаля изъ-подъ узкихъ губъ острые, неправильные и уже попорченные зубы. Мастеръ онъ былъ на прибаутки, побасенки, модныя слова, — и при этомъ строилъ такія диковинныя рожи, что волкоярская деревенщина умирала со смѣху. Смѣшилъ Конста дворню, смѣшилъ Муфтеля, смѣшилъ обитательницъ садоваго флигеля. По вечерамъ, когда Матрена съ княжной усаживались въ сумеречной прохладѣ на ступеняхъ крыльца своей уединенной обители, Конста безъ умолку плелъ имъ небылицы о Москвѣ. Ему самому было скучно въ Волкоярѣ; и онъ понималъ настроеніе флигельскихъ затворницъ, а онѣ его понимали также. Наступили какъ разъ послѣдніе николаевскіе дни; въ воздухѣ пахло войною. Севастопольскій разгромъ, еще никѣмъ не ожидаемый, уже висѣлъ дамокловымъ мечомъ надъ Россіею, во искупленіе трехсотлѣтнихъ крѣпостныхъ грѣховъ ея, въ возмездіе за тридцатилѣтній „покой, полный гордаго довѣрія“... Мракъ стоялъ надъ Русью гуще, чѣмъ когда-нибудь. Рабство казалось безсмертнымъ и непоколебимымъ. А между тѣмъ — когда все было полно или отчаяннаго самодовольства, или отчаяннаго ужаса, безна-

дежнаго застоя — въ народномъ мракѣ билась неясная живая жилка, что-то бродило, зрѣло... Тогда-то прошелъ по крестьянской Руси слухъ о „новыхъ мѣстахъ". Новороссійскія степи, Одесса, черноморскіе берега носились въ воображеніи русскаго крѣпостного или безпріютнаго люда, какъ оазисы съ молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ. Этими слухами потянуло и въ Волкоярѣ. Принесъ ихъ богомолецъ отъ Кіева-града — тотъ самый Антипъ, что въ день смерти княгини Матрены Даниловны ударился въ бѣга. Тому пошелъ уже десятый годъ, и волкоярцы давно почитали старика — онъ и въ пору бѣгства своего былъ древенъ — въ покойникахъ.

— Ты зачѣмъ же къ намъ пожаловалъ дѣдъ? — спрашивалъ его Муфтель, — или наскучило на волѣ?

— На волѣ, сударь Карла Богдановичъ, никакъ никому наскучить не можетъ. Но желательно успокоить свои кости въ родной землѣ.

— Князь, выходитъ, тебѣ не страшенъ? Я долженъ доложить о твоемъ возвращеніи, а онъ, дѣдушка, не любитъ, если кто отъ него бѣгаетъ; милости не жди...

Старикъ ухмыльнулся.

— Что мнѣ можетъ сдѣлать князь? Я доживаю восьмой десятокъ. Хуже смерти мнѣ быть ничего не можетъ, а смерти я не боюсь и даже очень желаю. Самое время, Карла Богдановичъ. Зажился!

— Смотри, старикъ: не пришлось бы готовить спину для расчески, — предупредилъ Муфтель. — Кому плеть, а, тебѣ, пожалуй, и всѣ двѣ. Не больно охочъ князь Александръ Юрьевичъ до васъ, старыхъ стариковъ, папеньки своего прихвостней.

Антипъ пожалъ плечами:

— Да меня и драть-то не по чемъ... Сѣки, другъ,

коли совѣсть не заритъ. Хлопай по костямъ. Все равно, что — на муху съ обухомъ.

Муфтель доложилъ князю о вернувшемся бѣглецѣ. Александръ Юрьевичъ не велѣлъ наказывать старика, но пожелалъ его видѣть. Когда Антипа проводили по барскому двору, съ крыльца главнаго дома сходилъ въ припрыжку девятилѣтній князекъ Дмитрій Александровичъ, въ сопровожденіи своего дядьки.

— Князекъ молодой? — спросилъ Антипъ своихъ провожатыхъ.

— Онъ самый, Антипъ Ильичъ.

— „Самъ“ любитъ сынишку-то?.. или — какъ съ княжной?

— Какое! души не чаетъ.

Потухшіе глаза старика сверкнули любопытствомъ и на лицѣ заиграла странная улыбка — насмѣшливая, холодная, жестокая.

— А княжна Зинаида, попрежнему, въ черномъ тѣлѣ?

— Какъ было, такъ и сейчасъ.

Улыбка Антипа стала еще рѣзче. Съ тою же насмѣшкою въ злорадныхъ глазахъ стоялъ онъ передъ княземъ.

— Здравствуйте, Антипъ Ильичъ, здравствуйте, — привѣтствовалъ его Радунскій, — пріятно васъ видѣть... Сколько лѣтъ, сколько зимъ. Нагулялся, старый чортъ?

— Нагулялся, — коротко возразилъ Антипъ и не прибавилъ: „ваше сіятельство“.

— А уходилъ куда?

— Къ Богу ближе захотѣлось.

— Отъ насъ, стало быть, къ Нему далеко?

Усмѣхнулся Антипъ.

— Да, не близко, — рукою не достать.

— Скажи, пожалуйста! А вѣдь я, по глупости, думалъ и въ катехизисѣ, помню, училъ, что Онъ вездѣсущъ и, слѣдовательно, до Него отъ всѣхъ мѣстъ — одинаково?

Зорко посмотрѣлъ на него Антипъ.

— Напрасно думали. Богъ на волѣ живетъ. Въ крѣпости Бога не бываетъ.

— Люди-то, по-твоему, выходитъ, предъ Нимъ не всѣ равны?

— Такъ — люди жъ... а которые въ крѣпости — развѣ люди? и который крѣпостью владѣетъ — развѣ человѣкъ?

— Кто же?

Не выдержалъ Антипъ прямого, стального взгляда, насмѣшкою налитого, отвернулся, подъ носъ себѣ проворчалъ:

— Что мнѣ васъ учить? Имѣете возрастъ и ума довольно. Сами знаете.

Долго молчалъ князь, разсматривая бѣгуна съ любопытствомъ, какъ невиданное чудовище.

— Вотъ ты какой философъ сталъ... Умудрился, любезный, поздравляю, просвѣтлѣлъ.

— Міръ видѣлъ, — гордо сказалъ Антипъ. — Между людей тереться — ума наберешься.

— Хорошо, если такъ, — съ большою насмѣшкою похвалилъ князь, — а слыхалъ ты, старикъ, что меня сосѣди нынѣ стали Чортушкою на Унжѣ звать? Какъ же! Нашелся какой-то остроумецъ — мѣтко потрафилъ.

Промолчалъ Антипъ.

— Или вы, Антипъ Ильичъ, настолько великодушны, что Чортушки во мнѣ не усматриваете?

Промолчалъ Антипъ.

— То-то! — говоритъ князь. — Обмишулился ты, Антипъ Ильичъ. Охота тебѣ была отъ меня куда-то

тамъ къ Богу бѣгать, коли отъ Бога ты, все равно назадъ, ко мнѣ, къ Чортушкѣ, пришелъ? Тебѣ бы лучше наоборотъ.

— Ничего, — отвѣчаетъ Антипъ, — жизнь свою опредѣлить и прикончить гдѣ-нибудь надо. Въ рай не пускаютъ, — такъ въ аду.

Тутъ уже князь немного осѣкся. Хватило его по лбу. Задергалъ было усами, Муфтель уже впередъ подался, ожидая: вотъ-вотъ пальцемъ кивнетъ, чтобы вели бѣгуна на конюшню... Да — взглянулъ князь на Антипа, сколь тотъ безстрашенъ и гнѣвенъ стоитъ передъ нимъ и прямо и гордо въ мрачныя очи ему глядитъ, — и заулыбался.

— Резонъ, — говоритъ. — Ну, старикъ, не знаю, набрался ли ты въ бѣгахъ ума, но дерзить выучился. Только напрасно, дѣдъ: дудки! Не выпорю.

Покоробило Антипа.

— Ваша воля, — сказалъ онъ, будто бы, и равнодушно, но глаза, какъ свѣчи, зажглись.

— Да. Не выпорю. Потому что очень ужъ ты напрашиваешься. А я вотъ и не трону. Что тебя истязать? Ишь какъ ты приготовился! Тебя пороть теперь — одно тебѣ самодовольство. Я такого человѣка никогда пальцемъ не коснусь.

— Ваша воля.

— Именно, душа моя, что моя. Тебѣ вотъ мученикомъ быть хочется, а я тебѣ вмѣсто мученичества, — шишъ! Розогъ и плетей больнѣе... Такъ-то, старикъ! Злись не злись, дерзи не дерзи, хоть родителей моихъ не добромъ помяни, — не выпорю. Только смѣяться буду, какъ тебя отъ злости корежитъ.

Почернѣлъ Антипъ.

— Умѣете надругаться надъ человѣкомъ. Что и говорить!

Понравилась новая забава князю, что у него въ крѣпости объявился такой свой философъ, — мысли вольныя въ головѣ имѣетъ, а силенки оправдать ихъ нѣтъ. Повадился призывать Антипа каждый день предъ свои ясныя очи и истязать словами. Совсѣмъ шута изъ старика сдѣлалъ. И, чѣмъ тотъ больше волнуется, тѣмъ князь, какъ бѣсъ, холоднѣй.

— Ходилъ ты къ Богу, Антипъ, а вѣдь Богъ-то тебя не принялъ.

— Ну, и не принялъ. Вамъ-то что?

— Не принялъ, не принялъ... Смиренія въ тебѣ ни капли нѣтъ. Ни спокойствія, ни смиренія нѣтъ.

— Ему чистые духомъ нужны, а не такіе, какъ мы съ вами.

— А-а! Полюби насъ черненькими, бѣленькими насъ всякій полюбитъ...

— И вы покаетесь, да — поздно.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда. А вотъ неудачно покаяться, какъ ты... это, должно быть, непріятно.

Участливымъ прикинется:

— Съ чего ты бѣжалъ-то, въ самомъ дѣлѣ? По Матвѣю заскучалъ?

— Такъ точно, — рубитъ Антипъ.

— Вотъ скажи, если знаешь: съ какого лиха онъ сталъ чорту баранъ? Сколько лѣтъ вспоминаю его: не могу понять. Кажется, не былъ отъ меня ничѣмъ обиженъ.

Много злобы было въ потупленныхъ глазахъ Антипа, когда онъ глухо бормоталъ свой отвѣтъ:

— Ничего мы не знаемъ, и кто можетъ знать? Знаетъ Царь Небесный... Чужая душа — потемки... Караетъ насъ Господь за беззаконія наши въ чадахъ нашихъ даже до седьмого колѣна.

Хохочетъ князь.

— А, что правда, то правда, Антипъ. Беззаконникъ ты. Кого хочешь по уѣзду спроси, всякій тебѣ скажетъ: бывали у князя подлецы-приказчики, а все не такіе, какъ Антипъ Ильичъ...

— Для васъ же совѣсть грязнилъ и славу свою въ людяхъ портилъ.

— Те-те-те! Съ больной головы на здоровую. На меня своихъ грѣховъ не перекладывай. Ты не мой слуга, покойнаго папеньки. При немъ опричничалъ. Звѣрь.

— Что стариною корить? Былъ звѣрь, сталъ человѣкъ. Дай Богъ всякому.

— Чудо природы: звѣрь въ люди вышелъ!

Недѣли полторы этакъ тягалъ князь бѣгуна и мучилъ. Наконецъ, надоѣло.

— Куда же, отставной звѣрь, мнѣ теперь тебя опредѣлить? Къ дѣлу ты не годишься, а нищимъ на паперти сидѣть, подъ окнами въ кусочки ходить — нельзя: изъ моихъ крѣпостныхъ нищихъ не бываетъ, только захожіе... Муфтель! что съ нимъ сдѣлать?

— Я такъ думаю, ваше сіятельство: положить ему паекъ и поселить его въ садовой банѣ; пусть — будто сторожитъ, дѣло не мудреное.

— Тамъ сторожить-то нечего, — презрительно замѣтилъ князь, — развалина. Я думаю, ее не топили уже лѣтъ шесть...

Онъ взглянулъ на Антипа:

— Ступай, старикъ, не поминай меня лихомъ. Живи — служи. Взыска на тебѣ не будетъ. Вотъ тебѣ, лысый, какая благодать: десять лѣтъ бѣгалъ и выбѣгалъ богадѣльню!

Заброшенная баня, гдѣ поселился Антипъ, уже нѣсколько лѣтъ служила садовникамъ складомъ для ихъ

орудій. Заходя иной разъ за скребкомъ или лопатой, Конста разговаривалъ со старикомъ, который, съ наступленіемъ весны, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на банномъ крылечкѣ, грѣя на солнышкѣ старыя кости. Тутъ-то онъ — первый въ Волкоярѣ — просвѣтился сказаніемъ бродяги-очевидца о „новыхъ мѣстахъ" и о привольной въ нихъ жизни. Разсказы Антипа всколыхнули всю его страстную душу. Онъ нашелъ свой идеалъ и уцѣпился за него всѣми своими помышленіями. Онъ бредилъ новыми мѣстами и дѣлился впечатлѣніями въ вечернихъ бесѣдахъ съ матерью на флигельскомъ крыльцѣ.

— Эхъ, кабы хорошій товарищъ, да денегъ побольше... такъ рублевъ пятьсотъ, либо тысячу, — часу бы не сидѣлъ въ этой вашей мурьѣ. Ударился бы я въ Одестъ-городъ!

— Только тамъ тебя и не видали, — лѣниво отзывалась Матрена. — За какимъ бы это лихомъ, дозволь спросить?

— Зачѣмъ за лихомъ? Добра сыщемъ. Большую бы я тамъ коммерцію завелъ, потому какъ у меня къ этому дѣлу охота и талантъ есть.

— Откуда знаешь? Въ купцахъ-то, кажись, не бывалъ, — развѣ что въ проходныхъ дворахъ пылью приторговывалъ.

— Сердце, маменька, говоритъ, потому что я свой профитъ до ужасти какъ глубоко понимаю. Вотъ хоть сейчасъ парей держать, — десять годовъ отъ сего дня спустя — милліонщикъ, Константинъ Егоровъ Завѣсимовъ, первой гильдіи купецъ и кавалеръ.

— А я такъ думаю, что просто ты по этапу давно не хаживалъ, такъ въ охотку?

— Этапъ не для насъ...

— А для кого же?

— Этапъ для дураковъ писанъ.

— А ты умный?

— Я, извѣстное дѣло, маменька, разсудкомъ въ головѣ маленько владѣю. А въ Одестѣ большія дѣла можно дѣлать. Пшеница эта... табакъ... виноградъ... Ну, а ежели смѣлый духъ въ сердцѣ имѣешь, такъ и того лучше — безпошлинный товаръ черезъ границу перевозить — мимо таможни: мое вамъ почтеніе, здравствуй да прощай! По трюмамъ пароходнымъ работать, — хозяевъ отъ товара, а матросиковъ отъ лишняго труда облегчать, чтобы разгрузка спорнѣе шла и дешевле обходилась, — тоже дѣло не худое, будешь имѣть свою халтуру.

— Чай, вашего брата за это не хвалятъ.

— Да ужъ тутъ, на контрабандѣ, знамое дѣло, чья взяла. Можетъ, — на всю жизнь богатъ будешь, а то и ко дну, рыбамъ на кормъ, пойдешь. Пуля въ лобъ — и шабашъ. Опять же законы военнаго времени. Князь Воронцовъ сидитъ и власть ему дадена — что султану Махмуту, какъ царь второй. Захотѣлъ — безъ вины повѣсилъ; захотѣлъ — виноватаго помиловалъ. Но я, маменька, того мнѣнія, что два раза не помирать, а одного не миновать, и еще не сѣяна та конопля, изъ которой веревку совьютъ, чтобы Константина Егорова Завѣсилова повѣсить. А живутъ тамъ изъ нашихъ ребята — во-какъ! хорошо живутъ.

— Брехъ ты малый! Какъ ты до тѣхъ мѣстъ дойдешь-то? Пашпортъ-то гдѣ у тебя?

— Пачпортъ что? Первое дѣло: и безъ пачпортовъ люди живутъ. Второе — на новыхъ мѣстахъ пачпортовъ не требуютъ; а окромя того... пачпортъ — дѣло рукъ человѣческихъ; на эту механику у насъ имѣются свои мастера знакомые. Была бы бумага, а тамъ разбирай, кто ты — цеховый Завѣсиловъ или

графъ Бутылкинъ. На рожѣ клейма не положены, а написать — все пропишемъ и даже при казенной печати.

— Непутевый ты, Консточка, право, непутевый! — вздыхала Матрена.

— Ну, нѣтъ-съ! Я своего пути не терялъ, да и васъ еще на путь наведу.

— Помяни ты мое материнское слово: не миновать тебѣ Сибири.

— И Сибирь — земля, и въ Сибири люди живутъ.

— Живутъ, да худо.

— А худо будетъ, — убѣгемъ.

— Вотъ каторжный! Истинно каторжный въ тебѣ, Конста, духъ! И въ кого такой уродился!

— Какъ тятеньки не припомню, единственно надо быть, что въ васъ, маменька.

— Ахъ, жуликъ московскій!

И что не сойдутся — видать, что у всѣхъ въ мозгахъ одна и та же мечта завязла: опять же за ту же игру, — дѣла нѣтъ, такъ хоть словами побаловаться.

— Такъ на новыя мѣста?

— Какъ пить дать.

— А скоро?

— Какъ скоро, такъ сейчасъ. За малымъ дѣло стало: деньжатъ нѣтъ.

— А денегъ нѣтъ, стало быть и разговоръ твой весь пустой, и напрасно ты его затѣваешь.

— Денегъ, старики сказываютъ, нѣтъ передъ деньгами. Что намъ деньги? Мы сами деньги! Выньте, маменька, тыщенки двѣ изъ вашей укромной щикатунки, доволь те въ пустыню удалиться отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Это тебѣ все Антипка голову морочитъ! Вотъ я его, ужо увижу — отчитаю.

— Бывало бы за что. Ты Антипа сперва послушай, — потомъ и отчитывай. Сама увидишь: дѣло говоритъ, не пустомелитъ.

При такихъ бесѣдахъ сына съ матерью, княжна обыкновенно молчала. Она не понимала практическихъ разсчетовъ Консты и Матрены. Но отъ ихъ разговоровъ на нее вѣяло духомъ незнакомой свободы, предъ нею вставалъ смутный призракъ счастливой воли, — всего, чего ей такъ недоставало. И ей становилось и жутко, и сладко мечтать объ этомъ несбыточномъ просторѣ. Ея глаза искрились, и грудь тяжело и страстно вздымалась.

— Вздоръ ты все бредишь, Конста! — обрывала свой всегдашній споръ съ сыномъ Матрена. — Вздоръ!

— Чего вздоръ? — и злился, и вмѣстѣ смѣялся, разгоряченный мечтами Конста. — Это ты, мать, больно засидѣлась на мѣстѣ, зажирѣла на сытыхъ княжескихъ хлѣбахъ; тяжело тебѣ мясами-то своими шевельнуть, — вотъ тебѣ и кажется, будто вздоръ. А ты посмотри: вонъ каково забористы они, новыя мѣста! инда барышня наша развеселилась... понравились ей мои рѣчи... Такъ ли я, барышня, говорю?

— Хорошо говоришь! — веселымъ, возбужденнымъ голосомъ отзывалась Зина.

— Поетъ-то хорошо, — гдѣ-то сядетъ? — насмѣшливо пророчила Матрена.

— Зачѣмъ садиться! — еще веселѣе отгрызался Конста, — мы сперва побѣгемъ... Побѣгемъ, что ли, барышня?

— Пожалуй, хоть и побѣгемъ, — смѣялась Зина.

— Ужъ я бы васъ, вотъ какъ предоставилъ! Что зеницу ока!

— Далеко, не дойду... — слабо возражала Зина, но глаза у нея такъ и вспыхивали.

— Куда бѣжать? Бѣгаютъ непутевые, какъ ты, да кому жрать нечего, — возражала Матрена, — а Зинушка — княжна Радунская.

— Какая я княжна! — вырвалось у Зины. — Изъ подворотни. Дура малограмотная. Меня княжною-то и не зоветъ никто.

— Ну, все же, барышня, — смутилась Матрена.

— Много я отъ этого радости вижу!

— А ты не блажи и не ропщи! Не все несчастные деньки, когда-нибудь и солнышко взойдетъ!

— До тѣхъ поръ роса очи выѣстъ.

— Все-таки отъ родимаго гнѣзда на чужую сторону не уйдешь.

— Да развѣ оно мое — гнѣздо-то это? Я здѣсь послѣдняя спица въ колесницѣ. Вѣдь послѣдняя поломойка живетъ радостнѣе и краше меня. Дворовымъ дѣвкамъ приходится завидовать. Дѣвка князю приглянется, въ случай попадетъ, князь ее на верхъ возьметъ, — хоть кусокъ сладкой жизни дѣвка ухватитъ. А намъ — вѣкъ-тюрьма! И, пока папаша живъ, такъ оно и будетъ. Я для него хуже змѣи, хуже жабы, червя земляного. Да что — пока живъ! Онъ и по смерти будетъ гнать меня. Развѣ въ Волкоярѣ есть у меня часть? Онъ Муфтеля нарочно въ Питеръ посылалъ, чтобы Волкояръ сдѣлать родовымъ, и все бы брату досталось... Чтобъ ему, этому мальчишкѣ...

— Тише ты, безумная, — робко озираясь, прервала Матрена, — неравно кто услышитъ, доведетъ до князя... и не размотать тогда бѣды!

Княжна умолкла, стиснувъ зубы, но въ выразительныхъ глазахъ ея засверкалъ огонекъ такой мрачной, глубоко продуманной, сосредоточенной злобы, что Матрена только головой покачала, а Конста, пристально глядя въ поблѣднѣвшее отъ гнѣва лицо Зины, моталъ

ея слова себѣ на усъ, хотя послѣдняго у него почти что не было.

Наконецъ, Матрена послушалась сына: кликнула стараго Антипа и заставила его разговориться о его похожденіяхъ въ Одессѣ и у молдованъ. Зина и Конста слушали медленную, спотыкливую рѣчь старика, какъ очарованные, поминутно мѣняясь восторженными взглядами:

— Что? видите? не вралъ я вамъ — правду говорилъ! — безъ словъ указывалъ одинъ.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ привольно! — безмолвно отвѣчала другая.

Даже Матрена увлеклась. А старикъ лукаво посматривалъ на возбужденныя лица своихъ слушателей, и холодно-насмѣшливое выраженіе, которое всегда появлялось на его лицѣ при видѣ кого-либо изъ Радунскихъ, какъ будто согрѣлось новою улыбкою — улыбкою торжества.

— Не языкъ — гусли! — заключила бесѣду Матрена. — Однако и спать время. Вались, дѣдушка, въ свою берлогу. Врешь хорошо, а когда скажешь правду, будетъ еще лучше. Пойдемъ домой, Зинаида.

— Правду? — засмѣялся Антипъ. — А довольно у тебя совѣсти, чтобы принять мою правду?

— Какъ совѣсти не быть, — чай, крещеная.

— А, коли совѣсть есть, что же ты, совѣстливая, сыну въ отвѣтъ на вольныя слова, о кормахъ кудахчешь, пашпортами пугаешь, безденежьемъ застращиваешь? Извѣстно: на волѣ жить — не жирну ходить. Кто кормы больше совѣсти почитаетъ, тому не бѣчь, а въ курятникѣ на лукошкѣ сидѣть, индюшкою яйца парить.

— Ужъ и больше совѣсти! — смутилась Матрена.

— Что воля, что совѣсть, — едино оно. Воли

нѣтъ — совѣсти нѣтъ. Воля — цвѣтокъ, а совѣсть — ягодка. Въ вольномъ человѣкѣ она вызрѣваетъ, а рабу — зачѣмъ совѣсть? Эхъ, тетка! Даромъ, что соколеною смотришь, — индюшка ты. И какъ это, и откуда ты такого орла-сына высидѣла?

Проводивъ Зину и Матрену, Конста и Антипъ долго сидѣли вдвоемъ, молча. У Консты голова шла кругомъ: такъ и тянуло вдаль. Антипъ, кряхтя, приподнялся, взглянувъ на Консту разъ, другой... разсмѣялся дробнымъ и хриплымъ старческимъ смѣхомъ, и заковылялъ къ своей банѣ...

— Чего ты? — крикнулъ ему вслѣдъ озадаченный Конста, но старикъ не отвѣчалъ и, продолжая смѣяться, исчезъ за поворотомъ аллеи.

На завтра, когда Конста зашелъ въ баню, дѣдъ по обыкновенію сидѣлъ на крыльцѣ. На лицѣ у старика заигралъ вчерашній смѣхъ. Констѣ почему-то эта улыбка не понравилась, онъ покраснѣлъ.

— Чортъ его знаетъ! — злился онъ про себя, выбирая изъ кучи хлама крѣпкій заступъ, — ишь, строитъ изъ себя полоумнаго! смѣется, какъ кикимора! Или и впрямь старикъ выживаетъ изъ ума, и на него порою находитъ одурь?

Онъ выбралъ вещь, какую хотѣлъ, и повернулся уйти.

— Константинъ, — окликнулъ его Антипъ.

— Я, дѣдушка.

— Что же, парень? — серьезно заговорилъ старикъ, уже безъ улыбки, — только и будетъ твоей удали, что на тары-бары, бабьи растобары, или въ самомъ дѣлѣ побѣжишь?

— Побѣгу, дѣдушка.

Конста молодецки тряхнулъ головою.

— Бѣги, парень, бѣги, — Антипъ одобрительно закивалъ головою, — ты малый золотой; я, братъ,

до дурней неохочъ, а тебя полюбилъ, человѣка въ тебѣ вижу, добра тебѣ желаю. Что киснуть въ этомъ погребѣ? Лѣсъ да болото, да тиранство — и люди-то всѣ стали, какъ звѣрюги. Въ срамѣ и подлости рабской задохлись. Только и радости, что издѣваться другъ надъ другомъ. Сильный слабаго пяткою давитъ. Слабый сыльному пятку лижетъ, а самъ змѣей извивается, норовитъ укусить. Твари! Гнуснецы! А тамъ, братъ, степнина... море... орлы въ поднебесьѣ... вѣтеръ-то по степи жжж... жжж!.. Народъ вольный, ласковый, удалой. Ни господъ, ни рабовъ. Всѣ равные, всякъ самъ себѣ владыка. Такимъ, какъ ты, тамъ рады. Были бы голова да руки, — и золото въ карманахъ забрякаетъ...

— Побѣгу, дѣдушка! — съ увлеченіемъ прервалъ его Конста.

Антипъ пожевалъ губами и устремилъ на молодого человѣка испытующій взглядъ:

— Съ барышней-то давно слюбился? — сказалъ онъ.

Конста вспыхнулъ и растерялся.

— Богъ съ тобою, дѣдушка! откуда ты взялъ такое?..

— О?! — не безъ удивленія отозвался Антипъ, продолжая держать его подъ своимъ проницательнымъ взглядомъ. — А вѣдь я, грѣшнымъ дѣломъ, глядючи на ваши веселыя шутки, думалъ, что вы въ любви состоите...

— Какъ можно, дѣдушка? что ты!

— А отчего же нельзя, дурашка?

Старикъ ждалъ, что отвѣтитъ Конста. Но Конста молчалъ и смотрѣлъ на него широко-открытыми глазами, какъ человѣкъ, пораженный тѣмъ, что невзначай наткнулся на рѣшеніе трудной-трудной задачи, до тѣхъ поръ для него совсѣмъ темной.

Слова Антипа гвоздемъ засѣли въ головѣ Консты. И когда онъ, впервые послѣ этого разговора, встрѣтилъ Зину, она показалась ему совсѣмъ новою, невиданною. Раньше онъ чувствовалъ себя настолько удаленнымъ отъ Зины, что ему и въ голову не приходило разсматривать ее, какъ женщину. Но лукавый вопросъ Антипа открылъ ему глаза, какъ открылись они у Адама и Евы, когда, по совѣту змія, они отвѣдали рокового яблока. Княжна Зинаида Радунская отошла въ даль, затуманилась, потускнѣла, а далеко впереди ея явилась въ воображеніи Консты и всю ее заслонила просто Зина — красивая молодая дѣвушка, — и стала она люба Констѣ, и отуманила его голову страстнымъ порывомъ — до неизбѣжнаго выбора: или — и она пусть любитъ, или — пропадай голова, хоть на свѣтѣ не жить!

Все это было такъ, пока Конста оставался наединѣ съ самимъ собою. Но, чуть зарождалась въ немъ рѣшимость открыть Зинѣ свою страсть, княжна Радунская снова выплывала изъ туманной дали, заслоняла Зину, и малый падалъ духомъ:

— Скажешь ей, — а она насмѣется или разсердится, надругается, нажалуется, велитъ прогнать вонъ со двора, — думалъ онъ.

За недѣлю такихъ колебаній Конста совсѣмъ истомился. Зину онъ сталъ избѣгать, потому что почти не владѣлъ собою въ ея присутствіи, злился, грубилъ матери, такъ что та изрекла приговоръ:

— Слава Богу, пожаловалъ милостью! До сихъ поръ одна бѣшеная была на рукахъ, а теперь — вся честная парочка...

Объ Антипѣ Конста не могъ вспомнить безъ бѣшенства.

— Словно дьявола въ меня посадилъ, — колдунъ

онъ, что ли? — волновался онъ въ безсонныя весеннія ночи, ворочаясь на жесткой постели.

Однажды онъ нашелъ Зину одну, въ глухой глубинѣ сада. Лежа на скамьѣ подъ цвѣтущею яблонью, она рыдала на голосъ, рыдала такъ, что все ея грузное тѣло колыхалось.

— Что съ вами, барышня? Господи спаси! кто васъ изобидѣлъ? — торопливо заговорилъ Конста, подходя къ Зинѣ.

Зина подняла заплаканное лицо.

— А то со мною, — съ гнѣвнымъ страданіемъ сказала она, — что мочи моей больше нѣту! Если я еще здѣсь останусь, — либо я Волкояръ сожгу, либо сама удавлюсь вотъ на этой самой яблони, какъ Матвѣй-доѣзжачій. Все мнѣ здѣсь постыло. Провалиться бы и дому, и селу! Охъ, зачѣмъ только мамаша родила меня дѣвчонкой? Была бы я мальчикомъ, — ужъ не заперли бы меня въ четырехъ стѣнахъ. А кабы и заперли, сумѣла бы я найти свою волю. А дѣвушка сама что можетъ? Куда я пойду? что знаю? Вотъ и терпи! Кто хочетъ, тотъ надъ тобой и старшій. Муфтелю кланяйся, Липкѣ кланяйся, да еще благодари, что пока не заставляютъ ручекъ у нея цѣловать! Всякій надо мной измывается, и никто мнѣ не поможетъ... И пожаловаться-то некому... У! проклятая, подлая жизнь!

Порывисто бросая эти слова, она въ клочья изодрала свой носовой платокъ и раскидала лоскутья по дорожкѣ. Слезы ея высохли. Гнѣвный румянецъ шелъ къ ней.

— Эка, вѣдь, красивая! — думалъ Конста.

— Значитъ, на новыя мѣста, барышня? — заговорилъ онъ шутливо, но голосъ у него сорвался. Зина сердито перебила его:

— Убирайся ты со своими новыми мѣстами! Мнѣ не до шутокъ, я тебѣ по настоящему говорю, что мнѣ пришло — хоть въ петлю полѣзай!

— Зачѣмъ въ петлю? Петля — послѣднее дѣло. Въ петлю всегда поспѣть можно. А надо бы придумать что-нибудь поскладнѣе. Коли вы въ серьезъ, такъ и мы въ серьезъ. Попробуемъ вмѣстѣ умомъ раскинуть.

Зина опять прервала Консту:

— Если бы какой-нибудь человѣкъ вывелъ меня изъ этой каторги, такъ я бы ему всю жизнь отдала, въ кабалу бы къ нему пошла.

— Изъ кабалы-то опять въ кабалу?

— Да ужъ хуже теперешняго не будетъ!

Конста въ раздумьѣ взялся за стволъ яблони.

— А если такой человѣкъ найдется, да... не подъ пару вамъ, низкаго рода? — спросилъ онъ и сѣлъ на конецъ скамьи. Зина, не глядя на него, досадливо махнула рукой.

— Говорю тебѣ, петля мнѣ, петля!.. Не все ли равно удавленнику, кто его сниметъ съ дерева?

— И любить вы стали бы такого человѣка? — тихо сказалъ Конста.

— И любить! — точно отрубила Зина, зло и рѣшительно.

Конста поблѣднѣлъ и грубо придвинулся къ ней по скамьѣ.

— Коли такъ, поцѣлуй меня, Зинушка! — зашепталъ онъ, крѣпко схвативъ въ объятія сильный станъ Зины, — я какъ разъ по тебѣ человѣкъ. Я тебя не выдамъ. И' отъ лихого батьки вызволю, и на новыя мѣста... Да что на новыя мѣста? Хоть во всѣ заграницы проведу. А ужъ любить-то... любить — какъ буду.

X.

Давно замолкли и соловей, и кукушка. Отцвѣла липа. Хоры кузнечиковъ денно и нощно трещали въ саду. Трава на скошенныхъ полянахъ выгорѣла отъ іюльскаго зноя; кое-гдѣ на деревьяхъ проглянулъ желтый листъ. Доспѣлъ орѣхъ. Лѣто пышно догорало, осень стояла насторожѣ, чтобы вмѣстѣ съ августомъ ворваться въ суровую природу унженскихъ лѣсовъ. Матрена не разъ уже озабоченно приглядывалась къ желтымъ листьямъ и сердито качала головой, когда кузнечики кричали черезчуръ рѣзко. Она сильно измѣнилась въ послѣдніе мѣсяцы, даже румянецъ на все еще красивомъ сорокалѣтнемъ лицѣ ея будто выцвѣлъ. Извелъ Матрену страхъ — за себя, за Зину, за Консту. Она давно знала о любви молодыхъ людей. Не прошло недѣли послѣ того свиданія подъ яблонью, какъ она застала княжну въ объятіяхъ Консты. Это было для Матрены совсѣмъ неожиданнымъ подаркомъ. Она чуть не умерла на мѣстѣ отъ испуга: угрожающій образъ князя такъ и всталъ предъ ея глазами...

— Живою въ землю закопаетъ! — Холодный потъ выступилъ на лбу... колѣни подкосились...

Оправившись, она прыгнула къ сыну, какъ разъяренная тигрица, и вцѣпилась властными материнскими руками въ его волосы. Зина бросилась было удержать Матрену, но и сама получила отъ разсвирѣпѣвшей няньки нѣсколько хорошихъ тумаковъ. Сорвавъ первый гнѣвъ, Матрена сѣла на землю и заревѣла въ три ручья.

— Дьяволы вы эдакіе! Что же вы со мною дѣлаете? Коли вы Бога забыли, такъ хоть о князѣ помнили бы... Вѣдь мы теперь, всѣ втроемъ, — почи-

тай, что ужъ и не жильцы на бѣломъ свѣтѣ: съѣстъ онъ и меня, и Зинушку, живьемъ съѣстъ! А тебѣ, Константинъ, и казни такой не придумать, какъ онъ тебя расказнитъ.

Пока она причитала, Конста съ лукаво-унылымъ видомъ подбиралъ клочья своихъ выдранныхъ волосъ, чѣмъ, въ концѣ концовъ, разсмѣшилъ, по обыкновенію, и мать, и оробѣвшую было Зину. Узнавъ о намѣреніи Консты и Зины, куда-то сбѣжать изъ Волкояра, Матрена перепугалась и растерялась пуще прежняго.

— Да что вы! — замахала она руками, — вовсе обезумѣли? Ты-то хороша, — обратилась она къ Зинѣ, — съ колокольню выросла, а ума не вынесла; слушаешь всякія враки... Куда вы пойдете? Вѣдь онъ смолоду это вретъ все, антипкиными снами бредитъ.

— Нѣтъ, не вретъ, — вспыхнувъ, рѣзко сказала Зина. — Я его за то и полюбила, что онъ обѣщалъ вывести меня отсюда... Вѣдь выведешь, Конста?

— Сказалъ: выведу, — стало быть, такъ; мое слово крѣпко. Не оправдаю слова, — самъ пойду къ князю съ повинною: пускай тиранитъ, потому, значитъ, подѣломъ лишь это, — заслужилъ. А насчетъ, чтобы не бѣжать, — ты, мать, слушай: чѣмъ охать да плакать, скажи: какого же добра намъ тутъ дожидаться? Сама говоришь, что, коли слухъ о насъ дойдетъ до князя, такъ онъ насъ живьемъ съѣстъ, закопаетъ... Значитъ, покуда цѣлы, — уноси свои кости! И сами уйдемъ, и тебя съ собой уведемъ.

— Онъ насъ на днѣ морскомъ найдетъ!

— Это еще бабушка надвое сказала. Земля велика, а мозги не у одного князя въ головѣ положены. Мы сами съ усами: тоже не дуромъ побѣжимъ, а съ

оглядкою, не сейчасъ за руки схватимся, да втроемъ въ лѣсъ... Дѣло это надо устроить тонко... Время еще терпитъ. И опять же: найдетъ ли насъ князь, нѣтъ ли, кто знаетъ, а здѣсь подъ его рукою мы навѣрняка пропадемъ. Ты молчи, мать, я это дѣло сейчасъ обмозговываю, а какъ обмозгую, ни къ кому другому — къ тебѣ же приду на совѣтъ, и какъ ты скажешь, такъ и будетъ.

Матрена ходила, думала и чѣмъ больше думала, ѣмъ больше тянуло ее къ выдумкѣ Консты. Волкоярская скука сдѣлала свое дѣло и взбунтовала противъ князя еще не старую и охочую пожить бабу.

— Тоже сказать, — разсуждала Матрена, — пишусь я вольною, за двумя посадскими мѣщанами замужемъ была, а какую, изъ-за этого, прости Господи, Ирода-князя, волю себѣ видѣла въ жизни? Хуже крѣпостной! Отвѣтъ мой передъ княземъ большой, и бѣда мнѣ теперь пришла не минучая. Грѣхъ этотъ Зинушкинъ, — что̀ шило, въ мѣшкѣ не утаишь. Если и будетъ такое счастье, что никто не услѣдитъ, не догадается — а гдѣ ужъ? и надежды такой не имѣю! изъ дворца-то змѣиши за нами по пятамъ ползаютъ, всѣ грѣхи наши стерегутъ, всѣ ошибочки считаютъ, — какъ не довѣдаться? Да, и мудренаго нѣтъ: мѣсяцъ, другой пройдетъ, — онъ самъ себя выдавать станетъ. Зинушка — король-дѣвка... Кто ее узнаетъ? можетъ, и сейчасъ уже ходитъ не порожняя. А уйти можно. Только бы лѣсищемъ пробѣчь, а тамъ — въ скиты. Съ старовѣрами возиться мнѣ не впервой. Я еще въ Костромѣ тому научилась. Кормилась тоже отъ нихъ и всѣ ихъ обряды произошла. Въ какой хочешь толкъ попаду и не ударю въ грязь лицомъ. Въ скитахъ примутъ всякаго — только ругай никоніанъ посолонѣе, крестись двумя

перстами, да покажи деньги; такъ тебя упрячутъ, что ни князю, ни Муфтелю, ни какому пройдѣ-ярыжкѣ и въ умъ не вступитъ. Но только съ однимъ Констою уходить боязно: малый онъ у меня, — что его хаять? — головитый, да молодъ и горячъ, и сторону нашу плохо знаетъ... Нуженъ намъ, хоть убей нуженъ, еще товарищъ — изъ тутошнихъ... А кого взять? Народишка невѣрный, плюгавый... какъ ты съ нимъ заговоришь объ эдакомъ дѣлѣ? Антипку развѣ взмануть? Ходокъ бывалый, опытный...

— Слышь-ка, Антипушка, — завела она при случаѣ рѣчь со старымъ бѣгуномъ, — вотъ ты все волю хвалишь, да новыя мѣста. Скажи по правдѣ, по истинѣ: кабы тебѣ была возможность бѣчь, побѣгъ бы ты снова на волю?

Антипъ ухмыльнулся.

— Что любопытна стала? Аль сама загадала бѣжать?

— Ой, что ты! — засмѣялась Матрена, — это у меня Конста твердитъ: бѣгу да бѣгу! — только бѣжитъ-то онъ все на одномъ мѣстѣ; воопче спрашиваю.

— Если воопче, то и я тебѣ скажу воопче. Слушай, — строго заговорилъ Антипъ. — Девять годовъ назадъ, я убѣгъ въ отчаянности, съ большого горя, не понимаючи самого себя. А какъ избылъ я отъ себя первое сердце, да поглядѣлъ кругомъ на Божій міръ, такъ и захватило мнѣ душу волею. И понялъ я тогда; что только съ волею и видать человѣку міръ Божій, а безъ воли у человѣка и глазъ нѣту, въ рабьей онъ слѣпотѣ. И сталъ я въ ту пору себя корить и проклинать: съ чего я, дурень, загубилъ свою жизнь въ волкоярскихъ кандалахъ? Только на седьмомъ десяткѣ и свѣтъ увидалъ! И всѣ десять го-

довъ прошли, словно сонъ пріятный. А вспомнить — что въ нихъ было радостнаго? Какая сладость для тѣла? Ничего. Не покоилъ я старыя кости, а трудами трудилъ. Въ тюрьмахъ сиживалъ. По этапамъ черезъ всее Россію прошелъ, непомнящимъ сказывался, кандалами звенѣлъ, на прутѣ ходилъ, изъ-подъ карауловъ бѣгалъ, и голодалъ, и холодалъ, и бивали меня, и обкрадывали.

— Сохрани Богъ всякаго!

— Да, все на волѣ, Матреша, на водѣ! А съ нею, голубошкой, все сладко. Лучше ея не выдумалъ человѣкъ ничего. Воля — весь человѣкъ! Есть воля, и человѣкъ есть. Нѣтъ воли, и человѣка нѣтъ... Такъ, склизь!

— Такъ что, если бы... — медленно начала Матрена.

Старикъ, взволнованный, замахалъ руками.

— Нѣтъ, Матреша, ты меня не мани, сердца не вороши...

— Да я не ману, — куда мнѣ тебя мануть? Богъ съ тобой! — отнѣкивалась смущенная Матрена. Но старикъ ея не слушалъ:

— Эхъ, родненькая, былъ конь, да изъѣздился! Кому и какой я товарищъ? Дряхлецъ! Мнѣ коли куда бѣчь, такъ развѣ въ могилу. Сейчасъ мнѣ, голубка, та воля уже не нужна. Потому что старому ненужному кобелю всюду воля. И здѣсь мнѣ воля. И управителю я такъ сказалъ, и тебѣ говорю. Хо-хо! Я, другъ, свое изжилъ: дошелъ до ямы, съ меня ничего не стребуешь — взятки гладки. Пиши меня чьимъ хочешь рабомъ, а я, другъ, свой сталъ. Никому не надобенъ, потому и свой. Выходитъ: поздно мнѣ бѣжать, слабъ, только товарищей собою свяжу. Да и дѣло здѣсь есть. Большое дѣло. А то побѣгъ бы съ вами, непремѣнно побѣгъ.

— Что ты, дѣдушка, право, все съ вами, да съ вами! — лепетала Матрена; — она совсѣмъ оробѣла при видѣ неестественнаго оживленія, овладѣвшаго старикомъ. — Я тебя такъ, для примѣра спросила, а ты ужъ нивѣсть что подумалъ.

— Эхъ! — съ досадой крякнулъ расходившійся Антипъ и стукнулъ костылемъ, — полно, Матренушка, не хитри. Съ кѣмъ хитришь? Съ Антипомъ — бродягою! Я не колдунъ, да подъ тобою на три аршина вижу... Начала сказывать, такъ досказывай. А то, пожалуй, и помолчи: самъ доскажу. Знаю я ваши дѣла, всѣ знаю.

— К... к... какія дѣла?

Матрена затряслась всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Антипъ посмотрѣлъ на нее.

— Вишь, — даже вся пополовѣла... И доказывать-то на тебя нечего: лицомъ себя выдаешь... Неладно такъ-то!.. Ты не трусь, Матренушка — князю доносить не пойду. Кабы хотѣлъ доносить, такъ привелъ бы его сіятельство полюбоваться еще въ ту пору, какъ твой Конста съ княжною впервой обнимались подъ яблонью.

Голосъ старика хрипѣлъ, глаза искрились, усы ощетинились...

— Охъ, дѣдушка! — почти завыла Матрена, — пропала моя голова. И охватить умомъ не умѣю, чего мы натворили. Мысли-то — такъ вотъ и мчатся кувыркомъ, будто турманы...

— Такъ ему, злодѣю, и надо! такъ и надо! — брызгая слюною, шамкалъ Антипъ и тыкалъ костылемъ въ сторону главнаго дома. — Погоди. Я тоже поднесу ему, демону, закуску въ жизни! За всѣхъ — за себя, за княгиню-покойницу, за Матюшу, неповинную душу, внука загубленнаго. Что мы знаемъ, то зна-

емъ. Сладкая будетъ закуска. Хо-хо! Скрючитъ отъ нея.

— Ты что же, дѣдушка, неладное, стало быть, что-нибудь провѣдалъ про князя?

Матрена насторожила уши. Антипъ подозрительно осмотрѣлъ ее косымъ взглядомъ:

— Это, другъ, не твоего ума дѣло.

— Пожалуй, не сказывай: я спросту.

— Ни тебѣ и никому не узнать, пока не придетъ смерть — либо за мной, либо за княземъ. Должно, я помру раньше. Хо-хо! Посмотрю передъ смертью, какъ его задергаетъ. Хо-хо!

— Не смѣйся, дѣдушка! страшно!

— Хо-хо-хо... Безъ того самъ не помру и его со свѣта не отпущу!

Матрена слушала старика съ ужасомъ. Онъ казался ей сумасшедшимъ.

Но Антипъ опамятовался и, видя разстроенное лицо своей собесѣдницы, продолжалъ спокойнѣе:

— А коли ты что̀ желаешь знать насчетъ ухода, — посовѣтую. Говори.

Матрена изложила ему свои сомнѣнія... Антипъ разсмѣялся.

— Чудная ты баба! Ищешь рукавицы, когда онѣ за пазухой... Какого же тебѣ надо товарища лучше Михайлы Давыдка?

— Давыдокъ!

Это имя мгновенно освѣтило Матренѣ цѣлый планъ, значительно упрощавшій въ ея глазахъ возможности бѣгства.

— О, Господи! — какая же я была дура, что о немъ забыла. Просто затменіе нашло. Вотъ спасибо-то, Антипушка, что навелъ на разумъ!.. А только пойдетъ ли?

— Пойдетъ. Кто его удержитъ? Вольная душа. Загнала бѣда сокола въ клѣтку, — ну, и терпитъ, сидя на жердочкѣ. Спитъ воля. А ты позови, разбуди. Пойдетъ.

— Да, ужъ лучше-то нельзя и выбрать — хоть весь свѣтъ обыщи!

Любимый егерь князя Александра Юрьевича, Михайла Давыдокъ носилъ истинно здоровую душу въ своемъ здоровенномъ тѣлѣ: онъ не пилъ, не игралъ ни въ подкаретную, ни въ орлянку, не путался съ безпутными женщинами волкоярской дворни. За нимъ водилось только двѣ слабости. Съ одною онъ родился на свѣтъ: то была страсть къ охотѣ и даже больше самой охоты, — къ лѣсу. Онъ зналъ въ лѣсу наизусть всякую тропинку, всякій уголокъ — на десятки верстъ кругомъ. Лѣсъ былъ его стихіей: онъ чувствовалъ себя въ лѣсу, какъ птица въ воздухѣ, какъ рыба въ водѣ. Стоило ему ступить на опушку, чтобы его красное лицо вдвое ярче засіяло отъ улыбки, стало вдвое добрѣе и даже красивѣе. Въ болота, считавшіяся непроходимыми и, дѣйствительно, непроходимыя для непосвященныхъ, онъ неустрашимо вступалъ съ ружьемъ своимъ и лягашемъ Сибирлеткою, и открывалъ твердыя звѣриныя тропы по торфянымъ кочкамъ и старымъ колодамъ.

— И какъ только ты, Давыдокъ, терпишь, — все въ лѣсу, да въ лѣсу? — спрашивали егеря. Ты, должно быть, на лѣсъ слово знаешь.

— Чѣмъ въ лѣсу нехорошо?

— Жутко... Звѣрье это... сверчки... тишь... Отъ одного лѣшаго чай сколько страха наберешься!

— Вона — невидаль! — хладнокровно возражалъ Михайла, — что мнѣ лѣшій? Я, братъ, самъ себѣ лѣшій.

И, глядя на его огромную фигуру, собесѣдникъ невольно приходилъ къ заключенію:

— И точно — никакъ сродни!

Второю страстью Михайлы, благопріобрѣтенною и недавнею, была сама Матрена-Слобожанка, которую онъ, на общее удивленіе, залюбилъ съ тѣхъ поръ, какъ, года три тому назадъ, пировалъ съ нею на одной дворовой свадьбѣ. Онъ ухаживалъ за Матреною безъ всякаго успѣха, но съ рѣдкимъ постоянствомъ. На другихъ бабъ Давыдокъ и смотрѣть не хотѣлъ, хотя съ барскимъ любимцемъ всѣ кокетничали. А для Матрены даже выучился — очарованія ради — играть на еще новомъ въ тѣ годы, только что пошедшемъ въ народѣ, чтобы убить балалайку и гусли, инструментѣ — двурядной гармоникѣ, и быстро сдѣлался настоящимъ на ней виртуозомъ. Вообще, музыкальныя способности Давыдокъ имѣлъ чудесныя и прекрасно пѣлъ — голосомъ, могучимъ и длиннымъ, какъ онъ самъ, но гибкимъ и вдохновеннымъ. И эту способность тоже высоко цѣнилъ въ немъ князь Александръ Юрьевичъ, большой любитель русскихъ пѣсенъ. Когда Михайло, бывало, запѣвалъ своего любимаго „Орла", то князь непремѣнно либо окно въ кабинетѣ своемъ откроетъ, либо на балконъ выйдетъ... Какъ колоколъ, гудитъ Михайло надъ садомъ:

— Какъ леталъ-то, леталъ сизый орелъ по крутымъ горамъ,
Леталъ орелъ, самъ состарился,
Пробивала у него сѣдинушка между сизыхъ крылъ,
Побѣлѣла его головушка, ровно бѣлый снѣгъ...

— Это онъ про меня поетъ! — шепчетъ князь.

— Потупѣли у орла когти острые,
Ощипались у него крылья быстрыя,
Налетѣли на орла черны вороны,
Да терзали они его, сиза орла...

Качаетъ князь головою, ногою притопываетъ, рукою въ такгъ бьетъ.

— Эхъ, не прежняя-то моя полеточка орлиная!
Да не прежняя моя ухваточка соколиная!
Разбилъ бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,
Да разнесъ бы ихъ по дубравушкѣ!

И такъ разнесетъ голосомъ „по дубра-а-авушкѣ", что садъ отголосками застонетъ, и лѣсъ за Унжею аукнется, а князь либо прослезится, либо обругается:

— И дьяволъ его знаетъ, Михайлу Давыдка, гдѣ онъ пропадалъ до сорока годовъ съ такимъ талантомъ? Если бы не ушли его лѣта, я бы его въ Питеръ услалъ, — пусть бы Михайло Ивановичъ Глинка изъ него второго Петрова обучилъ.

А Давыдокъ уже во дворѣ ребятъ веселитъ — голосина юлитъ, гармоника хохочетъ:

— Какъ на Вологдѣ вино
По три денежки ведро!
Хочь пей, хочь лей,
Хочь окачивайся!
Да поворачивайся!

Самъ былъ превоздержный на вино, — развѣ на большой праздникъ чарку выпьетъ, — а пѣлъ о винѣ такъ забористо, что съ пѣсенъ его и трезвенники запивали.

— И отчего вы, Матрена Никитишна, столь жестоки, — не желаете мнѣ соотвѣтствовать?!. — уныло вопрошалъ онъ, громыхая предъ своей красавицей на гармоникѣ. — Чѣмъ я вамъ не пара — законъ принять?

— Ай, что ты, Давыдокъ! — хохотала Матрена, — какой съ тобою законъ? У тебя, сказываютъ, первая жена жива!..

— Жива, коли не померла... это вѣрно! — согла-

шался Давыдокъ, — только я отъ нея, первое дѣло, за семь рѣкъ и семь горъ переѣхалъ; второе дѣло, не жена она мнѣ, не въ обиду будь при васъ сказано, но сука-волочайка; а третье дѣло, вотъ уже пятнадцать лѣтъ она не имѣетъ обо мнѣ никакого извѣстія. Почему я вродѣ какъ бы разженился, вдовый сталъ. Законъ такой есть. Мнѣ попъ сказывалъ.

— Страшно за тебя идти-то: ишь кулачищи... убьешь, — и дохнуть не успѣю.

— Зачѣмъ же убивать-съ? Я такого грѣха на душу не возьму...

— Ой ли? А рожа у тебя — хоть сейчасъ тебя поставить съ кистенемъ на большую дорогу.

Слушалъ Михайла, слушалъ эти грубыя шутки, да и хватилъ:

— На большой дорогѣ и безъ убойства работать можно очень прекрасно...

— Ишь ты! А ты работалъ, что ли?!.

— А ужъ это наше дѣло; „нѣтъ" — не скажу, а „да" промолчу. Я, сударыня моя, человѣкъ покладистый, примѣнительный. Жизни слушаюсь. На рожонъ не лѣзу, а со всякаго мѣста и времени свое удобство беру. Волю зналъ — за волю стоялъ. Кабалу позналъ, — ну, стало быть, жди, терпи, помалкивай. Не чортъ тебя несъ, самъ увязъ...

И засмыгалъ гармоникой, и затянулъ протяжнымъ голосомъ:

— Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Искалъ мѣста добраго,
Не нашелъ-то добрый молодецъ мѣста добраго,
А нашелъ-то добрый молодецъ море синее,
Камыши высокіе, лопухи широкіе...

— Что ты, Давыдокъ, все грустное поешь? Веселую спой.

Подмигнулъ, загудѣла гармоника, залился высоко и сладко:

— Ахъ ты, душенька, удалой молодецъ!
Ты гораздъ, душа, огонь высѣкать!
Часты искры сыплются,
Въ ретиво сердце вселяются,
Сиротою называются...

Смотрѣла на него Матрена и думала: очень подѣйствовали на нее полу-признанія Михайлы, его смѣлое лицо и рѣшительный взглядъ человѣка, надо полагать, видавшаго виды. Охота бѣжать разбирала, между тѣмъ, Матрену все больше и больше. Она пересчитала сотенныя бумажки, въ разное время подаренныя княземъ Зинѣ: ихъ было почти на пять тысячъ рублей. А еще у Зины оставались бриллiанты, настоящей цѣны которыхъ Матрена не знала, но всетаки понимала, что вещи стоятъ не одну тысячу. Въ ней заговорила алчность и охота пожить въ свое удовольствiе: она очень хорошо сознавала, что, при настоящихъ условiяхъ ихъ жизни, она будетъ хозяйкою этихъ денегъ гораздо больше, чѣмъ сама Зина.

— Купцами — гдѣ хочешь — заживемъ... И впрямь, ни въ какiя новыя мѣста не страшно уходить! — мечтала она.

Теперь уже не Зинѣ съ Констою приходилось уговаривать Матрену, а Матрена торопила Консту и каждый вечеръ пеняла ему, что онъ мямлитъ и теряетъ время.

— Осень на дворѣ: того гляди, начнутся дожди да слякоть, холода пойдутъ, вотъ тебѣ и ушли тогда! — попрекала она. Конста отмалчивался и только лукаво подмигивалъ Зинѣ на мать.

— Что моргаешь-то, распостылая душа? — горя-

чилась Матрена, — Вонъ кузнецы-то трещатъ, — сигналы даютъ: осень глядитъ на дворѣ. Не слышишь?

— Пусть ихъ трещатъ, стучатъ, — улыбалась Зина. — Я теперь ихъ не боюсь.

— Пойдутъ дни короткіе, ночи длинныя, темныя...

— Раньше спать ложиться будете, маменька! — дразнилъ Конста.

— А вѣтры-то лѣсные? У насъ осенями садъ подъ вѣтромъ, какъ море, гудитъ, деревья къ землѣ клонятся, Унжа-то — ажъ бѣлая станетъ...

— Ничего, маменька: подъ вѣтеръ лучше спится. Баюкаетъ.

— Вотъ я тебя побаюкаю чѣмъ-нибудь потяжеле! Погубилъ ты насъ! — взманить взманулъ, а толку никакого...

— Будетъ толкъ, мать! потерпи, не кипятись, а то печенка лопнетъ...

Въ противоположность своей озабоченной нянькѣ, Зина ровно ни о чемъ не думала и не загадывала, — была весела, жива, рѣзва, какъ никогда раньше. Она чувствовала, что съ плечъ ея свалился тяжелый камень, придавившій было всю ея молодую жизнь: ужасъ передъ отцомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Зина отдалась Констѣ, вѣра въ его удаль и находчивость стала между нею и ея страхомъ. Отецъ оставался попрежнему грознымъ и ненавистнымъ, но ей какъ-то вѣрилось, что вся его гроза теперь ни къ чему, что Конста и умнѣе его, и ловче, и находчивѣе, что онъ сумѣетъ за нее всегда заступиться и выручить ее изъ бѣды, а князя проведетъ и оставитъ на бобахъ... Дѣвушка была влюблена сильно, но въ кого собственно: въ своего любовника, или въ обѣщанную имъ свободу? — рѣшить было бы трудно. Восторженное настроеніе дѣлало Зину, временами, почти

красавицей: она пополнѣла и какъ будто еще побѣлѣла отъ этого; живой румянецъ не сходилъ съ лица, глаза сверкали, какъ звѣздочки. Въ дневные жары она, съ полдня до вечера, пролеживала навзничь на своей любимой скамьѣ подъ яблонею, слѣдя въ небѣ полетъ птицъ и движеніе облаковъ... Въ умѣ ея блуждала лишь одна мысль:

— На волю! а потомъ — жить, жить, жить!.. — Когда Матрена слишкомъ волновалась, Зина унимала ее:

— Мамушка, потерпи же хоть немного. Если Конста взялся уладить наше дѣло, то ужъ вѣрно уладитъ. А что онъ молчитъ — значитъ, у него еще не все готово; когда будетъ надо, объявитъ.

— Увѣрилась въ сокровищѣ! — кричала Матрена, и раздосадованная равнодушіемъ Зины, и польщенная ея высокимъ мнѣніемъ о Констѣ, — слушать тошно! Глупа ты, Зинка. Вѣдь это для тебя Конста — богатырище: горы ворочаетъ, дубы вырываетъ съ корнемъ вонъ, и пѣшему его не обойти, и на конѣ его не объѣхать. А мнѣ онъ — мальчишка... тьфу! Я его въ корытѣ мыла, прутомъ драла, — какъ же мнѣ теперь идти своимъ умомъ за его ребячьимъ разумомъ? Дрожмя дрожу, чтобы не натворилъ какихъ дѣтскихъ глупостей.

Матрена потеряла терпѣніе и однажды, когда Михайла подъ вечеръ явился, по обыкновенію, громыхать на гармошкѣ, позвала его на крыльцо.

— Давыдокъ! Полно тебѣ по саду основу сновать! Сядись рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ. Слушай меня, милый человѣкъ: можно говорить съ тобой по тайности?

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ.

— А что я тебѣ скажу, ты — уши открой, а

языкъ проглоти. Не разболтаешь? Дѣло-то больно неладное...

— Доказчикомъ еще ни на кого не бывалъ, супротивъ же васъ, Матрена Никитишна, мнѣ въ подлецы попадать ровно бы и невозможно.

— Ладно. Потому что, прямо тебѣ скажу: тутъ не то, что поплатишься спиною, а недолго и жизни рѣшиться.

— Вы, Матрена Никитишна, загодя не пугайте: я не такъ, чтобы изъ очень пужливыхъ. Это какое же ваше дѣло будетъ? Ужъ не то ли, о чемъ намедни мнѣ говорилъ Конста?

— А онъ тебѣ развѣ что говорилъ? — воскликнула Матрена: Зина выходила права, и Конста не бездѣйствовалъ, но „обмозговывалъ" и хлопоталъ, — и какъ разъ попалъ на человѣка, какого надо было для дѣла.

Давыдокъ мигнулъ на макушки лѣса, чернѣвшія вдали — за садовою оградою...

— Поминай, какъ звали! — объяснилъ онъ.

— Ну... хоть бы и такъ...

Матрена впилась въ него испытующимъ взоромъ.

— Констѣ я сказалъ: это точно — товарища ему для такой затѣи лучше меня не найти. Но только вся зависимость отъ васъ, Матрена Никитишна. Безъ васъ я съ мѣста не тронусь, а съ вами — хоть во всѣ преисподнія-съ...

Матрена положила руки на плечи егеря и любовно сказала:

— Вотъ ты, Давыдокъ, говорилъ, что любишь меня и въ законъ хочешь вступить. Я бы ничего, да скажу тебѣ, не потаю: ты у князя въ егеряхъ, что въ кабалѣ — чай, до смерти здѣсь проживешь: а мнѣ Волкояръ вашъ уже который годъ стоитъ по-

перекъ глотки. А теперь... тебѣ все ли Конста разсказалъ?

— Насчетъ Зинаиды Александровны? Все-съ.

— Вотъ и посуди, какой грѣхъ. Стало, ужъ вовсе нельзя оставаться... Дѣло это ихнее всѣхъ насъ отсюда вонъ гонитъ. Надо идти.

— Когда угодно и куда пожелаете. Признаться, кабы не вы, Матрена Никитишна, я бы давно навострылъ отсюда лыжи. Потому что для человѣка, который вольготу возлюбилъ, сласть въ Волкоярѣ не ахти какая. А кому въ душу совѣсть дана — даже и несносно. Пьянство, безобразіе, дѣвки, своевольство. На конюшнѣ каждый день кто ни кто крикомъ кричитъ. По неволѣ въ лѣсъ уходишь, — не видать бы здѣшняго содома-гомора. Душитъ меня возлѣ жила. Душа дубравы проситъ. А ужъ князь Александръ Юрьевичъ опостылѣлъ мнѣ, — глаза бы мои не видали! Вѣрите ли, — брожу я съ нимъ ономнясь по болоту, а самъ думаю: — И лѣшій ли меня подъ руку толкалъ — тебя изъ трясины вытаскивать? Толкнуть тебя къ болотному бѣсу въ бучило, — и грѣха на душѣ не будетъ.

— Что ты? что ты? Любимый-то егерь его?

— Что — любимый? Я справедливость люблю, меня подачкою не купишь. Я за справедливость-то, когда на волѣ былъ, можетъ быть, людей убивалъ. Несносно мнѣ видѣть его тиранство. Сколько народу изъ-за него мукою мучится. Ужъ чего хуже? Родную дочь — и ту томитъ словно въ острогѣ. Вотъ теперь къ саду меня приставилъ. Вы думаете: въ самомъ дѣлѣ, яблоки стеречь отъ воровъ? Очень ему нужны яблоки! Хлопоничъ ихъ, яблоки наши, возами на плоты грузитъ, да по Унжѣ на Волгу къ Макарію сплавляетъ...

— Любовниковъ нашихъ съ Зинаидою поставленъ ты стеречь, — смѣялась Матрена. — Что же — стража вѣрная — много наловилъ?

— Ужъ хоть бы вы пожалѣли, Матрена Никитишна, не издѣвались надъ человѣкомъ. Развѣ своею волею хожу?

— Муфтель намедни заборы осматривалъ. Гдѣ слабо, сейчасъ же велѣлъ покрѣпче забрать. Потому, говоритъ, до зимы недалеко, — прошлую зиму волки въ садъ забѣгали. Начнутъ подъ окнами выть, могутъ княжну испугать. Заботливый какой! Именно правильно слово ты сказалъ, что острогъ намъ устроили. Того гляди, и въ саду-то насъ ограничатъ. А въ горницахъ у насъ несносно. Густавсонша наша совсѣмъ плоха. Лѣкарства эти больнымъ человѣкомъ пахнутъ. Охаетъ она... сердце рветъ... И зачѣмъ это дано человѣку, что ему умирать трудно?

— Эхъ, Матрена Никитишна! Кабы легко помирать — кто жить бы сталъ?

Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ они подолгу засиживались на крыльцѣ и шептались. Въ дворнѣ прошелъ слухъ, что наконецъ-то Матрена и Михайла поладили и хотятъ обзакониться.

Зина не принимала участія въ совѣщаніяхъ своихъ друзей. Она знала, что посовѣтовать имъ ничего не можетъ, а какъ ее освободятъ, — ей было все равно, лишь бы освободили. Констѣ она вѣрила слѣпо и всецѣло отдала ему въ руки свою судьбу. Пока Матрена, Конста и Михайла шептались, она сидѣла вдали отъ нихъ и молча смотрѣла, какъ въ синемъ небѣ загораются изумрудныя звѣзды, радостно волнуемая предчувствіемъ скорой свободы. Когда же очень полно и весело становилось у нея на душѣ, она срывалась съ мѣста и съ крикомъ:

— А ну, побѣжимъ, Конста... лови! — бросалась въ таинственныя сумерки сада.

И когда Конста, послѣ долгой погони за сильной, быстрой и увертливой дѣвушкой, нагонялъ ее, наконецъ, Зина, пользуясь потемками, бросалась ему на шею и, схвативъ его голову въ свои бѣлыя руки, цѣловала его безъ счета, такъ что свѣтъ терялся у него изъ глазъ.

...Тихо... Темно... Жарко... Сладко... А Михайло вдали — съ крыльца — громыхаетъ гармоникой, и голосъ, какъ веселая звѣзда, мигаетъ:

— Канарейка пташечка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылишки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...

XI.

Въ первыхъ числахъ августа Конста раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, стучалъ къ Муфтелю; управляющій занималъ отдѣльный флигелекъ во дворѣ, у самыхъ воротъ княжеской усадьбы. Муфтель выглянулъ заспанный и недовольный.

— Что надо? — сердито закричалъ онъ, — что ломишься ни свѣтъ, ни заря?

— Да я не своей волей, Карлъ Богдановичъ, простите Христа ради. Меня маменька послала: у насъ приключилась бѣда.

— Что такое?

— Амалія Карловна скончалась.

Бѣдную нѣмку нашли въ кровати уже холодную и черную, какъ уголь. Давно жданный всѣми волкоярскими жителями, апоплексическій ударъ оборвалъ

жизнь тучной и сырой старухи, по милости своихъ больныхъ ногъ, уже нѣсколько лѣтъ почти не знавшей движенія.

Амалію Карловну похоронили. Никто не ожидалъ, чтобы княжна Зина питала столько привязанности къ покойной, какъ проявила она на погребеніи и послѣ похоронъ.

Нѣсколько вечеровъ она не показывалась на крыльцѣ своего флигеля.

— Что съ княжною? ужъ не больна ли? — спрашивали дворня и Муфтель Матрену, когда послѣдняя, съ озабоченнымъ лицомъ пробѣгала къ людской, чтобы вызвать егеря Михайлу и пошептаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, по заведенному обыкновенію, къ которому уже давно успѣло привыкнуть населеніе волкоярской усадьбы.

— Ахъ, и не говорите! — сердито отмахивалась Матрена. — Лежитъ, моя голубушка, уткнула носъ въ подушку, — на свѣтъ глядѣть не хочетъ, въ ротъ куска не беретъ. Ревмя-реветъ. „Я, говоритъ, ее огорчала, я ее обижала, я ее не цѣнила. А теперь ужъ ее, друга моего, не воротить". Совсѣмъ я съ нею съ ногъ сбилась.

Минуло еще два дня. На третье утро, дворовые, проходя мимо павильона, удивились, какъ это — уже десятый часъ, а ставни въ спальнѣ княжны до сихъ поръ закрыты, и въ павильонѣ не слышно никакой жизни, словно тамъ всѣ повымерли. Прошелъ еще часъ-другой: та же тишь и тѣ же крѣпко затворенные ставни. Сказали Муфтелю. Онъ пришелъ взглянуть, вошелъ въ павильонъ, да такъ и обмеръ. Въ комнатахъ не было ни души. Постели Матрены и княжны Зинаиды оставались не смятыми... Пробѣжалъ управляющій по саду, по селу, по усадьбѣ, — спрашивалъ

встрѣчныхъ мужиковъ и бабъ, своихъ и чужихъ. Никто ни о княжнѣ, ни о нянькѣ ея ничего сказать не могъ: не видали ихъ и не слыхали.

— Сбѣжала! — простоналъ Муфтель и бросился въ людскую.

— Консту мнѣ подайте!

— Нѣтъ Консты, ваше высокородіе. Вы его сами изволили отпустить въ лѣсъ; вотъ уже третьи сутки бродяжничаетъ...

Потребовалъ Муфтель Михайлу Давыдка: все-таки егерь ближе другихъ дворовыхъ стоялъ къ затворницамъ и могъ что-нибудь знать... Михайлы тоже не оказалось, и собака его ушла съ нимъ.

Взялись за Антипа.

— Ты, старый чортъ, чего глядѣлъ?

Старикъ осклабился:

— Такъ! У нихъ дѣвки бѣгаютъ, а Антипка виноватъ... Ты меня что сторожить-то сюда поставилъ — княжну или баню? Баню. Ну, баня—вонъ она тебѣ: цѣлехонька, хоть завтра топи, да мойся. А прочее — насъ не касающее.

— Да вѣдь, если они бѣжали, то должны были пройти мимо тебя или по близости... какъ же ты ихъ просмотрѣлъ?

Антипъ посмотрѣлъ на Муфтеля съ презрѣніемъ:

— Чудакъ ты, Богданычъ, погляжу я на тебя! Люди бѣжать надумались, а полѣзутъ доброй волей на живого человѣка! Бѣглецамъ, другъ, чужихъ глазъ не требуется... Бѣглецы, другъ, свидѣтелевъ-то — за горло, да и духъ вонъ.

— А ты вотъ цѣлъ остался.

— Потому и цѣлъ, что ничего не видалъ.

Оставалось доложить князю дѣло, какъ оно есть, — все равно, что пойти прямо въ пасть къ некормлен-

ному звѣрю. Князь вышелъ къ обѣденному столу, какъ нарочно, сильно не въ духѣ: вѣрный признакъ, что онъ опять видѣлъ во снѣ княгиню Матрену Даниловну. Это, въ послѣднее время, былъ его постоянный кошмаръ. На Муфтелѣ, на фавориткѣ Олимпіадѣ, на лакеяхъ, по обыкновенію торчавшихъ за пустыми приборами, лица не было. Князь сразу замѣтилъ: что-то неладно.

— Что случилось? — грозно нахмурился онъ. — Олимпіада? Муфтель? отчего у васъ рожи словно мѣломъ вымазаны?

Муфтель трепетнымъ голосомъ, путаннымъ языкомъ, запинаясь и перевирая, началъ докладъ и, подъ конецъ, не выдержалъ: упалъ на дрожащія колѣни и стукнулся о полъ повинной головой...

Зашатался князь, схватился обѣими руками за голову и не то сѣлъ, не то упалъ на столъ, съ громомъ роняя съ него ножи, вилки, тарелки; залилась скатерть парнымъ моремъ супа и кваса. Такъ пристукнуло волкоярскаго владыку, что и голосъ потерялъ. Шепчетъ:

— Это она замужъ ушла... Вотъ онъ зять-то... вотъ когда стряслось...

Думали: кондрашка! Но — передохнулъ, ожилъ и черезъ минуту, на страхъ всему Волкояру, загремѣлъ по хоромамъ яростный ревъ князя Александра Юрьевича:

— Зарѣзали, погубили! Искать ее, проклятую? Слышать ничего не хочу! Слышите вы, хамы! чтобы черезъ часъ была здѣсь княжна, а не то я не посмотрю на новыя времена и порядки. Пусть меня ссылаютъ въ Сибирь, пусть хоть разстрѣляютъ, хоть повѣсятъ, но я расправлюсь съ вами по своему... тебѣ первому будетъ честь, Муфтель! Издохнешь ты, старый песъ, у меня на конюшнѣ!

Разсыпались отъ него люди, какъ отъ умалишеннаго, а онъ по дворцу, одинъ, бѣгаетъ, воетъ, фарфоръ-фаянсъ объ полъ швыряетъ и ногами топчетъ, зеркала бьетъ. Лаврентій Ивановичъ на колѣни предъ нимъ бросился:

— Ваше сіятельство, именемъ Христовымъ молю васъ: пожалѣйте себя и насъ, — успокойтесь...

Какъ ткнетъ князь его въ зубы ногой; облился кровью старикъ, такъ и покатился по ковру, — думали: убилъ... нѣтъ, всталъ, только два зуба выплюнулъ... А князь уже въ кабинетѣ бушуетъ. Сѣлъ было въ конторкѣ письмо къ губернатору сочинять, но, вмѣсто того, посмотрѣлъ на родительскій князя Юрія портретъ, заскрежеталъ зубами, да чернильницею какъ пуститъ! Залилось чернилами улыбающееся, язвительное лицо, на лбу провалилась дыра, пропала драгоцѣнная живопись Кипренскаго! А князь ослабѣлъ, какъ малое дитя, и на рукахъ снесли его въ постель... Выспался — усмирился, вышелъ тихъ. Черныя тучи на лбу, но о давешнемъ — ни слова. Вздохнула дворня. А то — кто поробче — уже котомки увязывалъ: бѣжать въ бѣга отъ обѣщанныхъ плетей.

По лѣсамъ были пущены охотничьи команды съ собаками, дали знать уѣздной полиціи, поскакали нарочные въ Ярославль и Кострому; Муфтель перевернулъ вверхъ дномъ всю усадьбу и село. Все было напрасно: княжна не находилась. Четыре человѣка и собака исчезли изъ Волкояра и — хоть бы слѣдъ по себѣ оставили! Словно ихъ Унжа поглотила.

Кстати, на Унжѣ, верстахъ въ тридцати ниже Волкояра, поймали перевернутую вверхъ днищемъ лодку. Муфтель призналъ ее за волкоярскую. Но — когда и какъ она была угнана, и гдѣ пристали къ берегу уплывшіе въ ней бѣглецы, если они

только не пошли на дно, — оставалось темною загадкою.

Муфтель, однако, въ поискахъ за княжной не унимался. Въ своемъ усердіи онъ учинилъ поистинѣ мамаевъ разгромъ въ садовомъ павильонѣ: даже, самъ не зная, зачѣмъ, поднялъ полы и ободралъ со стѣнъ штукатурку. Мышамъ было отъ этого большое горе; но ключа къ тайнѣ пропавшей княжны Муфтель всетаки не нашелъ.

Старикъ Антипъ безъ устали слѣдовалъ за нимъ въ его поискахъ. Куда Муфтель, туда и онъ — со своею клюкою, согнутый, лысый, съ искрами въ глазахъ и съ такою усмѣшечкой впалаго блѣднаго рта, что управляющаго даже коробило.

— Не шляться за мной, лысый сатана! — не разъ прикрикивалъ Муфтель. — Привязался, какъ тѣнь... Какой тебѣ интересъ? Что надо?

— Больно занятно роешься, Богданычъ, — невозмутимо возражалъ старикъ, — ровно бы ты кротъ.

Когда разгромъ павильона былъ конченъ, и люди ушли, — Антипъ окликнулъ Муфтеля, удалявшагося въ большомъ уныніи:

— Богданычъ... каковъ князь-то? Я чаю, кабанъ кабаномъ, землю подъ собой грызетъ?

Муфтель только рукой махнулъ. Старикъ залился беззвучнымъ смѣхомъ и долго смѣялся еще, оставшись одинъ среди опустошеннаго дома. Но вскорѣ смѣхъ его перешелъ въ слезы и стоны: онъ причиталъ по комъ-то, и грозилъ кому-то... поминалъ Матвѣя-внука, князя, покойницу княгиню Матрену Даниловну. Неладно, очень неладно было въ старой головѣ Антипа: совсѣмъ старикъ сталъ забываться.

А Муфтель князю такъ и отрапортовалъ, стоя на вытяжку въ барскомъ кабинетѣ:

— Ваше сіятельство! Хотите казните, хотите — милуйте. Княжны я не нашелъ и найти надежды не имѣю. Вину свою чувствую, но полагаюсь на ваше великодушіе, что помните мою вѣрную и долгую службу вамъ пóтомъ и кровью. А впрочемъ — творите свой судъ надо мною, какъ вамъ будетъ угодно. Моя преданность вамъ все вытерпитъ.

Это было мѣсяцъ спустя послѣ исчезновенія Зины. Бѣшенство князя за этотъ срокъ перешло въ тихую апатію, полную суевѣрнаго ужаса передъ покаравшею его судьбою.

— Не за что наказывать тебя, Богданычъ, — грустно сказалъ онъ, — тутъ приставь хоть Аргуса стоглазаго, и тотъ не уберегъ бы. Тутъ высшее... пять лѣтъ, какъ оно мнѣ предсказано, — вотъ и исполнилось. Судьба! Что будетъ? Что будетъ? О, Муфтель! страшно!

— Болѣе горестно, ваше сіятельство, а — бояться, осмѣлюсь доложить, чего же?

— Не знаю, Муфтель, чего, но боюсь. Ужасъ въ душѣ моей — темный и ожидающій. Страшно зрѣлище свершившейся судьбы, Муфтель.

— Богъ не безъ милости, ваше сіятельство. Перемелется — мука будетъ. Не одни мы ищемъ: весь уѣздъ на ногахъ. Дастъ Богъ, и вернется еще наша княжна.

Какъ вскрикнетъ на него князь:

— Дастъ Богъ? Сохрани меня Богъ! Что ты, Муфтель? Ты не знаешь, что говоришь! Ты бредишь! Вернется? Да вѣдь это конецъ мой, это смерть моя, Муфтель! Развѣ она одна вернется? Замужняя! съ нимъ!

— Съ кѣмъ, ваше сіятельство? — изумился недоумѣвающій Муфтель.

— Почемъ я знаю? Съ нимъ... Съ зятемъ!..

съ предсказаннымъ!.. Я гибну, Муфтель. Я чувствую, какъ конецъ мой окружаетъ меня. Брось искать княжну, Богданычъ. Было поймать ее дѣвкою, а бабою она — мнѣ погибель. Глупо, что мы и въ первые-то дни, сгоряча, столько усердія приложили. Туда — внизъ, къ чорту! въ тартарары! — всегда успѣемъ: небось, не забудутъ, позовутъ, нечего самимъ торопить и напрашиваться.

Увѣренный, что княжна Зина выкрадена, при помощи няньки, Консты и Михайлы, кѣмъ-либо изъ сосѣдей или губернскихъ дворянъ, и, разумѣется, давно уже замужемъ, князь теперь только и бредилъ, что этимъ таинственнымъ чудовищемъ, своимъ невѣдомымъ роковымъ зятемъ, и мрачно замиралъ въ ожиданіи неопредѣленныхъ ужасовъ.

— Хоть бы развѣдать: кто онъ? что онъ со мною сдѣлаетъ? какъ и отъ кого пропадаю? Дворянишки всѣ какъ будто по мѣстамъ. Обманули насъ съ тобою, Муфтель! Провели! Выкрали, окрутили дѣвку! Охъ, если бы пособниковъ ея мнѣ въ руки... Матрену-мерзавку, щенка ея подлаго, Давыдка-разбойника...

— Освидѣтельствовать бы его, — безъ церемоніи говорилъ лѣкарь въ уѣздѣ. — Это — похоже — у насъ въ медицинѣ называется mania persecutoria. Кабы не Чортушка, а нашъ братъ, обыкновенный смертный, какъ разъ пора бы на цѣпь...

А князь, тѣмъ временемъ, надумался.

— Муфтель! гдѣ Серафима и Аграфена? — спросилъ онъ какъ-то.

— Пятый годъ, какъ усланы, по приказанію вашего сіятельства, въ симбирскія деревни.

— Онѣ были посредницами между мною и загробнымъ міромъ, — задумчиво произнесъ князь. — Немедленно вернуть ихъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству: раньше мѣсяца не обернемъ...

— Хорошо, но черезъ мѣсяцъ — чтобъ были!

Съ пріѣздомъ отставныхъ фаворитокъ-медіумичекъ, успѣвшихъ за пять лѣтъ изгнанія превратиться изъ холеныхъ красивыхъ дѣвушекъ въ тощихъ, загорѣлыхъ и огрубѣлыхъ деревенскихъ бабъ,—князь погрузился въ прежнія свои спиритическія занятія. Но — бабы ли оглупѣли, самъ ли онъ сталъ придирчивѣе и требовательнѣе — духи, и даже самъ пресловутый Анфисъ Гладкій, не говорили ему ничего не только утѣшительнаго, но даже путнаго и толковаго... Княжну теперь искала только полиція, а на нее надежда была плоха. Княгиня Матрена Даниловна снилась князю чуть не каждую ночь, и послѣ каждаго сновидѣнія онъ насупливался все мрачнѣе.

— Торопитъ, зоветъ, — соображалъ онъ. — Подожди, страждущая тѣнь, свиданіе мести недалеко. „Отольются волку овечьи слезы!“

Въ это время пошелъ между дворнею вторичный слухъ, что покойная княгиня „ходитъ“, — и князь вѣрилъ.

— Слушай, Муфтель, — допрашивалъ онъ. — Гдѣ ее видѣли?

— Въ разныхъ аллеяхъ, ваше сіятельство. Тоже будто бы на балконѣ въ Псишиномъ павильонѣ — бывало — сиживала.

— Тамъ она умерла, — задумывался князь. — Ну... и... что же?

— Говорятъ: безпокойна, — руки ломаетъ, стонетъ, плачетъ...

— Кто слышалъ?

— Какъ можно, чтобы слышать, ваше сіятельство? Одна пустая молва.

Князь затрясъ головою.

— Нѣтъ, Муфтель, нѣтъ. Духъ, исшедшій изъ тѣла ранѣе, чѣмъ свершить земное въ предѣлѣ земномъ, тоскуетъ по мѣстамъ, гдѣ онъ покинулъ свои страданія и страсти, стремится къ нимъ и навѣщаетъ ихъ. Возможно, Муфтель, очень возможно.

Муфтель осмѣлился высказать:

— Я того мнѣнія, ваше сіятельство, что не иначе, какъ глупый народъ принималъ за княгиню княжну Зинаиду Александровну. Въ лунныя ночи княжна подолгу оставалась на балконѣ, — ну, кому-либо и померещилось, и пошла ходить глупая сказка. Потому что сходство.

Князь нетерпѣливо оборвалъ:

— Зинаида на меня похожа, не на мать. Смѣла бы княгиня Матрена отъ меня бѣжать! Нѣтъ, эта... все-таки... Радунская!

И — струсилъ князь Александръ Юрьевичъ, оробѣлъ передъ мертвою женою, которую живую въ грошъ не ставилъ. Спросилъ ея портретъ — въ кабинетъ къ себѣ, на мѣсто испорченнаго портрета князя Юрія. Хватились: нѣту въ домѣ приличнаго портрета княгини Матрены Даниловны, — только въ картинной галлереѣ голая Леда безстыдно обнимается съ лебедемъ. Гдѣ портретъ? Неужели не было? Стали вспоминать: былъ, но тринадцать лѣтъ назадъ подаренъ кому-то изъ сосѣдокъ. Хлопоничъ умѣлъ со всего снять пѣнку. Чуть прослышалъ, что князь заскучалъ по Матренѣ Даниловнѣ, — сейчасъ же ногу въ стремя и поскакалъ по околотку — къ мелкопомѣстнымъ и попадьямъ, былымъ пріятельницамъ покойницы княгини Матрены. Нашелъ портретъ. Попадейка, которой онъ принадлежалъ, уже умерла, а попъ — какъ посулилъ ему Хлопоничъ сѣренькую бумажку — и торговаться не сталъ, отдалъ со-

кровище обѣими руками: на что мнѣ, вдовцу? — бери... Привезъ Хлопоничъ княгиню въ Волкояръ и — князю челомъ: удостойте принять даръ! Князь расцвѣлъ.

— Ну,— говоритъ,— Пафнутьевичъ, спасибо! Много ты угождалъ мнѣ, но такъ, какъ сегодня угодилъ... спасибо! Вотъ же тебѣ за это: владѣлъ ты Мышковскими хмѣльниками, владѣй и Смѣнковскими.

И запилъ же попъ, у котораго Хлопоничъ купилъ княгиню за пятьдесятъ рублей, когда узналъ, какое счастье онъ проворонилъ! Тѣмъ болѣе, что Хлопоничъ и съ нимъ тоже выдержалъ свой характеръ и обѣщанной сѣренькой ему не отдалъ:

— Я,— говоритъ,— что сулилъ, отче, очень помню и не отрекаюсь: сѣренькая твоя. Но на руки тебѣ ея не выдамъ, пусть у меня полежитъ, цѣлѣе будетъ, потому что ты, отецъ Никифоръ, человѣкъ нетрезвой жизни и непремѣнно ее пропьешь.

Голую Леду князь Александръ Юрьевичъ велѣлъ завертѣть въ рогожи и унести на чердакъ. Уничтожить пожалѣлъ: была работа большого мастера — чуть ли не самого Майкова. А портретъ воздвигъ надъ письменнымъ столомъ своимъ и украсилъ цвѣтами. Назавтра приходитъ Муфтель съ докладомъ, — анъ, князь стоитъ передъ женою на колѣняхъ и читаетъ къ ней какъ бы акафистъ нѣкоторый:

— Княгиня Матрена Даниловна! Если добрый и кроткій духъ твой витаетъ въ земной сферѣ, если справедливый гнѣвъ твой пересталъ горѣть противъ меня, окаяннаго, — удостой, матушка, снизойди къ просьбѣ моей, — отвѣть: чѣмъ ты мнѣ грозила? какимъ еще позоромъ долженъ быть отравленъ конецъ моей жизни? Скажи, блаженная душа! Спасеніемъ твоимъ заклинаю: скажи!

Замѣтилъ Муфтеля, поднялся. Лицо — какъ свинецъ.

— Страшно, — говоритъ, — мнѣ, Богданычъ. Нехорошо. Страшно.

— Богъ не безъ милости, ваше сіятельство. Всѣ въ рукѣ Божіей ходимъ.

— Не говори такъ. Того-то и боюсь. Страшно впасть въ руки Бога живого. Хоть бы намекомъ знать: есть ли Онъ или нѣтъ?

Хлопоничъ подъѣхалъ. Опять началъ князь благодарить его за княгиню, — ее вспоминать и хвалить, а себя проклинать:

— Подлецъ я выхожу передъ нею... Какая ни дура, все жена была... А я ее Ледами да Церерами заставлялъ позировать передъ художниками... на позоръ людямъ тѣло ея выставлялъ... хвастался, что хороша!.. Подлецъ!.. Охъ, Хлопоничъ! Какая жизнь! Темная, скверная моя жизнь... Смолоду и до сѣдыхъ волосъ — хоть бы день чистый и свѣтлый!.. Мать варварка... Отецъ... Дьяволъ былъ у меня отецъ! Мучитель! Издѣвщикъ! Кровопійца! Въ кого мнѣ было родиться человѣкомъ? Какъ мнѣ Чортушкой не быть?

До того разстонался, что даже Хлопонича въ дрожь вогналъ. Замѣтилъ, спрашиваетъ:

— Что ты трясешься?

— Я, ваше сіятельство, ничего.

— Хорошо — „ничего", когда рожа алебастровая!

— Простите, ваше сіятельство, — признался Хлопоничъ, — я этого равнодушно не могу.

— Чего ты не можешь?

— Вы лучше на меня ножками топайте... А, когда вы такъ откровенно... про родителя... и себя словами обзываете... не могу! Удрученъ и подавленъ страхомъ ничтожества моего.

Улыбнулся князь.

— Боишься, что потомъ разгнѣваюсь, зачѣмъ я каялся предъ тобою?

Видя, что князь милостивъ, захихикалъ и Хлопоничъ.

— И это, ваше сіятельство, и это! А главное, что я такой — про большое слышать не могу... сердце не вмѣщаетъ... робкій.

Но князь уже опять успѣлъ омрачиться.

— Маленькая душонка видитъ обнаженное страданіе большой души — и трепещетъ. А, впрочемъ...

Задумался — и потомъ, съ горечью, серьезно:

— А, впрочемъ, кто это рѣшилъ, что у меня большая душа? Можетъ быть, у меня паръ, какъ у Васькикота, а души-то и вовсе нѣтъ? Можетъ быть, душа-то и, вообще, совсѣмъ не существуетъ! Вотъ штука была бы?.. Хлопоничъ! Говори: есть душа или нѣтъ?

Хлопоничъ говоритъ:

— Какъ вашему сіятельству угодно.

— Холопъ!.. Муфтель! Есть душа?

Муфтель вытянулся, говоритъ:

— Я свою душу за ваше сіятельство положить всегда согласенъ.

— Солдатъ!

Схватился за голову, стонетъ:

— Господи! И слова-то въ тоскѣ обмѣнить не съ кѣмъ.

Такъ протянулось полтора года; князь провелъ ихъ, какъ улитка въ раковинѣ. На Россію двинулись союзники; въ Крыму шла рѣзня. Умеръ царь Николай. Всѣ умы были прикованы къ Севастополю... онъ боролся одиннадцать мѣсяцевъ и палъ, побѣдоносный въ своемъ паденіи. Князю ни до чего не было дѣла. Гудѣніе жизни плыло мимо его. Онъ

былъ — какъ утопленникъ въ омутѣ. Остолбенѣла мысль, чувства облекла спячка удава объѣвшагося, кошмарный сонъ подъ гнетомъ однообразной страшной грезы. И одно твердо сознавалъ князь, что спячка эта — его послѣдній живой фазисъ, и недолго ему перейти изъ кошмарнаго сна прямо и непосредственно въ сонъ смертный.

— Спрутъ во мнѣ, — жаловался онъ Муфтелю. — Знаешь, что такое спрутъ? Ужасъ океана, склизкая морская гадина, студень поганый, живою кровью питается. Схватитъ душу, облапитъ всѣми щупальцами и сосетъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ...

— Ваше сіятельство, позвольте врачей пригласить: можетъ быть, дадутъ средствице какое-нибудь?

— Нѣтъ средства на спрута, Муфтель. Ни лѣкарства, ни огонь, ни желѣзо не излѣчатъ: излѣчитъ одна смерть!

Весьма рѣдко выходилъ онъ изъ своей меланхоліи. Хлопоничъ забиралъ при немъ все большую и большую силу и то и дѣло ѣздилъ по дѣламъ князя, какъ повѣренный, въ Москву и Петербургъ.

Возвращаясь, онъ съ удивленіемъ разсказывалъ Александру Юрьевичу о первыхъ дняхъ царствованія молодого императора Александра Николаевича, о новыхъ вѣяніяхъ и начинаніяхъ, о слухахъ объ освобожденіи крестьянъ...

— Не узналъ Петербурга. Истинное слово говорю вамъ, ваше сіятельство, не узналъ. Духъ иной-съ! Другіе люди! Все съ войны пошло съ, послѣ замиренія. Говорятъ-съ! Шепчутъ-съ! Сочиняютъ-съ! Что прожектовъ! Мѣстовъ! Жалованьевъ! Такъ и гудетъ! Званія и ранги перемѣшались. Сегодня человѣкъ въ ничтожествѣ небо коптилъ, а завтра написалъ прожектъ, попалъ въ точку и — мало-мало не ми-

нистръ... Сынка предводителя нашего встрѣтилъ. Только что изъ-за границы, съ теплыхъ водъ, и — въ бородѣ-съ. Причесанъ, какъ мужикъ, и въ бородѣ!.. И — ничего. Никто во вниманіе не ставитъ... Что же это-съ? Помилуйте! Дворянское ли дѣло? При покойникѣ, на барабанѣ бороду-то обрили бы... черезъ полкового цырюльника!.. Всѣ понятія смѣшались. Даже и стишокъ такой ходитъ — о всеобщемъ изумленіи по случаю новыхъ временъ. „На дрожкахъ ѣздятъ писаря, въ фуражкахъ ходятъ офицеры".

Князь слушалъ равнодушно и вяло и только на бороду предводительскаго сына замѣтилъ:

— Дуракъ безъ бороды — баранъ, съ бородою — козелъ.

— А что, — закинулъ Хлопоничъ, — если бы вамъ, ваше сіятельство, душу развеселить — въ Питеръ проѣхать?

— Не видали меня тамъ! Въ качествѣ дикаго ирокеза себя показывать, что ли?

— Развлеклись бы? Бозія поетъ, господинъ Темберликъ...

— Ты же знаешь, что мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицы.

— Это, ваше сіятельство, ничего. Я справлялся: коронаціей всѣ подобныя дѣла покрыты. Даже не надо и просьбы особой подавать, а только напишите шефу жандармовъ письмо, что, молъ, имѣя надобность по дѣламъ своимъ посѣтить резиденнію, прошу повергнуть на всемилостивѣйшее усмотрѣніе къ стопамъ...

— Неужто пустятъ?

Хлопоничъ зашепталъ:

— Да — какъ же нѣтъ, ваше сіятельство? За

вами политическаго дѣла не числится, только личное неудовольствіе покойнаго государя. А нынѣ даже этихъ, которые по четырнадцатому-то числу, всѣхъ велѣно возвратить.

— Врешь? — оживился князь.

— Ей Богу! Титулы имъ назадъ отдаютъ, ордена. Ѣдутъ изъ дальнихъ сибирскихъ странъ въ ближніе города... Первые люди! Встрѣчаютъ ихъ по городамъ, словно боговъ какихъ.

Князь всталъ съ креселъ своихъ и — чего во всю волкоярскую жизнь его никто за нимъ не видалъ — перекрестился.

— Благословенъ грядый во имя Господне! — глухо произнесъ онъ.

— Вотъ и повидались бы, ваше сіятельство, — подхватилъ Хлопоничъ, раздувая произведенное впечатлѣніе. — Поди, въ числѣ ихъ не одного стараго пріятеля найдете...

Ничего не сказалъ князь, но — всю ночь послѣ этого разговора проходилъ по покоямъ своимъ, важный и строгій, и, за долгій срокъ, впервые, кажется, думалъ не о мертвыхъ бредахъ своихъ, но о живомъ, далекомъ, хорошемъ, свѣтломъ. Но, когда на завтра Хлопоничъ возобновилъ свои соблазны, Александръ Юрьевичъ только улыбнулся съ грустью:

— Нѣтъ, Пафнутьевичъ, утро вечера мудренѣе: не дитя я, чтобы благовать мечтами.

— Право, повидались бы, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ? Чтобы себя стыдиться? Я и наединѣ, братъ, самъ съ собою довольно стыжусь.

— Помилуйте-съ! какъ можно? — смутился прихлебатель. Но князь твердилъ:

— Общаго между нами нѣту... Радъ, что живы, кто живъ... а — нѣту, умерло общее! Они тамъ —

въ глубинѣ сибирскихъ рудъ — души свои живыя сохранили, сквозь вьюги, сумракъ и нищету, въ оковахъ, свѣтъ свой пронесли... А я — свободный, богатый — душу зарылъ глубже, чѣмъ въ рудникѣ. Темный демонъ — душа моя, и... поздно! не взлетѣть ей! Что ужъ Чортушкѣ съ декабристами? Тоже наслышаны, небось... о Чортушкѣ-то! Они освобождали, а я заковывалъ... Съ испугомъ въ глазахъ встрѣтятъ... еще и руки, пожалуй, не подадутъ. Нѣтъ! Поздно, Хлопоничъ, поздно! Довольно объ этомъ. Лучше разскажи — какіе слухи, что новое правительство думаетъ насчетъ мужиковъ? Отбираютъ отъ насъ рабовъ нашихъ или поканителимся еще?

Хлопоничъ замялся. Въ старину князь вѣстей о волѣ не любилъ. Въ 1841 году, когда подъ впечатлѣніемъ крестьянскихъ бунтовъ, слово „воля" загуляло по всей Россіи, не обошло оно и унженскихъ трущобъ. Волкоярскіе мужики, при слухахъ о свободѣ, стали усерднѣе креститься, стоя въ церкви, и въ сумеркахъ собирались на задворкахъ покалякать о слухахъ, перелетавшихъ въ костромскую глушь вмѣстѣ съ ходоками-питерщиками и ходебщиками-офенями...

Князь тогда призвалъ Муфтеля:

— Аракчеевъ! ты слышалъ: правительство струсило, — хамью даютъ свободу?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Что ты объ этомъ думаешь?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Ты глупъ. Никакихъ реформъ сейчасъ не будетъ, не можетъ и не должно быть: вотъ что ты долженъ думать. Носъ коротокъ!

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Я слышать не хочу ни о какихъ новостяхъ. Понялъ?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Я былъ бариномъ и умру бариномъ. Если же стрясется надъ Россіей такая бѣда... то я не русскій болѣе. Когда я умру, воля моихъ дѣтей: идти ли по моимъ слѣдамъ, или якшаться съ холопишками. Говорятъ, между молодымъ дворянствомъ теперь на это много охотниковъ... Но пока я живъ, — слушай, Муфтель. Если хоть одно слово въ Волкоярѣ будетъ сказано о волѣ, я самого тебя пошлю на конюшню, даромъ, что ты нѣмецъ и имѣешь чинъ!

Памятуя этотъ давній случай, Хлопоничъ имѣлъ основаніе предполагать, что привезенныя имъ вѣсти о свободѣ окажутся очень непріятны грозному деспоту крѣпостного Волкояра. Но, къ его удивленію, князь выслушалъ совершенно спокойно и только полюбопытствовалъ:

— Съ землею?

— Угрожаютъ, будто съ землею.

— Отлично. Такъ и надо. Довольно намъ остзейскаго срама!

Хлопоничъ, совсѣмъ не находя этого отличнымъ, ибо въ ту пору округлилъ свое состояньице уже въ триста благопріобрѣтенныхъ душъ, позволилъ себѣ замѣтить:

— А я, ваше сіятельство, сомнѣваюсь... Ничего не будетъ!.. Десятки лѣтъ слухи ходятъ, а все — въ пустышку... Были господа и были рабы, будутъ рабы и будутъ господа... Какъ быть премѣнѣ законамъ міра сего?

Князь необычайно оживился.

— Нѣтъ, Хлопоничъ, будетъ воля, непремѣнно будетъ! — твердо сказалъ онъ. — Должна быть. Пора.

Великое время наступаетъ для Россіи. Не тоскуй о прошломъ. Не знаю, что дастъ будущее, а прошлое и настоящее — тьма кромѣшная, скрежетъ зубовный. Ты думаешь, жизнь вокругъ насъ? Нѣтъ, — мерзость запустѣнія, гнилое дупло, обросшее поганками. Я, ты, Муфтель, Олимпіадка, всѣ кругомъ — поганки. И не наша въ томъ вина: не могли мы другими быть. Изъ поганаго дупла выросли, — поганы и мы. Срубятъ дуплистый дубъ, не станетъ и поганокъ. Къ чорту насъ всѣхъ! къ чорту!.. Только чортъ-то захочетъ ли взять? Пожалуй, назадъ приведетъ: такіе голубчики, что и ему не надобно... Я радъ, что сынъ мой будетъ сыномъ свободной Россіи. Уже не будетъ такъ, что десятки тысячъ душъ живутъ на свѣтѣ только затѣмъ, чтобы кормить и баловать постылаго и ненужнаго никому человѣка въ родѣ... въ родѣ меня!

Сконфуженный Хлопоничъ хотѣлъ возражать. Князь горько засмѣялся и перемѣнилъ разговоръ.

Несмотря на свои еще далеко не старыя лѣта, — ему шелъ пятьдесятъ-третій годъ, — Александръ Юрьевичъ замѣтно опускался и разрушался. Его одолѣвала болѣзненная, вялая тучность, — съ одышкою, сердцебіеніемъ, приливами крови къ головѣ. Въ дворнѣ поговаривали, что князь недолговѣченъ.

Онъ сѣлъ писать завѣщаніе — огромное, подробное, сложное. Для юридической разработки его вызвалъ Вихрова, который, съ воцареніемъ Александра Николаевича, немедленно вышелъ въ отставку отъ принудительной своей службы и, побывавъ за границею, теперь жилъ вольнымъ помѣщикомъ въ довольно порядочномъ имѣніи своемъ той же губерніи, но другого уѣзда. Чтобы подписаться свидѣтелями подъ завѣщаніемъ, нарочно пріѣзжали въ Волкояръ началь-

никъ губерніи, — не старый, съ которымъ всегда воевалъ князь Александръ Юрьевичъ и котораго тоже погасили александровскіе дни, а новый молодой свѣтскій генералъ, подававшій руку просителямъ и говорившій „вы“ даже канцелярскимъ писцамъ, — и предводитель дворянства, все еще тотъ же, милостями князя Александра Юрьевича, трехлѣтіе за трехлѣтіемъ, благополучествующій. Кромѣ нихъ свидѣтелями подписались, по желанію князя, Вихровъ и — въ особую честь — вѣрный Муфтель. Содержаніе завѣщанія свидѣтели держали въ строгой тайнѣ, и даже лисьему носу Хлопонича не удалось ничего пронюхать, кромѣ того, что онъ въ посмертной волѣ благодѣтеля своего не забытъ. А губернаторъ и предводитель, возвращаясь вмѣстѣ въ одномъ дормезѣ, мѣнялись впечатлѣніями.

— Замѣчательный человѣкъ! — говорилъ губернаторъ, который Радунскаго впервые зазналъ.

— Чортушка-съ! — говорилъ предводитель, который зналъ Радунскаго двадцать лѣтъ.

— Я думалъ встрѣтить сумасшедшаго деспота, непоколебимаго крѣпостника, и, вдругъ, передъ нами — джентльменъ и передовой человѣкъ... Удивительно!

— Чортушка-съ! — повторилъ предводитель.

— Когда я былъ назначенъ на мой постъ, меня въ Петербургѣ даже предупреждали — имѣть въ виду, что тутъ есть господинъ, князь Радунскій, съ которымъ надо будетъ бороться и, вѣроятно, даже постараться — отдать его подъ судъ за злоупотребленіе властью помѣщика. А между тѣмъ это — единственный случай въ моей губерніи, что крупный душевладѣлецъ идетъ навстрѣчу намѣреніямъ правительства, да еще въ такихъ широкихъ размѣрахъ.

— Гордъ очень.

— Вы думаете потому?

— Привыкъ воображать себя удѣльнымъ княземъ — и до конца этотъ характеръ свой выдерживаетъ.

— Д-да... вотъ что?

— А вы полагали — по душевной добротѣ? Гдѣ ему! Чортушка-съ!

— Такъ что, по вашему мнѣнію, это — не навстрѣчу правительству, но скорѣе — вызовъ?

— Обязательно... Вотъ-де, какъ мы, князья Радунскіе, своихъ рабовъ освобождаемъ, — ну-ка, вы тамъ, въ Петербургѣ, попробуйте!..

— Гм... Я его предупреждалъ, — сказалъ озабоченный губернаторъ, — даже убѣждалъ его этотъ пунктъ уничтожить, потому что онъ, дѣйствительно, уже лишній. Освобожденіе крестьянъ — разрѣшенное дѣло, вопросъ нѣсколькихъ лѣтъ подготовительной работы. Но онъ сталъ на своемъ и, хотя чрезвычайно вѣжливо, но, пожалуй, дѣйствительно, въ такомъ родѣ мотивировалъ, какъ вы изволите говорить.

— Да, конечно! Знаемъ мы его пѣсни-то... — Правительство само по себѣ, а я, князь Радунскій, самъ по себѣ. Эти мужики были моими рабами, свободу имъ дать долженъ я — и никто другой! Я! Мое! Не позволю!

— Экій, въ самомъ дѣлѣ, Люциферъ гордый!

— Чортушка-съ!

Такъ толковали завѣщаніе князя люди верха. Вихровъ былъ другого мнѣнія. Молодой человѣкъ тоже поставилъ князю на видъ соображеніе, что, собственно говоря, освобождая крѣпостныхъ своихъ, онъ ломится въ открытыя ворота, — воля съ землей не за горами. Князь выслушалъ и возразилъ:

— А вы совершенно увѣрены, что у правительства

достанетъ силы — замѣтьте, я говорю: не желанія, но силы — осуществить это свое намѣреніе?

Вихровъ затруднился отвѣтить.

— То-то и есть! Меня, вотъ, Чортушкой зовутъ... Ну, такъ я вамъ, милѣйшій Павелъ Михайловичъ, скажу по опыту: Чортушекъ-то крѣпостной Россіи скрутить недолго, потому что насъ всего, можетъ быть, два-три, за то въ ней семьдесять тысячъ чертенятъ. Покойникъ-то Николай Павловичъ тоже на нихъ замахивался и комитеты собиралъ, да — не достало силы, и кончилъ тѣмъ, что сдался имъ въ плѣнъ и говорилъ о нихъ: у меня въ Россіи семьдесять тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ. Удастся реформа, — очень радъ; не удастся, — мое дѣло сдѣлано и совѣсть моя спокойна... Такъ что ужъ, пожалуйста, разработайте пунктъ этотъ какъ можно подробнѣе и яснѣе, чтобы потомъ не могло быть ни кляузъ, ни прицѣпокъ. Вы находите достаточнымъ опредѣленный мною душевой надѣлъ?

— Еще бы, князь! Правительственная реформа такъ щедро нарѣзать землю, конечно, будетъ не въ состояніи. Но и — обрѣзали же вы своихъ наслѣдниковъ.

— Наслѣдника! — нахмурясь, остановилъ князь. — Кромѣ князя Дмитрія Александровича иныхъ наслѣдниковъ у меня нѣтъ... Вы знаете мои надежды на Митю, Павелъ Михайловичъ. Но Митѣ сейчасъ десятый годъ, а я врядъ ли долго проживу и не уповаю видѣть его совершеннолѣтнимъ. По мальчику — можно ли съ увѣренностью ручаться, каковъ будетъ мужчина?... Я, говорятъ, лѣтъ до одиннадцати пренѣжный и чувствительный отрокъ былъ, — вотъ вамъ! да-съ! Только съ пониманіемъ любезныхъ родителей своихъ, началъ характеромъ озлобляться... Могу ли я быть увѣренъ, что сынъ мой, возрастая въ иномъ дворян-

скомъ вѣкѣ и въ новомъ дворянскомъ духѣ, пойметъ меня и не возропщетъ на мою волю и приведетъ ее въ точное исполненіе? Дворяне сейчасъ либеральничаютъ, Павелъ Михайловичъ, но скоро они обидятся, — вы увидите, какъ они обидятся... Нѣтъ-съ! Покуда кто властенъ исполнить свою волю, потуда онъ долженъ выполнять ее самъ. А — что я у сына отнимаю много земли, такъ — знаете ли? Вотъ величаютъ меня за глаза удѣльнымъ княземъ и, въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи немного герцогствъ такихъ, какъ мой Волкояръ, а, вѣдь, у меня еще и въ Симбирской, и въ Уфимской, и въ Херсонской, и подмосковныя, и новгородскія... Пятьдесять лѣтъ жилъ на свѣтѣ, двадцать-два года владѣлъ, большей части земель своихъ такъ и не видалъ, а ползли, ползли великіе соки ихъ со всей Россіи въ меня — одного — маленькаго, такъ что весь я ими переполнился и, вотъ, теперь — поздно — сознаю: отравился обиліемъ ихъ, задыхаюсь... Эхъ, Павелъ Михайловичъ! Не такъ ужъ много человѣку земли надо. Это — святошеское вранье, будто только три аршина, — — однакоже, и не сотни квадратныхъ верстъ.

Слухи о „княжой волѣ" проникли таки въ народъ. Но, какъ ни пытали крестьяне и дворовые Муфтеля, старикъ выдержалъ характеръ: былъ нѣмъ, какъ гробъ. Только одного и добились отъ него:

— Удивитъ васъ князь. Молитесь, ребята!

Осень 1856 года была особенно нехороша для князя. Завалы въ печени награждали его головными болями, отъ которыхъ онъ не кричалъ крикомъ только благодаря своему упрямству и стыду показать, какъ ему больно. Чѣмъ больше онъ сдерживался, тѣмъ больше раздражался... Синій, какъ утопленникъ, сидѣлъ онъ тогда въ своемъ кабинетѣ и Вол-

кояръ замиралъ въ безмолвномъ трепетѣ, какъ нѣкогда замирала Александровская слобода въ припадочные дни Ивана Грознаго...

Въ одинъ изъ такихъ дней, казачокъ доложилъ Муфтелю, что дѣдъ Антипъ собрался помирать и проситъ его прійти въ садовую баню, потому что хочетъ сказать ему важное слово.

— Насчетъ княжны собрался каяться, каторжный,— мелькнула у Муфтеля мысль. Онъ пошелъ. Старикъ лежалъ на лавкѣ — худой, какъ спичка, только животъ у него вздуло горою.

— Богданычъ, ты? — раздался его шепотъ.

— Здорово, старина... Аль худо?

— Чего худо? Хорошо, а не худо. У Бога худого нѣтъ. Пора! Чужой вѣкъ заживаю.

Онъ помолчалъ.

— Вотъ, Карла Богданычъ, какъ помру я, деньги на колоду, на свѣчи — пятнадцать рублевъ — тутъ подо мною въ подушкѣ. Тебѣ поручаю, — потому ты нѣмецъ справедливый.

— Попа звалъ ли? — спросилъ Муфтель.

— На что онъ мнѣ? Ко мнѣ намедни свои, бродяжки, заходили... имъ грѣхи сдалъ... А Кузьму не хочу: пусть онъ княжихъ медвѣдей хоронитъ.

— Эка зла ты накопилъ, старикъ! — упрекнулъ Муфтель, — вотъ умираешь, дохнуть тебѣ нечѣмъ, а ты злобишься...

— Слышь-ка, Богданычъ, — не отвѣчая, перебилъ Антипъ, — у меня къ тебѣ просьба остатняя и завѣтная...

— Приказывай: исполню...

Старикъ долго смотрѣлъ въ одну точку, стараясь собрать свои мысли. Силы его, видимо, слабѣли.

— Тамъ въ печуркѣ... — пролепеталъ онъ, — ларецъ... — Ты его возьми... и, какъ есть, снеси ему...

князю. Дескать, Антипъ кланяется вашему сіятельству... съ того свѣта...

— Когда же снести-то, дѣдушка? сейчасъ или когда помрешь?

Больной не отвѣчалъ: глаза его обезсмыслились, и животъ тяжело ходилъ изъ стороны въ сторону.

Муфтель сталъ рыться въ печуркѣ. Между разнымъ рваньемъ и лохмотьемъ ему попалась старая желѣзная сахарница безъ замка. Заглянувъ въ нее, Муфтель нашелъ битыя бусы, сломанный серебряный браслетъ и нѣсколько листовъ бумаги, исписанной крупнымъ лавочнымъ почеркомъ, какъ будто покойной Матрены Даниловны. Муфтель не безъ недоумѣнія отнесъ находку князю. Александръ Юрьевичъ — тоже съ недоумѣніемъ — принялъ листки.

Муфтель уже выходилъ изъ его кабинета, какъ услыхалъ позади себя короткій крикъ и паденіе тяжелаго тѣла. Онъ оглянулся: князь лежалъ ничкомъ на своемъ письменномъ столѣ. Его разбилъ параличъ.

Князя перенесли въ спальню. Онъ не владѣлъ языкомъ и правыми рукою и ногою. Но когда Муфтель хотѣлъ взять у больного бумаги, крѣпко зажатыя имъ въ кулакъ лѣвой руки, Александръ Юрьевичъ бѣшено отмахнулся отъ своего вѣрнаго слуги и страшно замычалъ. Муфтель бросился къ Антипу и вбѣжалъ въ баню съ такимъ свирѣпымъ лицомъ, что дворовая толпа, собравшаяся глазѣть, какъ будетъ помирать божій старичекъ, шарахнулась отъ управляющаго, точно испуганный табунъ.

— Дьяволъ! — закричалъ Муфтель, встряхивая умирающаго, — какого ты колдовства мнѣ далъ?..

Антипъ открылъ глаза и оскалился, какъ собака. Глаза у него уже стояли... изъ неподвижныхъ губъ сорвался не то вздохъ, не то ревъ, животъ под-

прыгнулъ. Старикъ осунулся на подушкѣ, икнулъ и... померъ безъ отвѣта...

Не успѣли пріѣхать приглашенные къ князю доктора, какъ за первымъ ударомъ послѣдовалъ другой, а къ утру — предсказали медики — надо ждать третьяго удара и вмѣстѣ съ нимъ смерти. Муфтель никому не довѣрилъ ходить за умирающимъ княземъ. Онъ всю ночь просидѣлъ у изголовья своего господина. Подъ утро его сморило сномъ, но стонущее мычаніе больного разбудило его. Муфтель увидалъ, что князь свѣсился съ кровати и, съ напряженіемъ тянется здоровою рукою къ ночнику, чтобы зажечь таинственныя бумаги Еще минута, и онъ свалился бы съ кровати. Муфтель подхватилъ больного и снова уложилъ въ постель. Князь, лежа навзничь, устремилъ въ лицо вѣрнаго слуги взоръ, въ которомъ Муфтель ясно прочелъ вопросъ о смерти.

— Богъ милостивъ, поправитесь, ваше сіятельство, — попробовалъ онъ ободрить умирающаго, но по лицу князя скользнула безнадежно скорбная улыбка. Муфтель не посмѣлъ повторить своего утѣшенія. Больной перевелъ взоры на ночникъ и довѣрчиво протянулъ управляющему руку со сжатыми въ ней бумагами.

— Сжечь прикажете?

Александръ Юрьевичъ утвердительно мигнулъ глазами. Муфтель поднесъ листки къ огню, и черезъ мгновеніе отъ нихъ остался пепелъ, да и тотъ управляющій растеръ ногою. Вздохъ облегченія вырвался изъ груди князя; онъ вторично протянулъ руку Муфтелю, и когда тотъ нагнулся, чтобы поцѣловать ее, притянулъ старика къ себѣ и поцѣловалъ его въ губы: глаза у обоихъ были полны слезами... Муфтель не зналъ, какую именно услугу оказалъ онъ князю, но

чувствовалъ, что оказалъ немалую; а князь благодарилъ его и за эту послѣднюю услугу, и за рабскую службу всей жизни. Затѣмъ князь забылся... Поутру началась агонія.

Муфтель только что задремалъ было на стулѣ у дверей княжой спальни, какъ его разбудило хрипѣніе умирающаго.

— Бѣгите, Олимпіада, за батюшкой! — распорядился Муфтель, — да князя Дмитрія Александровича приведите. Пусть отецъ благословитъ его, умирая...

Князька разбудили. Когда онъ, — пухлый, десятилѣтній ребенокъ, живой портретъ матери — заспанный, взволнованный, въ слезахъ, вошелъ въ отцовскую спальню, у князя уже игралъ колоколецъ въ горлѣ. Мальчикъ взглянулъ на полумертвое тѣло отца, на необычайно серьезныя лица Муфтеля и Олимпіады, смутился, понялъ, что происходитъ что-то недоброе и грозное и, въ страхѣ, громко захныкалъ. И тутъ-то приключилось нѣчто необыкновенное и никѣмъ не ожиданное. По комнатѣ точно дьяволъ пролетѣлъ. Едва плачъ мальчика коснулся ушей князя, изъ груди больного вырвался такой свирѣпый, такой мучительный ревъ, что Муфтель затрясся и присѣлъ отъ страха, Олимпіаду отшибло въ самый дальній уголъ спальни, а мальчикъ въ ужасѣ отпрыгнулъ отъ кровати отца, безъ ума бросился къ Олимпіадѣ, спряталъ голову въ ея юбки и завизжалъ на весь домъ. На мгновеніе жизнь какъ будто воскр сла въ убитыхъ параличемъ членахъ умирающаго. Опершись на здоровую руку, онъ приподнялся на подушкахъ и, уже не съ синимъ — съ чернымъ лицомъ, сверкая страшнымъ оскаломъ зубовъ, пучилъ на своего любимца и наслѣдника глаза, налитые самою бѣшеною ненавистью. Князь шевелилъ губами,

силясь выговорить какія-то слова, — это могли быть ругательства, проклятія, только никакъ не благословенія, — но языкъ ему не повиновался... Тогда онъ хрипло зарычалъ, какъ раненый левъ, откинулся на подушки и... „Чортушки на Унжѣ“ не стало! Онъ умеръ, какъ жилъ: ненавидя и проклиная, и унесъ съ собой въ гробъ тайну своей послѣдней ненависти и непостижимыхъ безсловныхъ проклятій — единственному существу, которое онъ до сихъ поръ любилъ.

Муфтель чувствовалъ, что объясненія всему этому надо бы искать въ бумагахъ, имъ сожженныхъ... Но отъ нихъ не осталось и пепла, и нѣмецъ, когда впослѣдствіи его спрашивали о подробностяхъ кончины князя, по инстинктивной осторожности, долгое время даже не заикался о находкѣ, оставленной Александру Юрьевичу дѣдомъ Антипомъ.

Завѣщаніе князя дѣйствительно удивило и нашумѣло не только на всю Россію, но даже за границею писали о немъ, какъ о знаменіи времени. Князь отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, предоставивъ бывшимъ крестьянамъ своимъ въ земельный надѣлъ болѣе половины своихъ владѣній. Щедрый надѣлъ этотъ — во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были имѣнія князей Радунскихъ, — до сихъ поръ опредѣляется множествомъ урочищъ, носящихъ выразительное общее названіе: „Княжая Воля“.

Волкояръ, до совершеннолѣтія наслѣдника, былъ взятъ въ опеку, а самого наслѣдника опекуны перевезли въ Петербургъ и помѣстили въ аристократическій пансіонъ. Княжна Зина завѣщаніемъ лишалась наслѣдства. Она такъ и не нашлась. Сказать правду: опекуны не слишкомъ усердно ее и искали. Дворня разбрелась. Волкояръ пустѣлъ, глохъ и опускался.

Конецъ первой части.

Часть вторая.

Изъ терема на волю[1].

[1] Печатается съ текста 1896.

I.

Лѣсъ...

Старые стволы, сѣрая сѣть голыхъ вѣтвей и сѣрое небо надъ ними. Тишь — какъ въ могилѣ. Лѣсъ разбѣгается верстъ на сорокъ, на шестьдесятъ кругомъ то чащею, то кустарниками-перелѣсочками, то дремучими островами строевика. Разбѣгается по топкимъ болотамъ, по глинистымъ ярамъ, непролазнымъ сыпучимъ балкамъ, заваленнымъ буреломомъ, пеньемъ, кореньемъ да каменьемъ, которое наворотили на свои берега ручьи, смирные лѣтомъ и буйные весною и осенью. Здѣсь царство дикой птицы и дикаго звѣря. Кабы не узенькая тропинка, что едва замѣтною лентою вьется по бурымъ мхамъ, можно бы подумать, что здѣсь никогда еще не ступала человѣческая нога. Сумрачно подъ деревьями — даже и сейчасъ, когда запоздавшая весна не успѣла еще одѣть ихъ зеленью; лѣтомъ же, подъ этими лиственными и хвойными сводами — и въ полдень потемки.

По тропѣ пробирается человѣкъ — босой, въ посконномъ тряпьѣ и рваной шапочкѣ, съ сумой черезъ плечо и двухстволкою за спиною. Сплошная стѣна кустовъ заградила ему путь. Онъ съежился, нырнулъ въ ихъ колючую чащу и вынырнулъ на крутой берегъ глубокаго оврага. Огромная дуплистая ива висѣла надъ оврагомъ. Длинныя, какъ плети, и частыя, какъ сѣтки на перепеловъ, вѣтви покрывали стволъ ивы

до самаго корня. Человѣкъ раздвинулъ сводъ этого живого купола, снялъ съ плечъ ружье и сумку и, бережно прижавъ ихъ къ груди, протискался въ тѣсное дупло. Черная дыра поглотила его.

Согнувшись въ три погибели, скользя ногами по мокрой глинѣ, онъ, какъ кротъ, пробирался подъ землею по низкому и узкому лазу среди темноты и сырости. Минутъ десять прошло, прежде чѣмъ забрезжило впереди пятно тусклаго свѣта [1].

Лазъ выводилъ къ обросшему лознякомъ болоту. По трясинѣ, съ кочки на кочку, со пня на пень, съ колоды на колоду извилистыми перебросами лежали молодыя деревца: будто вѣтеръ ихъ повалилъ, а не люди набросали. Прыгая по этимъ зыбкимъ переходамъ, охотникъ достигъ болотистаго озерка — узкаго, не продолговатаго и кривого. Переплыть его было довольно десяти минутъ, но обойти вокругъ по берегу давай Богъ успѣть и въ полдня. Надъ лознякомъ, по ту сторону озерка, снова разливалось море лѣса. Шапки деревьевъ плотно тѣснились одна къ другой, и надо было имѣть орлиное зрѣніе, чтобы разглядѣть на сѣромъ небѣ сизыя полоски дыма, тощими столбиками поднимавшагося къ облакамъ.

Охотникъ выстрѣлилъ. По ту сторону озера лознякъ зашевелился, показалась крошечная душегубка съ крошечнымъ гребцомъ.

Высадившись на берегъ, еще добрые полчаса шагалъ охотникъ по тропамъ, пробитымъ во мхахъ, подъ соснами, прежде чѣмъ вошелъ въ околицу лѣсной деревни. Коротенькая улица разбилась по косогору

---

[1] Такой лазъ — древній, полузасыпанный — авторъ имѣлъ случай видѣть въ Нижегородской губ., а также въ Виноградской пустыни близъ м. Смѣлы (Кіевская губ.). Интересныя свѣдѣнія о тайникахъ см. въ книгѣ Кутепова: „Секты хлыстовъ и скопцовъ", Казань, 1882 г.

двумя рядами избъ подъ тесовыми крышами, съ фигурными коньками и рѣзьбой. Дворы, огороженные крѣпкими заборами, крѣпкаго, обугленнаго въ кострѣ дерева, съ острыми гвоздями на нихъ — противъ лѣсного звѣря, — замыкались воротами, громадными и прочными, хоть тараномъ въ нихъ бей! Между улицей и лѣсомъ разбросались землянки, бурыя подъ прошлогоднимъ дерномъ. На вершинѣ косогора возвышалась часовня, съ восьмиконечнымъ крестомъ надъ крыльцомъ.

Къ часовнѣ и направился охотникъ. Встрѣчные мужики въ опрятныхъ армякахъ и бабы въ синихъ домотканныхъ и дома же крашенныхъ сарафанахъ отвѣшивали ему низкіе поклоны.

Охотникъ былъ первымъ богачемъ и мірскимъ воротилою потайного старовѣрческаго села Тай. Звали его Василіемъ Осиповичемъ, прозывали Гайтанчикомъ. Черезъ него Тай поддерживалъ сношенія съ внѣшнимъ залѣснымъ міромъ. Онъ переносилъ отъ таевцевъ грамоты къ поволжскимъ и московскимъ столпамъ старой вѣры и доставлялъ таевцамъ отвѣты и пожертвованія. Черезъ него добывали таевцы все, чего не могли выработать домашними средствами: соль, сахаръ, свѣчи, мѣдную посуду, оружіе. Жилъ Гайтанчикъ на два дома: то въ Таѣ, то въ уѣздѣ. Въ лѣсу соблюдалъ древлее благочестіе и чуть ли даже не пророчествовалъ. Въ уѣздѣ онъ былъ приписанъ къ купцамъ второй гильдіи, водилъ дружбу съ начальствомъ, мірщился съ „великороссійскими“... Другому бы это не прошло даромъ, но Гайтанчику люди старой вѣры охотно извиняли его общеніе съ никоніанцами, какъ необходимую личину. Таевскую тайну Гайтанчикъ держалъ крѣпко. За тридцать слишкомъ лѣтъ существованія Тая, до властей не разъ доходили слухи о

скрытомъ въ лѣсахъ поселкѣ людей запретной старой вѣры. Но человѣкъ, не посвященный въ мѣстоположеніе Тая, могъ найти его, развѣ лишь вырубивъ всю огромную лѣсную площадь, гдѣ онъ затерялся, какъ иголка въ копнѣ сѣна. Всѣ поиски оставались безплодными, и власти въ концѣ концовъ пришли къ убѣжденію, что никакого Тая нѣтъ и не было, что онъ — такая же легендарная небылица, какъ излюбленный фантазіей старовѣровъ Китежъ-градъ или незримые старцы Жигулевскихъ горъ. Гайтанчикъ имѣлъ сотни случаевъ продать таевцевъ. Но, человѣкъ умный и жадный, онъ сообразилъ, что никакою наградою не возмѣстить ему доходовъ съ трущобнаго Тая, и былъ нѣмъ, какъ рыба. Продолжительныя и частыя отлучки его въ лѣса не возбуждали подозрѣнія: человѣкъ торговый, съ обширнымъ оборотомъ по всей губерніи... диво ли, что онъ мало сидитъ дома? Къ тому же, послѣ каждой отлучки, онъ возвращался въ городъ не съ пустыми руками, а кому надо, и подарочки дарилъ, и гостинцы привозилъ. Даже людямъ, фанатически преданнымъ старой вѣрѣ, Гайтанчикъ неохотно показывалъ путь въ Тай. Послѣ долгихъ испытаній и искушеній, онъ велъ новобранца крюкомъ верстъ въ пятьдесятъ, шестьдесятъ, прежде чѣмъ доставлялъ его къ завѣтной ивѣ. Сподручныхъ работниковъ для его лѣсныхъ путешествій поставляли ему таевцы: два-три вѣрныхъ таевскихъ парня всегда жили на городскомъ гайтанчиковомъ дворѣ. Гайтанчикъ оберегалъ не столько Тай, сколько самого себя. Очень ужъ онъ боялся, какъ бы другой ловкачъ не перешибъ у него торговлю. Таевцы, не входя въ причины вѣрности Гайтанчика, цѣнили его надежную скрытность, уважали его и побаивались...

Населеніе Тая состояло первоначально изъ двухъ

семей, сбѣжавшихъ отъ одного нижегородскаго ханжи-помѣщика, черезчуръ ужъ обрадовавшагося суровостямъ николаевскаго гоненія и усердно принявшагося уничтожать расколъ въ средѣ своихъ крѣпостныхъ. Со временемъ поселокъ разросся и умножился такъ, что теперь въ немъ считалось за сто пятьдесятъ душъ.

Новыхъ людей таевцы принимали неохотно послѣ долгаго искуса и за клятвеннымъ поручительствомъ вѣрнаго человѣка. А если ненарокомъ заходилъ къ нимъ, заблудившись въ лѣсу, незнакомый человѣкъ, то по испытаніи, какимъ крестомъ онъ крестится, ему предлагали на выборъ одно изъ двухъ: либо оставайся на всю жизнь въ Таѣ, — вотъ тебѣ земля, домъ, хозяйка! — либо камень на шею да въ озеро. Это — если путникъ оказывался христіаниномъ старой вѣры, никоніанина же безъ всякихъ разговоровъ пристукивали долбнею по затылку.

Послѣдніе посельщики со стороны — двое мужчинъ и двѣ женщины — пришли въ Тай девять мѣсяцевъ тому назадъ [1].

II.

Когда изъ Волкояра такъ неожиданно исчезла молодая княжна Зинаида Александровна, а вмѣстѣ съ нею пропали безъ вѣсти трое дворовыхъ, въ околодкѣ, между сосѣдями, было много о томъ разговоровъ. Всѣ соглашались, что сбѣжать отъ полупомѣшаннаго деспота было не только можно, но даже должно, особенно княжнѣ, которую онъ угнеталъ съ нечеловѣческою суевѣрною злобою. Но куда дѣвались княжна и ея путники, никто не могъ ума прило-

---

[1] Легенду о Таѣ я слышалъ впервые во Владимірской губ., Вязниковскомъ уѣздѣ; такіе же разсказы слышалъ я и въ Казани въ 1887 г.

жить. Одни думали, что княжна, при помощи дворовыхъ, бѣжала въ Москву или Петербургъ и не нынче-завтра объявится тамъ подъ защитою и властнымъ покровительствомъ своей знатной родни; другіе—что дворовые были не пособниками, но злодѣями княжны: ограбили ея деньги и брилліанты, а ее самое удушили и бросили трупъ съ камнемъ на шеѣ въ какой-нибудь унженскій омутъ.

— Охота воображать такія страсти! — говорили третьи. — Дѣло гораздо проще. Княжнѣ восемнадцать лѣтъ. Она красивая и здоровая дѣвушка. Въ своемъ нелѣпомъ затворничествѣ она одурѣла отъ скуки и слюбилась съ этимъ Констою — едва ли не единственнымъ мужчиной, имѣвшимъ доступъ въ ея покои. Тѣмъ болѣе, что Конста — тертый паренекъ изъ столицы, безпутный и отчаянный пройдоха, который не упуститъ того, что само плыветъ въ руки. Страхъ за послѣдствія романа и заставилъ всю честную компанію удариться въ бѣга отъ княжей расправы...

На самомъ дѣлѣ, бѣгство происходило такимъ образомъ. Августовскою ночью, въ непроглядную темь, Конста вызвалъ мать и княжну Зину изъ павильона, гдѣ коротали онѣ свои скучные дни, и, черезъ лазейку, продѣланную въ кирпичной оградѣ волкоярскаго сада, вывелъ ихъ къ густо обросшей ольхами мертвой заводи на Унжѣ. Здѣсь, въ лодкѣ, ждалъ ихъ Михайла Давыдокъ съ своею вѣрною Сибирлеткой. Поклажи съ бѣглецами было немного: мѣшокъ ѣды, два ружья да охотничій припасъ. Брилліанты и деньги княжны были зашиты въ платьяхъ обѣихъ женщинъ. До самой зари Конста и Михайла неустанно работали веслами, спускаясь внизъ по теченію. Унжа и теперь рѣка довольно пустынная, а въ то время на ней было совсѣмъ

мертво. Бѣглецы пролетѣли верстъ двадцать, никѣмъ не окликнутые, не встрѣтивъ ни единой живой души. Съ разсвѣтомъ они причалили къ пологому берегу, надъ которымъ, точно зеленая крѣпость, поднимался старый боръ. Остановили лодку на мелкомъ мѣстѣ, мужчины вылѣзли въ воду по поясъ и на рукахъ перетащили женщинъ и поклажу на сушу. Лодку оттолкнули отъ берега въ трубу и пустили плыть по волѣ Унжи.

— Не потопить ли? — предложилъ Конста.

Давыдокъ не захотѣлъ.

— Раньше говорилъ бы. Теперь за нею плыть — дорогое время тратить. Ничего. Ее самое теченіемъ перевернетъ, либо на корягу наскочить. Пущай плыветъ — эдакъ ладнѣе выйдетъ, сбивчивѣй. Насъ еще часовъ пятокъ, а то и позже, не хватятся. А когда хватятся, не такъ-то скоро умъ приложатъ, какой дорогой мы убѣгли. Безпремѣнно будутъ искать сперва на томъ берегу — по сухому пути. Тѣмъ временемъ лодку невѣсть куда снесетъ: плотинъ на пути нѣтъ, до первой деревни десять верстъ. Да и то — авось мы въ рубашкѣ родились — мужичье прозѣваютъ лодку, не догадаются словить. Поймаютъ лодку отъ этого мѣста верстахъ, скажемъ, въ пятнадцати. Покамѣстъ разговоры да пересуды: откуда лодка? чья? — покамѣстъ придутъ вѣсти изъ Волкояра, покамѣстъ пошлютъ вѣстового о лодкѣ къ Муфтелю-управителю, покамѣстъ князь съ Муфтелемъ надумаются, съ какого берега и мѣста начинать облаву, — мы верстъ пятьдесятъ уйдемъ. Ищи насъ съ собаками!

— Съ собаками и будутъ искать — озабоченно замѣтила Матрена.

— Ништо! Черезъ Унжу собачье чутье не подѣй-

ствуетъ, а на этотъ берегъ не сразу-то всю свору перегонишь. Тоже надо знать, какъ собачекъ пускать. Я бы пустилъ, ну, а за мною — врядъ ли! Не набѣганы онѣ у насъ на людей, ихъ каждый звѣриный слѣдъ будетъ сбивать. А мы пойдемъ мокрыми ногами, по росѣ, слѣдъ-то и выстынетъ. Только бы въ первый день не поймали, а то — вотъ вамъ крестъ святой, какъ солнце сегодня сядетъ, такъ и страху шабашъ. На завтра уже съ развалкой пойдемъ, а денька черезъ три, дастъ Богъ, и у Тая будемъ.

— Разскажи ты хоть намъ, что за Тай такой. Идемъ за тобою на вѣру, а ты намъ его сулишь, ровно царствіе небесное.

— Мѣсто, — какъ мѣсто. Люди живутъ. Отъ начальства схоронились. Давно уже кто въ бѣгахъ, кто въ покойникахъ числятся, а ничего — давай Богъ здоровья! — живутъ богатѣями. Потому — что имъ, медвѣдямъ трущобнымъ, дѣлается? Отъ податей, отъ рекрутчины, отъ подводчины, отъ господъ, отъ полиціи — ото всего ушли. Рѣдко кому Тай знакомъ даже изъ нашего брата, лѣсного бродяги. А мнѣ вотъ пофортунило: я у таевцевъ свой человѣкъ.

— Какъ же ты къ нимъ попалъ, въ такую глушь? — спросила Зина.

— Ненарокомъ, барышня. Вы про разбойника Ухорѣза слыхали?

— Мама Матрена что-то сказывала.

— Ухорѣзъ, по первоначалу, былъ младшимъ есауломъ у Ѳадеича, у того самаго, которого по всей костромской и ярославской сторонѣ „сватомъ Ѳадеичемъ“ прозывали, — больно ужъ охочъ былъ устраивать свадьбы и на весельѣ пировать. Слюбятся дѣвка съ парнемъ, а старики имъ закону не даютъ, артачатся... Что дѣлать? Сбѣжитъ парень въ лѣсъ,

да — Ѳадеичу въ ноги. А тотъ, денька черезъ два-три, и нагрянетъ въ деревню: „Вы что же, старые хрычи, отнимаете у дѣтей долю? Эй, не дурите! А то какъ бы я вамъ полдеревни не спалилъ, да и кони ваши мнѣ приглянулись — хорошіе кони!“ Отбражничаетъ сговоръ и опять въ лѣсъ уйдетъ. Когда Ѳадеича разгромили, Ухорѣзъ сталъ самъ промышлять на свой страхъ. Жилъ онъ на Немдѣ, окопавшись въ старомъ майданѣ: дегтярня ли тамъ была, городище ли древнее, — Богъ его знаетъ. Промышлялъ самъ-пятъ съ товарищами. Да, по малому времени, я къ нему въ-шестыхъ пришелъ.

— Ты, Давыдокъ? — вскричали женщины, съ недовѣріемъ глядя на добродушное лицо егеря.

— Я самый. Что же вы дивуетесь?

— Да какъ же? Какой ты разбойникъ? Не первый годъ тебя знаемъ: тебѣ муху, и ту жаль обидѣть.

— Часъ на часъ не приходится. На бѣду и ракъ свистнетъ. Нижегородскій я. Волжанинъ. У насъ, нижегородскихъ, головы буйныя, мозги крѣпкіе, сердца не уемныя. Потому что отъ старой новгородской воли пошли. Характера я — это точно — прямо тебѣ скажу — смирнаго, и обидѣть меня мудрено. Но, ежели дошла обида до сердца, тогда не мягчи души умыльными словами: не прощу! — и грозными словами не пугай: не боюсь! Одна тогда у меня дума и надежда — топоръ въ рукѣ да темная ночь. Меня въ ту пору крѣпко обидѣлъ мой старый баринъ Арбеньевъ-господинъ... можетъ, слыхали?.. верстъ триста его усадьба... Во-какъ обидѣлъ! И сейчасъ-то говорить про его обиду — сердце кипитъ! А вѣдь второй уже десятокъ лѣтъ на исходѣ тому дѣлу. Ну, что жену свелъ — это я, хоть горько было, пере-

несъ, простилъ, потому что не силомъ онъ ее взялъ, сама сука-волочайка сердцемъ на грѣхъ разгорѣлась, умомъ возгордилась, захотѣла барскою барыней быть. Но мало ему было, несыти. Сестра у меня подростала. Анютой звали. Всего-то по пятнадцатому годочку поднялась... Увидалъ — не пожалѣлъ проклятый. Осилилъ откроковицу. Погубилъ. Молодой я былъ, горячій... Сбѣгъ къ Ухорѣзу. Онъ былъ человѣкъ справедливый: крови проливать-ни-ни! Грабилъ тоже съ разборомъ: господина, попа, ежели жадный, купца али прасола безъ рубахи пускалъ, а голытьбы не трогалъ, — иной разъ даже помогалъ. Барина моего мы разуважили: такого краснаго пѣтуха пустили, что наслѣдники до сихъ поръ кряхтятъ — захудали, обстроиться не могутъ. Выслали на насъ команду. Сколь мы ни убѣгали, однако, приперли насъ къ самой Немдѣ. Эдакъ — рѣка, а эдакъ дубки. Стали мы изъ-за дубковъ отстрѣливаться. Долго палили, много народа перепортили, пожалуй, и отстоялись бы, — да убили у насъ Ухорѣза. „Покорись, ребята!“ — кричатъ солдатушки. Товарищи ружья побросали, пали на колѣни. А я думаю: спина-то у меня своя, не купленная; подъ плетьми не другому кому, а мнѣ лежать. Да, Господи благослови! — бухъ въ Немду. Вода студёная. Плыву, а вокругъ — щелкъ, щелкъ, щелкъ: словно плетью по водѣ! — свинцовый горохъ, значитъ, сыплется. Вылѣзъ на берегъ, припустился бѣжать. Четыре дня плуталъ по лѣсу, ягодой питался, сырой грибъ жралъ. Отощалъ. А тутъ медвѣдя врагъ наслалъ. А охотничьяго-то снаряда у меня — ножъ да дубинка. Однако — знать, крѣпко молился за меня мой угодникъ! — свалилъ я косматаго. Свалилъ, да и самъ палъ замертво: поломалъ онъ меня, демонъ, косточки здоровой не оставилъ.

Такъ на медвѣдѣ и подобрали меня таевцы. Пришибить хотѣли. Но ихній уставщикъ — по-нашему уставщикъ, а у нихъ онъ кормщикомъ прозывается — Филатъ Гаврилычъ удержалъ: жаль ему стало силы моей; полюбилось, что я убралъ медвѣдя одинъ на одинъ, почитай, что съ голыми руками. „Что вы — говоритъ — ребята? какъ можно убивать такого богатырищу? Аль на васъ креста нѣтъ? Лучше возьмемъ его въ Тай, да вылѣчимъ. Пришибить его, когда понадобится, всегда успѣемъ, а — какъ знать? — можетъ быть, онъ еще будетъ доброю овцою въ нашемъ стадѣ". Когда же я опамятовался и признался, что я изъ ухорѣзовцевъ, — таевцы и руки врозь: и кланяются, и угощаютъ, и не знаютъ, гдѣ посадить. Потому Ухорѣзъ былъ ихнимъ благодѣтелемъ, имѣлъ у нихъ самый потайной свой притонъ и чуть ли не по ихней вѣрѣ ходилъ.

— А какая у нихъ вѣра, Михайлушка? — живо перебила Матрена.

— Какъ тебѣ сказать, — не соврать? Поповъ не имѣютъ, а на счетъ толка не скажу навѣрняка. Чудаки, хлысты — не хлысты, а какъ бы на ту же стать тянутъ. Тоже и попрыгиваютъ на радѣніяхъ, и постегиваются, и невѣсть какія росказни тогда плетутъ — словно вполпьяна. Однако, насчетъ мяса — ничего, не воздерживаются. Да и какъ воздержаться? Дичины не ѣсть, — чѣмъ въ лѣсу живу быть? У хлыстовъ вѣдь нашему брату, мясоядцу, съ голоду пропасть надо. Чаю со сладкими заѣдками дуй хоть ведро, но о водченкѣ и не заикайся. А таевцы, хотя народъ претрезвый, ни на что запрета не кладутъ... И начальство у нихъ есть: свои выборные — уставщикъ, читалки... у хлыстовъ такъ не водится. У нихъ всѣ равны.

Матрена задумалась.

— Вѣдѣнцы[1], что ли? — пробормотала она.

— Кто ихъ знаетъ? Можетъ, и вѣдѣнцы...

— Я потому спрашиваю, — замѣтила Матрена, — что маракую по ихней части. Водилась съ ними, съ хлыстами-то.

— О?! гдѣ жъ ты съ ними спозналась?

— Въ Костромѣ. Тамъ вѣдь изстари ихнее, хлыстовское, селище. Такъ и въ пѣсняхъ ихнихъ поется: „Домъ Божій — Горній іерусалимъ — городъ Кострома, верховная сторона!". . Еще самъ ихній первоначальникъ, богатый гость Данило Филипповичъ, котораго они Богомъ-Саваоѳомъ почитаютъ, жилъ у насъ въ Костромѣ и въ Волгѣ книги утопилъ: — Что новыя, говоритъ, что старыя, — никакихъ не надо ко спасенію, а спасетесь вы, людіе, моимъ живымъ духомъ... Мнѣ и домъ показывали, гдѣ онъ обитать поволилъ. Такъ и называется — „Божій домъ"... Такъ вотъ, какъ мужъ-отъ у меня померъ, ѣсть было нечего, да вонъ этотъ, — она кивнула на Консту, — голодный ротъ на шеѣ... Тутъ одна однодворка (изъ достаточныхъ бабочка, Авдотьей Ивановной звали[2]) стала ко мнѣ похаживать. То булку принесетъ, то чайку, то сахару. И все жалѣетъ: „горемычная ты, Матренушка! маешься въ грѣховной слѣпотѣ, оттого и нѣтъ тебѣ счастья въ жизни. Вотъ, кабы ты пріобщилась къ „людямъ Божіимъ" и была осіянна свѣтомъ истины, всего бы у тебя прибавилось въ изобиліи". — Матушка! — говорю, — да зачѣмъ же дѣло стало?.. Чѣмъ хошь меня осіяй, только бы мнѣ съ моимъ си-

---

[1] Хлыстовская секта, распространенная въ тридцатыхъ годахъ въ Закавказьѣ, повліяшая и на русскій расколъ. В. Андреевъ въ книгѣ: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи", зоветъ вѣдѣнцовъ духовными прыгунами, трясунами и духовидцами.

[2] Личность историческая... пропала безъ вѣсти въ 1845 г.

ротой сытыми быть. — Принялась она меня учить, да наставлять: хлыстовка вышла, какъ есть сущая фармазонка; въ костромскомъ кораблѣ „сосудомъ избраннымъ“ слыла... И только бы, только мнѣ самой быть принятой въ корабль, какъ пришли гонцы изъ Волкояра: взялъ меня князь ходить за Зинушкой. А сказки ихнія всѣ знаю! — о богатырѣ Аверьянѣ, который на Куликово поле людей Божіихъ съ Мамаемъ нечестивымъ драться водилъ и тамъ голову сложилъ; объ Иванѣ Емельяновичѣ, какъ онъ Ивана Васильевича, Грознаго царя, застращалъ и Христомъ ему показался; о Настасьюшкѣ Карповнѣ, какъ она, въ тюрьмѣ сидя, царицу Анну Ивановну не простила, и та, отъ Настасьюшкина непрощенія, въ три дня померла. О всѣхъ старыхъ „живыхъ богахъ“ всю подноготную разсказать могу. О живомъ Саваоѳѣ, богатомъ-богатинѣ Данило Филипіювичѣ, о богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, которая, будто бы, царица Елизавета была, о Христѣ — Иванѣ Тимофеевичѣ.

— Ай ли? — радостно вскрикнулъ Михайла, — молодецъ-баба! дорогого стоишь! Стало быть, мы мало что не пропадемъ, а еще и въ почетѣ будемъ... Ходи веселѣй, тетка! да старину-то въ мозгахъ перетряхни — пригодится! А чего не вспомнишь, сама соври поскладнѣе. Я въ зиму, когда жилъ въ Таѣ, пробовалъ эту штуку... Только плохо у меня выходило: человѣкъ я темный, словъ хорошихъ не знаю... А ничего, иной разъ и у меня знатно сказывалось. Ну, да мнѣ голосъ помогалъ. Запутаюсь въ рѣчахъ, защелкнутся мысли, — выручай молодецъ горлышко. Какъ гряну имъ стихиру, — рты поразинутъ, растаяли. Не знаютъ, гдѣ посадить, чѣмъ угостить. Мудрости въ пѣніи, тѣмъ болѣе, никакой нѣтъ: церковныхъ молитвъ таевцы не любятъ, всѣ свои стихи-

ры на голоса мірскихъ пѣсенъ поютъ... — Одна бѣда, — продолжалъ Давыдокъ, шагая по мшистой полянѣ, — забраться въ Тай нетрудно, а выбраться будетъ не легко! Не любятъ таевцы, чтобы народъ отъ нихъ выходилъ въ міръ. Меня, когда я впервой уходилъ отъ нихъ, выручилъ тотъ самый уставщикъ, о которомъ я вамъ сказывалъ. Ежели живъ еще старина, — и теперь будетъ нашъ другъ. А ужъ куда древенъ! Я чаю — подъ всѣ девять десятковъ. Добрый. Заскучалъ я по міру. Онъ меня и спрашиваетъ: „Что, Михайлушка? генералъ Кукушкинъ бродуна въ лѣсъ зоветъ? на волю захотѣлъ?" — Смерть, какъ захотѣлъ, Филатъ Гаврилычъ! Хоть удавиться. — „Что жъ дѣлать-то? потерпи! отпустить тебя не можемъ: проболтаешься о насъ въ міру — худо намъ будетъ". Сталъ я божиться и клясться, что буду нѣмѣе рыбы. Подался Филатъ Гаврилычъ... Говоритъ: „Присягнуть въ томъ можешь?" — Съ моимъ удовольствіемъ. Потому какой же мнѣ разсчетъ есть васъ выдавать. Я человѣкъ скитающій, ухорѣзовецъ, отъ полиціи бѣгаю, а у васъ всегда могу имѣть пріютъ безъ всякой опаски... Согласился уставщикъ, что рѣчи мои правильныя... Коли такъ, — ладно! жди себѣ милости!.. На первомъ же радѣньѣ покатился мой Филатъ покотомъ: корчи, пѣна у рта, глаза вылѣзли на лобъ... Таевцы рады — взметались, орутъ: „накатилъ! накатилъ!" Началъ Филатъ выпѣвать:

Ужъ ты, вѣрный мой Тай,
Живи да поживай,
Міръ свѣтомъ награждай!
Міръ покорствуетъ врагу
Пошли вѣрнаго слугу,
Чтобы міръ просвѣтилъ,
Ко Таю пріютилъ...

Да съ этими словами — ко мнѣ: — Радуйся, рабе! въ міръ идти тебѣ... Тутъ сейчасъ всѣ — въ ноги мнѣ: значитъ, я сосудъ избранный, если мнѣ отъ Духа вышло такое указаніе. И съ этого вечера — не то, что меня задерживать, а еще поторапливать стали:

— Чего сидишь — не уходишь? не отвѣтить бы намъ за твое промедленіе!.. — А когда я уходилъ, наградили меня и деньгами, и одеждой... добрые ребята. Положимъ, на что имъ въ лѣсу деньги? Игрушки! Но мѣховъ, шкурья всякаго у нихъ — до ужасти. Колй въ нашихъ лѣсахъ куница вывелась, а таевцы ее еще и по-сейчасъ бьютъ. Стало быть, глушь!

— Приводилъ ты потомъ кого-нибудь къ таевцамъ? — спросилъ Конста.

— Сколько разъ. Какъ зима прохватитъ безъ хлѣба и одежи, такъ, бывало, и плетешься въ Тай и товарища ведешь съ собою, — вотъ, молъ новая овца... Знамое дѣло, выбиралъ изъ ребятъ, которые понадежнѣе. Инымъ Тай такъ полюбился, что не захотѣли возвращаться въ міръ: по сю пору тамъ живутъ, семьями обросли. Даже изъ Волкояра къ нимъ не разъ хаживалъ, — просто, уже такъ, на побывку, чтобы старая слава не заросла мохомъ... Антипа-Пчелинца, Божьяго старичка, таевцы тоже знали и очень почитали его, хотя и думали, будто колдунъ. Намъ его имя на пользу будетъ. Однако, вотъ уже четыре года, какъ я въ Таѣ не гостевалъ. Поди, много знакомцевъ перемерло. Да это — наплевать. Только бы Филата Гаврилыча застать въ живыхъ.

Лѣсъ все густѣлъ. Огромный зеленый міръ отдѣлилъ бѣглецовъ отъ Унжи... А въ Волкоярѣ спали еще спокойно, ничего не предчувствуя, никакой бѣды не предвидя.

III.

На крыльцѣ новосрубленной избы — одной изъ самыхъ нарядныхъ въ Таѣ — стояла молодая женщина. Прислонясь къ витому столбику крыльца, она лѣниво щелкала подсолнухи, безразлично глядя въ даль большими сѣрыми глазами.

Въ избѣ, между тѣмъ, было не совсѣмъ ладно. Черезъ сѣни доносились голоса мужчины и женщины, крѣпко повздорившихъ между собою.

— Наплевать же, коли такъ! не хочешь, — не надо! и одни не пропадемъ, — крикнулъ злымъ теноромъ мужчина и, хлопнувъ дверью, вышелъ на крыльцо. Вслѣдъ ему раздался сердитый, насмѣшливый хохотъ. Вышедшій дышалъ тяжело, и гнѣвный румянецъ игралъ на его лицѣ.

— Дьяволы! право, дьяволы! — ворчалъ онъ, садясь на ступеньки.

Женщина сѣла рядомъ съ нимъ и ласково положила ему руку на плечо. Она совсѣмъ перемѣнилась, какъ только онъ появился на крыльцѣ; лицо ожило, глаза засвѣтились...

— Что, Конста? опять поругался съ мамой?

Конста отчаянно махнулъ рукою.

— Да развѣ съ нею сговоришь?! Одурѣла она, сидя здѣсь въ трущобѣ съ фармазонами. Какъ пень! ничѣмъ не сдвинешь. Уперлась на своемъ: — Мнѣ и здѣсь хорошо, никуда я дальше не пойду и не поѣду, отъ добра добра не ищутъ... чего вамъ съ Зинкой не сидится на мѣстѣ? На волѣ князь Александра Юрьевича сыщики по всей Волгѣ рыщутъ, а здѣсь мы — какъ у Христа за пазушкой, въ раю. Куда васъ тянетъ? Сами не знаете!.. Сыты, обуты, одѣты, любиться запрета нѣтъ; люди васъ по мнѣ почитаютъ,

въ поясъ вамъ кланяются...—Тьфу! да нешто мы за тѣмъ изъ Волкояра уходили, чтобы весь вѣкъ смотрѣть сквозь болотную дыру на сосны да ели?.. Я и то тебѣ, Зинушка, удивляюсь, какъ ты еще меня съ утра до ночи не пилишь пилой: обѣщалъ показать весь свѣтъ, а взамѣнъ того усадилъ въ бучило...

Зина засмѣялась.

— Право, такъ!.. „Почетъ", говоритъ... Ну, какъ же! пророчица... находитъ на нее, вишь ты, — „накатываетъ". И откуда въ самомъ-дѣлѣ взялось?! „Аще" да „абіе", „елицы" да „не пецытеся"... Вретъ такое, инда у самой, поди, отъ страха духъ занимается. А эти,— Конста презрительно кивнулъ на улицу, — слушаютъ, разинувъ рты: „матушка, ты наша! свыше тебѣ это... духомъ... свыше накатило!.." Вѣрятъ. Что дивнаго? Во враньѣ лиха̀ бѣда-начало, а тамъ до того доврешься, что и самъ себѣ вѣрить начнешь... Погоди: и впрямь себя позабудетъ — и пророчицей, и богородицей вообразитъ. Только я то ужъ — дудочки! совѣсть имѣю. Ни въ пророки, ни въ Христы! На смѣлое дѣло — куда хочешь, но морочить умы человѣческіе шарлатанствомъ — съ души воротитъ. Что грѣха! что отвѣта на себя беретъ! У! глаза не смотрѣли бы... Зинка, голубка! сказывай правду, не скрывайся: очень тебѣ тошно здѣсь?

— Конечно, тоскливо... ну, да въ Волкоярѣ хуже было... Здѣсь все же воля.

— Какая воля, Зинушка? какая воля?! Мы вонъ при людяхъ даже по имени не смѣемъ назвать другъ друга. Ты въ Натальи, я въ Митьки попалъ... Крещеныхъ именъ лишились... какая тутъ воля? Запрятались — медвѣжье племя — сюда въ лѣса отъ начальства, а сами промежъ себя устроили такую каторгу, что и заправская не хуже. Одни ихнія ра-

дѣнья да постныя рѣчи могутъ изсушить человѣка... А Гайтанчикъ?! Ухъ! вотъ на кого у меня руки чешутся... Что онъ — все еще пристаетъ къ тебѣ? — угрюмо спросилъ Конста, понижая голосъ.

— Пристаетъ, — съ искренней досадой отозвалась молодая женщина. — Намедни у колодца... маломало я его ведромъ не хватила...

— Не ведромъ, а коломъ бы его слѣдовало! — ворчалъ Конста, — ишь, дѣвушникъ! А вѣдь какое благочестіе на себя напускаетъ... Эхъ! кабы таевскіе старцы не дубье были, началить бы имъ, да началить этого Гайтанчика лѣстовками, да вервами [1] сперва съ утра до вечера, а потомъ съ вечера до утра. Однако, это дрянь-дѣло, что онъ къ тебѣ лѣзетъ... Ты съ нимъ держи себя на политикѣ. До баловства не допускай, а насчетъ ведра оставь! Погоди. Распутаемся мы съ нимъ въ своихъ дѣлахъ, — тогда и ведромъ можно...

— Да что съ нимъ нѣжничать-то? что онъ за власть такая?..

— Не власть, Зинушка, а хуже. Нуженъ онъ намъ, крѣпко нуженъ. Онъ — медвѣжій паспортистъ.

— Что-о-о? — Зина расхохоталась, — нешто у медвѣдей паспорта бываютъ?

— У медвѣдей не бываетъ, а есть такіе люди, что состоятъ хуже, чѣмъ на медвѣжьей линіи: вотъ какъ мы съ тобой. Имъ-то и мастеритъ Гайтанчикъ паспорта.

— Фальшивые?

— Извѣстное дѣло, не настоящіе. Но у него это тон-

[1] Верва — родъ полотенца, которымъ „люди Божьи" повязываются на своихъ радѣніяхъ.

ко поставлено. Чиновника какого-то имѣетъ въ товарищахъ — тотъ ему и форму всю соблюдаетъ, и печать заправскую прикладываетъ... Барыши дуванятъ: полъ на полъ. Гайтанчиковы паспорта, хоть и дороги, да хороши — безъ промашки. За то и гуляютъ по всей Волгѣ: всѣ раскольничьи попы по нимъ бѣгаютъ.

— И намъ онъ работаетъ?

— Мнѣ, тебѣ и матери. По пятисотъ цѣлковыхъ отъ паспорта взялъ. Да вотъ пятый мѣсяцъ за носъ водитъ. Спасибо еще, что я догадался перерѣзать бумажки А то бы и вовсе надулъ, пожалуй... На половинкахъ-то далеко не уѣдетъ.

— Поэтому, какъ только Гайтанчикъ выправитъ намъ паспорта, мы и уйдемъ.

— Да, если мать согласится. Безъ ея воли таевцы насъ не отпустятъ.

— Значитъ, здѣсь намъ съ тобой и вѣкъ свѣковать. Никогда мама Матрена не согласится. Ты и споришь съ нею напрасно. Только портишь себѣ кровь. Вѣдь надо же правду сказать: живетъ она здѣсь, какъ сыръ въ маслѣ катается. Королева! Хочетъ — казнитъ; хочетъ — милуетъ.

— Да что̀ за сласть королевствовать въ трущобѣ?

— На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Опять же... все что ли сказывать?

— Ну?

Зина засмѣялась.

— Парни таевскіе очень ей по сердцу пришлись. Романы развела.

— Тьфу!.. на пятый десятокъ повернула баба, — пора бы и бросить дурь.

— Кто же ей дастъ эти годы? Она еще — хоть куда. А потомъ... не очень осуждай! Посидѣлъ бы ты, какъ мы сидѣли въ волкоярской клѣткѣ. Не-

хотя сбѣсишься! Не диво, что, когда вырвешься на свободу, такъ разгуляешься, какъ конь безъ узды... Неволя чудеса дѣлаетъ. Кабы не она, развѣ гуляли бы мы съ тобой по дремучимъ лѣсамъ? Хитеръ, уменъ папаша, а самъ своими руками выдалъ меня тебѣ. Держи онъ меня, какъ слѣдуетъ держать дочь, ты бы не смѣлъ на меня глазъ поднять... и вѣдать бы я не вѣдала, каковъ таковъ Конста живетъ на свѣтѣ.

— Не говори такъ! — хмуро перебилъ Конста, — не люблю я...

Зина, смѣясь, легла ему на плечо.

— Чего не любишь, глупый? Твоя вѣдь, вся, какъ есть твоя. Никто не отниметъ — не бойся! Ничего для тебя не пожалѣла, имя свое забыла, изъ дому ушла... чего еще надо?!

— Чего же Давыдокъ смотритъ, если мать гуляетъ? — заговорилъ Конста послѣ долгаго молчанія.

— Да вѣдь его въ Таѣ почти никогда не бываетъ... Самъ знаешь, каковъ онъ: третій день, какъ пропадаетъ въ лѣсу. Вонъ и теперь ушелъ въ лабазъ — медвѣдя подсиживать... Да и глупъ онъ. Вѣритъ.

— А что, если бы ему разсказать? — нерѣшительно пробормоталъ Конста. Зина покачала головой:

— Полно-ка, что̀ выдумалъ! Будто ты его характера не знаешь? Хочешь подвести подъ ножъ родную мать? Нѣтъ, ему не разсказывай, а маму Матрену пугнуть имъ, пожалуй, можно. — Сама, молъ, сиди въ Таѣ, сколько хочешь, а насъ отпусти. Не отпустишь — мы тебя уличимъ передъ Михайлой... будетъ тебѣ отъ него на орѣхи и на подсолнухи!

— Да, это можно...

— Я такъ думаю: она не отпускаетъ насъ потому, что ей жаль денегъ.

— Ну, да. И камушковъ этихъ твоихъ, брильянтовъ. Дернулъ же чортъ насъ сдать ей все на руки. Вотъ времена-то! Родной матери вѣрить не приходится.

— Откупиться бы какъ-нибудь? Хочешь, я съ нею потолкую? Договоримся, подѣлимся...

— Своимъ же добромъ?! — горько усмѣхнулся Конста, — за что? за какія радости?

— Какъ же иначе-то? Сдѣлали глупость, — надо выпутываться. Она особенно брильянтами дорожитъ; очень ужъ она утѣшаетъ ими таевцевъ... Надъ деньгами такъ дрожать не будетъ.

Конста молчалъ, злобно постукивая ногою.

— То есть, никогда я не прощу себѣ, что позволилъ Давыдку затащить насъ въ этотъ проклятый Тай! — вырвалось у него.

— Полно-ка! Если бы не Тай, гдѣ бы мы облаву переждали? У папаши денегъ довольно — хоть всю полицію по всей Россіи на ноги поднять. Ты за меня не тревожься, будто мнѣ скучно. Я уже не та, какъ ты меня изъ Волкояра увелъ. Воля умъ даетъ. Понимаю, что объ Одессѣ да о новыхъ мѣстахъ были только наши тюремныя мечты. Спасибо, что вырвались... А теперь будемъ жить, какъ жизнь ухватить себя дается.

— Ну, нѣтъ! На это моего согласія нѣтъ! Я — что въ мечтѣ намѣтилъ, къ тому и пойду. Не мнѣ жизнь, а я жизни долженъ быть командиръ.

Затихли.

— Темнѣетъ... ужинать, что ли, да и спать? — зѣвнула Зина.

— Извѣстно... Что̀ же еще дѣлать въ этой мурьѣ? Ползи по щелямъ, тараканы!

IV.

Самолюбіе Гайтанчика было сильно задѣто любовными неудачами у „Натальи-Чужачки“, какъ звали Зину таевцы: бѣглецы, кромѣ Михайлы Давыдка, хорошо знакомаго въ селѣ, скрыли свои настоящія имена. Баловень и кормилецъ Тая, Гайтанчикъ былъ любимцемъ сектантокъ. Онъ либо подкупалъ ихъ гостинцами, привозимыми изъ города, либо морочилъ фантастическою болтовней на радѣніяхъ, и потому ему легко давались „духовныя супружества“, — подводный камень хлыстовщины, самобытной отраслью которой, мутно и грубо смѣшанной съ остатками старой двуперстной обрядовой вѣры, была таевская секта. Рѣдкая дѣвушка въ Таѣ миновала хитрыхъ лапъ его: онъ билъ сороку и ворону, и яснаго сокола, не пропуская ни красавицъ, ни дурнушекъ. Мужчины на то не сѣтовали, а если и сѣтовали, то помалкивали. Ревность была не въ правилахъ Тая, такъ какъ браки считались явленіемъ лишь терпимымъ съ грѣхомъ пополамъ, но отнюдь не желательнымъ и непремѣннымъ. „Дѣвка — отъ Бога, баба — отъ дьявола“. Идеаломъ секты было „посестріе“, безбрачный союзъ, въ которомъ мужчины и женщины жили бы, какъ братья и сестры, въ ангельской любви, чуждые плотскихъ помышленій. Въ дѣйствительности же этотъ идеалъ сводился къ тому, что самымъ мудренымъ дѣломъ въ Таѣ было бы обрѣсти дѣвственницу старше пятнадцати лѣтъ. Таевцы, какъ и другіе „люди Божьи“: купидоны, подрѣшетники, — умѣли извинять свои грѣхи затѣйливыми толкованіями текстовъ. „Не согрѣшишь — не покаешься; не покаешься — проклятъ будешь!“ глубокомысленно говорили кормщики. Радѣнія почти всегда переходили въ разгулъ съ гашеніемъ огней и „хри-

стовою любовью". Тѣмъ болѣе, что таевцы — не въ примѣръ другимъ „людямъ Божьимъ" — не брезгали хмельнымъ возбужденіемъ. Водка была въ рѣдкость, но брагою хоть окачивайся.

Волкоярскіе бѣглецы появились въ Таѣ въ отсутствіе Гайтанчика: онъ ѣздилъ въ Астрахань по торговымъ дѣламъ. Вернулся мѣсяца черезъ полтора, — и не узналъ Тая: такъ успѣло вырасти на селѣ вліяніе Аксиньюшки - странницы, въ которую превратилась на таевской почвѣ рѣчистая Матрена-Слобожанка. Поладивъ съ уставщикомъ Филатомъ Гавриловичемъ, она одурила сектантовъ своими складными присказками, восторженнымъ враньемъ о снахъ и видѣніяхъ, предсказаніями и исцѣленіями. Какъ ни досадно было Гайтанчику, а приходилось стать на второе мѣсто: онъ упустилъ время бороться съ Аксиньюшкой; за нее стояло уже съ полсотни фанатиковъ, видѣвшихъ въ ловкой обманщицѣ сверхъестественное существо. Да еще Михайла... Гайтанчикъ зналъ, что̀ за птица богатырь-ухорѣзовецъ. И Конста, на взглядъ, тоже парень не робкихъ. Пока таевскій воротила раздумывалъ, какой политики держаться ему съ этой точно изъ тучи свалившейся семейкой, Аксиньюшка сама пошла къ нему навстрѣчу и предложила миръ и союзъ вмѣсто вражды и борьбы.

— Ты, Васильюшка, не сумлѣвайся, — откровенничала она за бутылкой сладкой наливки. — Ни обижать тебя, ни верха надъ тобою забирать, ни убыточить тебя — мы и въ мысляхъ не имѣемъ. Тай богатъ: и на тебя, и на меня хватитъ. Коли мы поссоримся, — пожалуй, мнѣ, пожалуй, тебѣ, а вѣрнѣе, что обоимъ будетъ плохо. А ежели поладимъ, оба свою пользу получимъ: рука руку и вымоетъ.

На первомъ же, послѣ этого объясненія, молитвен-

номъ сборищѣ Василій Осиповичъ повалился въ ноги Аксиньюшкѣ.

— Простите меня, братцы милые! — вдохновенно восклицалъ онъ, — ввелъ меня врагъ въ сомнѣніе: по правдѣ ли вы ходите, почитая Аксиньюшку-странницу. Велико было мое согрѣшеніе! Имѣлъ я со Аксиньюшкой тайную бесѣду. Всѣ сокровенныя мысли и дѣла мои она мнѣ повѣдала... кровные мои того не знаютъ, что̀ она вчужѣ духомъ возвѣстила. Воистину со облакъ труба живогласная!

Понятно, что покаяніе богача еще выше подняло Аксиньюшку въ глазахъ фанатиковъ и привлекло къ ней многихъ изъ тѣхъ, кто еще колебался. Въ богородицы возвести ее еще не рѣшались, — вѣрнѣе, у самой Аксиньюшки какъ-то языкъ не повернулся назваться. Но почитали ее величайшею пророчицею, какая только когда-либо являлась со времени старыхъ „живыхъ богинь“: Акулины Ивановны, Настасьи Карповны, Марьи Босой, Настасьи Зимихи, Арины Верижницы, Живая, Ходячая — Книга золотная, Книга животная, Книга голубиная, Въ ней, книгѣ, самъ сударь Духъ святой.

Убѣдясь, что Аксиньюшна — его поля ягода, Гайтанчикъ самъ убѣждалъ ее возвыситься и произвести себя въ богородицы, покуда не объявила себя таковою какая-нибудь другая лукавица.

— Не молоденькая я, — не рѣшалась Аксиньюшка. — Вѣры не имутъ.

— Помилуйте, матушка Аксинья Ѳедоровна! Какъ вѣры не взять? Что ваши за годы? Когда матушка Арина Нестеровна Суслова родила батюшку Ивана Тимофеевича, ей было сто лѣтъ!

— Эти сказки сто лѣтъ назадъ хороши были. Нынѣ народъ умудрился.

— Ну, такъ сношку свою богоданную, Наталью Андреевну, посвяти!

— Что ты! что ты! — испугалась Аксиньюшка. — Ты, Васильюшка, сына моего не знаешь. Онъ за Натальюшку и на ножъ посадитъ.

— Не посадитъ, коли весь народъ приговоритъ.

— Да и его въ петлѣ на горькой осинѣ видѣть мнѣ нисколько не желательно.

На „Натальюшку" Гайтанчикъ сперва не обратилъ вниманія. Красавицъ въ Таѣ было не занимать стать, а Зина пришла на зимовку, измаянная усталостью, волненіемъ и опасностями лѣсной дороги, да еще — въ томъ положеніи, которое болѣе всего отнимаетъ красоту у женщины. Загаръ, худоба и нескладно-полный сталъ уродовали ее до неузнаваемости.

Въ февралѣ Зина родила сына. Она не желала не только полюбить его, но даже и взглянуть на него. Повитуха, значительно подмигнувъ „Аксиньюшкѣ", завернула дитя въ тряпки, унесла ... а когда Зина оправилась, ей сказали, что мальчикъ ея родился мертвымъ и давно уже закопанъ подъ сосною въ лѣсу. Зина оказалась матерью не изъ чувствительныхъ, — даже не заплакала, встрѣчая эту вѣсть. Зато Конста скрежеталъ зубами. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ребенка, гордился имъ, успѣлъ заранѣе полюбить его, какъ любилъ самое Зину...

— Враки это, что онъ мертвый родился, — рычалъ онъ сквозь слезы, — я слышалъ, какъ онъ вскрикнулъ...

— Пѣтуха ты слышалъ, али котенка, а не дитя, — сухо возражала ему Матрена.

— Мать, не лги. Грѣхъ тебѣ!.. Удушили вы его...

— Такъ! Нашелъ душегубку! еще что придумаешь? Удушили? кому надо?

Онъ упросилъ повитуху указать ему мѣсто, гдѣ зарыли его сына. Та помялась немножко, сбѣгала за совѣтомъ къ „Аксиньюшкѣ“ и привела Консту къ маленькому бугру въ молодомъ сосновникѣ.

— Вотъ здѣсь.

Конста посмотрѣлъ старухѣ въ лживые глаза и промолчалъ, сдѣлавъ видъ, будто вѣритъ. Сотворилъ молитву, положилъ на бугоръ крестъ изъ мелкаго булыжника... Но на другой день пришелъ къ бугру уже одинъ, съ лопатой. Сколько ни рылъ, ничего, кромѣ кремней и корней, не нашелъ: никогда и никто не работалъ здѣсь заступомъ. Крѣпко задумался Конста:

— Куда же это онѣ его дѣвали? почему не хотятъ показать мѣста?

Морозъ побѣжалъ у него по кожѣ. Онъ вспомнилъ смутные слухи о полу-языческой хлыстовщинѣ старыхъ временъ, разсказанные ему матерью и Михайлой. Иныя секты убивали своихъ дѣтей, другіе — чужихъ: трупики сожигали въ печи, а пепелъ распускали въ винѣ и этимъ мѣсивомъ поили новичковъ „святого круга“... Неужели и прыгунки Тая держатся такого изувѣрства?.. Съ этихъ поръ онъ сталъ за много саженъ обходить „Сіонскую горницу“, а на радѣнія — ни ногой, такъ что самые усердные изъ таевцевъ начинали на него коситься.

— Съ чего ты растосковался? Въ толкъ не возьму, — недоумѣвала Матрена. — Ну, было дитя и нѣту, — эка невидаль! Вы съ Зинаидой люди молодые: другого дождетесь. А сейчасъ и прекрасно, что померъ. Вы, вонъ, идти куда-то затѣваете... Ребенокъ связалъ бы васъ по рукамъ и ногамъ; нѣтъ поклажи хуже этой!

Но Конста мрачно отмалчивался. Его беззаботная

веселость улетѣла, и онъ чувствовалъ, что ей не вернуться, пока надъ его головой будетъ висѣть сѣрое небо ненавистнаго Тая. Однако, выздоровленіе Зины немножко оживило его. Зина болѣла недолго. Когда она совсѣмъ оправилась и вошла въ тѣло, Гайтанчикъ увидалъ ее и ахнулъ, глазамъ не вѣря: такъ она похорошѣла. Привыкнувъ къ легкимъ побѣдамъ, тайскій султанъ не сомнѣвался, что „Натальюшкѣ" противъ него не устоять. Онъ — сила въ Таѣ, богачъ, умница, молодецъ изъ себя; и говорить, и подарить, и приласкать, и пригрозить мастеръ. А эта красавица, кажется, изъ немудреныхъ по уму, да и врядъ ли слишкомъ бережетъ себя, если не брезгуетъ любить прощалыгу-молокососа. Отбить ее не трудно.

Но Гайтанчикъ не зналъ — ни кто такіе „Натальюшка" - Зина и Конста - „Дмитрій", ни какъ они слюбились. Зина не умна, Зина себя не уберегла, — это вѣрно. Не любовь, а скука и случай отдали ее Констѣ. Но мало по малу бойкій, безстрашный, рѣшительный Конста увлекъ Зину дѣятельною страстностью своихъ мыслей, словъ и поступковъ; подчинилъ своему вліянію ея лѣнивую и ограниченно-упрямую голову. Зина безмолвно признала въ немъ хозяина и привязалась къ нему, какъ дикая лошадь къ укротившему ее объѣздчику. Конста отвѣчалъ беззавѣтною, самозабвенною страстью. Онъ не унижался предъ любовницей, не ползалъ у ногъ ея рабомъ, ждущимъ ласки, какъ милостивой подачки. У этого парня хватило характера не растеряться отъ счастія, выпавшаго на его долю. Онъ держалъ себя главою, обращаясь съ Зиной съ ласковою грубоватостью влюбленнаго побѣдителя. Онъ приказывалъ, а повиновалась она. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Зина знала, что ради нея Конста зубами перегрызетъ горло хоть родному бра-

ту; а если бы она ему измѣнила, онъ не задумается перегрызть горло ей самой. Энергія, съ какою Конста вырвалъ Зину изъ постылаго родного дома, его храбрость и нѣжность во время труднаго лѣсного перехода, — все это отозвалось въ душѣ Зины почти восторженнымъ удивленіемъ. Конста не умѣлъ нѣжничать, но умѣлъ любить и защищать любимую женщину; онъ заставилъ ее уважать себя. Беременность еще больше развила въ Зинѣ чувство неразрывной принадлежности отцу ожидаемаго ребенка. Привязанность обратилась въ страстную преданность. Конста, съ своей стороны, объ одномъ думалъ, — какъ бы поскорѣе сдѣлать Зину свободной, богатой и счастливой, чтобы она никогда не пожалѣла, что довѣрила ему свою судьбу.

Такъ любили они другъ друга — грубо, но крѣпко и прочно. Гайтанчикъ сунулся въ воду, не спросясь броду. Зина и смотрѣть на него не хотѣла. Зато Конста сталъ такъ поглядывать на медвѣжьяго паспортиста, точно говорилъ глазами:

— Хорошій ножикъ за голенищемъ припасъ я про тебя, пріятель!

Гайтанчикъ былъ не изъ трусливыхъ, считался силачемъ и ловкачемъ, и терпѣть не могъ отступать отъ однажды намѣченной цѣли. Долго ломалъ онъ себѣ голову: какимъ же, наконецъ, способомъ покорить упрямую красавицу, — и нашелъ.

V.

Когда бѣглецы пришли въ Тай, Михайла Давыдокъ, — опасаясь, что если таевцы узнаютъ, кто такая Зина, то побоятся принять ее къ себѣ, — сочинилъ, при помощи Матрены, довольно складную

исторію, какъ и откуда взялась ихъ молодая спутница. Таевцы считали „Натальюшку“ купеческой дочерью, которая такъ разревновалась о правой вѣрѣ, будучи просвѣщена въ ней премудрой „Аксиньюшкой“, что ушла за нею изъ родительскаго дома въ невѣдомое странствіе. А тамъ „духъ“ указалъ ей въ лицѣ „Митрія“ — то есть Консты — духовнаго супруга... Такіе случаи въ старомъ Поволжьѣ бывали не въ рѣдкость. Что касается до самой „Аксиньюшки“, то объ ея происхожденіи никто не спрашивалъ; она сразу слишкомъ ошеломила таевцевъ, какъ вошла въ село, поющая, восклицающая, прорицающая, съ откровеніями на вдохновенныхъ устахъ, съ пламенными удивительными рѣчами, лепетами и бормотаніями. Она называла по именамъ никогда не виданныхъ ею таевскихъ мужиковъ и бабъ (всю дорогу по лѣсамъ твердилъ ей Михайло Давыдокъ примѣты своихъ старыхъ знакомцевъ), разсказывала давнія таевскія были и превосходно исцѣлила двухъ скотницъ, бросившихся къ ногамъ ея, умоляя о помощи. Ко всему вдобавокъ, въ Тай она прибыла необыкновенно во-время и кстати, чтобы прекратить начинавшійся расколъ, такъ какъ нѣкій Ѳедотъ Муруга поднялъ старый и вѣчный во всякой хлыстовщинѣ вопросъ:

— Иконы мы отметаемъ. А надобенъ ли крестъ и правильно ли поступаемъ творя крестное знаменіе?

И училъ, что — нѣтъ, ибо крестъ есть орудіе казни Христовой:

— Аще кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ ли древо то любо быти царю? Тако же крестъ Богу.

За Муругу стояло нѣсколько дворовъ, за крестъ — весь Тай. Смута и склока была велія. Уже дирались, а ругались, состязаясь въ словопреніяхъ, изо дня въ

день, заурядъ. Аксиньюшка побѣдила еретичествующаго Ѳедота не текстами, но практическимъ вопросомъ:

— Человѣче — рекла она. — Какъ же ты, въ лѣсу живя, крестъ отметаешь? Чѣмъ же ты отъ себя лѣшаго отженишь? Или ты уже и въ лѣшаго не вѣришь?

Такого дерзновенія, чтобы не вѣрить въ лѣшаго, Ѳедотъ Муруга на себя не принялъ. Тогда его немножко побили, и онъ раскаялся.

Всѣ эти знаменія установили чудесность Аксиньюшки слишкомъ очевидно. Передъ нею благоговѣли; допытываться ея тайнъ считали грѣхомъ, опаснымъ дерзновеніемъ. Сами бѣглецы держались осторожно и скрытно, а Зина, къ тому же, и по натурѣ была не изъ говорливыхъ.

Гайтанчикъ въ первое время пробовалъ разспрашивать бѣглецовъ обинякомъ и прямо. Зина упорно молчала, Конста хитро вилялъ языкомъ, а Давыдокъ разъ навсегда отрубилъ коротко и ясно:

— Отойди ты отъ меня, распостылая душа, покуда цѣлъ! Или первый годъ знакомы? Пора тебѣ знать мой характеръ. И при этомъ выразительно показалъ свой богатырскій кулачище.

Матрена же, хотя кулакомъ не грозила, но зато несла несуразную околесицу о горныхъ странахъ, молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ; Гайтанчикъ, какъ ни былъ привыченъ къ вранью „святого круга", впадалъ, подъ градомъ этого пустословія, почти что въ столбнякъ и лишь безпомощно хлопалъ глазами. А Матрена смотрѣла на него загадочно и насмѣшливо.

— Что, молъ, другъ, каковы мы? Вотъ ты насъ и раскуси.

— И раскушу! — съ мысленною злобою возражалъ ей Гайтанчикъ.

Въ качествѣ купеческой дочки, изнѣженной въ богатомъ домѣ, Зина пользовалась въ Таѣ большими льготами, — ее не заставляли работать, такъ какъ она считалась на послухѣ у матушки „Аксиньи", а это, по согласію съ уставщикомъ, насколько было возможно, удаляло ее и отъ радѣній, безобразія которыхъ, при красотѣ Зины и ревности Консты, дѣйствительно, могли бы въ одинъ печальный вечеръ разрѣшиться весьма непріятно. Такимъ образомъ, Зина была въ Таѣ ничуть не меньше барышнею, чѣмъ въ Волкоярѣ, а скорѣе больше: здѣсь она могла ходить, куда хотѣла, видѣться и говорить, съ кѣмъ хотѣла. У нея завелись на селѣ пріятельницы... Отъ одной изъ нихъ она возвращалась въ сумеркахъ домой, какъ вдругъ, въ узкомъ проходѣ между двумя плетнями, передъ нею, точно изъ-подъ земли, выросъ Гайтанчикъ.

— Добраго здоровья, Наталья Андреевна, — сказалъ онъ, вѣжливо снявъ картузъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ ногу черезъ тропинку такъ, чтобы Зинѣ никакъ нельзя было его обойти.

— Пропустите меня, Василій Осиповичъ, — съ сердцемъ сказала молодая женщина, убѣдившись, что Гайтанчикъ задерживаетъ ее нарочно.

— Мнѣ вамъ два словца надо молвить, Наталья Андреевна, — продолжалъ Гайтанчикъ, не отнимая ноги. — Что же, такъ промежь насъ попрежнему и будетъ?

— Чему быть-то, коли ничего и не было? — Зина гнѣвно пожала плечами.

Гайтанчикъ засмѣялся:

— И за что ты меня любить не хочешь, — ума не приложу. Всякая дѣвка въ Таѣ рада была бы, кабы я взялъ ее во вниманіе, а ты отъ меня носъ

воротишь... Чѣмъ плохъ? Чѣмъ лучше меня твой Конста?

Зина вздрогнула... Гайтанчикъ смотрѣлъ на нее съ усмѣшкой:

— Что? Видишь, каковъ Василій Осиповъ! Отъ него, другъ, не укроешься, какимъ именемъ ни назовись. И про Консту я все доподлинно развѣдалъ, и про тебя, ваше сіятельство, княжна Зинаида Александровна, слухомъ земля полнится.

— Молчи! — удушливымъ шопотомъ прервала его Зина. Даже въ сумеркахъ Гайтанчикъ видѣлъ, что она побѣлѣла, какъ мѣлъ.

— Вотъ видишь, — заговорилъ онъ, понизивъ голосъ, — я человѣкъ сильный и обижать меня, какъ ты обижаешь, — не дѣло. Знаю все: какъ вы ушли изъ Волкояра... А вѣдь отецъ-то тебя ищетъ...

Зина въ изнеможеніи оперлась о плетень. „Отецъ тебя ищетъ". Весь стихійный ужасъ, вся необъятная ненависть, какую чувствовала она къ отцу, но позабыла въ спокойной таевской жизни, вспыхнули съ новой силой...

— Чего же тебѣ надо? — глухимъ голосомъ спросила она Гайтанчика.

— Извѣстно чего... Не дуракъ: коли не по нраву я тебѣ, такъ небось, хозяйкой не зову и не возьму. А только отступиться мнѣ отъ тебя — никакъ невозможно...

Онъ протянулъ руки, желая обнять Зину. Она выпрямилась и крѣпко ударила его по рукамъ.

— Пошелъ прочь... скотина! — крикнула она.

Глаза Гайтанчика засверкали:

— Ого! вотъ какъ? Такъ ты и теперь еще будешь кобениться? Ладно. Только знай: если ты мнѣ не покоришься, я ни тебя, ни Тая не пожалѣю. Пря-

мо вотъ съ этого мѣста ударюсь въ лѣсъ, а черезъ сутки, другія, будутъ здѣсь солдаты, и ужъ выпутывайтесь вы съ Матреной и съ Констой у стараго князя, какъ сами знаете... Онъ вамъ шкуры-то поспуститъ.

Зина не отвѣчала... Гайтанчикъ приблизился къ ней и вкрадчиво заговорилъ:

— А кабы ты меня послушалась, тебѣ не худо будетъ. Я вѣдь знаю, что и тебѣ, и Констѣ твоему Тай опротивѣлъ пуще Волкояра. Только уйти вамъ некуда: безпаспортные вы. Давно уже Конста просилъ меня купить ему паспорта. Признаться, я и купилъ, и съ мѣсяцъ уже лежатъ они у меня въ сумѣ, да все сумлѣвался отдавать ему... Думалъ — можетъ, на что и самому пригодятся... Анъ, такъ на мое и вышло.

Онъ полѣзъ за пазуху, въ карманъ поддёвки и вынулъ бумаги.

— Видишь: все есть — и печати, и подписи... Хоть на государственную службу поступай по такимъ видамъ... Конста далъ мнѣ за нихъ на полторы тысячи половинокъ... дьяволъ съ ними! пусть другія половинки пропадаютъ! Вотъ каковъ широкъ Василій Осиповъ! Я тебѣ даромъ отдамъ паспорта... только прибѣги въ вечеру на мое гумно, что у болота... Придешь?

— А если не приду? — шопотомъ, сквозь зубы, сказала Зина.

— Тогда вотъ тебѣ мое слово: не знавать бы мнѣ ни отца, ни матери, коли я не наведу на Тай начальства, а допрежь того поразскажу таевцамъ, что вы за птицы и подъ какую бѣду подвели ихъ обманомъ. Много ли отъ васъ останется, какъ народъ примется васъ трепать?

— Кто тебѣ повѣритъ?! — отозвалась Зина.

— Повѣрятъ, небось, не на дурака напали. Тоже въ городѣ чиновниковъ знакомыхъ имѣю. Дали мнѣ и бумагу казенную съ печатью, чтобы задержать васъ, коли гдѣ встрѣчу, и примѣты ваши всѣ въ той бумагѣ описаны. Сколько ни ври твоя Матрена „духомъ", а духъ, братъ, противъ казенной бумаги ничего не стоитъ. А что ты, можетъ быть, думаешь, что я Тая пожалѣю, того не воображай. Потому съ какого бѣса мнѣ его жалѣть? Народъ пустой и глупый, и торговля по нынѣшнему времени пошла самая жидкая... Укажу притонъ, — начальство взыщетъ меня своими милостями, медаль повѣситъ.

Зина глядѣла въ землю и что-то соображала. Подъ сумерки лицо ея не было уже ясно Гайтанчику; но ему казалось, что она колеблется.

— Скоро ль приходить-то? — услыхалъ Гайтанчикъ ея сдавленный шопотъ.

— Ой ли! — радостно воскликнулъ онъ, — стало быть, шабашъ, рѣшено? Придешь? Ай, молодецъ-дѣвка! А я — какое хочешь съ меня заклятье возьми — тебя не обману: передамъ паспорта изъ рукъ въ руки... Но ежели надуешь, не видать ихъ вамъ съ Констою, какъ своихъ ушей, хоть заплати вы мнѣ не полторы, а полтораста тысячъ.

— Приду! — сурово сказала Зина. — Только грѣхъ тебѣ, большой грѣхъ, Василій Осиповичъ!

— Полно-ка ты, — самоувѣренно засмѣялся Гайтанчикъ, обнимая ее за плечи, — не согрѣшишь, такъ не покаешься. Мы грѣхъ во грѣхъ, а зернышко въ ротъ. Какой грѣхъ? Грѣхъ — отъ заповѣди, которую Богъ полагаетъ. Есть заповѣдь, — стало быть, и грѣхъ противъ нея есть. Нѣтъ заповѣди, — и грѣха нѣтъ. А мы здѣсь въ лѣсу сами себѣ и боги,

и богини, и заповѣдей на себя никакихъ не полагаемъ. Откуда же грѣху быть? Вонъ видишь — ту сосну? Какъ стожары станутъ надъ ней хвостомъ, такъ и буду тебя ждать... Ладно, что ли?

— Ладно... А теперь пусти меня: меня дома заждались, небось, Конста и такъ ужъ ума не приложитъ, куда я запропастилась. Пусти.

— Такъ вѣрно твое слово? Не обманешь?

— Гдѣ ужъ обмануть, коли ты такими страстями грозишься?

Гайтанчикъ съ грубой ухваткой поцѣловалъ ее въ губы и выпустилъ изъ рукъ.

— Ну, ступай... да помни: жду.

— Эхъ ты... хорошая! — весело крикнулъ онъ вслѣдъ исчезающей во тьмѣ Зинѣ.

А она, добѣжавъ до дому, была такъ взволнована, что не посмѣла войти въ горницу, гдѣ, кромѣ Матрены и Консты, было еще нѣсколько чужихъ. Она боялась, чтобы ея блѣдность не показала этимъ людямъ, что съ нею случилось неладное. Она отворила дверь и, оставаясь въ сѣняхъ, вызвала Консту.

Конста, выслушавъ ея разсказъ о встрѣчѣ съ Гайтанчикомъ, ничего не сказалъ, только зубами заскрипѣлъ.

— Такъ ты говоришь: паспорта у него въ карманѣ? — спросилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.

— Сама видѣла.

Конста злобно ухмыльнулся.

— Ну, если такъ, быть по его!.. Иди.

Зина всплеснула руками.

— Да что ты, Конста? Въ своемъ ли умѣ?

— Иди, говорятъ! — настойчиво прикрикнулъ Конста. — Небось, не пошлю тебя на худо.

— Да вѣдь онъ охальникъ, Конста... Ты подумай...

— Иди. Ничего не бойся. На охальство его управа найдется... А паспорта эти — намъ все равно, что жизнь. Хоть разорваться, а достать ихъ надо безпремѣнно.

VI.

Ночка выдалась хмурая. Луна въ ущербѣ лѣниво ползла отъ тучи до тучи, едва успѣвая послать землѣ лучъ-другой тусклаго свѣта. Было сыро и туманно; муть стояла въ воздухѣ. Зина ощупью кралась между хорошо знакомыми ей плетнями. Ни живой души не попалось ей навстрѣчу. Констѣ пришлось силой вытолкнуть ее изъ сѣней на крыльцо, — такъ жутко было ей предстоящее свиданіе. Ее мучило предчувствіе грозной, неотвратимой бѣды. Гайтанчикъ былъ ей всегда противенъ; но теперь — послѣ наглыхъ угрозъ — она его ненавидѣла.

— Скорѣй умру, чѣмъ сдамся, — злобно думала Зина.

Поведеніе Консты сбивало ее съ толку. Зачѣмъ посылалъ онъ ее на свиданіе съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, развратнымъ и влюбленнымъ въ нее? Зачѣмъ — если ужъ нельзя было поступить иначе — не пошелъ онъ, по крайней мѣрѣ, слѣдомъ за нею, чтобы охранить ее отъ вѣрной обиды?

Конста вытолкнулъ Зину на улицу, а самъ, въ ту же минуту, точно сквозь землю провалился.

Когда Зина рванулась было назадъ въ избу, въ сѣняхъ уже никого не было. Она пошла, и, чѣмъ ближе подходила къ гумну Гайтанчика, тѣмъ медленнѣе становился ея шагъ, тѣмъ сильнѣе замирало въ ней сердце.

Гайтанчикъ поджидалъ дѣвушку, сидя на снопѣ

прошлогодней соломы. Зина молча остановилась предъ нимъ.

— Ага... пришла таки — сказалъ онъ, и Зина удивилась, какъ хрипѣлъ и дрожалъ его голосъ.

— Ну, садись, гостья будешь...

Онъ взялъ Зину за руки и притянулъ къ себѣ.

— Паспорта-то... — прошептала Зина, стараясь отвернуться отъ взглядовъ и дыханія своего врага.

Гайтанчикъ обнималъ ее за плечи.

— Паспорта — что? — засмѣялся онъ — ты не бойся, не надую, вотъ они здѣсь...

Онъ дотронулся до кармана.

— А теперь... ты сперва меня лаской утѣшь, любовнымъ словомъ подари.

— Эхъ, Василій Осиповичъ, — съ горькою досадой воскликнула Зина, стараясь сбросить съ плеча крѣпкую руку Гайтанчика.

— Чего тамъ: Василій Осиповичъ! Что я Василій Осиповичъ, о томъ сорокъ годовъ знаю... Ты, что-нибудь поновѣй скажи... Да что ты рвешься? Чѣмъ я тебѣ ужъ такъ не любъ?

— Не любъ!.. да развѣ эдакъ — грозою да мукою — станешь любымъ? Видишь: покорилась, пришла, — потому, какъ не прійти подъ смертнымъ-то страхомъ? Ну, а чтобы любить, это ужъ прости: сердцу не прикажешь.

— Консту же своего любишь, — угрюмо возразилъ Гайтанчикъ, — экое сокровище обрящи!

— Кому плохъ, а мнѣ хорошъ. Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ. Такъ-то, Василій Осиповичъ.

Гайтанчикъ молчалъ.

— Скажешь: вы безъ грозы живете? — насмѣшливо началъ онъ, — не ври! слыхалъ я тоже, какъ вы

вздорите... Ругаетъ тебя, какъ послѣднюю... Княжна!.. Чай, и бивалъ не разъ...

— Пальцемъ никогда не тронулъ, — горячо вскрикнула Зина, — грѣхъ тебѣ такъ говорить, Василій Осиповичъ... А что ссоримся, такъ это наше дѣло: между мужемъ и женою никто не судья... Да еще я тебѣ скажу, — разгорячилась она, — кабы и случился такой грѣхъ, чтобы побить, такъ и то полъ-бѣды; я бы ему того въ вину не поставила. Не со зла побилъ бы, а сгоряча: меня же крѣпко любя, отъ большого сердца... Небось, я не забуду, какъ Конста меня уводилъ изъ Волкояра, коли ты ужъ довѣдался про это наше дѣло... Не дуракъ онъ былъ — зналъ, что, попадись онъ отцу въ руки, — грозенъ мой родитель живьемъ скормилъ бы его борзымъ собакамъ. Зналъ — и ничего не побоялся, на муку и смерть шелъ — лишь бы меня вызволить изъ неволи.

— Да въ неволю же и привелъ, — презрительно перебилъ Гайтанчикъ, — и сидите вы оба у меня въ кулакѣ, хочу — раздавлю, хочу — помилую. Да такъ ужъ и быть! не хочешь любить, — и не надо... Эка, подумаешь, невидаль какая! мало васъ, дѣвокъ, что ли? Я и звалъ-то тебя сюда больше для того, чтобы покуражиться, поучить тебя, глупую: не зазнавайся, не фыркай на добрыхъ людей... а то ужъ больно высоко вы со своей матушкой — живыя богини болотныя — носы святые подняли. На, получай свои бумаженки, — неожиданно прибавилъ онъ, небрежнымъ движеніемъ вынимая изъ кармана тщательно свернутые паспорта.

Изумленная Зина приняла ихъ, сама себѣ не вѣря: что это вдругъ сдѣлалось съ Гайтанчикомъ?

Въ рѣчахъ его, кромѣ глубокой досады, слышалось что-то затаенное, точно онъ затѣялъ штуку и,

себѣ на умѣ, ждетъ, какъ бы ее половче разыграть... Оба молчали. Гайтанчикъ снялъ свою руку съ плеча молодой женщины и посвистывалъ, глядя на бѣгущія облака.

— Стало быть, мнѣ можно уходить? — робко спросила Зина.

— Извѣстно... — отозвался Гайтанчикъ голосомъ скучливымъ и равнодушнымъ. — На что ты мнѣ? Бѣги... чай, дома схватились.

Зина радостно поднялась съ мѣста.

— Ну, спасибо же тебѣ, Василій Осиповичъ, — развязалъ ты меня, освободилъ отъ грѣха мою душу! вотъ какое спасибо — низкое, до самой земли.

— Ладно, ладно, ступай ужъ! чего тамъ?.. — отмахивался Гайтанчикъ, точно отъ надоѣдливой мухи.

Зина еще разъ поклонилась ему въ поясъ и пошла... Но, едва она повернулась къ Гайтанчику спиной, какъ двѣ сильныя руки схватили ее за бока и подняли на воздухъ.

— Ахъ! — звонко пронесся по лѣсу ея вопль.

Гайтанчикъ швырнулъ молодую женщину на токъ. Сильно ударившись о землю затылкомъ, она чуть было не лишилась сознанія. Но страхъ придалъ Зинѣ силы. Увидавъ надъ собой лицо Гайтанчика, она ударила его въ носъ кулакомъ. Разбойникъ зарычалъ и схватилъ молодую женщину за горло. Теплыя капли крови падали съ его лица.

— Ты такъ-то... такъ-то! — шипѣлъ озвѣрѣвшій Гайтанчикъ, колотя Зину плечами о токъ. Онъ истопталъ колѣнями ея грудь; она уже задыхалась подъ его желѣзною рукой.

Но изъ-за овина вывернулось и свалилось прямо на спину Гайтанчика тяжелое черное тѣло. Озадаченный и оглушенный разбойникъ выпустилъ изъ рукъ

свою жертву и покатился въ неистовой борьбѣ съ нежданнымъ врагомъ. Онъ сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, и ничуть не струсилъ.

— Врешь, парень, не на таковскаго напалъ, — бормоталъ онъ, стараясь стряхнуть со своихъ плечъ Консту, а тотъ, ослѣпленный злобой и ревностью, тщетно шарилъ за голенищемъ, нащупывая припасенный про Гайтанчика ножъ.

Зина, шатаясь, поднялась съ земли и прислонилась къ стѣнкѣ овина. Она совсѣмъ обезсилѣла. Ротъ ея былъ полонъ кровью. Она смотрѣла на катавшихся у ногъ ея враговъ, едва соображая уже, что происходитъ.

Гайтанчикъ сбросилъ таки съ себя Консту, быстрымъ движеніемъ выбилъ изъ его руки ножъ и подмялъ парня подъ себя. Не спохватился Конста: правая рука подвернулась подъ туловище и онѣмѣла, придавленная, — остался Конста съ одною лѣвою рукой, а ее Гайтанчикъ схватилъ въ желѣзное запястье, между тѣмъ какъ правыми пальцами впился въ горло Консты — и всею тяжестью тѣла на врага своего налегъ. У Консты кости затрещали. Онъ понялъ, что погибъ, и, молча, яростными глазами смотрѣлъ въ лицо врага, силясь вдохнуть какъ можно больше воздуха, чтобы хоть нѣсколько лишнихъ мгновеній вытерпѣть давленіе лапы Гайтанчика. Голова у него хотѣла лопнуть отъ прилива крови; жилы опухли; въ груди — точно сто кузнечныхъ молотовъ колотило...

Зина кинулась къ нему на помощь, но Гайтанчикъ ударомъ ноги отбросилъ ее къ овину. Оглядѣвшись, Зина замѣтила на току старый сломанный цѣпъ. Конста глухо захрипѣлъ и началъ страшно вздрагивать всѣмъ тѣломъ; Гайтанчикъ выпустилъ его обезсилен-

ную руку; скрюченные пальцы зря ловили воздухъ. Гайтанчикъ, продолжая держать одной рукой противника за горло, другою искалъ оброненный Констою ножъ.

Тогда Зина, забѣжавъ сзади, съ силою опустила цѣпъ на его голову. Гайтанчикъ ткнулся носомъ впередъ и повалился на бокъ, даже не охнувъ; но Зина ударила его еще и еще и, только убѣдившись, что онъ не шевелится, — опустила цѣпъ, сама не понимая, какъ все это у нея сдѣлалось. Такъ стояла она, обезсилѣвъ, упираясь на цѣпъ, какъ башня, готовая завалиться, между двумя безмолвными тѣлами, не зная и не думая, что ей дѣлать дальше.

Конста тяжело икнулъ, и изо рта его хлынула струя крови. Онъ медленно приподнялся и долго сидѣлъ, опершись руками о землю.

Зина подхватила его подъ мышки. Ей пришлось волокомъ дотащить Консту до снопа, на которомъ недавно сидѣла она съ Гайтанчикомъ.

— Пить, — хрипло сказалъ Конста; помутившіеся глаза его опять сомкнулись.

Зина опрометью бросилась къ болоту. Взять воды было не во что. Она окунула въ лужу свой передникъ и, выжавъ воду въ ротъ и на лицо Консты, окутала ему голову мокрою тканью.

Понемногу Конста отдышался.

— Охъ, умаялъ же, разбойникъ, — прошепталъ онъ. — А ты не бойся... ничего! теперь все пройдетъ... Цѣлъ буду... маленько кости помяты.

Онъ всталъ и все еще нетвердымъ шагомъ направился къ трупу Гайтанчика.

— Экъ ты его какъ! — Онъ покачалъ головой, разсматривая въ лепешку разбитый черепъ.

Зина вздохнула и отвернулась, ей было не страшно

ни своего дѣла, ни самаго покойника, но стало противно, что онъ тутъ лежитъ...

— Надо его убрать,— сказалъ Конста.

— Куда? — глухо отозвалась Зина.

— Куда? извѣстное дѣло, въ болото... Занесемъ подальше по лѣсинамъ... Трясина все засосетъ... Получасу не пройдетъ, какъ и слѣда не останется. Берись, что ли, подымай...

— Не осилить... Устала очень.. — угрюмо сказала Зина.

Конста вспыхнулъ.

— Не осилить!.. Коли не хочешь, чтобы народъ насъ завтра разорвалъ на клочья, такъ осилишь...

Зина молча нагнулась къ трупу.

До болота было саженей сорокъ. Но Зинѣ онѣ показались за сорокъ верстъ. Чѣмъ дальше шли, тѣмъ тяжелѣе становился Гайтанчикъ... Когда они вступили съ берега на путики, проложенные по трясинѣ, Зина чувствовала, что — еще шагъ, и она упадетъ въ изнеможеніи.

— Ну! — грозно прикрикнулъ Конста.

Она оправилась. Пошли по лѣсинамъ, ежеминутно рискуя оступиться, сорваться и, вмѣстѣ съ убитымъ, пойти, сквозь зыбучую тину, на невѣдомое дно.

— Стой!.. Здѣсь — вѣрно. На этомъ мѣстѣ о прошлой осени Филатъ Гаврилычевъ бычокъ утопъ...

Гайтанчика раскачали. Тѣло тяжело шлепнулось. Трясина быстро схватила добычу и затянула трупъ даже скорѣе, чѣмъ ожидали убійцы.

Они переглянулись, и у обоихъ вырвался глубокій вздохъ облегченія. Но имъ оставалось еще много работы. Надо было отмыть цѣпъ отъ крови и мозга, и поставить его на мѣсто.

— Какъ же мы пойдемъ такіе? — замѣтила Зина, — чай, кровь на одеждѣ... увидятъ...

— Ночью темно... Да теперь никого и не встрѣтимъ.

Долго еще оставались Зина и Конста на мѣстѣ убійства. Конста исползалъ на животѣ весь токъ, стараясь разглядѣть при тускломъ свѣтѣ мѣсяца, нѣтъ ли гдѣ-нибудь кровяныхъ пятенъ и затиралъ ихъ, гдѣ находилъ.

Когда они задворками крались въ Тай, кричали уже первые пѣтухи. Только собаки глухо лаяли, чуя ихъ приближеніе... Ни Зинѣ, ни Констѣ не было ни жутко, ни совѣстно совершеннаго дѣла. Оба даже сами удивлялись своему равнодушію — каждый про себя.

— Да ужъ и человѣкъ былъ, — вполголоса проговорилъ Конста, какъ бы отвѣчая Зинѣ на тайное недоумѣніе, — звѣрюга, разбойникъ... Собакѣ — собачья смерть.

Зина ничего не сказала.

— Скажи, Конста, — промолвила она нѣсколько позже, — съ тобой случалось это... прежде?..

— Нѣтъ, впервòй... Дай Богъ, и въ послѣдній!

Дойдя до своего двора, они влѣзли въ дыру, заранѣе прорѣзанную Констой въ плетнѣ, которую онъ сейчасъ же заботливо задѣлалъ. Чуйку свою онъ зарылъ. Все это заняло довольно времени. Уже свѣтало, когда Конста, — съ зеленымъ отъ безсонницы и потери крови лицомъ, — вошелъ въ клѣть, куда Зина проюркнула тотчасъ же, какъ только очутилась во дворѣ.

— Чай, дрожитъ, бѣдненькая, одна-то, да мается, — думалъ онъ, — и даже руками развелъ отъ удивленія: Зина спала спокойнымъ сномъ...

— Ну, дѣвка! — пробормоталъ сквозь зубы Конста, — характерецъ... Княжескій!

Но княжескій характерецъ тутъ былъ не при чемъ; самъ Конста едва успѣлъ раздѣться и упасть на постель — глаза его крѣпко склеилъ внезапный сонъ, тяжелый и непроглядный, какъ ночь, — сонъ безъ всякихъ грезъ и видѣній, сонъ, какимъ спятъ только люди, въ конецъ истратившіе всѣ свои силы — тѣлесныя и душевныя.

VII.

„Матушка-Аксиньюшка", въ темно-синемъ сарафанѣ, съ краснымъ поясомъ и бѣлоснѣжными, пышно-вздутыми рукавами тонкой полотняной рубашки, съ темною повязкой на черныхъ, гладко причесанныхъ волосахъ, сидѣла за самоваромъ.

Двѣ послушницы таевской пророчицы — рябоватыя дѣвки въ такой же одежѣ, какъ сама матушка, только безъ повязки на головѣ, — почтительно стояли у порога, сложивъ руки на животѣ. Пророчица бѣлилась и румянилась; губы ея, съ чуть замѣтными усиками въ углахъ, тоже были слишкомъ алы, брови слишкомъ правильны, а рѣсницы слишкомъ черны. Живые каріе глаза глядѣли умно и бойко. Таевцы боялись взгляда пророчицы, какъ огня. Два-три предсказанія, двѣ три угадки, заранѣе искусно подготовленныя при помощи Михайлы Давыдка, нѣсколько возвращенныхъ хозяевамъ пропажъ, житейская сметливость и умѣнье, быстро распознавая людей, приспособляться къ ихъ нраву, создали Аксиньюшкѣ славу прозорливицы. Таевцы были увѣрены, что эта небольшая круглая женщина насквозь проникаетъ человѣка, что „духъ", который на другихъ вѣрныхъ только изрѣдка накатываетъ, на Аксиньюшкѣ пребываетъ непрерывно, и скрытничать предъ нею нельзя, грѣхъ, а то еще, не равенъ часъ, уличитъ и

пристыдитъ при всемъ народѣ. Вѣрили, что Аксиньюшка властна исцѣлять болѣзни и карать болѣзнями, — и, странно, вѣрили не совсѣмъ безосновательно. Еще когда Аксиньюшка была въ Волкоярѣ Матреной-Слобожанкой — она славилась въ княжо̀й дворнѣ своею легкою рукой — удачно лѣчила зубныя и головныя боли, помогала въ припадкахъ кликушества и падучки, въ судорогахъ и т. п. Головныя и зубныя боли были истиннымъ наказаніемъ низменнаго и туманнаго Тая. Но стоило Аксиньюшкѣ заняться больнымъ, и боль почти всегда проходила временно, а въ иныхъ случаяхъ и надолго. Способъ лѣченія Аксиньюшки былъ такой. Она укладывала больного головой къ себѣ на колѣни и, что-то шепча, налагала на больныя мѣста свои руки. Руки у нея были маленькія, бѣлыя и мягкія, съ странною цѣпкостью въ упругой ладони и чуть-чуть искривленныхъ пальцахъ. Когда Аксиньюшка прикладывала руку ко лбу больного, ему казалось, что эта рука какъ бы прилипаетъ къ нему, сливается въ одно съ его тѣломъ. Иные утверждали, будто они чувствовали, какъ изъ рукъ Аксиньюшки переходило въ нихъ сильною струею какое-то особое животворящее тепло. Затѣмъ больной забывался сномъ, спалъ долго и пріятно и просыпался, или совершенно здоровый, или, по крайней мѣрѣ, значительно облегченный. Главная задача была — усыпить. Въ легкихъ случаяхъ это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но трудные больные стоили самой лѣкаркѣ немалой затраты силъ. Когда Аксиньюшкѣ, наконецъ, удавалось одолѣть боль, она бывала совсѣмъ измучена, съ нея катился потъ градомъ, она едва имѣла силы добраться до своего покоя, чтобы, въ свою очередь, отдохнуть въ крѣпкомъ и долгомъ снѣ. Замѣчательно, что мужчинамъ Аксиньюшка помо-

гала легче, чѣмъ женщинамъ. Всѣ, кого пророчица исцѣляла или хоть лѣчила, привязывались къ ней съ необузданнымъ влюбленнымъ фанатизмомъ. Приручала, точно привораживала! Изъ такихъ людей состояла самая надежная часть ея сторонниковъ въ Таѣ. Всѣ они прямо таки бредили ею на яву и часто видѣли ее во снѣ, что почитали видѣніями. Однажды, занятая важнымъ разговоромъ Аксиньюшка не могла сама пойти къ дѣвушкѣ, которая билась въ истерическомъ припадкѣ, — она сняла съ себя платокъ и велѣла закрыть имъ лицо больной. Припадокъ прекратился: такова была вѣра въ пророчицу. Насылать болѣзни Аксиньюшка, разумѣется, не могла, но въ понятіяхъ темного человѣка — кто исцѣляетъ, тотъ властенъ и убивать. И если бы Аксиньюшка посулила таевцу лихорадку, тотъ, въ твердой увѣренности неминучести насыла, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ бы лихорадкой.

Пока Аксиньюшка была Матреной-Слобожанкой, старовѣры православные Волкояра полагали, что въ ея знахарствѣ не безъ колдовства. Но въ Таѣ, съ его смѣшаннымъ полухлыстовскимъ толкомъ, въ колдовство не вѣрили, считая чорта способнымъ лишь на всякія гадости, а никакъ не на пользу человѣку. Сама Аксиньюшка своей силы не понимала — ни что такое эта сила, ни откуда она берется...

— Диви бы, я еще святой жизни была, — откровенничала она со своими домашними, — а то, вѣдь, я... вы знаете меня, грѣшницу.

— Что ты, мать, шепчешь-то въ это время? — спрашивалъ Конста.

— А я почемъ знаю? шепчу, что придется, на что глаза взглянутъ... Намедни, когда Гордѣеву сыну подъ сердце подкатилю, гляжу по избѣ — влѣзъ

мнѣ въ мысли вѣникъ у порога... Сижу и думаю: вѣникъ, вѣникъ, вѣникъ... Такъ на томъ вѣникѣ и болѣзнь съ парня сошла. Велѣла я потомъ сжечь вѣникъ-отъ. Съ чего-нибудь да думалось же мнѣ на него. Кто его знаетъ, можетъ быть, и впрямь болѣзнь Гордѣича, изъ-подъ моей легкой руки, въ вѣникъ перескочила.

— Можетъ приговоры какіе знаешь?

— Вогъ! стану я грѣхъ на душу брать!

— А молитвы читаешь?

Не любятъ наши чудища лѣсныя, когда читаешь старыя истовыя молитвы. По-ихнему, это — мірское моленье, заученное, моленье чужимъ словомъ и духомъ и, стало быть, неправедное... Имъ бы все отъ себя, наобумъ да съ бацу, что въ голову придетъ. Правду сказать, оно мнѣ и на руку, — потому съ книжниками да начетчиками мнѣ бы, темной бабѣ, не совладать: въ писаніи я куда не тверда. А ежели духомъ орудовать, то — съ великимъ удовольствіемъ. Словъ у меня хорошихъ сколько хочешь, разумомъ Богъ не обидѣлъ, сказывать складно я мастерица: попробуй-ка угонись за мой.

Когда Конста и Зина вошли въ горницу „матушки", она встрѣтила Зину ласковой улыбкой, но на сына взглянула косо. Въ Таѣ она успѣла привыкнуть къ безпрекословному повиновенію и терпѣть не могла возраженій и противорѣчій, а Конста въ послѣдніе дни только и дѣлалъ, что спорилъ съ нею. Тревоги прошлой ночи замѣтно отозвались на Констѣ; онъ бодрился, но былъ утомленъ, блѣденъ, и въ глазахъ его вспыхивали опасливые огоньки. Зина была спокойна и свѣжа; только чуть-чуть опухлыя вѣки могли изобличить, что она мало спала съ прошлаго вечера. Конста выслалъ келейницъ и заперъ

дверь на крючокъ. Мать слѣдила за нимъ съ досадливой улыбкой.

— Опять, что ли, какъ намедни, ругаться будемъ? — язвительно спросила она.

— Н-н-нѣ-ѣтъ... — протянулъ онъ, глядя въ полъ и переминаясь съ ноги на ногу, въ крайнемъ смущеніи. Зина сидѣла на лавкѣ и равнодушно смотрѣла въ окно на улицу, гдѣ смирно чесался бокомъ объ уголъ избы большой пестрый теленокъ.

— Къ чему же такія тайности? — уже ласковѣе переспросила Аксиньюшка.

— Да что, мать? — Конста растерянно развели руками, — такое дѣло стряслось... не ждали, не гадали... безъ тебя и не распутать.

— Что такое?

Зачуявъ по голосу сына, что случилась бѣда, и бѣда немалая, Аксиньюшка живо поднялась съ мѣста и, сбросивъ съ себя пророческую важность, мгновенно превратилась въ Матрену-Слобожанку, охочую и готовую развести на бобахъ какое хочешь хитрое дѣло.

— Ужъ и не знаю, какъ начать... — все больше и больше блѣднѣя, говорилъ Конста. Его безпокойство передалось Матренѣ.

— Да говори — не томи! — прикрикнула она, топнувъ ногой. Но Конста все медлилъ.

— Такое дѣло... всѣ пропасть можемъ, — началъ онъ и опять осѣкся.

— Часъ отъ часу не легче! Хорошія, надо полагать, дѣла, если даже у тебя, разбойника, языкъ не поворачивается признаться... Ты, смирена, что сидишь колодой? — набросилась она на Зину, — сказывай хоть ты: чего начудесили?

— Мы Ваську Гайтанчика убили, — ровнымъ го-

лосомъ отозвалась Зина, попрежнему глядя въ окно.

У Матрены горница заплясала въ глазахъ. Она позеленѣла подъ бѣлилами и румянами и безсмысленно водила глазами отъ Консты къ Зинѣ, отъ Зины къ Констѣ. Разъ признаніе было сдѣлано, Конста ободрился: какъ гора съ плечъ! Онъ стоялъ, заложивъ одну руку за пазуху, другую за спину, и постукивая ногой, вызывающимъ взглядомъ смотрѣлъ на мать.

— Когда?.. какъ? — хрипѣла Матрена. — Да постой! врете вы оба, али бредите...

Конста разсказалъ ей, какъ было дѣло.

— Господи помилуй... Господи помилуй... — шептала Матрена, то крестясь, то всплескивая руками. — Ахъ, вы, демоны, демоны! до чего дошли! Души губить стали. По крайности, ладно ли онъ спрятанъ-то у васъ? — дѣловитою скороговоркой освѣдомилась она, переставъ причитать и охать.

— Кажись бы... — Конста пожалъ плечами. — Я сейчасъ ходилъ на гумно: ни пятнышка.

Всѣ трое умолкли.

— Мать! — рѣшительно началъ Конста, садясь на лавку, — теперь ужъ, какъ ты тамъ хочешь, а намъ въ Таѣ не житье...

— Начинается, — сквозь зубы проговорила Матрена и махнула рукой.

— Коли тебѣ по нраву Тай, сиди въ немъ, пожалуй, королевствуй, только насъ-то съ Зинаидой не неволь, — отпусти. Я тебѣ прямо скажу: всегда этотъ Тай мнѣ претилъ, а ужъ теперь и вовсе станетъ не въ мочь... больно близко это самое болото...

— Убивать людей умѣешь, а покойниковъ боишься, — криво улыбнулась Матрена. — Ишь, лица на

парнѣ нѣтъ... богатырь тоже! Зинка, знать, не въ тебя... сидитъ, словно воды не замутила.

Зина повернула отъ окна свое спокойное лицо.

— Что же! — возразила она, — извѣстно, не радость, что такое дѣло стряслось; лучше, когда бы его не было. Но если ужъ грѣхъ случился, такъ тому и быть, не поправишь. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. А Конста, матушка, правду тебѣ говоритъ: отпусти... лучше будетъ.

— Нигдѣ вамъ лучше не будетъ! — съ гнѣвомъ вскричала Матрена. — Всюду вы что-нибудь напрокудите, безобразники. Въ міръ васъ пустить — мѣсяца не пройдетъ, какъ вы, и безъ князевой грозы, до каторги допляшетесь.

— Каторга — худо, — сказалъ Конста, — но если народъ какимъ-нибудь грѣхомъ узнаетъ, что сталось съ Гайтанчикомъ, то вѣдь обычай-то таевскій знаешь: братъ брата убилъ, — камень на шею да въ воду. Это будетъ похуже каторги. А то расправятся, какъ варнаки за измѣну судятъ. Разожгутъ докрасна котелокъ, да и надѣнутъ на голову по самыя плечи. Либо медомъ обмажутъ и прикуютъ къ соснѣ, покуда мураши не сожрутъ заживо...

— Тьфу тебѣ! что еще придумаешь?

— Все было. На яву. Не въ сказкахъ. Дѣло испытанное.

— Да ты же говоришь, — онъ спрятанъ хорошо?

— Кто жъ его знаетъ? по нашему хорошо, а... развѣ покойники не встаютъ? Кабы я къ этому дѣлу былъ привыченъ. А то я самъ не знаю... Начнутъ его искать... растревожится во мнѣ сердце... я самъ себя выдамъ.

Матрена внимательно осмотрѣла его и перевела взглядъ на Зину.

— Ну, эта ни себя, ни другихъ не выдастъ, — проворчала она. — Ишь лицо-то надула: вылитый князь Александръ Юрьевичъ.

— Матушка, — заговорила Зина, — потолкуемъ по чести. Мы съ Констой такъ рѣшили: если тебѣ жалко добра, что принесли мы изъ Волкояра, такъ Богъ съ нимъ! Это дѣло наживное. Знаю: тебѣ нужны мои брильянты. Я за нихъ не постою. Возьми ихъ себѣ, покуда тебѣ поживается, а изъ денегъ награди насъ, сколько сама знаешь.

— Притомъ, — вмѣшался Конста, — у меня вѣдь полторы тысячи цѣлковыхъ есть на рукахъ. Гайтанчиковы половинки, что я ему давалъ задаткомъ за паспорта, къ моимъ приходятся въ лучшемъ видѣ. Такъ что, если ты ужъ вовсе насчетъ насъ совѣсть потеряла...

— Молчи, дуракъ! — прикрикнула Матрена, — людей убиваетъ, а туда же, о совѣсти говоритъ...

Она съ волненіемъ прошлась по горницѣ.

— Не безсовѣстная я, — сказала она. — А только сами вы посудите: кто своему счастію врагъ?

Молодые люди молчали.

— Брильянтовъ не отдамъ, — отрывисто продолжала Матрена. — Они мнѣ для радѣній нужны. Льстятся ими ко мнѣ таевцы, инда слѣпнутъ, глупое мужичье! Мнятъ ихъ вѣнцомъ небеснымъ. Брильянты вамъ отдать — половину самой себя отдать. А что ты, Конста, говоришь о деньгахъ, — этимъ я васъ не обижу. Полторы тысячи у тебя есть, возьми еще пятьсотъ, и замиримся, конецъ дѣлу.

— Ловко! — воскликнулъ Конста. — Это, мать, ловко. Себѣ и брильянты, и капиталъ, а намъ — какъ псу кость, двѣ тысячи: на-те, молъ, провалитесь въ болото!

Матрена озлилась:

— Перестанешь ли ты грубить, щенокъ? Деньги въ моихъ рукахъ — что хочу, то и дѣлаю. Ишь! То съ пустыми руками хотѣлъ бѣжать изъ Тая, тутъ уже мало ему и двухъ тысячъ. Лакомый какой! Слово еще скажи, и я тебѣ ни гроша не дамъ и изъ Тая не выпущу... будешь гнить здѣсь, пока прикажу.

Конста въ свою очередь разсвирѣпѣлъ.

— Я слово скажу, — задыхаясь, крикнулъ онъ, — только ты моему слову не обрадуешься. Послѣ моего слова, тебѣ самой въ Таѣ не остаться, а, пожалуй, и на бѣломъ свѣтѣ не жить... Вотъ что! Только слово мое не тебѣ будетъ.

— Страсти какія! — насмѣшливо отозвалась Матрена, — ты смотри, парень: не убей мать-то ненарокомъ, вродѣ Гайтанчика. Не мнѣ, такъ кому же будетъ твое слово?

— Михайлѣ, — вотъ кому. Хитра ты, мать, да и мы не вовсе дураки, не слѣпые. Въ стѣнахъ-то щели бываютъ: видали мы, какъ ты живешь да поживаешь, всѣ твои проказы насквозь знаемъ. И — вотъ разрази меня громъ небесный! — коли не выведу я тебя на свѣжую воду передъ Давыдкомъ. Покажу я ему, дурню безглазому, каково вѣрно ты его любишь. А ужъ какъ онъ тебя за все, про все благодарить станетъ, — не моя печаль. Онъ, хоть нравомъ и теленокъ, а все изъ ухорѣзовцевъ. На медвѣдя съ ножомъ ходилъ, съ царскими солдатами дрался. Такъ великъ ли ему разсчетъ погубить одной душой больше?

— Извергъ ты! — вырвалось у Матрены. — И ухватка-то у тебя вся разбойницкая... грѣхъ какой на душу взять хочешь!.. да и чѣмъ попрекать меня выдумалъ? Сами-то, поди, какіе святые!

— Святые аль нѣтъ, только мы никого без-

винно не обижаемъ, а отъ тебя намъ, прямо сказать мука мученская.

Зина встала со скамьи.

— Послушайте вы, матушка и Конста: будетъ вамъ ссориться. Я такъ полагаю: разъ между нами пошелъ такой раздоръ, вмѣстѣ намъ жить нельзя. Значитъ, разойтись надо, и лучше разойтись добромъ, чѣмъ зломъ. Ты, матушка, не бойся: Конста вредить тебѣ не станетъ, ничего Давыдку не разскажетъ! А ты тоже не упрямься и не скупись на деньги. Двухъ тысячъ намъ мало.

— Много ты понимаешь: что много, что мало! — сердито фыркнула Матрена. — Ты міръ-то и въ глаза не видала! откуда тебѣ судить.

— Конста такъ говоритъ, — съ убѣжденіемъ возразила Зина. — А я съ Констой ушла изъ Волкояра — стало быть, его воля и во мнѣ, и въ моихъ деньгахъ. Вѣдь деньги тѣ, хоть и въ твоихъ рукахъ, матушка, но мои. И вотъ я тебѣ теперь отъ себя говорить буду. Ты меня выростила, воспитала, — великая тебѣ на томъ благодарность. Добра моего мнѣ для тебя не жаль. Всегда ты въ немъ госпожей была. Кабы мы вмѣстѣ жили, такъ бы и впередъ осталось. Но видишь: надо разлучиться. Стало быть — подѣлимся. Брильянты мои я тебѣ дарю, пожизненно, только умирая, возвратишь ихъ мнѣ, а деньги — ужъ не обижай насъ! — разобьемъ на двѣ половины.

— И то намъ, по справедливости, выходитъ обидно, — проворчалъ Конста.

— Это, значитъ, вы три тысячи цѣлковыхъ хотите? — разсчитала Матрена послѣ долгаго молчанія.

— Гдѣ же три-то? — возразилъ Конста, — полторы уже у насъ въ карманѣ, а тебѣ всего полторы доложить придется.

— Большія деньги хотите, — раздумчиво твердила Матрена. — Большія деньги... жалко... не потаю, что жалко...

— Жалѣй, не жалѣй, а дать надо, — тихо замѣтилъ Конста. Видя, что мать сдается, онъ тоже сбавилъ голоса.

— Да не денегъ жалко, глупый! а жаль того, что непутевыя у васъ руки для такихъ денегъ. Прахомъ онѣ у васъ пойдутъ — ни себѣ, ни людямъ.

— Ну, ужъ тамъ видно будетъ. Бабушка на-двое сказала.

— Ладно. Не ради тебя, разбойника, а ради Зинки моей кормленой дамъ я вамъ эти деньги. Ступайте, куда хотите, только помните: коли плохо въ міру придется, ворочайтесь. Тай мѣсто довольное, и вамъ со мною всегда здѣсь будетъ тепло.

Примиреніе совершилось. Всѣ трое расцѣловались. Матрена снова сѣла къ столу и махнула рукой.

— А теперь уйдите. Посижу да подумаю, какъ лучше сдѣлать, чтобъ таевцы васъ легко отпустили — безъ спора и раздора.

VIII [1].

Сіонская горница была полна народомъ. Мужчины и женщины босикомъ, въ широкихъ и длинныхъ до пятъ рубахахъ, крестообразно препоясанные черезъ плечи вервами, чинно сидѣли по разнымъ лавкамъ: женщины по лѣвую сторону избы, мужчины — по пра-

---

[1] При описаніи радѣнія приняты въ соображеніе изслѣдованія слѣдующихъ историковъ русскаго раскола: Андреева, Кутепова, Нильскаго, Реутскаго, Ливанова и Мельникова. Трое послѣднихъ наиболѣе богаты бытовыми данными, но свѣдѣнія ихъ, за недостаточной критической провѣркой, иногда сомнительны и полемическихъ увлеченій много.

вую. У всѣхъ были полотенца въ рукахъ. Яркій свѣтъ разливался разноцвѣтными полосами изъ причудливой деревянной люстры — грубаго подобія голубя съ распростертыми крыльями, несущаго въ клювѣ масличную вѣтвь, — и окрашивалъ эти неподвижныя бѣлыя привидѣнія нѣжною пестротою слабой радуги. Убранство избы — длинной, въ два сруба, и весьма высокой — ограничивалось этою люстрою, плохою суздальскою копіей съ извѣстной картины Боровиковскаго: „Богъ Саваоѳъ, пріемлющій въ лоно Свое умершее Слово“ [1], портретами Саваоѳа, „богатаго гостя“ Данилы Филипповича, христа Ивана Тимофеевича и пророчицы костромского „корабля“ Ульяны [2] и парою рѣзныхъ креселъ въ углу, противоположномъ красному. Бревенчатыя стѣны были чисто вымыты. Полъ лоснился, точно натертый воскомъ — такъ его отполировали таевцы собственными пятками. Вѣрующіе все прибывали и прибывали. Инымъ ужъ не было мѣста на лавкахъ, и они скучились двумя толпами у дверей. Вошелъ кормщикъ Филатъ Гавриловичъ — крѣпкій сѣдобородый старикъ, съ важнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Всѣ поклонились ему въ поясъ. Филатъ Гавриловичъ тоже поклонился на четыре стороны. Къ нему подошли по очереди всѣ члены сборища и обмѣнялись съ нимъ братскимъ цѣлованіемъ. Кормщикъ сѣлъ въ кресла и началъ слово „о двѣнадцати друзьяхъ“:

— Братіе! Кто есть первый другъ человѣка?

---

[1] Боровиковскій, знаменитый портретистъ начала XIX вѣка, принималъ участіе въ петербургскомъ „Кораблѣ“ Татариновой. Художественный оригиналъ — этюдъ къ названной мистической картинѣ — находится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

[2] Была знаменита въ сороковыхъ годахъ. Дважды арестованная за ересь, дважды отъ нея отрекалась и снова возвращалась на прежній путь. Судьба ея неизвѣстна.

Первый другъ человѣка есть правда: человѣка отъ смерти избавляетъ.

Примолкъ. Какъ шумъ осенняго лѣса, загудѣлъ отвѣтный молитвенный шопотъ толпы:

— Богу слава
И держава
Во вѣки вѣковъ, аминь!

— Братіе! Кто есть второй другъ человѣка? Второй другъ человѣка есть чистота: человѣка къ Богу приводитъ.

— Богу слава
И держава
Во вѣки вѣковъ, аминь!

— Братіе! Кто есть третій другъ человѣка? Третій другъ человѣка есть любовь: гдѣ любовь тутъ и Богъ.

— Богу слава
И держава
Во вѣки вѣковъ, аминь!

Четвертый другъ—труды: тѣлу честь, душѣ вспоможеніе. Пятый: послушаніе, скорый путь къ спасенію. Шестой: неосужденіе. Седьмой: разсужденіе. Восьмой: молитва. Девятый: благодареніе. Десятый: милосердіе. Одиннадцатый: исполненіе Закона. Двѣнадцатый: покаяніе, Богу радость.

— Богу слава
И держава
Во вѣки вѣковъ, аминь! —

заключительно грянула толпа. А кормщикъ, продолжая поученіе, еще два слова сказалъ, въ ожиданіи матушки-пророчицы. Одно — о мукахъ, какъ архангелъ Михаилъ водилъ Богородицу по адскимъ мукамъ и седмь мукъ ей показывалъ: аще кто дворъ съ дво-

ромъ смутитъ — древо желѣзное и огненное, елицы по воскреснымъ днямъ блудъ творили — три раза огненные, сквернословамъ — рѣка огненная, судіямъ неправеднымъ — палата болѣзненная и огненная, благодать отвергающимъ — червь не осыпающійся, чародѣямъ и семейныхъ злобъ сѣятелямъ — змѣи лютыя, сердце сосущія, сребролюбникамъ — смола кипучая.

— Богу слава
И держава
Во вѣки вѣковъ, аминь! —

загремѣлъ народъ.

Третье слово Филата Гавриловича было о помощи архангельской:

— Аще ли восхощеши идти въ путь, то не выпускай изъ устъ вашихъ архангела Гавріила, будешь всегда благополученъ. Едва хощеши пить воду въ нощи, то поминай архангела Самоила, той есть ночное страже. Когда пристижетъ печаль, тогда призывай архангела Кафанаила, ибо онъ есть утѣшеніе ангеламъ и человѣкамъ. Дому созиждиму сущу призывай на помощь архистратига Михаила, онъ есть веселіе Матери Божіей, дому и церкви упражненіе. Егда же ты, человѣче, ѣлъ и пилъ что и хощещи быть въ порядкѣ, то призывай и поминай святого архангела Рафаила.

Аксиньюшка вошла въ собраніе изъ боковыхъ дверей. Двѣ послушницы шли передъ нею, двѣ поддерживали ее подъ руки, двѣ замыкали шествіе.

Онѣ пѣли:

Воспойте громко Господу,
Трубы громогласны, —
Возстаетъ намъ день красный!
Ты же, благостыня,
Дѣва любима,
Веселися, радуйся,

Взойди въ Сіонъ-горѣ!
Грядите, дщери!
Отверзаются двери...

Пророчица ступала медленно и плавно, лебедью, держалась важно и осанисто, ни на кого не глядя — хотя народъ, чуть завидѣлъ свою „матушку", рванулся къ ней стѣною, съ привѣтствіями, крикомъ, плачемъ, благодарностями и просьбами. Фанатики норовили схватиться хоть за край аксиньюшкиныхъ „ризокъ", такихъ же длинныхъ и бѣлыхъ, какъ на всѣхъ, только изъ болѣе тонкаго полотна. Бабы съ благоговѣйною завистью зарились на драгоцѣнные камни; „матушка", въ самомъ дѣлѣ, устроила изъ нихъ что-то въ родѣ небеснаго вѣнца: брилліантовый блескъ дрожалъ вокругъ ея головы, будто на иконѣ.

Аксиньюшка обмѣнялась съ Филатомъ Гавриловичемъ братскимъ цѣлованіемъ.

— Спаси Господи. Христосъ воскресъ.

— Во истинныхъ людяхъ воскресъ.

— Какъ вѣрнымъ явился, такъ и намъ есть. — И сѣла въ рѣзныя кресла рядомъ.

Шесть ея послушницъ стояли возлѣ. Шесть парней — на послухѣ у кормщика — отдѣлились отъ толпы и стали у креселъ Филата Гавриловича. Одинъ изъ нихъ прочиталъ „Отчу". Когда онъ кончилъ и толпа пропѣла „Богу славу и державу", самая молоденькая изъ послушницъ прочитала „Богородицу".

— Духа прославимъ! воскликнулъ кормщикъ, вставая съ креселъ.

Толпа всколыхнулась, — какъ волною, и запѣла съ воодушевленіемъ, чередуясь въ голосахъ. Сперва женщины:

Ужъ вы, птицы, мои птицы,
Души красныя дѣвицы,

Вамъ отъ матушки-царицы
Дорогой уборъ-гостинецъ!
Вы во трубушку трубите,
Орла-птицу заманите,
Свѣтильники зажигайте,
Гостя-батюшку встрѣчайте!

А мужчины отзывались протяжнымъ голосомъ:

Восплещемъ руками,
Воспляшемъ, духомъ веселяще,
Духовныя мысли словесно плодяще!
Яко руками, восплещемъ устами —
Духъ съ нами! Духъ съ нами!
Мужи и жены, силы исполнися,
Яко піаны язычникамъ явишася,
Древле незнаны, сташа познанны.
Гласы преславны, гласы преславны!

И оба хора сливались въ „новой пѣснѣ“ — въ таинственномъ гимнѣ, общемъ всѣмъ безъ исключенія толкамъ хоть сколько-нибудь родственнымъ хлыстовщинѣ:

Царство ты, царство, духовное царство!
Во тебѣ ли, царствѣ, благодать велика:
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ,
Живутъ они себѣ, ни въ чемъ не унываютъ.
Строено ты, царство, ради изгнанныхъ,
Что̀ на свѣтѣ были мучимы и гнаны,
Что̀ вѣрою жили, правдою служили...

Таевцы голосили съ восторгомъ. Отвлеченный смыслъ гимна былъ далекъ отъ нихъ. Каждый пѣлъ не о царствѣ „не отъ міра сего“, но видѣлъ таинственное царство, — созданное „ради изгнанныхъ, что̀ вѣрою жили, правдою служили“, — здѣсь, въ скрытомъ отъ грѣшнаго и враждебнаго міра Таѣ.

На горѣ, на погугорѣ
И тамъ стоялъ же зеленый садъ,

Деревья во саду кудрявыя,
А листья во саду зеленые.
Хотѣли враги зеленый садъ засушить,
Хотѣли водами садъ потопить, —
Да кореньями садъ укоренился,
Да вѣтвями садъ увѣтвился,
Да листьями садъ украсился!
Гуляй, юношъ, въ зеленой дубравѣ,
Гдѣ гуляютъ херувимы, серафимы,
Вся небесная сила!

Въ толпѣ было немало стариковъ, которые помнили, какъ Тай начался, какъ бѣжали они сюда, ревнуя о вѣрѣ, отъ строгихъ архіереевъ, крутыхъ баръ и лихой полиціи, когда на Поволжьѣ начался сектантскій разгромъ... Вспоминали они тѣ жуткіе дни, и тѣмъ громче и радостнѣе становилось ихъ пѣніе: вѣдь на всемъ лицѣ земли русской Тай, быть можетъ, былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ хлыстъ могъ жить, думать, говорить и радѣть, какъ ему угодно, вслухъ, безъ оглядки, не приставляя къ сіонской горницѣ зоркую и хитрую стражу, не нуждаясь въ потайныхъ дверяхъ и лазахъ, въ раздвижныхъ стѣнахъ, въ подпольяхъ и подземныхъ ходахъ.

Филатъ Гавриловичъ сорвался съ мѣста и, выбѣжавъ на середину горницы, подъ распростертаго голубя-люстру, завертѣлся, какъ волчокъ, на пяткѣ правой ноги — сперва медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе, пока, наконецъ, его высокая фигура въ раздутой отъ быстраго движенія рубахѣ не стала казаться огромнымъ вертящимся бѣлымъ колоколомъ. Не разобрать было ни лица, ни бороды.

За кормщикомъ рванулся одинъ изъ послушниковъ, другой, третій. Вѣтеръ ходилъ по горницѣ. Вертящіеся бѣлые колокола шатались изъ угла въ уголъ, точно придорожные вихри, и все росли въ числѣ. Кто еще

не вертѣлся, — тѣ выкрикивали, что̀ было мочи, пѣсню, ускоряя ея напѣвъ, по мѣрѣ того, какъ ускоряли свое движеніе „прыгунки“:

Ахъ ты, духъ-голубокъ,
Нашъ бѣленькій воркунокъ,
Не пора ли тебѣ, сударь,
На сыру землю слетѣть,
На труды наши воззрѣть?

— А вы голуби
А вы сизые? —

басилъ въ разноголосицу мужской хоръ.

— Мы не голуби,
Мы не сизые! —

пронзительно визжалъ хоръ женскій.

— А вы лебеди,
А вы бѣлые!
— Мы не лебеди,
Мы не бѣлые!

И всѣ вмѣстѣ:

— А мы ангелы,
Мы архангелы,
Христовой земли
Посланнички...

Завертѣлась Аксиньюшка, а за нею и всѣ бабы. Радѣли „угломъ“. Дѣлились по угламъ на кучки и потомъ перебѣгали наискось изъ угла въ уголъ, стараясь не столкнуться съ встрѣчной кучкой. Радѣли „крестомъ“ — образуя фигуру креста, быстро вращающагося около неподвижнаго центра: въ немъ стоялъ Филатъ Гавриловичъ, отдыхая отъ своей бѣшеной пляски. Отдохнулъ и схватился съ Аксиньюшкой за руки. Они закружились по горницѣ вдвоемъ, — точно

вальсъ танцовали. Вѣнецъ Аксиньюшкинъ, въ быстромъ вращеніи, молніей голову пророчицы опоясалъ. Десятки паръ имъ послѣдовали. Радѣніе стало похожимъ на балъ привидѣній.

Все это были лишь подготовительные обряды. „Святой кругъ" еще не открывался, хотя уже одного таевца среди прыжковъ и кривлянья хватила падучка, а иные валялись по лавкамъ въ полномъ изнеможеніи. Сноровка вертѣться на пяткѣ не всякому дается сразу. Новичковъ увлекали въ пляску опытные. Тѣхъ, кто плохо успѣвалъ въ искусствѣ круженія, преслѣдовали насмѣшками, бранью, поталкивали и даже могли бы поколотить, если бы Аксиньюшка и кормщикъ не прекращали своими окриками ссоры и нестроеніе.

Высоко поднимая бѣлое полотенце, закинувъ назадъ голову, Аксиньюшка визгливо затянула:

Рай ты мой, рай,
Пресвѣтлый мой рай!..

Толпа дружно подхватила:

Во тебѣ, во раѣ,
Батюшка родимый,
Красное солнышко
Весело ходитъ,
Рай освѣщаетъ,
Бочку выкатаетъ...
Бочка ты, бочка,
Серебряна бочка,
На тебѣ на бочкѣ
Обручья златые,
Во тебѣ во бочкѣ
Духовное пиво.
Станемте мы, други,
Бочку расчинати,
Пиво распивати,
Авось нашъ надёжа
До насъ умилится,

Во сердца во наши
Онъ, свѣтъ, преселится.

Радѣльщики стали въ четыре ряда: первый и третій образовали мужчины; второй и четвертый — женщины. Сильно топоча, они, какъ ошалѣвшій конскій табунъ, принялись бѣгать взадъ и впередъ по избѣ. Всѣ — въ ногу. Задніе мѣрно ударяли переднихъ полотенцами по плечамъ. Самые усердные завязывали въ полотенца ключи, нарочно припасенные заранѣе камни, тяжелые старинные пятаки и гривны. Сквозь нескладное пѣніе и восторженные крики стали прорываться болѣзненныя взвизгиванья. У иныхъ на плечахъ проступила кровь. Толпа шалѣла. Все перемѣшалось въ ея разноголосомъ шумѣ — изба стонала точно одною грудью, какъ разъяренный раненый звѣрь. Вдоволь набѣгавшись и нахлеставшись, радѣльщики пошвыряли полотенца подъ люстру и, схватившись руками, образовали круговую цѣпь.

— Духа, духа! — вопили мужчины.

Филатъ Гавриловичъ съ мокрою бородою и волосами, повисшими, какъ у утопленника, кричалъ осиплымъ и надорваннымъ голосомъ:

— Затирай духовное пиво!.. Чтобъ разымчивѣе было! Плоти тяжко — душѣ легче! Помните, братики любезные: кто напоитъ пòтомъ землю на три аршина подъ собою, тому всѣ грѣхи простятся.

— Новую пѣсню мы запоемъ,
На бракъ къ свѣту мы пойдемъ.
Какъ на бракѣ, на юдейскомъ,
Тамъ былъ конь галилейской,
И Христосъ съ нами тамъ былъ,
Съ воды вино превратилъ,
Кто этого вина напьется,
Въ томъ духъ святой завьется!

Опьяненіе толкотни все возростало. Цѣпь кружилась, какъ живой волчокъ. Двѣ, три женщины давно уже потеряли чувство. Но сосѣди, не замѣчая ихъ обморока, продолжали вертѣть безчувственныя тѣла, тяжело колотившіяся ногами о полъ. Бабы, въ визгахъ и икотахъ, рвали на себѣ рубахи и, нагія до пояса, повисали на рукахъ подругъ, предоставляя цѣпи влачить себя, колотясь по полу окровавленными грудями. То и дѣло ихъ разбитые волосы попадали подъ ноги, оставляя на полу кусты вырванныхъ прядей. Онѣ ничего не чувствовали. На нихъ было страшно смотрѣть. Таевскій богатырскій народъ, такой красивый и здоровый въ обычное время, теперь казался сборищемъ пьяницъ, отравленныхъ полынной водкой. Зеленыя лица съ провалившимися глазами, обтянутыя скулы, усѣянныя градомъ потныхъ капель, потускнѣвшія тѣла, испещренныя синяками и царапинами... Наконецъ, „духъ", призываемый дикимъ шабашемъ, „накатилъ": послушницы, одна за другой, повалились въ истерическихъ спазмахъ, бормоча восторженную нескладицу. Хохотъ, рыданія, животные крики, брань и гимны, вырывавшіеся изъ устъ истеричекъ, мѣшались съ дикими воплями:

— Эй! Эо! Эй — эванъ! Эванъ — эвое!

Разноголосица шла чудовищная. Въ то время, какъ одни вопили на пѣсенный распѣвъ духовные стихи, другихъ, обезпамятѣлыхъ, распѣвы пѣсенъ давно сбили съ толка, и они сами не замѣчали, какъ, въ безсмысленномъ экстазѣ, жаркими молитвенными голосами выкрикиваютъ совсѣмъ не о „духѣ", но о томъ, какъ —

Ходилъ, блудилъ казакъ по долинѣ,
Приблудился казакъ ко дивчинѣ.—
— Дивчина, пусти ночевати...

— Евга! Евга! — Эй-янъ!
Ева! Адамъ! Ева! Адамъ!
Евга! Евга! Эванъ! Эвое!
— Какъ Адамъ съ Евой
По раю гуляли,
Ева Адама смутила,
Во грѣхъ Адама вводила..

„Накатило“ и на Аксиньюшку.

— Ой, духъ! ой, духъ! — раздался ея нечеловѣческій вопль, и она вырвалась изъ цѣпи, которая тотчасъ же распалась... Таевцы бросились къ скамьямъ и попадали на нихъ, готовые, въ любопытномъ напряженіи, слушать „живое слово трубы небесной“. Многіе упали на колѣни.

Самый опытный и наблюдательный психіатръ не рѣшилъ бы, глядя на Аксиньюшку, гдѣ въ ней кончается шарлатанство и начинается дѣйствительный экстазъ — неизбѣжный плодъ нервнаго потрясенія, пережитаго ею вмѣстѣ со всею толпою. Въ разорванной одеждѣ, вытянувъ прямо надъ головою, какъ два полѣна, толстыя руки, съ неподвижно растопыренными пальцами, Аксиньюшка грянулась навзничь на кучи полотенецъ. Полузакрытые глаза ея стали похожи на двѣ свинцовыя точки; на помертвѣлыхъ губахъ выступила полоска пѣны. Потомъ ее стало подкидывать. Было непонятно, откуда берется сила, сотрясающая это тяжелое, тучное тѣло, казалось бы наперекоръ всѣмъ законамъ равновѣсія. Держась на полу только однѣми ступнями, пророчица, — прямая и неподвижная, какъ трупъ, — поднималась почти на половину своего роста и, точно подстрѣленная, падала на плечи. То верхняя, то нижняя часть ея тѣла взмахивала въ воздухѣ, подобно коромыслу надъ колодцемъ. Брильянты на головѣ припадочной тряслись и сыпали искры. Таевцы съ благоговѣніемъ наблюдали

эти таинственныя проявленія. Никогда еще матушка Аксиньюшка не утѣшала ихъ такимъ тяжелымъ припадкомъ. Это предвѣщало могучее наитіе духа и необычайно важныя откровенія. Пророчица метнулась вверхъ прямымъ, быстрымъ скачкомъ рыбы, блеснувшей надъ водою, и, тяжело шлепнувшись на полъ руками, выгнулась дугою. Теперь она касалась до земли только пятками и теменемъ головы. Тѣло ея образовало какъ бы арку, вдоль которой, едва касаясь пола, безпомощно висѣли руки. На одномъ изъ первыхъ радѣній Аксиньюшки кто-то изъ сомнѣвающихся втихомолку впустилъ въ плечо пророчицы большую сапожную иглу, но Аксиньюшка даже не почувствовала укола, и кровь не пошла изъ раны, — точно было ткнуто не въ тѣло, а въ пробку. Заболѣло лишь послѣ того, какъ духъ сошелъ съ избранницы своей. Наконецъ, Аксиньюшка обезсилѣла. Теперь она спокойно лежала на полу, въ дремотѣ, вся сразу покрывшись обильнымъ потомъ. Это продолжалось около получаса, и все время никто въ сборищѣ не смѣлъ шевельнуться, сказать слово, высморкаться или кашлянуть. Мертвая тишь, духота. Сѣдой, удушливый паръ переливается въ горницѣ и сквозь его пелену тускло свѣтятъ цвѣтные огоньки люстры.

Аксиньюшка пошевелилась, тяжело вздохнула и сѣла. Глаза ея мутно блуждали по собранію. Черныя космы мокрыхъ, разбитыхъ волосъ висѣли изъ-подъ брилліантовъ. Изъ тяжело вздымавшейся груди вырывался лающій и порою переходящій въ завыванье нечеловѣческій голосъ, ничего общаго не имѣющій съ природнымъ голосомъ Аксиньюшки. Казалось, изъ нея говорилъ кто-то другой, въ нее вселившійся.

— Горе тебѣ, грѣшному Таю. . не все тебѣ веселиться — бѣдой тебя испытаю... вырву изъ тебя

слугу вѣрнаго, нелицемѣрнаго... отдамъ твою потерю лютому звѣрю, на лѣсномъ пути, и костей не найти... на землѣ ему конецъ, да на небѣ вѣнецъ.

И запѣла дикимъ голосомъ:

Идетъ царь въ пустыни,
Въ дальніе эсаулы,
За нимъ грядутъ его люди;
Подкрѣпитесь, мои люди!
Вамъ того не стерпѣти:
Ужъ и тамъ лѣса темные,
Какъ во тѣхъ во лѣсахъ
Звѣри лютые,
О, лютые, лютые,
Вельми страшные!

Таевцы, слушая зловѣщія слова пророчицы, переглядывались въ смущеніи и страхѣ. Смыслъ былъ слишкомъ ясенъ. Да и не рѣдкое это было дѣло для таевца — „пропасть на лѣсномъ пути, и костей не найти". И не въ первый разъ на радѣніяхъ раздавались о томъ откровенія, слишкомъ вѣрно оправдываемыя трущобною дѣйствительностью. Стали считать вся ли паства въ сборѣ. Не нашлось только Михайлы Давыдка да Василія Гайтанчика.

— Стало быть, на нихъ это указаніе... кого же изъ двухъ заѣлъ дикій звѣрь? — приступилъ къ Аксиньюшкѣ Филатъ Гавриловичъ. — Матушка, не откажи, просвѣти!

— Кого Богъ спасъ, тотъ у васъ, — выла пророчица, — кому пропасть — медвѣжья пасть...

— На Михайлу, безпремѣнно на Михайлу надо думать, онъ медвѣжатникъ-то; и сейчасъ въ лабазѣ сидитъ, — шептали бабы, поглядывая на Зину и Консту. Они присутствовали на радѣніи съ самаго начала, но старались держаться подальше отъ „святого круга", участвуя въ бѣснованіи лишь изрѣдка и для

виду, чтобы не быть вовсе чужими и не потерпѣть оскорбленій. Такъ какъ ихъ считали еще не вовсе принятыми въ корабль, а лишь полупросвѣщенными, то это не производило на вѣрующихъ страннаго впечатлѣнія. Напротивъ, фанатики могли только быть довольны такою скромностью: люди, еще не просвѣщенные духомъ, вступая въ святой кругъ, могутъ отвратить духа и отъ истинно вѣрныхъ. Впрочемъ, Конста не могъ бы кружиться, если бы даже силою заставляли. На немъ лица не было. Онъ былъ совершенно измученъ. Страшно измялъ его Гайтанчикъ въ предсмертной своей борьбѣ. Пришлось завязать горло платкомъ, чтобы скрыть синяки. Изъ глотки, вмѣсто голоса, сипъ какой-то вырывался. Послѣ убійства — вотъ уже вторыя сутки къ концу — не пришлось Констѣ отдохнуть ни душою, ни тѣломъ. И вчера, и сегодня мотался онъ съ ружьемъ по лѣсу, разыскивая Михайлу, чтобы освѣдомить его обо всемъ, что въ его отсутствіе произошло, и условиться, какъ имъ стоять теперь другъ за друга и быть дальше. А Михайло, какъ нарочно, перенесъ лабазъ свой къ другому яру и найти его Констѣ было не легче, чѣмъ лѣшаго.

Слыша, какъ женщины толкуютъ слова матушки, Зина всплеснула руками и заревѣла въ голосъ по дяденькѣ Михайлѣ, а Конста съ ожесточеніемъ схватился за затылокъ. Таевцы утѣшали ихъ.

— Вы не убивайтесь, а радуйтесь. Тѣломъ умеръ — душой воскресъ. Что тѣло-то жалѣть? тѣло — Марѳа, а душа — Марія. Марѳа — въ землю: она презрительная, а благословенная Марія — голубкою въ небеса...

Но, въ самый разгаръ этихъ сѣтованій и утѣшеній, хлопнула дверь и на порогѣ показался Михайла. По

здорому, цвѣтущему лицу его было видно, что и Марѳу свою, и Марію онъ сохраняетъ въ полной неприкосновенности. Толпа ахнула.

— Здорово живете, — уставно поклонился Михайло святому кругу.

— Слава Богу, — неяснымъ ропотомъ послѣдовалъ уставный же отвѣтъ.

— Живы ли? Здоровы ли себѣ?

— Живы, слава Богу. Какъ тебѣ Богъ помогалъ?

— Благодареніе Богу. Богъ милости прислалъ.

— Спаси Господи!

— Милость и истина встрѣтошася.

— Правда съ миромъ облобызашася.

Михайлу окружили, какъ чудо нѣкое. Радѣніе оборвалось.

Михайла тоже удивленно вытаращилъ свои добродушные круглые глаза.

— Что у васъ тутъ такое? отчего такъ глядите на меня?

— Михайлушка... живой! — еле вымолвилъ Филатъ Гавриловичъ, — и не съѣлъ тебя медвѣдь лютый?

— Нѣтъ... зачѣмъ? — по-прежнему недоумѣвая, возразилъ Михайла. — Самъ я, точно, свалилъ — и не одного, а цѣлую парочку. Не слыхать вамъ, знать, было выстрѣловъ-то? Признаться, за народомъ и пришелъ, чтобы пошли съ огнями, помогли перетащить, пока волки не разорвали туши.

— Ну, слава Господу! Матушка здѣсь выкликала, что кто-то изъ нашей паствы долженъ скончать свою жизнь отъ звѣря... А какъ только тебя да Васильюшки Гайтанчика нѣтъ въ собраніи, мы было и стали думать на тебя.

Михайла нахмурился и повелъ быстрымъ взгля-

домъ по собранію. Въ отвѣтъ ему блеснулъ странный взглядъ изъ-подъ полузакрытыхъ рѣсницъ отдыхающей Аксиньюшки.

Онъ покачалъ головой.

— А давно Гайтанчикъ въ лѣсу? — спросилъ онъ.

— Четвертаго дня онъ вернулся изъ города, а позавчерась задумалъ идти съ ружьемъ въ лѣсъ. Видѣли, какъ онъ подъ вечеръ пришелъ на свое гумно... а ворочался ли, нѣтъ ли, — того не знаемъ.

Михайла широко перекрестился.

— Ну, ребята, стало быть, такъ тому и быть... Молите Бога за его грѣшную душу! Понимаю теперь, зачѣмъ медвѣди такъ долго не шли къ моему лабазу! Сижу я позавчерась на лабазѣ, стерегу... вдругъ кто-то какъ завопитъ — ровно съ живого дерутъ кожу: инда у меня руки-ноги затряслись! Филинъ, что ли? Нѣтъ. Завопилъ, пожалуй бы, и человѣческимъ голосомъ, да ужъ больно дико и жутко. Думаю: слѣзть нешто? пойти на помощь? Опять же — откуда быть тутъ человѣку возлѣ Тая-то, въ нашей глуши? таевцы, я чай, давно съ курями, спятъ по палатямъ... Если же кто изъ мірскихъ ненарокомъ съ воли забрелъ, туда ему и дорога!.. А крикъ опять, да еще страшнѣе... и въ третій разъ. Взяла меня жалость. Рѣшилъ: была не была, спущусь, посмотрю, какое тамъ лихо... да вдругъ — стукъ мнѣ въ голову, — а ну, какъ это морочитъ лѣшій? Нарочно жалоститъ: поди въ темноту, да и попади въ бучило либо Мишкѣ прямо въ зубы. Подумалъ я, поболталъ ногами и опять убралъ ихъ на лабазъ... А тотъ-то, незнакомый, покричалъ еще, постоналъ — и ослабъ, затихъ... На гумнѣ, говорите вы, въ послѣдній разъ видали Гайтанчика?

— Не то что на гумнѣ, — нерѣшительно отозвался кто-то изъ толпы, — а въ родѣ какъ бы туда онъ шелъ.

— Ну, а ревъ этотъ, что я слышалъ съ лабаза, доходилъ отъ болота.

— Такъ надо думать, — сказалъ Филатъ Гавриловичъ, — что пошелъ Васильюшка черезъ трясину по жердочкамъ, да и наткнулся впотьмахъ на Мишку... Правда, они въ ту сторону объ эту пору часто заходятъ. Завтра всѣмъ поселкомъ выдемъ искать Васильюшку.

Одинъ изъ послушниковъ возразилъ:

— Пожалуй, что и безъ Мишки дѣло обошлось, — просто сорвался съ жердочекъ въ трясину и шабашъ. И ежели такъ было, гдѣ ужъ его теперь найти! Развѣ что все болото до дна лопатами расшвырять. Трясина и курицу на сажень засасываетъ, а не то что человѣчьи кости.

— Нѣтъ, я такъ полагаю, — съ рѣдкимъ самообладаніемъ просипѣлъ Конста, — что будетъ толкъ или нѣтъ, а поискать надо. Первое дѣло: ежели матушка духомъ прорекла, что Гайтанчика растерзали звѣри, стало быть, нечего о трясинѣ и поминать; не трясина его сгубила, а медвѣжьи зубы. Опять же и дядя Михайла на звѣря думаетъ, а не на трясину.

— Я больше потому такъ полагаю, — объяснилъ Давыдокъ, — что медвѣди не приходили въ ту ночь на падаль подъ лабазъ, — значитъ, сыты были, жрали его — Гайтанчика-то... А сейчасъ, какъ всю человѣчину слопали, проголодались и пришли въ парѣ, да матерые такіе... самъ лѣсной бояринъ съ боярыней... Я ихъ и положилъ въ два выстрѣла рядышкомъ.

Такъ на томъ и порѣшили, что Василій Осипо-

вичъ сдѣлался жертвою лютыхъ звѣрей. Взвыла по Гайтанчику сіонская горница:

— По лѣсамъ, лѣсамъ высоконькимъ,
По кустикамъ по зелененькимъ,
Тамъ убитъ-лежитъ добрый молодецъ,
Васильюшка свѣтъ-Осиповичъ,
Принакрытъ-то онъ елочкой,
Приваленъ-то онъ можжевельничкомъ,
Зеленая травушка вкругъ пожелкла,
Алые цвѣтики облетѣли,
Клюква-ягода погоркла...

Поиски по лѣсу, разумѣется, ни къ чему не привели. Потужили о Гайтанчикѣ таевцы, помолились о немъ и стали думать, кого бы поумнѣе да потолковѣе приспособить, вмѣсто него, въ посредники между міромъ и лѣсною трущобою. Аксиньюшка, столковавшись съ Филатомъ Гавриловичемъ, ловко направила выборъ на Консту, и въ концѣ апрѣля Михайла Давыдокъ проводилъ Консту съ Зиною до лѣсной опушки.

Въ скоромъ времени — на границѣ лѣсного моря, облегавшаго Тай, и волжскаго бечевника, верстахъ въ двадцати-пяти отъ гайтанчикова городка, заарендовалъ у обѣднѣвшаго мелкопомѣстнаго дворянина землю и усадьбу незнакомый мѣстнымъ жителямъ, наѣзжій изъ Коломны мѣщанинъ Анисимъ Воробьевъ съ молодой женой Прасковьей. Усадебка стояла какъ разъ на распутьѣ двухъ большихъ торговыхъ дорогъ; неподалеку были двѣ богатыя волжскія пристани. Анисимъ открылъ постоялый дворъ и сталъ принимать къ себѣ гостей и съ обѣихъ дорогъ, и съ люднаго волжскаго бечевника. Слава о тароватомъ хозяинѣ и привѣтливой красивой хозяйкѣ, вмѣстѣ съ возчиками и бурлаками, далеко разошлась по Поволжью.

IX.

Пробѣжало полтора года.

На постояломъ дворѣ было, сверхъ обыкновенія, нелюдно. Прасолъ изъ ближняго — верстъ за двадцать — города благодушествовалъ на чистой половинѣ, за пузатымъ самоваромъ, калякая съ хозяиномъ. Молодая хозяйка, сидя поодаль, няньчила ребенка. Со двора доносились звонки и бубенцы прасоловыхъ коней, которыхъ перепрягалъ кучерокъ. Управившись съ лошадьми, онъ вошелъ въ избу, сталъ у порога и молча поклонился.

— Что надо? — окрикнулъ прасолъ, вскидывая на него не слишкомъ суровые глаза. Онъ былъ малый веселый и покладистый.

— Кабы, Трофимъ Петровичъ, того...

— Чего „того“? — передразнилъ прасолъ, — водки просить пришелъ, ненасыть?

— Точно... ежели бы самую малость...

— Ни-ни! и то въ три кабака заворачивалъ. А дѣло къ ночи: какъ ты меня повезешь, наливши глаза?

— Трофимъ Петровичъ! ваше степенство! дозволь докладать: Богъ милостивъ, — теперича мѣсячно, и дорога битая — видать ее, какъ серебро.

— Чудакъ-человѣкъ! самъ же ты говорилъ, что впервой поѣдешь здѣшней дорогой, худо ее знаешь.

— Да что ее знать-то, ваше степенство? Дорога — извѣстно, какъ дорога. Не мудрѣй другихъ. А водочки, за ваше здоровье, прикажите поднести. Потому безъ нея — Господи Боже мой! — по зарѣ зябко, отъ рѣки тянетъ, по перелѣсью подсвистываетъ.

— Вишь, зябкій... Ништо, Анисимъ Сергѣичъ, поднеси ужъ ему, — разрѣшилъ прасолъ.

— Ступай, любезный, въ черную, — приказалъ хозяинъ, не оборачиваясь къ кучеру, — тамъ тебѣ нальютъ. Прасковья, отпусти.

Молодая женщина встала со скамьи и, вмѣстѣ съ мужикомъ, вышла изъ избы.

— Новый у васъ кучерокъ-отъ? — спрашивалъ хозяинъ прасола.

— Новый. Второй мѣсяцъ, какъ взятъ. Ничего, парень хорошій. Виномъ только зашибаетъ иной разъ. Ну, да всѣ по этой дорожкѣ бѣгаемъ.

— Здѣшній?

— Не здѣшній, изъ дальнихъ. Съ Унжи. Про Волкояръ — князя Александра Юрьевича Радунскаго имѣніе — слыхалъ?

— Какъ не слыхать?.. — протяжно молвилъ хозяинъ, поспѣшно ставя блюдце на столъ, потому что оно задрожало у него на пятернѣ, обваривъ горячимъ чаемъ. — Это — котораго еще, не къ ночи будь сказано, величаютъ „Чортушкой на Унжѣ"?

— Вотъ-вотъ... И дочка евоная, отъ мучительства отцовскаго, не то сбѣжала съ полюбовникомъ, не то утопилась...

— Тс-с-с! ска-а-жи, пожалуй!

Дворникъ съ участіемъ покачалъ головой.

Между тѣмъ, въ черной избѣ, возница велъ такой разговоръ съ хозяйкой, пока она цѣдила ему водку:

— Гляжу я на тебя, красавица моя, и ровно бы я тебя гдѣ видывалъ.

— Мудренаго нѣту. На юру живемъ, на людяхъ. Не прячемся, — гляди, кто хочетъ. За посмотръ денегъ не беремъ.

— Въ томъ-то и заковыка, что я впервой въ вашихъ мѣстахъ, а тебя видалъ. Ты изъ какихъ породою будешь?

— Мужъ съ-подъ Коломны, а я володимирска.

— Не бывалъ я тамъ, не случалось... А знать тебя — лопни мои глаза — знаю...

— Можетъ, похожую какую съ лица...

— Нѣтъ, хозяюшка, крали такія не часто на свѣтѣ родятся. Тебя видалъ. Только — гдѣ, хоть убей, не припомню.

— Ну, пей, пей, — нетерпѣливо торопила хозяйка. — Растабарывать съ тобой, парень, мнѣ неколи... За постой нынѣ деньги платятъ, а за бесѣду — рублики.

Прасолъ двинулся въ дорогу. Хозяинъ и хозяйка съ поклонами провожали его на крыльцо. Яркій мѣсячный свѣтъ упалъ на лицо дворника. Возница прасола пристально вглядѣлся въ „коломенскаго мѣщанина", а тотъ, замѣтивъ его взглядъ, поспѣшилъ отступить въ темноту. Однако, онъ слышалъ, какъ кучерокъ потихоньку засвисталъ — будто лошадямъ...

— Э-ге-ге! вотъ оно что! — сказывалъ этотъ свистъ.

„Коломенскаго мѣщанина" передернуло. Укладка прасола загрохотала по твердой битой дорогѣ.

Версты двѣ путники ѣхали молча. Потомъ возница обернулся къ прасолу:

— Дозвольте спросить, Трофимъ Петровичъ: вы этого Анисима давно знаете?

— Нѣтъ, не очень давно. Какъ люди, такъ и я. Онъ на тракту человѣкъ новый. Годъ съ небольшимъ, какъ объявился.

— Ну, стало быть, такъ оно и есть, — рѣшительно воскликнулъ возница и, въ волненіи, чуть не уронилъ возжи. — Узналъ дружка! И не Анисимъ онъ, и не съ-подъ Коломны, Трофимъ Петровичъ.

— Что ты врешь? чай онъ паспортъ имѣетъ, начальству извѣстенъ.

— Что паспортъ? Паспортъ — не указъ. Паспортъ и украсть можно, и самому написать, кто умѣетъ. Я его Трофимъ Петровичъ, знаю, и хозяйку его призналъ... Володимирска, говоритъ... Хитра тоже. Вѣдь это они, Трофимъ Петровичъ.

— Кто они, жерновъ мельничный?

— Слыхали, какъ у насъ изъ Волкояра княжна сбѣжала? Ну, вотъ она самая и есть — хозяйка Анисимова. А онъ — Конста, паренекъ тотъ заблудящій, что вмѣстѣ съ нею пропалъ... Ее-то я не сразу призналъ, потому что одежа личность измѣнила, а его такъ мнѣ мѣсяцемъ и освѣтило. Тутъ, какъ угадалъ я его, то и о ней пришелъ въ понятіе.

Прасолъ захохоталъ.

— Ты бы, Ефремъ, хоть языка пожалѣлъ, — много трепать его будешь, такъ и отвалится. Статочное ли дѣло — искать княженъ по постоялымъ дворамъ?

— Батюшка, Трофимъ Петровичъ, присягу могу принять, что они.

Зина и Конста, по отъѣздѣ прасола, были въ большомъ затрудненіи. Ихъ узнали уже въ третій разъ за полтора года ихъ удачливаго хозяйства, и — главное — самъ Конста призналъ въ возницѣ прасола Ефремку, продувного парня, котораго волкоярскій управляющій Муфтель, въ послѣднее время, держалъ при себѣ на посылкахъ. Признавшіе волкоярскихъ бѣглецовъ въ первые разы были изъ простецовъ: Конста легко заговорилъ имъ зубы, такъ что они сами надъ собой посмѣялись: какъ это угораздило ихъ принять солиднаго рыжебородаго дворника за недавняго парнишку изъ волкоярской дворни? Но Ефремку Конста зналъ не за такого человѣка, чтобы его было легко одурачить.

— Онъ, подлецъ, этого такъ не оставитъ, — вол-

новался Конста. — Онъ жадный, да и голова у него на плечахъ, — не капустный кочанъ. Сообразитъ, что дѣло пахнетъ поживою. Станетъ съ насъ тянуть деньги. Мужикъ наглый — выдоитъ насъ въ лучшемъ видѣ. А потомъ — я такихъ хамовъ насквозь знаю: — чуть почуялъ за собою силу и власть, сейчасъ и зазнался, и началъ ломаться да охальничать. И придется расправляться съ нимъ не хуже, чѣмъ съ Гайтанчикомъ.

— Ужъ отъ этого избави Богъ! — открещивалась Зина.

Конста сходилъ въ Тай посовѣтоваться съ Матреной.

— Охота вамъ съ этимъ постоялымъ дворомъ путаться? — сказала пророчица. — Благо выпустили васъ таевцы, шли бы, куда глаза глядятъ: дорога на всѣ четыре стороны. Волга — рядомъ. А на гайтанчикову справу и безъ васъ найдется человѣкъ... И таевцы не обидятся. Скажу, что бѣжали вы отъ гоненія иродова, —еще страдальцами васъ почитать станутъ. Ну, а если ужъ сразу сейчасъ нагрянетъ начальство съ обыскомъ, — бѣгите въ лѣсъ да въ Тай. Переждете здѣсь, пока уляжется бѣда, а потомъ ступайте, куда хотите!

Вскорѣ послѣ того, какъ прасолъ Трофимъ Петровичъ гостилъ на постояломъ дворѣ коломенскаго мѣщанина Анисима, — кучерокъ Ефремъ надумался, что, какъ ни какъ, а встрѣчу съ волкоярскими бѣглецами пропустить безъ пользы не слѣдъ. Хозяину его снова случилось быть поблизости тѣхъ мѣстъ, на большой сельской ярмаркѣ. Ефремъ отпросился у прасола на нѣсколько часовъ въ гости и ударился къ постоялому двору — въ намѣреніи поговорить съ Констою на чистую и взять съ него, что можно, за молчаніе.

— Меньше тыщи рублевъ — сейчасъ издохнуть! — не возьму, — мечталъ волкоярскій проходимецъ. — Такъ и скажу: клади объ это мѣсто тыщу рублевъ, а то — къ становому.

Каково же было его удивленіе, когда онъ нашелъ постоялый дворъ закрытымъ, замокъ на калиткѣ, ворота плотно заперты, на ставняхъ засовы... Отъ сосѣдей онъ узналъ, что Анисиму и Прасковьѣ торговля показалась убыточной, и они продали свое заведеніе и передали аренду усадьбы дворнику изъ сосѣдняго села. Новый хозяинъ въ дѣло еще не вступалъ, а старые, получивъ деньги, живо собрали свой скарбъ и уѣхали.

— Куда? правду тебѣ сказать, милый человѣкъ, не знаемъ. Говорили, якобы на родину. А жаль: хорошіе были люди, ласковые. Оттого и проторговались. Съ ласковостью да тароватостью нешто дворничать возможно? Тутъ собакой надо быть, разбойникомъ.

Нашелъ Ефремъ новаго дворника. Осанистый, сѣдоватый мужикъ — косая сажень въ плечахъ — долго смотрѣлъ на него умными, равнодушными глазами.

— Ты что же? сродни, что ли, Анисиму будешь? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ... мы такъ...

— А коли такъ, нечего тебѣ, парень, о нихъ и безпокоиться, обивать чужіе пороги.

— Должокъ, признаться, за нимъ остался, — хитрилъ Ефремъ.

— До-о-лжокъ? — насмѣшливо протянулъ дворникъ, — ну, братъ, жаль мнѣ тебя: надо полагать, получишь на томъ свѣтѣ угольками... Анисимъ теперь — ау гдѣ! Ищи вѣтра въ полѣ.

Ефремъ разгорячился, — ему почему-то казалось,

будто старикъ отлично знаетъ: и кто такіе были Анисимъ съ Прасковьей, и по какому дѣлу онъ ихъ ищетъ, и куда они уѣхали. Терять ему было нечего, и онъ откровенно объяснился съ дворникомъ.

— И ежели теперича, Прохоръ Иванычъ, ты такихъ воровъ будешь укрывать, — заключилъ онъ, — то и самъ попадешь въ отвѣтъ предъ начальствомъ.

— Что ты такое бредишь, парень? Даже удивительно! — спокойно возразилъ дворникъ. — Никакихъ твоихъ исторіевъ я не знаю и знать не хочу. Мнѣ продали, а я купилъ — вотъ и все мое дѣло, и весь отвѣтъ. Росписки имѣю, бумаги въ порядкѣ. А кто что продалъ, — пущай начальство разбираетъ, коли надобно; наша торговая часть — сторона. Начальству же мы, слава Богу, довольно извѣстны: старожилы здѣшніе. И еще я тебѣ скажу. Ты говоришь, что Анисимъ мошенникъ и названецъ. А, по-моему, мошенникъ-то выходишь ты. Анисимъ человѣкъ торговый, съ понятіемъ, съ деньгой. Ребенокъ у него родился, — становиха въ кумахъ была: во какъ! А ты приходишь на него мараль пущать: явное дѣло — сорвать хочешь... За это, братъ, тоже васъ, прохвостовъ, не хвалятъ. Вѣдь, коли что знаешь, доказать надо. А докажешь ли? полно, поручишься ли навѣрняка? А ну, какъ не докажешь? Чай, самъ пословицу знаешь: доносчику первый кнутъ.

— Да помилуй, Прохоръ Иванычъ...

— Нѣтъ, парень, вѣдь это я такъ говорю, жалѣючи твоего глупаго разума, а по мнѣ — какъ хочешь... Лови жаръ-птицу въ осиновой рощѣ, ищи княжонъ по постоялымъ дворамъ.

Ефремъ настаивалъ. Дворнику это наскучило, и онъ честью предложилъ кучерку:

— Вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

Очутившись на улицѣ, Ефремъ поохалъ, повздыхалъ... и, не солоно хлебавши, побрелъ восвояси — кучерить у прасола.

X.

Надъ Волгою ложились сумерки. Подъ мутнымъ темнѣющимъ небомъ рѣка отливала свинцомъ и сталью. День прошелъ нехорошій — холодный и вѣтряный, — а ночь обѣщала быть еще хуже. Люди на большой баркѣ, спускавшейся по теченію отъ Васильсурска, дрогли и кутались. Барка была нагружена прессованнымъ сѣномъ — въ ту пору, совсѣмъ новостью и рѣдкостью. Какой-то агрономъ занялся этимъ производствомъ на заливныхъ пріокскихъ лугахъ и теперь сплавлялъ первый грузъ, какъ пробу, другому агроному подъ Казань. Въ Васильсурскѣ на барку попросились довезти ихъ до Казани мужчина и женщина съ малымъ ребенкомъ и довольно вѣскою поклажею. Это были Зина и Конста. Потолкавшись въ суетѣ Макарьевской ярмарки, они осторожно спускались къ низовью — въ намѣреніи пробраться черезъ Астрахань и Каспій въ Закавказье, гдѣ русскому смышленому человѣку была, въ то время, жизнь вольная — какъ у Христа за пазухой. Люди были нужны. Какіе люди и что у нихъ за паспорты, не очень разбиралось. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряли Консту тифлисцы, съ которыми случай свелъ его у Макарія. Онъ рѣшилъ попробовать счастья въ Тифлисѣ. Зина, по обыкновенію, не прекословила.

— А если не выгоритъ наше дѣло въ Тифлисѣ, махнемъ на Черное море — тамъ рукой подать. И Адестъ-городъ, и Туречина... куда захотимъ, туда и поѣдемъ.

Въ какихъ именно разсчетахъ стремился Конста въ Тифлисъ, онъ и самъ не зналъ. Но онъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ пристроиться къ какому-нибудь прибыльному и подходящему для себя занятію. Конста былъ искателемъ приключеній по самой своей природѣ. Способностями онъ обладалъ удивительными и не безъ основанія полагалъ о себѣ, что онъ годится на всякое дѣло. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, что они съ Зиной промыкали по Поволжью, онъ успѣлъ научиться говорить по-татарски — не только сносно, но даже не безъ щегольства... А ужъ ругался совсѣмъ артистически.

— Экая жалость, — говорилъ онъ Зинѣ, — что ты по французскому и нѣмецкому разучилась!..

— Да я и знала мало. Какъ меня учили? По французскому Амалія Карловна сама была плоха — еле плела. А отъ нѣмецкаго меня съ души воротило. Не хотѣла я говорить.

— А ей бы тебя присадить!

— Гдѣ ужъ? Вѣдь она всегда была больная — хворая, кислая, безногая.

— Жаль, крѣпко жаль! А то бы я у тебя живо перенялъ. Кто по-французскому говоритъ, — хорошо. Не страшно и съ господами обращеніе имѣть, и въ господа самому вылѣзть. Нешто приспособить француженку какую въ Тифлисѣ?

Пошутилъ Конста да и самъ былъ не радъ. Всегда спокойное лицо Зины сперва побѣлѣло, потомъ побагровѣло, губы затряслись, глаза стали огромными и съ тусклымъ отблескомъ, какъ олово...

— Князь! вылитый старый князь! — мелькнуло въ памяти смущеннаго Консты.

— Ты никогда не смѣй мнѣ говорить такого, — хрипло сказала Зина, оправляясь. — Я не люблю.

Ты не смотри, что я стала тихая. Во мнѣ черти сидятъ. Расходятся, — будетъ нехорошо.

— Глупая... вѣдь я въ шутку!

— И въ шутку не надо. Не хочу я, чтобы такимъ дѣломъ шутить... Оно у меня — только одно и есть на свѣтѣ. Мой ты — больше ничего!.. цѣлуй меня скорѣй!.. цѣлуй!.. обнимай!..

Ее охватилъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ страсти, отъ которыхъ не разъ дѣлалось жутко даже самому Констѣ.

— Эдакая же звѣрь-баба! — думалъ онъ про себя, — ну, хорошо, что любитъ, ласкается... А вѣдь, случись между нами какой разладъ, она зарѣжетъ — не охнетъ...

Барочный приказчикъ — длинный, какъ червь, мѣщанинъ изъ-подъ Рязани, худой и томный, съ сладкою, вѣжливою рѣчью — уступилъ супругамъ свою рубку, и они завалились спать. Но среди ночи Консту всполошили крики и топотъ на палубѣ... Онъ, въ одной рубахѣ, выскочилъ изъ рубки... Громадный косой столбъ розоваго пламени всталъ предъ его глазами... Барка горѣла, какъ свѣча. Люди въ отчаяніи метались отъ борта къ борту, оглашая темную ночь раздирающими душу воплями о помощи.

— Зинаида!.. вставай... бѣда! — не своимъ голосомъ закричалъ Конста и, сорвавъ со стѣны жилетку, гдѣ были зашиты у него деньги, быстро напялилъ ее на плечи.

— Лодку... Лодку... Ло-о-одку! — вопили погибающіе. Но лодокъ не подавали. Пожаръ вспыхнулъ, когда барка находилась въ промежуткѣ двухъ береговыхъ селъ — до обоихъ было версты по четыре. Въ дрожащемъ красномъ свѣтѣ, игравшемъ по чешуйчатой рѣкѣ, видно было, какъ на берегу мета-

лись бурлаки-бечевщики. Слышны были ихъ голоса... Они совсѣмъ потерялись, безсильные подать помощь товарищамъ на баркѣ, потому что бечева перегорѣла.

Сѣно горѣло, какъ свѣча, почти безъ дыма, съ невѣроятной силой, яркостью и быстротой. Пламя раздувалось, какъ флагъ, махало краснымъ языкомъ по всей палубѣ. На баркѣ нельзя было дольше оставаться.

Люди стали бросаться въ воду. Приказчикъ соскочилъ первымъ и... на глазахъ Консты пошелъ ко дну. Его маленькая голова вынырнула раза два и пропала. Зина, съ ребенкомъ на рукахъ, глядѣла на черную рябь рѣки, которую пожаръ окрашивалъ точно кровью.

— Ты умѣешь плавать? — спросилъ ее Конста. Самъ онъ плавалъ, какъ рыба.

Она отрицательно покачала головою. Сквозь пламя, по зыблющимся, подгорающимъ доскамъ, Конста прорвался въ рубку барки, схватилъ изъ угла пустой бочонокъ, и въ два прыжка очутился возлѣ Зины... Доски сзади его обломились; взвился снопъ искръ, и пламя лизнуло ему спину краснымъ языкомъ. Обожженный, въ пылающей одежѣ, бухнулся онъ вмѣстѣ съ бочонкомъ въ Волгу.

— Прыгай ко мнѣ! — кричалъ онъ. Зина прыгнула, и — не успѣла глубоко окунуться, какъ Конста уже подхватилъ ее сильною рукою и увлекъ отъ барки: она вся превратилась въ пламя, крутящееся подъ вѣтромъ.

— Держись за боченокъ!.. — быстро говорилъ Конста. Но Зина, вычихнувъ набравшуюся въ ноздри воду, оглядѣлась безумными глазами и — къ воплямъ, разносившимся по рѣкѣ, прибавился ея отчаянный голосъ:

— Дашка! гдѣ моя Дашка?

Тутъ только Конста замѣтилъ, что ребенка на рукахъ у нея нѣту. Очутившись подъ водою, Зина невольно развела руки, и спеленатый кусокъ живого мяса, какъ свинецъ, канулъ на дно рѣки.

Конста застоналъ... Но время не терпѣло. Онъ заставилъ Зину опереться на боченокъ, и поплылъ къ берегу, толкая ее рядомъ съ собою. Зина такъ глубоко лежала въ водѣ, что снаружи виднѣлись только носъ да губы. Тянуть ее за собой было каторгой... Съ Волги уже слышались голоса людей, спѣшившихъ на лодкахъ выручать погибающихъ. Но лодки были еще далеко, а Конста терялъ послѣднія силы. Мокрая одежда становилась все тяжелѣе и тяжелѣе. Осиплымъ, сорвавшимся голосомъ звалъ онъ на помощь...

До темнаго берега оставалось еще саженей пятнадцать. Зина все грузнѣе и грузнѣе опускалась въ воду; руки ея обезсилѣли... боченокъ отъ нея ускользнулъ. Сверхчеловѣческимъ усиліемъ Конста поймалъ его и опять далъ ей въ руки. Потомъ, держась правою рукою за тотъ же боченокъ, лѣвою онъ схватилъ Зину за ея разбитую мокрую косу и поплылъ, ежеминутно глотая воду...

— Не могу больше... — простонала Зина... Ея тяжесть опять потянула Консту ко дну. Но дно оказалось уже неглубокимъ: Конста досталъ его ногою. Торжествующій крикъ вырвался у него изъ груди.

— Зинка, не тони! Зинка, держись! — хрипѣлъ онъ, — минуту еще... одну минутку...

Вода была уже по плечи Констѣ... Онъ шагнулъ разъ, другой, волоча за собою безчувственную женщину и остановился на безопасномъ мѣстѣ, держа

ее на плечѣ: вода была немного выше пояса. Счастливая звѣзда вынесла Консту на отмель... здѣсь ихъ и подобрали.

Барка затонула... да, надо полагать, немного отъ нея и оставалось, когда она пошла ко дну, судя по обилію и мелкости обгорѣлыхъ обломковъ: сутокъ двое вылавливали ихъ окрестные мужики. Выловили пять труповъ: живыми съ барки ушли только Зина съ Констой, да и то, относительно первой, трудно было сказать, чѣмъ кончится для нея страшное потрясеніе... Кромѣ пережитаго ужаса, глазъ на глазъ съ неминучей гибелью, кромѣ простуды въ осеннихъ водахъ, кромѣ потери ребенка, ее постигла еще бѣда, — она выкинула, и теперь, лежа на палатяхъ крестьянской избы, въ горячешномъ бреду, колебалась между жизнью и смертью.

Конста отдѣлался ожогомъ и лихорадкой. Онъ высохъ и пожелтѣлъ — даже до бѣлковъ глазъ. У него было другое несчастіе. Когда онъ, взятый лодочниками, очнулся и пообсушился, первою его мыслью было:

— А наши деньги?

Онъ нащупалъ мѣсто, гдѣ зашиты были ассигнаціи.. Пусто!.. Констѣ надо было много самообладанія, чтобы не закричать: „караулъ! ограбили!..“ Онъ сдержался, осмотрѣлъ себя и — все понялъ: второпяхъ, выбѣгая изъ рубки, онъ сорвалъ съ гвоздя и надѣлъ вмѣсто своей жилетки — жилетку погибшаго приказчика.

— Купецъ! бумажникъ-отъ не потеряй, а то выпалъ было, какъ тебя изъ лодки выносили, — замѣтилъ ему хозяинъ избы, указывая на кожаный бумажникъ, бережно положенный на божницу.

Конста жадно схватился за мокрый бумажникъ:

денегъ въ немъ была самая малость, пятьдесятъ рублей, приготовленныхъ приказчикомъ на мелкіе расходы. Это былъ весь капиталъ Консты и Зины — на всю жизнь... Констѣ стало страшно.

— Ты изъ какихъ будешь, купецъ? — приставалъ къ Констѣ хозяинъ.

Но онъ безсмысленно смотрѣлъ на мужика и ничего не отвѣчалъ.

— Не трожь его, не замай, — вступился кто-то. — Вишь, перепужался парень, словъ лишился. Ужò отойдетъ, — разспросимъ. Къ тому часу и становой подоспѣетъ...

— Не засудили бы насъ за тебя, купецъ... — сомнѣвался хозяинъ.

— Вона — засудили! — возражалъ защитникъ Консты, — за что? Нешто мы убили кого али ограбили? Двухъ человѣкъ спасли... намъ медаль надо! А что пожаръ, — мы тому неповинны.

— А бурлаки-то, что въ лямкѣ шли, сробѣли, сбѣжали.

— Имъ какъ не робѣть? Небось безпаспортные. Попалъ въ дѣло, — вотъ и бродяга. Въ острогъ, да по этапу. А теперь время горячее — Макарьевская. Цѣна бурлаку — рупь въ день. Разсчетъ ли ему съ начальствомъ валандаться? Сбѣжишь!

Оставшись одинъ, Конста еще разъ пересмотрѣлъ содержимое бумажника. Кромѣ денегъ, тамъ лежали кое-какія торговыя записки и счета, и четыре паспорта: самого приказчика, двухъ бурлаковъ и артельной стряпухи... Остальная босая команда, должно быть, и впрямь была безпаспортная. Паспорты были чуть-чуть попорчены водой... Конста задумался. Это тоже было богатство въ своемъ родѣ.

На завтра, на вопросъ станового, какъ звать, — Конста, не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ:

— Андрей Ивановъ Налимовъ, изъ дворовыхъ, вольно-отпущенный человѣкъ господъ Турухайскихъ... Торгуемъ, по малости, краснымъ товаромъ...

— Такъ, — сказалъ становой, просматривая видъ, — а барка чья?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Мы сѣли въ Васильсурскѣ съ бабенкой этой, что валяется въ клѣти больная. Приказчикъ посулилъ подвезти вещи до Казани, да вотъ и попуталъ грѣхъ. Всего имущества лишились; деньги, какія были въ сундукѣ, — все взяли огонь да вода. Тысячъ на восемь горя купили... Да! Бабенки-то моей паспортъ прикажете, ваше высокоблагородіе?

— А почему онъ у васъ? — уже вѣжливо спросилъ разореннаго тысячника становой.

Конста потупился.

— Что грѣха таить, ваше высокоблагородіе? Который годъ уже любимся... Все равно, какъ жена.

Все было въ порядкѣ. По новому паспорту Зина числилась зарайской крестьянкой Марьей Прохоровой... Примѣты были подходящія, — то есть, вѣрнѣе сказать, обычныя для всѣхъ: волосы русые, глаза сѣрые, носъ и ротъ обыкновенные, лицо чистое, особыхъ примѣтъ не имѣется. По видимости, ничего незаконнаго въ личностяхъ Налимова и Прохоровой не усматривалось... Хотѣлъ было становой, для очистки совѣсти, поразспросить самое Прохорову, но Зина лежала безъ памяти, ничего не понимала и даже не бредила.

— Красивая какая! — подумалъ становой. Паспорты остались при дѣлѣ, а Конста и Зина получили проходныя свидѣтельства въ Казань. Становой — сочувствіе-сочувствіемъ, — но все-таки за свидѣтельства сорвалъ съ Консты. Надо было заплатить и хо-

зяевамъ за подмогу и содержаніе, и одеженку хоть какую-нибудь купить.

Недѣли черезъ полторы, богатырская натура Зины взяла верхъ надъ болѣзнью. А еще черезъ недѣлю Конста уже везъ ее — еще безсильную и тощую, какъ скелетъ, — на мужицкой телѣгѣ въ Казань...

— Ну, Константинъ, — думалъ онъ, подпрыгивая на облучкѣ, — теперь держи ухо востро. Забота у насъ на плечахъ великая, а денегъ — красная бумажка. Пропадемъ, али не пропадемъ? Эхъ, да ужли жъ ни у меня, ни у Зинки звѣзды нѣтъ на небѣ? Авось Богъ милостивъ... выручитъ насъ Казань-городокъ...

XI.

Казань въ то время была городъ — дикій, не дикій, да и не цивилизованный. Казань, по-татарски, значитъ, „котелъ", и она, дѣйствительно, была котломъ, въ который сплывало и въ которомъ перекипало всевозможное злополучіе человѣческое, стекавшее изъ крѣпостного Заволжья — до Уфы и Оренбурга, изъ заводскихъ губерній, бѣжавшее съ сибирскаго поселенія и каторжныхъ работъ. Миновать Казань ни въ Сибирь, ни изъ Сибири было невозможно. Она была какъ бы первымъ европейскимъ узломъ, къ которому тянула русская Азія: Уфа, Оренбургъ, Пермь, Вятка были для нея еще какъ бы этапами и далекими пригородами. Поэтому много бѣглаго и преступнаго народа — сибирскихъ поворотниковъ — брали въ Казани, но еще болѣе ихъ застаивалось въ ней, пережидая фортуны, чтобы отъ Бакалдинской пристани сплыть на низъ къ Жегулямъ или на верхъ къ Нижнему. Область имѣла и отчасти оправдывала репутацію неспокойной. Совершить поѣздку, напримѣръ,

изъ Уфы, либо даже изъ ближайшихъ уѣздныхъ городовъ, въ Казань почиталось путешествіемъ не шуточнымъ и не безопаснымъ, потому что разбои на большихъ дорогахъ были обыкновеннѣйшимъ явленіемъ. На проводахъ отважнаго путешественника служились молебны, семья ревмя-ревѣла, точно родитель ѣхалъ не въ губернію по дѣламъ и за покупками, но на кровопролитную войну. Проѣзжая дворянскими усадьбами, путешественникъ видѣлъ ихъ какими-то крѣпостями. На ночь окна въ помѣщичьихъ домахъ запирались крѣпкими ставнями и желѣзными болтами; въ дверяхъ сѣней вырѣзывались круглыя отверстія — бойницы для стрѣльбы по непрошеннымъ ночнымъ гостямъ; ружья всегда были наготовѣ. Стучась въ такія укрѣпленныя двери, надо было не зѣвать и немедленно отвѣчать на окликъ, — иначе хозяева стрѣляли. Мензелинскій помѣщикъ Левшинъ такимъ образомъ чуть не убилъ исправника, который вздумалъ съ нимъ пошутить и „попугать". Подъ самою Казанью бродили два разбойника, Быковъ и Чайкинъ. За первымъ считалось 105 собственноручно имъ загубленныхъ душъ, за вторымъ 90. Они соперничали въ жестокостяхъ, кто лише отличится. Самою излюбленною забавою этихъ людей-чертей было вскрывать животы беременныхъ женщинъ и разсматривать младенчиковъ. Когда ихъ схватили, то не полиція и не солдаты стерегли острогъ, а народъ съ него глазъ не спускалъ, боясь, чтобы двуногіе звѣри не вырвались на свободу для новыхъ злодѣйствъ. Весною 1849-го года Быковъ и Чайкинъ были выведены на Арское поле для наказанія шпицрутенами. Быковъ былъ приговоренъ къ двѣнадцати тысячамъ ударовъ, Чайкинъ — къ десяти тысячамъ. Это было равносильно смертной казни. Тѣмъ болѣе, что солдаты условились не давать поща-

ды и били разбойниковъ съ ожесточеніемъ, — даже, говорить очевидецъ, „въ противность уставу, выбѣгая изъ строя“. Смотрѣть эту страшную живодерню валилъ народъ даже изъ уѣздовъ. Никогда Арское поле не вмѣщало болѣе многолюдной и злорадной толпы. Полнаго наказанія Быковъ и Чайкинъ не вынесли и умерли въ госпиталѣ на второй или третій день.

Страшная школа, въ которой вырабатывались подобные характеры, лежала между Волгою и Ураломъ. Только что взяли въ опеку уфимскаго помѣщика, пріятеля графа Канкрина, пресловутаго Анастасія Жадовскаго, злоупотребленія котораго помѣщичьимъ правомъ, и въ XVIII вѣкѣ, въ екатерининское раздолье дворянской вольности, были бы необыкновенны. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ сидѣла, какъ баба-яга, „живая покойница“, Евгенія Ивановна Можарова, которая засѣкала дѣвокъ своихъ за неубранную тряпку, за неопрятный передникъ, и имѣла нарочный сарай-застѣнокъ, гдѣ, если жертва умирала подъ розгами, ее тутъ же, подъ скамьею для сѣкуціи, зарывали подъ землю и мѣсто аккуратно заравнивали песочкомъ. Когда злодѣйства Можаровой дошли до Петербурга, произведено было слѣдствіе, и дѣло перешло въ сенатъ, то спасти эту новую Салтычиху могло только одно средство, героическое, но довольно обыкновенное въ старыхъ крѣпостническихъ нравахъ: юридическая смерть. Цѣною огромныхъ затратъ и взятокъ, показали Евгенію Ивановну умершею и дѣло „предали волѣ Божіей“, а Можарова втихомолку спокойно доживала свой вѣкъ. Характера своего „живая покойница“ нисколько не измѣнила. Жестокіе ревматизмы уложили ее въ постель. Дни ея были сочтены. Врачъ посовѣтовалъ разглаживать ее теплыми утюгами. Уми-

рающая и тутъ осталась себѣ вѣрна. Гладильщицы ея то и дѣло вскрикивали и обливались кровью. Оказалось, что старая вѣдьма добыла гдѣ-то вилку и подгоняетъ ею усердіе прислужницъ, и колетъ ихъ, когда находитъ, что онѣ ей мало помогаютъ.

Грозные звѣрствовали, добрые глумились. Провинившагося лакея кроткая помѣщица, не признающая тѣлеснаго наказанія, ставила на колѣняхъ по срединѣ двора и заставляла вязать чулокъ. Горничная, не выполнившая приказанія, приглашалась въ гостиную, — сажали ее на мѣсто барыни, на диванѣ, подавали ей чай, говорили ей „вы" и „чего изволите", — до тѣхъ поръ, пока виноватая не валилась въ ноги, моля простить ее и освободить отъ непривычнаго пріема и угощенія. Если мужикъ сказывался больнымъ и отлынивалъ отъ барщины, его помѣщали въ отдѣльную комнату въ барскомъ домѣ и лѣчили діэтой, — давали, вмѣсто обѣда, кусочекъ бѣлаго хлѣба и рисовый супъ. Обыкновенно больной спѣшилъ выздоровѣть, но бывали и такіе гордецы, что, къ удивленію гуманной исправительницы, выздоровѣвъ, ударялись въ бѣга и увеличивали собою число вольной казанской голи.

Совсѣмъ не рѣдко было встрѣтить въ помѣщичьихъ домахъ наслѣдіе XVIII вѣка — шутовъ и шутихъ. Пожилой мужчина, въ усахъ и бакенбардахъ, но въ сарафанѣ, ожерельяхъ на шеѣ и съ серьгами въ ушахъ, во многихъ дворянскихъ усадьбахъ, особенно поглуше, вдаль отъ Казани, вглубь уѣздовъ, встрѣчалъ гостей ужимками своими. Если-какой либо гость, вкусившій европейскаго прогресса, выражалъ недоумѣніе, хозяева оправдывались:

— Наше дѣло деревенское, частенько бываетъ, что и соскучишься. Что дѣлать? Ну, и велишь по-

звать дурака, а онъ и начнетъ городить всякую чепуху, а не то какъ-нибудь кривляться, прыгать станетъ. Ну, подчасъ и разсмѣшитъ, и слава тебѣ, Господи! А у насъ дуракъ и презабавный, право!

Крѣпостныя цѣпи были всюду напряженныя, сторожкія. Почти сто лѣтъ минуло съ Пугача, но обѣ стороны его помнили, какъ вчерашній день, и принимали, какъ урокъ. Отсюда дикая суровость помѣщиковъ, чувствовавшихъ за собою непобѣдимое засилье. Отсюда нелюбовь крестьянъ даже къ тѣмъ барамъ, которыхъ они сами почитали добрыми и справедливыми. Рѣдкими были примѣры хорошихъ взаимоотношеній между душевладѣльцами и душами владѣемыми. Листовскіе, Левшины гордились, что „крѣпостные ихъ любятъ", но любовь эта принималась на вѣру. Старушка Лореръ, увѣренная въ томъ же, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, уставъ управлять имѣніемъ и не имѣя наслѣдниковъ, отпустила на волю тысячу душъ, ей принадлежавшихъ, и подарила имъ всѣ свои земли и угодья — съ тѣмъ, чтобы крестьяне до конца ея жизни выплачивали ей по двѣ тысячи рублей ежегодно, да сверхъ того, тоже до конца барыниной жизни, давали бы по два работника въ день для работъ по господскому саду и усадьбѣ. Крестьяне, безконечно благодарные благодѣтельницѣ, обязательства свои исполняли честно.

— Только, — жаловалась старушка Лореръ, — съ нѣкоторыхъ поръ, видно, имъ надоѣло работать у меня въ саду. Вотъ они и ропщутъ. А иногда подойдетъ работникъ къ окошку, гдѣ я люблю сидѣть, да и начинаетъ меня усовѣщевать: — Матушка, грѣхъ тебѣ! Чужой вѣкъ зажила! Смерти на тебя нѣтъ! Долго ли намъ еще тутъ маяться?... Такіе озорники,

право! А что жъ мнѣ дѣлать? Видно, такъ Богу угодно. Вѣдь не руку же на себя въ ихъ угоду накладывать.

У лютыхъ помѣщиковъ народъ гнулъ голову, стиснувъ зубы, мечталъ о близкой волѣ и все ждалъ какого-то таинственнаго царя Михаила:

— Идетъ царь Михаилъ. Онъ былъ заключенъ до сего времени за двумя желѣзными дверями и шестью замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство и хочетъ онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего.

Кто утомлялся ждать царя Михаила, бѣжалъ ему на встрѣчу — большого воинства не находилъ, но самъ утопалъ въ великомъ воинствѣ всероссійской бродячей вольницы.

Въ самой Казани воровство шло страшное. Полиція вмѣнила домохозяевамъ въ обязанность имѣть дворниковъ, а кто не въ состояніи — держать дворовыхъ собакъ. На Ляцкой улицѣ, скупой профессоръ Мастаки, „такъ какъ былъ уже въ отставкѣ, значитъ, имѣлъ много свободнаго времени для отдыха въ теченіе дня, то ночью принималъ на себя роль собаки: онъ садился на лавочку за воротами и лаялъ. Все-таки старость, при порядочной тучности, брала свое, и Мастаки частенько дремалъ. Но, точный въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, просыпаясь, онъ не забывалъ своей роли и каждый разъ пробужденіе свое знаменовалъ лаемъ. Однако, спросонья не всегда удачно выходило у него подражаніе, что разъ заинтересовало одного изъ товарищей-профессоровъ, проходившаго по этой улицѣ. Онъ подошелъ къ дому Мастаки, луна освѣтила фигуру дремавшаго грека.

Шаги заставили его проснуться, но, вмѣсто привѣтствія, онъ встрѣтилъ товарища собачьимъ лаемъ".

Улицы были первобытны и едва освѣщались. За Булакомъ не было тротуаровъ и мостовой, а только деревянные мостки, не было фонарей, и извозчики туда ѣхали неохотно даже днемъ, а вечеромъ — ни за какія деньги. Лужи-непересыханки разливались тамъ во всю ширь улицъ, и существовалъ промыселъ переноса черезъ грязь, за двѣ, за три копейки, на широкой спинѣ и дюжихъ плечахъ босяцкихъ. Очевидецъ разсказываетъ, какъ однажды, среди такой лужи, живой конь, несущій наряднаго студента къ знакомымъ на вечеринку, былъ остановленъ пьянымъ, который, „видя передъ собою силуэтъ человѣка съ ношею на спинѣ, принялъ его за шарманщика и скомандовалъ:

— А, шарманка, играй!

Живой конь заартачился было, но пьяный сталъ его поталкивать. Студентъ, въ ужасѣ, что вывалятъ его въ грязь и пропалъ его балъ, нашелся, шепнулъ на ухо подсѣдельному своему:

— Верти рукой!

— Да что я буду вертѣть? — изумился тотъ.

— Верти!

Подсѣдельный сталъ вертѣть рукою, а студентъ на его спинѣ запѣлъ тоненькимъ голосомъ моднѣйшій тогда романсъ:

Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь,
Какъ ты мила!!!

Пьяный, послушавъ немного, промычалъ:

— Проваливай!

И побрелъ себѣ по лужѣ, „отыскивая, гдѣ посуше

и удобнѣе отдохнуть, а студентъ благополучно перешелъ черезъ Рубиконъ".

Утопая въ своихъ, даже не цѣлебныхъ грязяхъ, казанцы могли утѣшаться только тѣмъ, что въ другихъ городахъ еще хуже. Въ Пензѣ англичанинъ, плѣнный офицеръ, утонулъ, — по настоящему, до смерти утонулъ, — на главной улицѣ, потому что вздумалъ гулять по городскимъ мосткамъ — деревянному тротуару. Доска вывернулась изъ-подъ его ноги, онъ провалился въ канаву подъ мостками, въ текущую жидкую грязь, упалъ и задохнулся прежде, чѣмъ его успѣли извлечь. Въ Уфѣ новый губернаторъ отправился дѣлать визиты и — завязъ безвылазно въ грязи. Карету его едва вытащили. Женщины не рѣшались переходить черезъ улицы иначе, какъ по накиданнымъ доскамъ или нарочно протоптаннымъ тропинкамъ: съ дерзавшихъ шагать напрямикъ грязь „снимала башмаки". Полагалось освѣщать городъ фонарями съ коноплянымъ масломъ, но будочники поѣдали масло съ гречневою кашею, и надъ Уфою царила прежняя темь. Тогда губернаторъ приказалъ прибавить въ масло скипидару. Не совершенно помогло. Бутарское брюхо и скипидаръ выдерживало. А что за вонь и гадость распространяли подобные факелы, легко себѣ вообразить. Чтобы ввести въ Уфу подобіе городского освѣщенія, понадобился совершенно исключительный губернаторъ, отказавшійся, въ безпримѣрномъ безкорыстіи, отъ обычной дани, которую откупъ платилъ его предшественникамъ. Губернатора этого звали не то Талызинъ, не то Баскашинъ. „Сила привычки велика. Откупъ, видя въ своихъ книгахъ по губернаторской статьѣ пробѣлъ, впалъ въ превеликую тоску и, чтобы избавиться отъ нея, предложилъ освѣщать городъ спиртомъ. И все,

такимъ образомъ, устроилось какъ нельзя лучше: совѣсть губернатора была покойна, откупъ избавился отъ тоски", а городъ обрѣлъ свѣтъ, такъ какъ золотопромышленникъ Базилевскій подарилъ ему цѣлыхъ двѣсти фонарей.

Татарская часть Казани пребывала едва ли не въ томъ же состояніи, какъ засталъ ее грозный царь Иванъ Васильевичъ: азіатскій городокъ съ множествомъ минаретовъ, мужественно выдиравшихся изъ непроходимой грязи. Полиція сюда заглядывала только за взятками. Народъ смирный, зажиточный и честный, татары управлялись какъ-то сами собою, подобно маленькому государству въ государствѣ, — зато и были едва ли не самою доходною статьею въ бюджетѣ полицеймейстеровъ, за исключеніемъ, конечно, поборовъ съ старообрядцевъ. Память взятія Казани сохранилась въ зимнихъ кулачныхъ бояхъ на Кабанъ-озерѣ, которые славились по всей Россіи и, кажется, нигдѣ не достигали большаго ожесточенія и правдоподобія въ сходствѣ съ настоящимъ побоищемъ. „Индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ". Когда татаре одолѣвали, они, по крайней мѣрѣ, ограничивались побѣдою въ предѣлахъ озера и успокаивались, очистивъ Кабанъ отъ разбитыхъ русскихъ. Когда же торжествовали русскіе, то не только гнали татаръ по улицамъ, но, освирѣпѣвъ, врывались даже въ дома и колотили смертнымъ боемъ семьянъ побѣжденной стороны, такъ что моголы, наконецъ, брались за колья и оглобли.

Тогдашняя ночь казанская увѣковѣчена въ студенческой пѣснѣ, которая до сихъ поръ поется:

Тамъ, гдѣ съ Волгой-рѣкой,
Будто братецъ съ сестрой
Черногрязный Булакъ обнимается,

От зари до зари,
Какъ зажгутъ фонари,
Вереницей студенты шатаются.
Они пѣсни поютъ,
Они горькую пьютъ
И еще кое-чѣмъ занимаются.
А Харлампій святой,
Съ золотой головой,
Сверху глядя, на нихъ ухмыляется.
Онъ и самъ бы не прочь
Прогулять съ ними ночь,
Да нельзя: строго имъ воспрещается:
И такъ далѣе.

Наткнется, блуждая по „Пескамъ", партія студенческая, съ хоромъ „Харлампія" на устахъ, на партію семинаристовъ, голосящихъ „Настоечку двойную, настоечку тройную", — и непремѣнно задерутъ одна другую, грянетъ бой Алешъ Поповичей съ Добрынями Никитичами. Лупятъ другъ друга безъ пощады страшными молодыми кулачищами, — дворянчики кутейниковъ, кутейники дворянчиковъ, пшеничники оржаныхъ блинниковъ, оржаные блинники пшеничныхъ выкормковъ. Иного, съ поля битвы, товарищи вынесутъ въ безчувствіи, замертво, какъ готоваго покойника. А на утро всѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, на мѣстахъ: одни слушаютъ знаменитаго, чуть не геніальнаго, цивилиста Мейера, другіе — такого же вдохновеннаго богослова, архимандрита Гавріила, величайшаго чудака, котораго когда-либо имѣло россійское черное духовенство. Онъ жилъ въ Зилантьевскомъ монастырѣ, откуда и пріѣзжалъ къ лекціямъ на таратайкѣ въ одну лошадку, при чемъ у кучера въ ногахъ обязательно помѣщался довольно уемистый боченокъ.

— Для чего у васъ боченокъ, отецъ архимандритъ? — спрашивали студенты.

— А для водочки, братецъ, для водочки, — во-

дочку въ городѣ закупаю. Надо же чѣмъ-нибудь монастырскую скуку разгонять.

Въ дѣйствительности же, боченокъ предназначался для воды изъ превосходнаго источника въ Русской Швейцаріи, который Гавріилъ очень любилъ и почиталъ для себя цѣлебнымъ.

— Отецъ архимандритъ! — спрашивали Гавріила, — когда же васъ архіереемъ сдѣлаютъ?

— А, нескоро, братецъ, нескоро. Когда всѣ архіереи перемрутъ и половина архимандритовъ, — тогда настанетъ и моя очередь.

Высшее духовенство Гавріила терпѣть не могло и подозрѣвало въ протестантскомъ еретичествѣ. Низшее очень любило, какъ товарища и милаго человѣка, но въ грошъ не ставило, какъ начальника. Монастырь свой Гавріилъ распустилъ страшно, въ чемъ и самъ охотно сознавался. Пріѣзжаетъ къ нему какъ-то разъ нѣкая ханжа-аристократка — въ негодованіи, съ жалобой:

— Отецъ архимандритъ, отъ вашихъ монаховъ въ городѣ житья нѣтъ. Они у васъ скоро разбойниками станутъ!

— Эге! — успокоилъ Гавріилъ, — уже и разбойничаютъ.

— Такъ вы бы ихъ уняли?

— Унимаю.

— Такъ что же?

— Не слушаютъ.

— Значитъ, плохо унимаете.

— Какъ ихъ уймешь, если у нихъ на всякій резонъ имѣются свои резоны?

— Отецъ архимандритъ! Какіе могутъ быть резоны у разбойниковъ? Просто вы — слишкомъ снисходительны.

— Я имъ говорю: братія! разбойничать нехорошо, нарочито въ вашемъ ангельскомъ санѣ.. души свои аду уготовляете... А они мнѣ: — Нѣтъ, отецъ архимандритъ, ничего, только надо приспособиться, чтобы не слѣва, а справа распяли!.. Вотъ-съ?... — Ты, говорятъ, еще покажи намъ въ Писаніи-то: обѣщано ли гдѣ, чтобы монахъ спасенъ былъ? Сіе есть гадательно. А о разбойникѣ — вотъ оно, это твердо!

Гавріилъ люто враждовалъ съ архимандритомъ Григоріемъ, который, въ концѣ концовъ и выжилъ его изъ Казани, и упекъ его, не пожалѣвъ ни таланта, ни огромныхъ знаній, ни кроткаго характера, подъ синодскій судъ и довелъ до ссылки настоятелемъ куда-то далеко, въ Иркутскій, кажется, монастырь. Григорій былъ аскетъ, угрюмый византіецъ. Однажды та же аристократическая ханжа опять отчитывала Гавріила:

— Что же это, батюшка? ѣду я сейчасъ Арскимъ полемъ, — вижу: два ваши монаха идутъ, — сами еле на ногахъ стоятъ и бабу пьяную ведутъ съ собою?

Гавріилъ — красный, рыжій, толстый, косой, косноязычный — потрясъ головою и отвѣтствовалъ:

— Это не мои.

— Какъ не ваши? Я ихъ въ лицо знаю.

— Не мои.

— Помилуйте, ваше высокопреподобіе. Мнѣ ли монаховъ казанскихъ не знать? Если не я, такъ — кто же?

— Не мои. Григорьевы, — не мои!

— Ну, ужъ извините, отецъ архимандритъ, у епископа въ монастырѣ подобной распущенности не слыхано, — и быть не можетъ.

— А, все-таки, Григорьевы, а не мои:

— Да почему вы такъ увѣрены?

— Потому что, ежели бы мои были, то не два бы монаха одну бабу вели, но каждый монахъ двухъ бабъ... по меньшей мѣрѣ!

Не мудрено, что, при столь выразительныхъ нравахъ, старая вѣра преуспѣвала и процвѣтала, какъ никогда, хотя на нее былъ напущенъ именно въ это время, такой умный, хитрый, образованный и знающій до тонкости характеръ и бытъ своей паствы, чиновникъ-волкодавъ, какъ литераторъ П. И. Мельниковъ. Безжалостный да и безстыдный таки погромъ старообрядчества, произведенный Алябьевымъ и Мельниковымъ въ Поволжьи, по инструкціямъ генералъ-адъютанта Бибикова, сдѣлался, въ своемъ родѣ эрою въ лѣтописяхъ старой вѣры. Въ самой Казани Мельниковъ застращалъ дѣломъ о подлогѣ брачныхъ документовъ и ввелъ въ единовѣріе именитыхъ старообрядцевъ Мокѣевыхъ и Плаксиныхъ. Но — видно — служба службою, а дружба дружбою и — умъ умомъ, талантъ — талантомъ, чувство — чувствомъ. Тотъ же самый Мельниковъ кончилъ жизнь свою страстнымъ поклонникомъ именно старообрядческихъ слоевъ русскаго народа и сложилъ въ честь ихъ вдохновенную эпопею, — романъ „Въ лѣсахъ", которая никогда не забудется въ русскомъ словесномъ художествѣ. „Былъ Павелъ, а сталъ Савелъ", выразился о немъ еще въ 1854 году митрополитъ Филаретъ.

Духовенство церковное — великороссійское „подъ большими колоколами", — было, даже въ лучшемъ случаѣ, грубое, первобытное.

— Что тебѣ — лѣнь ротъ открыть? — вопилъ сердитый попъ на причастницу-прихожанку, — вя!.. вя!.. куда я тебѣ лжицу-то просуну?

Сконфуженная дама раскрывала ротъ шире. Батюшка уже и тѣмъ недоволенъ:

— Смотри, пожалуй, какъ пасть разинула. Аль ты меня вмѣстѣ съ сосудомъ проглотить хочешь?

Въ Уфѣ протопопъ Брѣевъ выслалъ сказать губернаторшѣ, чтобы она впередъ не кланялась въ землю столь близко къ амвону:

— А то я ей языкъ оттопчу!

Какой-то другой вывелъ изъ церкви даму за то, что была въ „собачьей кожѣ", то есть въ перчаткахъ.

Это все были „хорошіе" батюшки, уважаемые. О худыхъ же именно Мельниковъ доносилъ въ 1854 году въ отчетѣ министерству внутреннихъ дѣлъ:

„Можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда то и дѣло слышитъ онъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другого народъ вытащилъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго во время пасхальнаго богослуженія діаконъ вытащилъ за волосы изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда повсюду въ средѣ его видитъ святокупство, небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда видитъ, что правда совсѣмъ исчезла въ немъ, а потворство консисторій, руководимыхъ не регламентами, а кумовствомъ и взятками, истребляетъ въ немъ и послѣдніе остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ исповѣдныя росписи и метрическія книги, оброки, собираемые священникам съ раскольниковъ, превращеніе алтарей

въ оброчныя статьи, отдачу за поповскими дочерьми въ приданое церквей Божіихъ и проч. т. под., то вопросъ о томъ, можетъ ли народъ уважать наше духовенство и можетъ ли затѣмъ не уклоняться въ расколъ, — рѣшится самъ собою".

Но „Савломъ", упрекаемымъ отъ Филарета, Мельниковъ пребывалъ покуда только на бумагѣ, а на дѣлѣ ревностно исполнялъ свою миссію и такъ чисто обыскивалъ старообрядческіе дворы, что — послѣ ночного обыска въ Нижнемъ у Головастиковыхъ — когда онъ, разыскивая спрятанныя старыя иконы, не постѣснился собственноручно обшарить постели не только старухи-хозяйки, но и дочери ея, всего 18 часовъ какъ разрѣшившейся отъ бремени, — министръ внутреннихъ дѣлъ, сколько ни мирволилъ Мельникову, но по сенатскому указу, вынужденъ былъ затребовать объясненій, которыя окончились къ благополучію Павла Ивановича, но не къ чести и славѣ. По ту сторону Волги, въ Нижегородской губерніи, полицеймейстеръ Зенгбушъ возилъ отъ города къ городу какого-то скопца, одѣтаго въ сарафанъ (на что послѣдовало высочайшее соизволеніе императора Николая Павловича), выставлялъ его на базарахъ и требовалъ отъ народа, чтобы скопцу плевали въ глаза. Мельниковъ возмущался этой безсмысленной жестокостью — опять-таки на бумагѣ и съ той лишь точки зрѣнія, что мѣра непрактична: „всѣ, и раскольники, и не раскольники, смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли въ Лукояновъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ ему подаяніи калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры но только не уменьшились, но даже увеличились". Но самъ Мельниковъ, въ это время, предлагалъ не болѣе

и не менѣе, какъ — сдавать старообрядцевъ въ рекруты, не въ очередь, за православныхъ, и императоръ Николай Павловичъ собственноручно помѣтилъ на его докладѣ — „Сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе“ (1853). Не удивительно, что тамъ, гдѣ появлялся Мельниковъ, жизнь старой вѣры и сектъ временно замирала, пережидая бѣду. Кто отъѣзжалъ, кто сказывался въ отъѣздѣ, кто скрывался, таясь, покуда не схлынетъ гроза, и не уберется въ свой Нижній грозный чиновникъ, новый Питиримъ, только въ мундирѣ, а не подъ клобукомъ и въ рясѣ.

Въ такую именно глухую пору застали Казань Зина и Конста, и это было для нихъ новымъ жестокимъ ударомъ, такъ какъ они не нашли въ Казани никого изъ „людей Божьихъ“, къ которымъ Конста разсчитывалъ обратиться за помощью, какъ бѣглецъ изъ Тая. Правда, у него не было никакихъ явокъ, погибшихъ вмѣстѣ съ имуществомъ въ пожарѣ на Волгѣ, но онъ надѣялся убѣдить братьевъ своими знакомствами и разсказами, которыхъ не-таевецъ привезти не могъ. Но напрасно искалъ онъ по городу. Именитыхъ изъ „людей Божихъ“ или не было, или они притаились глухо и безъ отклика. А переждать время было некогда и не на что.

XII.

На первыхъ порахъ, молодой парѣ бѣглецовъ пришлось въ Казани круто. Они остановились на постояломъ дворѣ, грязномъ и дымномъ. Размѣняли красненькую бумажку — рубль Конста заплатилъ за подводу; на остатокъ жили, пока не нашли квартиры. Деньги хозяйка спросила впередъ. Пришлось продать пару серегъ, перстни и тяжелую серебряную цѣпочку

отъ креста — единственныя цѣнныя вещи, сохраненныя горемыками отъ прежняго благосостоянія, потому что въ роковыя минуты пожара онѣ были надѣты на Зинѣ. Квартиру взяли на Пескахъ — крохотную кухоньку съ русской печью — за полтора рубля въ мѣсяцъ. Какъ только прибыли въ Казань, Конста поторопился отдѣлаться отъ проходного свидѣтельства на имя Налимова. Такъ какъ приказчикъ сгорѣвшей барки, конечно, извѣстенъ отправителю погибшаго груза, а, можетъ быть, и получателю, то самозванство на его имя Конста почелъ опаснымъ, — тѣмъ болѣе, что къ его услугамъ были новыя имена и новые паспорты погибшихъ бурлаковъ. О нихъ-то ужъ, по всей вѣроятности, — и отправитель, и получатель знать не знаютъ, что это были за люди и какъ ихъ прозывали. Такимъ образомъ, Конста превратился въ оброчнаго крестьянина Тульской губерніи, господъ Малоземовыхъ, Филиппа Гордѣева; проходное свидѣтельство, выданное Зинѣ, осталось цѣлымъ...

— Бабу искать не станутъ, — размышлялъ Конста. — Баба начальству ни къ чему. А и станутъ искать, — найди-ка, поди. Баба въ городѣ, что иголка въ сѣнной копнѣ.

Зинѣ привелось теперь принять на свои плечи тяжелый трудъ настоящей хозяйки — самой и обѣдъ стряпать, и рубаху выстирать, и полъ вымыть. То, что въ Таѣ случалось дѣлать для забавы, шутя, для компаніи съ подружками, теперь стало необходимостью. Трудъ давался ей легко, но Конста злился, видя, что всѣ его самонадѣянныя мечты разбиты прахомъ, и вмѣсто свободы и житейскихъ удачъ, онъ все глубже уходитъ и уводитъ съ собою любимую женщину въ омутъ нужды и бѣдованія. Однако, дѣлать нечего: надо было покориться судьбѣ, хотя одинъ

взглядъ на руки Зины — еще недавно бѣлыя, а теперь красныя, загрубѣлыя въ работѣ — переворачивалъ Констѣ всю душу. Онъ утѣшался лишь тѣмъ, что, сколько могъ, облегчалъ Зинѣ ея житье, не позволяя ни до чего пальцемъ коснуться, когда самъ бывалъ дома.

Съ тѣхъ поръ, какъ деньги, вырученныя отъ закладчицы за вещи Зины, растаяли, Конста рѣдко сидѣлъ дома, уходя поутру, чуть звонили къ ранней обѣднѣ. Каждый благовѣстъ вызывалъ его изъ дому. Возвращался онъ усталый, иззябшій, но веселый.

— Выдь-ка, Зина, на минутку въ сѣни, — командовалъ онъ, а когда Зина возвращалась по его зову, на столѣ всегда лежало нѣсколько бумажекъ, кучка серебра и мѣди.

— Откуда? — изумлялась молодая женщина.

— Расторговались съ пріятелемъ, — смѣялся Конста.

— Но вѣдь ты въ первый разъ въ Казани... когда же успѣлъ найти здѣсь пріятелей?

— Нешто долго?.. И опять же скажу тебѣ: пріятелей у меня — что песку въ морѣ. Въ каждомъ городѣ хоть отбавляй.

— Ты бы хоть одного привелъ показать, какіе-такіе они бываютъ...

— Вишь ловкая! — отшучивался Конста, — небось, мнѣ чуть глаза не выцарапала, когда я задумалъ учиться у французенки, а сама хочешь моихъ пріятелей смотрѣть.

Къ зимѣ оказалась возможность перебраться на другую квартиру — въ подвалъ огромнаго барскаго дома на Черномъ озерѣ. Домъ этотъ, незадолго передъ этимъ, купилъ у разорившагося владѣльца богатый купецъ и теперь понемногу отдѣлывалъ его подъ

мелкія помѣщенія для ремесленныхъ заведеній и торговыхъ складовъ.

— Портные мы... портняжимъ по малости, — объяснилъ ему Конста. Онъ взялъ у купца подвалъ за-дешево, сырымъ, какъ нашелъ, съ обязательствомъ привести помѣщеніе въ порядокъ, какой ему угодно, но за свой счетъ.

Помѣщеніе оказалось огромнымъ.

— На что намъ, двоимъ, такое? — удивлялась Зина.

— Мастера будутъ...

Подвалъ разгородили деревянными перегородками на клѣтки. Въ передней клѣткѣ — у русской печи — хлопотала нанятая Констою работница, здоровая, молодая дѣвка, некрасивая, но кровь съ молокомъ и богатырской силы. Она была такъ молчалива, что ее легко бы принять за нѣмую. Въ другой клѣткѣ стояли верстаки, и на нихъ что-то мастерили два угрюмыхъ парня. Они звали Консту „хозяиномъ". Портняжій прикладъ — аршины, утюги, ножницы, матеріи — были налицо, но Зина очень рѣдко видѣла, чтобы ребята кроили, шили, штопали. Никогда ни одно платье не выходило изъ подвальной мастерской. Зато входило въ нее очень многое, и все очень хорошее. Конста уходилъ поутру, унося подъ мышкою только черный платокъ, съ какимъ, чуть не со временъ Ивана Грознаго, разгуливаютъ по улицамъ русскіе портные, и довольно часто возвращался, таща въ платкѣ цѣлую ношу. Тогда мастерская оживлялась. Угрюмые мастеровые тормошили принесенную вещь, спорили о ней, цѣнили ее. Даже полунѣмая работница вставляла свое словцо... Затѣмъ Конста отдавалъ Зинѣ цѣнную шубу, шинель или шапку:

— Спрячь до времени...

Прятали въ странное мѣсто. Чистенькую комнатку для себя и Зины Конста устроилъ въ самой глубинѣ подвала.

— Эхъ, Зинка! — жалѣлъ онъ, — пришелъ на мою улицу праздникъ, да разойтись мнѣ нельзя, опасно еще. А то бы я тебя, голубку, какъ королеву, устроилъ. Деньги есть. Каморку бы персидскими коврами устелилъ. Въ бархатъ и шелкъ одѣлъ бы. Потерпи, — теперь уже скоро!..

— Отчего не сейчасъ? — любопытствовала Зина.

— Боязно, не подумали бы люди чего нехорошаго. Скажутъ: вотъ — портного жена, а барыней живетъ... И о томъ я тебя попрошу: ты теперь сама работать — ни-ни, и думать не моги, но для видимости, когда будутъ чужіе, похлопочи у печи, что знаешь... А кто спроситъ про Ненилу, не говори, что работницу держимъ, а скажи, что взяла себѣ племянницу на хлѣба, — помогаетъ по дому. Потому: не бываетъ этого, чтобы у мастерового человѣка, окромя хозяйки, была баба на прислуги.

— Хочешь, я покажу тебѣ дивное диво? — спросилъ Конста Зину въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ, что перебрались они въ новое помѣщеніе. Хитро улыбаясь, онъ подвелъ ее къ большому сырому пятну на штукатуркѣ подвала.

— Видишь?

— Что же тутъ видѣть? Пятно.

— Нѣтъ, душа, оно — съ хитростью. Постучи-ка...

Стѣна отвѣтила гулкимъ эхомъ, точно за нею была пустота.

— Видишь: тутъ не цѣльная стѣна, а только деревянный щитъ, въ одно со стѣною заштукатуренъ. Тутъ — потайной ходъ.

— Какъ въ Таѣ?

— Почище. Не мужичье изъ-подъ нужды, а баре для удовольствія устроили. Намъ Максимъ-работникъ, изъ дворовыхъ господина Бохрадынскаго, — чей былъ прежде этотъ домъ, — сказывалъ про него, что лихой былъ, не хуже нашего свѣта, князя Александра Юрьевича. Видишь: по потолку пукеты пущены и купидоны? — только полиняли очень отъ сырости и повыкрошились... Максимъ говоритъ, что тутъ у господина Бохрадынскаго была устроена такая прохладительная палата. Какъ напируется, бывало, съ пріятелями на верху въ парадныхъ комнатахъ, — сейчасъ всей компаніей спускаются сюда, пьютъ, дебоширятъ; дѣвки дворовыя имъ пѣсни поютъ... На верху-то очень безобразить совѣстно, — городъ! — а здѣсь — людямъ не видать и не слыхать. А что въ окнахъ огонь, — кому въ домекъ? Мало ли службъ въ домѣ? Бохрадынскій былъ баринъ богатѣйшій. А наслѣдникъ его вышелъ дѣтина другого закала. Чтобы — говоритъ — и памяти не оставалось отъ родителева безпутства! И распорядился задѣлать ходъ сюда изъ верхнихъ сѣней... Максимъ съ другимъ парнемъ и задѣлывали. Хозяинъ нынѣшній и не знаетъ про эту штуку.

Затѣмъ Конста взялъ топоръ и прорубилъ въ стѣнѣ дыру. Открылась черная зіяющая пустота; въ комнату потянуло холодомъ...

— Видишь? По-барски устроено: съ винтушкой. Узенько — двумъ не разойтись. Зато нагибаться не надо.

— Куда это выходитъ? — спросила Зина, любопытно просунувъ голову въ темную затхлую яму.

— Говорятъ тебѣ: въ верхнія сѣни.

— Стало быть, на улицу здѣсь выйти нельзя?

— Кабы сѣни заперты были, нельзя. Да вѣдь домъ-то въ разгромѣ стоитъ, — безъ оконъ, безъ дверей: перестраивается; такъ и зазимуетъ. Значитъ, выйти изъ него даже очень способно. Только тоже надо будетъ стѣну прорубить. Я, признаться, больше въ этомъ разсчетѣ, съ Максимовыхъ словъ, и бралъ фатеру. А то — невидаль! — на аршинъ въ землѣ жить.

— Зачѣмъ тебѣ такія хитрости?

— Эхъ, Зинка! званіе мое такое.

— Какое?

— Удалой добрый молодецъ, — вотъ какое! — засмѣялся Конста.

Въ прорубленную дыру Зина опускала всѣ вещи, какія поручалъ ей Конста. Дыра была заставлена сундуками. Кромѣ того, Конста придумалъ деревянную заплату, покрытую штукатуркой подъ цвѣтъ стѣны и по формѣ прорѣза. Съ этою заплаткой стѣна казалась цѣлою. Тамъ, гдѣ заплатка сходилась съ прорѣзомъ, густо торчала щетина, какъ бы вмазанная сюда вмѣстѣ съ краской. Дернувъ за щетину, открывали тайникъ. Такую же точно дыру и заплату устроили Конста съ Максимомъ изнутри тайника въ верхнія сѣни. Работали по ночамъ — тихо, чуть тюкая инструментами, — и бабамъ было строго заказано держать языкъ за зубами.

Вещи бросались въ тайникъ самыя разнообразныя. Больше всего было платья и бѣлья. Порою Конста, разгружая свои карманы, выкладывалъ — часы, кошельки, портсигары, цѣпочки, браслеты. Какъ-то разъ Максимъ влетѣлъ къ Зинѣ, запыхавшись, перепуганный, съ огромной, закутанной въ платокъ, грудой подъ мышкой.

— Хозяйка, примай... прячь... — задыхаясь, скорѣе простоналъ, чѣмъ прошепталъ онъ.

— Что примать? что прятать?

Онъ молча сунулъ ей руки закутанную груду. Зина развернула: оказались превосходные столовые часы съ перламутровой инкрустаціей.

— Откуда это?

— Ты примай, знай... Хозяинъ велѣлъ.

— А отчего ты такой?

— Какой?

— Нехорошій...

Максимъ махнулъ рукой.

— Гнались за мной... Еле промахнулъ дворомъ, — пробурчалъ онъ.

— Гнались... кто гнались?

— Извѣстно, кто . . . что тутъ толковать? Прячь!

Въ другой разъ она застала Ненилу и подмастерьевъ — прильнувшими къ окнамъ: они въ восторженномъ изумленіи разсматривали Консту, какъ онъ, на улицѣ, почтительно снявъ картузъ правою рукою, а лѣвою держа висящій черезъ плечо огромный узелъ, разговаривалъ съ квартальнымъ.

— Ну, и смѣльчакъ же! — восторгалась Ненила. — Смотри, — говоритъ и въ усъ не дуетъ...

— И узелъ черезъ плечо!.. — хохоталъ Максимъ.

— Что же тутъ за диво? — не вытерпѣвъ, въ недоумѣніи, вмѣшалась Зина.

На нее дико посмотрѣли.

— Чудна ты, Марья Прохоровна!.. Да узелъ-то съ чѣмъ?

— А съ чѣмъ? Съ заказомъ?

— Да, съ заказомъ... только...

— Ну?

— Хапанымъ!

XIII.

Время отъ времени, въ подвалъ заходили чужіе люди — не то фабричные, не то дворовые: кто въ чуйкѣ, кто въ нѣмецкомъ платьѣ, — чистый народъ. У нихъ были быстрые глаза, тихіе голоса и легкая кошачья походка. Они шептались съ Констою, осматривали краденыя вещи, торговались до седьмого пота, платили деньги — непремѣнно золотомъ или серебромъ — и уносили покупку. Послѣ каждой продажи, Конста дѣлался хмурымъ и крѣпко ругался:

— Пять лобанчиковъ! а? ну, не ироды ли, эѳіопы, скажите, добрые люди? Вещь стоитъ три сотенныхъ, а отдавай ее за пять желтяковъ! Коли дешево, говорятъ, мы не неволимъ; неси на базаръ, торгуй по вольной цѣнѣ, — можетъ, кто дастъ и дороже... Да черти-дьяволы! кабы я могъ по волѣ продать все, что лежитъ въ каморѣ, я бы тысячникомъ сталъ, въ бархатахъ ходилъ бы и дѣло бы прикрылъ... А то — все гроши да гроши... не разживешься съ эдакихъ достатковъ!.. Вамъ чего, ребята? — круто поворачивался онъ къ мастеровымъ, замѣчая ихъ выжидательные взоры.

— Могарычи бы распить съ твоей милости, хозяинъ.

Конста вынималъ нѣсколько рублей:

— Только — уговоръ лучше денегъ: на людяхъ не напиваться. Языкъ нашъ — врагъ нашъ.

— Помилуй, хозяинъ: нешто мы сами себѣ недруги? Авось, не махонькіе.

— Пьяный — что малый. Хвастуны вы всѣ.

Мастеровые уходили и возвращались домой поздно ночью, хмельные. Въ такіе вечера, Конста крѣпко запиралъ комнату Зины — на случай, неровенъ часъ,

дебоша. Однако, до поры до времени Богъ миловалъ жителей подвала: шумныхъ скандаловъ не случалось. Одинъ только разъ вышла драка — Максимъ приревновалъ молчаливую Ненилу къ товарищу и пустилъ въ него утюгомъ. Раздались ругательства, два здоровенныхъ парня схватились за волосы. Конста, заслышавъ крикъ, бросился разнимать:

— Что вы, черти безпашпортные, вовсе ошалѣли? Хотите, чтобъ нагрянули фараоны? — зашипѣлъ онъ, награждая тукманками обоихъ соперниковъ... Парни опамятовались и, тяжело дыша, дико смотрѣли другъ на друга.

Самъ Конста смотрѣлъ на свою добычу, казалось бы, и цѣнную, и обильную, съ нескрываемою пренебрежительностью:

— Что это за дѣла? — говаривалъ онъ, швыряя вещи въ яму тайника. — Будутъ дѣла, а это мелочь, плотва... Наскучило по гривенникамъ-то работать. Вотъ — кабы левшинскую кладовку подломить, Тюфилиниху обездолить, — это дѣло. Сразу богатъ: взялъ въ одну ночь, да и пошабашилъ на всю жизнь... милліонщикъ! первой гильдіи купецъ!

Левшинская кладовка была штука любопытная. Жилъ-былъ когда-то въ Мензелинскѣ екатерининскій вельможа, гвардіи полковникъ Мильковичъ, несмѣтный богачъ. По смерти его все состояніе досталось родственницѣ его Матренѣ Ивановнѣ Левшиной, урожденной Басиной. Отецъ этой Басиной былъ опекуномъ малолѣтнихъ Мосоловыхъ: опять таки, значитъ, огромнаго состоянія. Нѣкая Тюфилинова, родственница всѣхъ названныхъ, предъявила къ Левшиной-Басиной искъ за неправильныя дѣйствія отца ея по этой опекѣ и умѣла повести процессъ такъ, что, покуда судъ да дѣло, всѣ имѣнія Левшиной, въ обезпеченіе

иска, были взяты въ опеку. Вся движимость покойнаго Мильковича, представлявшая огромную стоимость, была свезена въ казанскій домъ Левшиной — впослѣдствіи извѣстный домъ Осокиныхъ — и помѣщена здѣсь въ каменную кладовую, за желѣзные ставни, за желѣзныя двери, которые судъ опечаталъ. Получился каменный мѣшокъ съ драгоцѣнностями, буквально, набитый серебряною посудою, иконами въ золотыхъ окладахъ, кадями жемчуга, ювелирными вещами въ брильянтахъ, въ алмазной осыпи, въ самоцвѣтныхъ камняхъ. Тюфилиновой предоставлено было жить въ домѣ. Конечно, ловкая баба не замедлила подобрать ключи къ кладовой, и печати ей нисколько не помѣшали, такъ какъ мѣстная судебная власть была съ нею заодно. Дѣло три раза восходило до сената и каждый разъ находился поводъ возвратить его въ первую инстанцію. Умерла Левшина. Умерла Тюфилинова. Перемерли ея дочери. А дѣло все тянулось. Одно за другимъ судейское поколѣніе округляли свои состоянія, строили дома, покупали имѣнія, а кладовка, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, все стояла запечатанная, и все росла и росла народная молва о сказочныхъ богатствахъ, въ ней скрытыхъ. Въ слухахъ этихъ не разувѣряла даже та наглядность, что внучки Тюфилиновой остались послѣ бабушки безъ всякихъ средствъ и жили очень бѣдно. Наконецъ — 70 лѣтъ спустя послѣ перваго иска — судъ нашелъ, вѣроятно, что лимонъ выжатъ до послѣдней капли, и великодушно будетъ возвратить его владѣлицѣ: сенатъ отказалъ въ искѣ наслѣдницамъ Тюфилиновой, доконавъ ихъ, конечно, уплатою судебныхъ издержекъ, выросшихъ чуть не въ сотню тысячъ рублей, и присудилъ спорное состояніе дочери Левшиной, древней старушкѣ. Но, когда сняли печати съ кладовки, она оказалась почти

пуста: сокровища Мильковича погибли въ судейскихъ карманахъ. Необъятныя земли были захвачены разными дальними родственниками, теперь крѣпко державшихся за право давности. Наслѣдница получила едва ли десятую часть того, что ей слѣдовало, и, все-таки, это было крупное состояніе. Но милліоны Мильковича, въ полномъ смыслѣ слова, распылились. Такъ пошло прахомъ одно изъ самыхъ крупныхъ русскихъ богатствъ.

Сортируя краденое добро, Конста откладывалъ самыя лучшія вещи въ сторону:

— Это Зейнабкѣ, — приговаривалъ онъ.

— Какая еще Зейнабка? — хмуро спросила Зина, когда въ первый разъ услыхала это новое женское имя. Она теперь ревновала Консту ко всѣмъ — даже къ безгласной Ненилѣ.

Конста захохоталъ.

— А вотъ покажу тебѣ ужо: красавица — лошади пугаются!.. Скупщица, татарка... Она да Муся Хаимовна — первыя наши благодѣтельницы; безъ нихъ намъ — хоть не дыши.

Онъ разсмѣялся еще больше.

— А и не любятъ же онѣ другъ друга! — сущія двѣ псовки. Потому — однимъ дѣломъ займаются, одна у другой отбиваютъ хлѣбъ. Обѣ богатѣйки, обѣ жадныя. Только Зейнабъ будетъ поразмашистѣе Муськи: та — прижимистая, мудрено съ нею. Люта торговаться, — иной разъ только тѣмъ и возьмешь ее, что пристращаешь: подай положенное, не то уйду къ Зейнабкѣ. А при расчетѣ всегда норовитъ всунуть либо фальшивую бумажку, либо обрѣзанный золотой: такая чудная! — словно я ребенокъ двухлѣтокъ, чтобы принять, или глазъ у меня нѣту... Зато покупаетъ все: хоть башмакъ драный принеси, — бе-

ретъ. А Зейнабкѣ подавай золото, серебро, самоцвѣты, парчу, матеріи дорогія, мѣха, — на другое и взглянуть не возьметъ во вниманіе. Коли вещь стоящая, сама скажетъ хорошую цѣну: дескать, къ Муськѣ не ходи, на торги время не теряй; оставляй товаръ у меня, да ступай снова на промыселъ, добывай. Если же не горятъ у нея глаза на покупку, то ее Муською не напугаешь. Та о гривенникѣ дрожитъ, не перепалъ бы онъ вмѣсто нея Зейнабкѣ, а эта довольно даже равнодушна: мнѣ, говоритъ, за мое добро и нашъ Аллахъ, и вашъ Богъ всегда пошлютъ...

Вскорѣ Зина познакомилась съ обѣими скупщицами. Муси, дѣйствительно, могли пугаться лошади: чахоточная вѣдьма съ ястребиною головою на тѣлѣ длинномъ и тощемъ, какъ жердь, которою гоняютъ голубей. Но Зейнабъ Зина не нашла безобразною, хотя татарка была уже не молода и растолстѣла чрезмѣрно. Въ косо прорѣзанныхъ глазкахъ Зейнабъ еще сверкало сильное желаніе нравиться; она бѣлилась, румянилась, чернила брови и подводила глаза; ходила, по обычаю восточныхъ кокетокъ, съ утиною перевалкою. Фату носила тоненькую, газовую, чтобы только законъ соблюсти, а, когда была увѣрена, что никто изъ мусульманъ не увидитъ, охотно сидѣла съ открытымъ лицомъ. Мнительной Зинѣ казалось, будто скупщица заигрываетъ съ Констою. Она не взлюбила Зейнабъ и дулась всякій разъ, когда Конста отправлялся къ татаркѣ съ вещами, особенно если долго у нея засиживался.

— Глупая ты, Зинка, право, безумная! — искренно оправдывался Конста, — ну, пошевели маленько мозгами, раздумай сама съ собою: могу ли я польститься отъ тебя на эдакую квашню?

— Ладно, ладно, — упрямо ворчала Зина, — за-

говаривай зубы другимъ... Развѣ не видала я въ Таѣ, какъ молодые парни увивались за мамушкой Матреной? А она не моложе твоей Зейнабки. Всѣ вы подлые! — было бы болото, а черти найдутся.

Былъ теплый весенній вечеръ. Зина возвращалась по Воскресенской улицѣ домой, съ покупками изъ лавокъ. Незнакомый господинъ, щегольски одѣтый и очень красивый, хотя уже пожилой, попался ей навстрѣчу. Пристальный взглядъ его голубыхъ глазъ смутилъ Зину.

— Какая хорошенькая! — громко сказалъ незнакомецъ и, повернувъ стопы обратно, пошелъ за Зиною по слѣдамъ — до самыхъ воротъ дома Бохрадынскаго. Комплименты и предложенія, которыя бормоталъ уличный ловеласъ, шагая позади Зины, перепугали молодую женщину: такъ предпріимчиво за нею еще не ухаживали. Постепенно ускоряя шаги, она, наконецъ, прямо таки побѣжала отъ навязчиваго господина. Въ воротахъ онъ схватилъ было ее за руку, — она вырвалась и вскочила въ свой подвалъ, красная отъ стыда и страха. Конста, узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно вышелъ на улицу — посчитаться съ нахаломъ. Баринъ разговаривалъ у воротъ съ дворникомъ-татариномъ. Замѣтивъ Консту, онъ поторопился удалиться походкою, немножко слишкомъ спѣшною для такого солиднаго и пожилого человѣка.

— Что онъ тутъ балакалъ съ тобою? — угрюмо спросилъ Конста.

Дворникъ оскалилъ зубы.

— Твоя Марьямъ больно нравился. Спрашивалъ: чей такой? хочу знакомъ бывать. Моя говорилъ: гулай назадъ, бачка! мужній жена, мужъ больно сердитъ батырь... секимъ башка будетъ дѣлать.

Влюбчиваго незнакомца звали Александромъ Ивановичемъ Харлампьевымъ. Это былъ богатый и праздный вдовецъ, убивавшій все свое бездѣльное время на охоту за юбками. Смолоду онъ слылъ Донъ-Жуаномъ, а къ старости обратился въ мышинаго жеребчика. Зина произвела на него очень сильное впечатлѣніе.

— Mais elle est très distinguée, cette petite paysanne la! — думалъ онъ, — непремѣнно надо познакомиться съ нею... Но — какъ? Мужъ ея смотритъ грубымъ и дерзкимъ негодяемъ... я вовсе не желаю имѣть съ нимъ скандалъ... да и сама она, на взглядъ, такая недотрога... Ба! — вспомнилъ онъ и засмѣялся, — а на что же существуетъ въ Казани госпожа Муся Хаимовна, честная вдовица, сихъ дѣлъ мастерица?

Въ одинъ прекрасный день, скупщица объявилась въ подвалъ Консты гостьею и обласкала Зину, а тамъ и зачастила приходить чуть не каждый день.

— Съ чего бы мы такъ ей полюбились? чего она шляется? — удивлялся Конста. — А впрочемъ — пущай... намъ на руку. Она даже какъ будто подобрѣла: и покупаетъ охотнѣе, и меньше торгуется.

Но вскорѣ ларчикъ открылся просто: Зина съ негодованіемъ разсказала Констѣ, что Муська уговариваетъ ее сойтись съ Харлампьевымъ, сулитъ роскошную жизнь, деньги... Конста озлился — сгоряча побѣжалъ къ Мусѣ и крѣпко ее поколотилъ.

XIV.

Зейнабъ, прослышавъ о побояхъ, которые претерпѣла ея соперница, пришла въ восторгъ. Она — уже въ поздній часъ — послала за Констою своего работника. Конста, полагая, что у Зейнабъ нашлась

какая-нибудь новая промышленная затѣя, сейчасъ же явился. Татарка приняла его въ маленькомъ чуланѣ, застланномъ ковромъ и едва освѣщенномъ ночникомъ. Зейнабъ, въ лѣтникѣ, надѣтомъ прямо на тѣло, сидѣла на кошмѣ, какъ истуканъ.

— Ты побилъ Муську? — былъ первый ея вопросъ Констѣ.

— Случился такой грѣхъ, Зейнабъ Ахметовна... но откуда ты знаешь?

Татарка улыбнулась.

— Гм!... Зейнабъ не будетъ знать — кому знать? Знаю и за что побилъ — за свою бабу.

Она помолчала.

— Что ты побилъ Муську, это хорошо; мнѣ пріятно. Но теперь ты бойся ея: она сердитая, она тебѣ не проститъ.

— Эхъ, Зейнабъ Ахметовна! „Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ".

— Аллахъ великъ, — согласиласъ Зейнабъ, — но мы съ тобою занимаемся не такими дѣлами, чтобы очень разсчитывать на милость Аллаха. Есть у васъ русскихъ другая хорошая пословица: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай!"

— Такъ-то оно такъ, — подтвердилъ Конста.

— Баба твоя хорошая, — продолжала Зейнабъ. — Любишь ее?

— Пуще жизни люблю.

— Гм!.. это хорошо... нищіе вы только, вотъ что плохо.

— Не бѣда, Зейнабъ Ахметовна. Были богаты одинъ разъ — авось, разбогатѣемъ и вдругорядь.

— Богатѣй да поскорѣй, — насмѣшливо сказала татарка, — а то нищему нищую любить не годится.

— Ужъ какая по сердцу пришлась.

— О сердцѣ ты мнѣ не говори. Сердце — дуракъ. Сердце свое бѣдный человѣкъ, — байгушъ, какъ ты, — долженъ держать на цѣпи. Ты лучше полюби богатую — самъ станешь богатъ. Ты батырь, большой джигитъ. Тебя хорошія женщины и любить будутъ... Одну такую я уже знаю... Догадайся самъ, кто?

— Въ толкъ не возьму, Зейнабъ Ахметовна... Кому бы, кажется? Мало у меня здѣсь знакомыхъ бабъ-то...

Глаза татарки сверкнули.

— А если бы я? — сказала она, пристально глядя въ лицо Консты.

Онъ растерялся. — Права, выходитъ, Зинка-то!.. — мелькнуло у него въ головѣ. Онъ молчалъ, придумывая, какъ бы половче вывернуться изъ неловкаго положенія, въ какое поставила его Зейнабъ своимъ неожиданнымъ признаніемъ.

— Тоже, — размышлялъ онъ, — обидишь чертовку, — куда потомъ сунешься съ товаромъ? Муська поколочена... эта дружба, значитъ, ау... не на базаръ же, въ самомъ дѣлѣ, нести краденое добро...

Скупщица продолжала остро смотрѣть на него и качала головою:

— Дуракъ ты, — протяжно сказала она, — батырь, а дуракъ и невѣжа. Даже не умѣешь притвориться, что не радъ моей любви. Хорошо, что Зейнабъ умная. Другая, на моемъ мѣстѣ, обидѣлась бы.

— Да, помилуй, Зейнабъ Ахметовна! Ты меня — ровно обухомъ!.. Что же прикажешь мнѣ дѣлать, коли...

— Ладно ужъ, ладно, не вывертывайся! — презрительно прервала его татарка, — не любишь, и не надо... другіе полюбятъ! И объ одномъ прошу: за-

будь, что я тебѣ говорила, все равно, какъ будто ничего между нами и не было... и бабѣ своей не смѣй хвастаться! слышишь?.. А про Муську все-таки помни и — берегись! Она, проклятая, всегда живетъ на два крыльца! одно — для васъ, байгушей, другое — для полиціи. Ты ее обидѣлъ — она гнѣвная — тебѣ бѣду скуетъ. Если случится что-нибудь недоброе, бѣги прямо къ Зейнабъ, либо бабу свою пришли. Я тебѣ — хоть и не стоишь ты того — другъ довѣчный и желаю тебѣ добра: и укрою, если нужно, и чѣмъ можно помогу... Бывала я, мой голубчикъ, во всякихъ передѣлкахъ; случалось, что и изъ-за каменныхъ стѣнъ, изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ выручала своихъ пріятелей, удалыхъ джигитовъ...

Муся Хаимовна отмстила скоро и просто. Выбравъ пять-шесть недорогихъ вещицъ изъ купленныхъ ею въ разное время у Консты, она отправилась къ частному приставу:

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, господинъ превосходительный начальникъ: эти вещи я куповала у портного Филиппа Гордѣева, что живетъ въ домѣ Бохрадынскаго... И самый ли онъ настоящій портной, или не самый настоящій — мнѣ неизвѣстно, но только у него всегда много золотыхъ и всякихъ дорогихъ вещей, и всѣ вещи самыя прекрасныя и очень дешевыя... Я — честная торговка — польстилась, что онъ продаетъ такъ дешево такія прекрасныя вещи, купила — а теперь забоялась, откуда онъ ихъ досталъ? не укралъ ли гдѣ, сохрани Боже? И вотъ пришла посовѣтоваться съ вашимъ высокоблагородіемъ, чтобы мнѣ потомъ не быть въ отвѣтѣ предъ начальствомъ...

Разсмотрѣвъ вещи, приставъ убѣдился, что онѣ принадлежатъ къ тремъ разнымъ кражамъ, виновники

которыхъ давно разыскиваются. Понявъ, что Муся наводитъ его на слѣды воровской шайки, онъ въ ту же ночь оцѣпилъ подвалъ Консты полицейскою облавою.

Конста и Зина крѣпко спали, когда дверь подвала затрещала подъ тяжелыми ударами хожалыхъ, а вслѣдъ затѣмъ Ненила — босая, въ одной сорочкѣ — вскочила въ хозяйскую каморку и прошептала:

— Къ намъ ломятся... фараоны...

Дверь слетѣла съ петель. Максимъ и Трофимъ, одурѣлые со сна, отчаянно боролись съ насѣдавшими полицейскими. Конста рванулся было къ нимъ на помощь, но вдругъ опомнился... и, понявъ, что игра проиграна, сразу сообразилъ, что надо дѣлать, чтобы проиграть ее, по крайней мѣрѣ, не цѣликомъ и не безъ надежды отыграться.

— Огня! Ѳедотовъ, давай огня! — слышалъ онъ команду въ потемкахъ.

— Не найду, вашбродь...

— О, гарниза пузатая!..

— Крути ихъ, иродовъ...

— Ой, чортъ! у этого бородатаго, вашбродь, топоръ...

— Брось, слышь ты, сейчасъ брось топоръ, разбойникъ!

— Не подходи! расшибу! — ревѣлъ Максимъ.

— Брось!.. стрѣлять прикажу...

Конста набросилъ на плечи дрожащей Зины одинъ изъ краденыхъ салоповъ, на голову — платокъ, и открылъ тайникъ:

— Полѣзай, — шепнулъ онъ, — и бѣгомъ... прямо, безъ оглядки — къ Зейнабъ...

— А ты? а Ненила?

— Ступай, ступай! Ты — первая... Мы — слѣдомъ за тобою...

Когда Зина исчезла въ темномъ провалѣ тайника, онъ занесъ было ногу, чтобы и самому вскочить въ подземный ходъ, но вдругъ остановился...

— Если уйдемъ сквозь этотъ лазъ всѣ трое, — подумалъ онъ, — фараоны сейчасъ же погонятся за нами, побѣгутъ и вдогонъ, и наперерѣзъ, тутъ намъ и — шабашъ: схватаютъ всѣхъ троихъ... Нѣтъ, это не подойдетъ.

И Конста хладнокровно приладилъ закладку тайника обратно къ стѣнѣ. Ненила, не понимая, отчего хозяинъ медлитъ бѣжать, смотрѣла на него, разинувъ ротъ, въ нѣмомъ отупѣніи ужаса. Перегородку бѣшено громили кулаками и тесаками бутари, разсвирѣпѣлые въ борьбѣ съ Максимомъ: еле-еле удалось имъ обезоружить его и скрутить.

— Не горячитесь, служивые! — насмѣшливо отозвался Конста, — неровенъ часъ, печенки перелопаются... казнѣ большой изъянъ будетъ.

— Отпирай, чортовъ сынъ!

— Выходи, собачья кровь!

— Да и выду! куда мнѣ дѣваться?..

— Зинка теперь уже на улицѣ, — сообразилъ онъ, — ладно...

Онъ отворилъ дверь. Шесть дюжихъ лапъ мгновенно схватили его за воротъ и за руки.

— Что вы меня душите, слоны необстоятельные! — властно прикрикнулъ онъ, — словно я злодѣй какой-нибудь... Небось, не побѣгу и отбиваться не стану. Не дуракъ я барахтаться съ вами, чтобы потомъ меня судили военнымъ судомъ... Пустите! дайте съ начальствомъ поздороваться.

Оторопѣлые бутари оставили его. Конста расправилъ помятое горло и поклонился частному приставу, который разсматривалъ его съ великимъ любопытствомъ.

— Имѣю честь кланяться, ваше высокоблагородіе, — попался... берите — ваше счастье! Видно, и впрямь — отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрекайся. Только, ваше высокоблагородіе, не приказывайте хожалымъ драться: смерть не люблю... И за что же меня бить? Сами изволите видѣть: я со всѣмъ моимъ смиреніемъ.

— Кто ты таковъ? — перебилъ приставъ.

— Документъ имѣю... изъ документа видать, ваше высокоблагородіе.

— Это — твоя баба?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе: хозяйка моя... Кланяйся, дура! — приказалъ онъ Ненилѣ и съ негодованіемъ обратился къ будочникамъ: — эка, лѣшіе, какъ напугали бабу! инда — рѣчей не понимаетъ и слова сказать не въ состояніи. Обломы деревенскіе! а еще въ городѣ живутъ. И зачѣмъ было шумъ дѣлать? Постучали бы вѣжливенько: Филиппъ, молъ, Гордѣичъ! милости просимъ васъ, со всею великатностью, въ острогъ. Я бы сейчасъ: — Съ нашимъ отмѣннымъ удовольствіемъ, господа полиція!

— Ахъ ты, шельма, шельма! — приставъ покачалъ головою, — ишь краснобай... Должно быть, изъ бывалыхъ!..

— Зачѣмъ вралъ, бачка! — азартно набросился на Консту дворникъ дома. — Ненила не твоимъ хозяйкамъ. Марьямъ твоимъ хозяйкамъ. Гдѣ Марьямъ пряталъ?

Конста смѣрялъ дворника взглядомъ глубочайшаго презрѣнія.

— Плетешь — самъ не знаешь что, — сурово сказалъ онъ. — Марью какую-то выдумалъ! А еще кунакъ называешься.

— Какимъ кунакъ? Яманъ человѣкъ Абдулъ нѣтъ

кунакъ. Ваше благородіе, спрашивай, пожалуйста, куда онъ свою жену Марьямъ пряталъ.

— Это вѣрно, — вступился одинъ изъ хожалыхъ, вглядѣвшись въ Ненилу. — Абдулъ говоритъ правду. Это работница, а не хозяйка.

— Хозяйка у него, ваше благородіе, королева писанная! — подтвердили другіе, — а энта — вишь какой идолъ, въ родѣ какъ бы Державинъ — монументъ...

Приставъ грозно нахмурился и подступилъ къ Констѣ съ кулаками:

— Такъ ты насъ вздумалъ морочить, любезный?!. Ахъ, ты... Да я тебя въ бараній рогъ!...

Равнодушно слушая потокъ полицейской ругани, Конста соображалъ, — успѣла ли Зина дойти до квартиры Зейнабъ, или, по крайней мѣрѣ, до татарской части города, гдѣ она потеряется, какъ горошина въ просѣ?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, ловко тряхнувъ головою, чтобы уклониться отъ тычка, намѣченнаго ему приставомъ прямо въ зубы, — виноватъ!

— Стало быть, ты, Абдулка, — протяжно обратился онъ къ дворнику, насмѣшливо поглядывая кругомъ, — доказываешь на меня, что была у насъ, окромя Ненилы, еще жена Марья? Ну, коли тебѣ того больно хочется, изволь: была. Только, братъ, она была, да вся вышла.

— Гдѣ же она теперь? — довольно глупо спросилъ приставъ. Конста развелъ руками:

— Гдѣ? ужъ это — искать — ваше дѣло начальственное. Наше дѣло было спрятать, а ваше — искать. Доказчикомъ ни на кого не бывалъ, а на жену и вовсе не приходится. Прикажите, ваше вы-

сокоблагородіе, лучше вести меня въ арестантскую. Потому — дальше, на допросѣ, что Богъ дастъ, — а теперича разговору промежъ насъ не произойти... Либо онъ совсѣмъ ни къ чему и самый пустой выйдетъ.

XV.

Зейнабъ укрыла Зину въ томъ самомъ чуланчикѣ, гдѣ принимала она Консту.

— Если будетъ тревога, — сказала она, — подними коверъ и полѣзай въ подполье. Оттуда есть нора прямо на Кабанъ-озеро. Зейнабъ — другъ. Зейнабъ не выдастъ.

Зина, полная неизвѣстности и страха о судьбѣ Консты, рыдала:

— Зачѣмъ я послушалась — оставила его? что я буду дѣлать безъ него?.. Эхъ! Обманулъ онъ меня... пусти меня! я пойду — пусть поймаютъ вмѣстѣ съ нимъ!

— Нѣтъ, этого нельзя, — холодно возразила татарка. — Отъ этого не будетъ никакой пользы ни тебѣ, ни ему. Филиппъ — смѣлый, ловкій. Онъ убѣжитъ. А ты, если попадешь въ тюрьму, — ты и сгніешь въ ней.

Несмотря на великодушіе татарки, подъ личнымъ рискомъ укрывшей Зину, которую полиція искала всюду и очень настойчиво, взаимное нерасположеніе обѣихъ женщинъ не умерло. Насильственная ласковость Зейнабъ не обманывала Зину: въ лукавыхъ черныхъ глазахъ скупщицы она читала хитрую злость, предательскіе замыслы, — и напрягала всю силу воли, чтобы не показать Зейнабъ, какъ мало ей вѣритъ. Зейнабъ, съ своей стороны, думала:

— Если бы не эта бѣлая дѣвка, Филиппъ любилъ

бы меня... не посмѣлъ бы не любить. Освободить его изъ острога — дѣло нехитрое. Съ деньгами отпираются и не такіе крѣпкіе замки. Но выручать его для этой дѣвченки, которая меня вдобавокъ терпѣть не можетъ и едва умѣетъ скрывать это... Нѣтъ, Зейнабъ не дура!...

И взгляды ея, обращенные на Зину, когда та не замѣчала ихъ, становились все насмѣшливѣе и злѣе.

Однажды она вошла къ Зинѣ, съ тревожнымъ, краснымъ отъ волненія, лицомъ:

— Бѣда, Марьямъ! — быстро заговорила она, — полиція напала на твой слѣдъ. Я больше не могу держать тебя: мнѣ неохота идти въ Сибирь. Ты видѣла: я сдѣлала для тебя все, что обѣщала. Но волку дороже всего собственная шкура...

— Что же мнѣ дѣлать? — отчаянно заломила руки, захваченная врасплохъ, Зина.

— Бѣжать надо, — вотъ что. Слушай: у меня въ Астрахани есть сестра, хорошая женщина, богатая купчиха, какъ я. Сегодня ночью трогается на низъ караванъ... персидскіе купцы — мои первые друзья и пріятели; можно имъ вѣрить, какъ мнѣ самой. Я переплавлю тебя вмѣстѣ съ ними до Астрахани къ сестрѣ. Тамъ тебя никто не найдетъ, да и не догадается искать.

— А какъ же здѣсь-то — безъ меня? мужъ?!

Татарка презрительно захохотала.

— Велика ли польза твоему мужу оттого, что ты сидишь здѣсь въ тайникѣ и хнычешь? Что тайникъ въ Казани, что тайникъ въ Астрахани — все равно. Когда Филиппъ вырвется на волю, я укажу ему, гдѣ ты, и переплавлю его въ Астрахань, какъ и тебя. А пока — что намъ въ тебѣ? Ты только лишняя обуза всѣмъ намъ. Того гляди, поймаешься, а вмѣстѣ съ

тобою поймаемся и мы. А когда всѣ мы будемъ сидѣть за каменными стѣнами, кто будетъ насъ выручать изъ-за этихъ стѣнъ?

Зейнабъ долго уговаривала Зину.

— Дѣлай со мною, что хочешь и какъ знаешь!— согласилась, наконецъ, бѣдная женщина, — я не вольна въ себѣ... мнѣ некуда идти...

Ввечеру къ Зейнабъ пріѣхали три чернобородыхъ азіата, съ глазами, какъ маслины, съ бирюзою на пальцахъ, съ ногтями, крашенными хинью. Татарка вывела къ нимъ Зину.

— Вотъ женщина, о которой я вамъ говорила,— сказала она по-персидски.

Азіаты долго внимательно смотрѣли на Зину, — одинъ даже обошелъ ее кругомъ и лампочкой освѣтилъ, чтобы лучше разглядѣть. Потомъ сѣли, закурили кальянъ и стали гладить бороды:

— Якши... бикъ якши... — промолвилъ старшій, полизавъ самую крупную бирюзу на своемъ указательномъ пальцѣ, противъ сглаза.

— Годится? — спросили Зейнабъ.

— Мирза Рэхимъ будетъ доволенъ. Такую намъ и приказано привезти.

— Передайте свѣтлому мирзѣ, что Зейнабъ — его довѣчная слуга...

Тою же ночью Зину, закутанную въ ковры, какъ кладь, перевезли на хозяйскую нарядную баржу персидскаго каравана. Покуда караванъ не отвалилъ отъ берега, молодую женщину держали взаперти въ трюмѣ, а затѣмъ приказчикъ баржи Абу-Бекиръ уступилъ ей свою рубку. Обращались съ Зиною не только хорошо, но даже почтительно. Разговаривать ей было, однако, не съ кѣмъ: Абу-Бекиръ едва плелъ по-русски, другіе персіяне — кромѣ „здрасты“ и „харушъ“ —

вовсе не знали ни одного русскаго слова. Но Зина была такъ занята своими горькими мыслями о Констѣ, обо всемъ, что осталось позади ея, что ей было не до разговоровъ...

Передъ самою Астраханью Абу-Бекиръ подошелъ къ Зинѣ съ небольшою банкою зеленоватаго варенья.

— Хочишь шербетъ? Кушай, пожалуйста! Больно хорошъ шербетъ...

Зина проглотила двѣ-три ложки: варенье, дѣйствительно, оказалось превкусное. Она поблагодарила Абу-Бекира и пошла въ рубку — собрать, передъ скорою высадкою, свои вещи. Завязывая узелъ, она вдругъ почувствовала, что ей не хватаетъ дыханія... у нея потемнѣло въ глазахъ... она повалилась на полъ въ глубокомъ обморокѣ.

Очнулась Зина на палубѣ съ невыносимою головною болью. Первымъ впечатлѣніемъ ея было — удивиться, что солнце стоитъ высоко въ небѣ, тогда какъ, она помнила, караванъ подошелъ къ Астрахани передъ закатомъ.

— Что это?! — дико озиралась она

Города не было видно на горизонтѣ; кругомъ, на необозримое пространство, рябила желтоватая вода, берегъ чуть темнѣлъ съ одной стороны узенькою полосою.

— Долго спалъ, Марьямъ! — засмѣялся Абу-Бекиръ, — два сутки спалъ!

— Гдѣ же Астрахань? Какая это вода?

— Астрахань? Тамъ остался! — онъ показалъ большимъ пальцемъ черезъ плечо, — а вода называется Каспій...

— Каспій?!

Зина окаменѣла отъ ужаса: ей стало все понятно... и ея обморокъ, и персидская вѣжливость, и варенье

Абу-Бекира, и предательство Зейнабъ. Абу-Бекиръ хлопалъ ее по плечу:

— Не тужи, Марьямъ! Ты счастливая: хорошо жить будешь, богато. Не простому человѣку въ даръ веземъ тебя, но свѣтлому Мирзѣ Рэхиму, племяннику самого шаха, царя царей нашего...

XVI.

Говоря Зинѣ, будто полиція напала на ея слѣдъ, Зейнабъ думала солгать, а нечаянно сказала правду. На одномъ изъ частыхъ допросовъ, Максимъ, бывшій работникъ Консты, проговорился, что, надо быть, хозяйка у Зейнабки пристала...

Муся — безпощадно оговоренная Констою, сразу постигшимъ, кому онъ обязанъ своимъ арестомъ, — тоже сидѣла въ острогѣ, и, въ свою очередь, оговорила Зейнабъ, какъ притонодержательницу и скупщицу краденаго. У татарки былъ сдѣланъ обыскъ. Зины уже не нашли: она плыла въ это время въ далекихъ персидскихъ водахъ. Но обыскъ обнаружилъ цѣлый складъ похищеннаго въ разное время у казанскихъ обывателей серебра, золота, мѣховъ, парчи, дорогихъ вещей и матерій... Обнаружилась прикосновенность къ нѣсколькимъ давнимъ грабежамъ и убійствамъ.

— Что мнѣ будетъ? — спрашивала Зейнабъ, когда ее посадили въ тюрьму.

— Извѣстно что: въ каторгу пойдешь, — утѣшилъ ее конвойный.

Встрѣтясь съ Зейнабъ на очной ставкѣ, Конста палъ духомъ: до сихъ поръ онъ тосковалъ по Зинѣ, но былъ спокоенъ за нее, думалъ, что она въ безопасномъ убѣжищѣ.

— Ты прятала у себя разыскиваемую судомъ зарайскую крестьянку Марію Прохорову? — спрашивали Зейнабъ.

— Никакой Марьи я не видала, — спокойно возражала она. — И не знавала. А этого человѣка — Филиппа Гордѣева, хотя и знаю въ лицо, но дѣлъ съ нимъ никакихъ не имѣла и чѣмъ онъ занимается— мнѣ неизвѣстно...

— Ваше благородіе! — обратилась она, въ концѣ допроса, къ слѣдователю, — правда ли, что, по закону, мнѣ за мои дѣла слѣдуетъ каторжная работа?

— Правда, Зейнабъ. Развѣ ужъ особое милосердіе суда...

Зейнабъ сомнительно покачала головою.

— Аллахъ великъ, — сказала она, — судьба людей въ его рукахъ. Покорно благодарю васъ, ваше благородіе.

Возвращенная въ секретную, Зейнабъ улеглась спать, накрывшись, съ головою, халатомъ. Часовой, заглядывая время отъ времени въ окошечко камеры, удивлялся, какъ долго и неподвижно спитъ татарка. Сторожъ принесъ арестанткѣ обѣдъ: она не шевельнулась. Онъ окликнулъ Зейнабъ, — не слышитъ. Началъ расталкивать, — Зейнабъ грузно свалилась на полъ, мертвая, холодная, съ сине-багровымъ лицомъ и страшно вытаращенными глазами... Изъ страха каторги, она отравилась какимъ-то восточнымъ ядомъ, который, при арестѣ, успѣла скрыть подъ своими длинными крашеными ногтями.

Филиппа Гордѣева, то есть Консту, и всѣхъ арестованныхъ вмѣстѣ съ нимъ слѣдователь счелъ нужнымъ препроводить этапнымъ порядкомъ къ мѣстамъ приписки, для удостовѣренія личности, такъ какъ явилось подозрѣніе, что имена обвиняемыхъ вы-

мышленныя, а паспорта фальшивые. Конста и Ненила назначены были въ одну партію до Нижняго-Новгорода, откуда предстояло имъ направиться — Констѣ въ тульскій острогъ, Ненилѣ — въ рязанскій. Идти было не тяжело; партія была небольшая. Этапный офицеръ попался нестрогій — весельчакъ и ловеласъ...

На второй ночевкѣ отъ Казани, Конста, изнемогшій въ терзаніяхъ стыда и отчаянія почти до сумасшествія, едва попробовалъ сомкнуть глаза и избыть безсонницу, какъ кто-то окликнулъ его шепотомъ, и надъ нимъ выросла — въ сѣромъ мерцаніи разсвѣта — высокая фигура въ солдатской шинели.

— Чего надо? — сердито спросилъ Конста, думая, что его будитъ конвойный.

Но солдатъ зашепталъ:

— Это я, хозяинъ, — Ненила. Побѣжимъ, покамѣстъ что. Всѣ спятъ. Я... того... этапнаго-то придушила...

Веселому офицеру приглянулась рослая арестантка, и онъ, безъ долгихъ церемоній, пригласилъ ее къ себѣ въ каморку на свиданіе. Очутившись съ этапнымъ глазъ на глазъ, Ненила, среди безмолвныхъ нѣжностей, вдругъ схватила его за горло. Онъ не успѣлъ крикнуть, какъ потерялъ сознаніе подъ ея могучими руками. Тогда Ненила взяла его саблю и, выглянувъ, на крылечко, осторожно позвала со двора двухъ конвойныхъ, которыхъ офицеръ поставилъ было охранять спокойствіе своихъ амурныхъ похожденій.

— Служивые, подьте сюда, ихъ благородію что-то больно нехорошо...

Едва обманутый конвойный взбѣжалъ на крыльцо, какъ страшный ударъ саблей по головѣ сбросилъ его, по ступенькамъ, подъ ноги спѣшившему вслѣдъ

за нимъ товарищу. Тотъ споткнулся и упалъ ничкомъ. Ненила насѣла на него верхомъ и, сдавивъ солдату горло колѣнами, принялась глушить его по темени эфесомъ офицерской сабли. Несчастный, врасплохъ прижатый ея тяжелымъ тѣломъ къ землѣ, очутился въ безпомощномъ положеніи — тѣмъ болѣе, что совсѣмъ растерялся и струсилъ. Онъ стоналъ, но стоны его съѣдали земля и тѣло Ненилы. Онъ искусалъ ей ноги въ кровь, но она не замѣчала боли и гвоздила горемычнаго солдата по темени, точно толкла въ ступѣ пестомъ, пока онъ не пересталъ вздрагивать. Этапъ крѣпко спалъ, не подозрѣвая происшедшей на немъ беззвучной драмы...

Одинъ изъ конвойныхъ умеръ на мѣстѣ, другой лежалъ безъ чувствъ; этапный офицеръ былъ еле живъ и не могъ сказать ни слова, когда преступленіе Ненилы и побѣгъ ея вмѣстѣ съ Констою были обнаружены просіявшимъ солнцемъ. Въ первомъ ужасѣ и переполохѣ преслѣдователи потеряли много времени... По ржамъ и перелѣскамъ бѣглецы успѣли пробраться на зады какой-то деревушки и пролежали въ конопляхъ до поздней ночи, не смѣя перекинуться между собою даже словомъ. Ненила, при помощи булыжника и офицерской сабли, расковала Консту изъ ножныхъ кандаловъ, и — къ новому утру — бѣглецы ушли далеко въ сторону отъ этапной линіи... Въ этотъ разъ имъ была не судьба пойматься. Встрѣтивъ на проселкѣ подгулявшаго мужика, Конста, подъ смертною угрозою, заставилъ его промѣняться армякомъ на свой халатъ... Мужичонка былъ благодаренъ уже и за то, что ушелъ живымъ изъ бѣды.

День висѣлъ кислый, холодный, дождливый. Конста и Ненила сидѣли на бугоркѣ подъ полосатою верстою, молчаливые, унылые. Свобода не утѣшала Кон-

сту. Потерянная безъ вѣсти Зина заслоняла ему весь міръ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ и ненужнымъ никому на землѣ...

— Хозяинъ, а, хозяинъ! — сказала Ненила, — аль теперича пойти намъ врозь?

— Это еще зачѣмъ? — сурово отозвался Конста.

— Боюсь, хозяинъ: не поймался бы ты вмѣстѣ со мною... Больно я, идолъ, выросла примѣтчива для людей.

Конста взглянулъ на Ненилу. Собачья привязчивость, звучавшая въ словахъ и свѣтившаяся въ глазахъ этой грубой и дикой дѣвки, невольно тронула его. Теперь, когда онъ такъ убитъ, такъ разочарованъ въ своихъ планахъ и въ своихъ силахъ, — остаться одному со своими горькими мыслями показалось ему страшно...

— Право, ну, хозяинъ! — настаивала Ненила, — брось ты меня... авось, я и одна не пропаду... а пропаду — что я? — сирота, — туда мнѣ и дорога.

— Полно врать, — мягко остановилъ ее Конста. — Какъ я тебя брошу? Коли есть намъ такая планида, чтобы пойматься, то поймаемся, все равно — что врозь, что вмѣстѣ. А вмѣстѣ мы бѣжали — вмѣстѣ и пойдемъ... будемъ вдвоемъ горе мыкать!.. Въ компаніи и кнутъ веселѣе... Однако, шевелись... До вечера намъ надо уйти, мало мало, верстъ сорокъ...

Они зашагали босыми ногами по мокрой травѣ. Конста упорно глядѣлъ на сѣрый, застланный дождевою сѣткою, горизонтъ. Злая улыбка кривила его блѣдныя губы. Въ опечаленномъ умѣ его плыла тяжелая дума:

— Эка мокреть-то, сѣрота-то, зги впереди не видно... Эхъ, богатырь, богатырь Константинъ свѣтъ Ивановичъ! Такова-то и вся твоя теперь воля-во-

люшка — одинокое злое горе-гореваньице! Охъ, Зина моя, Зинушка! погубилъ я тебя, проклятый... Да найду жъ я тебя, найду! найду! Либо — коли не найду — самъ живъ не буду!..

1889—1896.

Конецъ.

П-76-7

в/и №2

20

53—5

ЛЕНИНГРАД
МАГ. № 10
Р.
КВ.

TO RENEW CALL
422-3900

Date Due

BRODART, INC. Cat. No. 23 233 Printed in U.S.A.

The Ohio State University
3 2435 01123 9340
001
PG3451A7K51911
Kniazhna :

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY
D AISLE SECT SHLF SIDE POS ITEM C
8 06 07 22 8 11 010 7